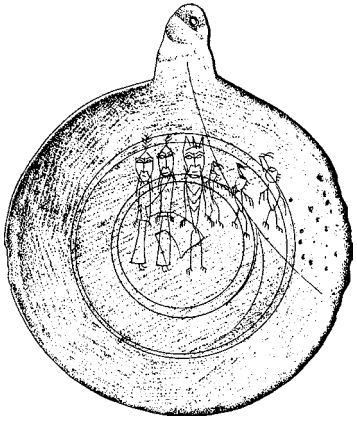
Служба государственной охраны объектов культурного наследия
Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ В ЗЕРКАЛЕ ПРОШЛОГО

ВЫПУСК 7



Издательство Томского университета
Томск — Ханты-Мансийск
2009

УДК 903.2:39(Р71)
ББК 634/5
Х19

Х19 Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей / Отв. ред. **Я.А. Яковлев.** — Томск; Ханты-Мансийск; Изд-во Том. ун-та, 2009. Вып. 7. 396 с. 300 экз.

ISBN 978-5-7511-1921-8

Седьмой ежегодный сборник научных статей, публикуемый Службой государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, уже традиционно предлагает читателям познакомиться с итогами, проблемами и перспективами деятельности в области сохранения и исследования культурного наследия в указанном субъекте Федерации. В подготовке 41 публикации приняли участие 49 авторов из 10 городов и 24 организаций и учреждений самого разного профиля. Представлены научные статьи, сообщения с краткими результатами полевых работ 2007—2008 гг., неизвестные публикации по теме из малотиражных изданий и периодики нач. XX в., очередной список вновь выявленных объектов историко-культурного наследия округа, рецензия, поздравления юбилярам и некролог.

Для археологов, этнографов, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов вузов, работников органов охраны и использования историко-культурного наследия.

УДК 903.2:39(Р71)
ББК 634/5

Редактор — **Я.А. Яковлев**

На форзаце и шмуцтитулах использованы фотографии
А.Н. Кондрашёва

ISBN 978-5-7511-1921-8

© Я.А. Яковлев, комплектация 2009
© Служба государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, 2009

Проблемы историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа - Югры

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ – ЮГРА
(Тюменская область)

СЛУЖБА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ
ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ

ПРИКАЗ

29 декабря 2008 г. г. Ханты-Мансийск № 81-ПП

Об утверждении Списка вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность

В целях обеспечения сохранности расположенных на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность, и на основании п. 1, 6, 8 ст. 18, п. 1 ст. 63 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» № 73-ФЗ от 25 июня 2002 г.; п. 18 Положения об охране и использовании памятников истории и культуры, утверждённого Постановлением Совета Министров СССР от 16 сентября 1982 г. № 865, приказываю:

1. Утвердить прилагаемый Список вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность.
2. Ввести в действие Список вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность, с даты подписания настоящего приказа.
3. Работникам Службы государственной охраны объектов культурного наследия автономного округа в своей деятельности руководствоваться Списком вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность, с даты введения его в действие.
4. Отделу государственного учета объектов культурного наследия (Маркова А.В.) подготовить к публикации настоящий приказ и утвержденный Список вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность.
5. Контроль за выполнением настоящего приказа оставляю за собой.

Руководитель Службы
государственной охраны
объектов культурного наследия
ХМАО – Югры А.В. Кениг

Приложение к приказу
руководителя Службы государственной охраны
объектов культурного наследия ХМАО – Югры
от 29.12.2008. № 81-ПП

СПИСОК
вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность

№	Наименование объекта	Датировка	Автор	Местонахождение объекта (адрес)	Пользователь или собственник	Техническое состояние
Кондинский район						
Памятники археологии						
4104	Поселение Мулымьинское 1	Датировка затруднена	Цеменков А.Е.	58,8 км к ССЗ от г. Урай, правый берег р. Мулымья	Сведения отсутствуют	Аварийное
4105	Поселение Мулымьинское 2	Датировка затруднена	Цеменков А.Е.	4,0 км к С от п. Мулымья, правый берег р. Мулымья	Сведения отсутствуют	Аварийное
4106	Поселение Мулымьинское 3	Датировка затруднена	Цеменков А.Е.	38,9 км к ССВ от п. Мулымья, правый берег р. Мулымья	Сведения отсутствуют	Аварийное
4107	Поселение Мулымьинское 4	Датировка затруднена	Цеменков А.Е.	38,7 км к ССВ от п. Мулымья, правый берег р. Мулымья	Сведения отсутствуют	Аварийное
4108	Поселение Мулымьинское 5	Датировка затруднена	Цеменков А.Е.	38,9 км к ССВ от п. Мулымья, правый берег р. Мулымья	Сведения отсутствуют	Хорошее
4109	Поселение Мулымьинское 6	Датировка затруднена	Цеменков А.Е.	39,1 км к ССВ от п. Мулымья, правый берег р. Мулымья	Сведения отсутствуют	Хорошее
4110	Поселение Мулымьинское 7	Датировка затруднена	Цеменков А.Е.	39,2 км к ССВ от п. Мулымья, правый берег р. Мулымья	Сведения отсутствуют	Хорошее
4111	Поселение Мулымьинское 8	Датировка затруднена	Цеменков А.Е.	39,4 км к ССВ от п. Мулымья, правый берег р. Мулымья	Сведения отсутствуют	Хорошее
4112	Поселение Мулымьинское 9	Датировка затруднена	Цеменков А.Е.	39,4 км к ССВ от п. Мулымья, правый берег р. Мулымья	Сведения отсутствуют	Хорошее
4113	Поселение Мулымьинское 10	Датировка затруднена	Цеменков А.Е.	40,0 км к ССВ от п. Мулымья, правый берег р. Мулымья	Сведения отсутствуют	Хорошее
4114	Поселение Мулымьинское 11	Датировка затруднена	Цеменков А.Е.	39,4 км к ССВ от п. Мулымья, правый берег р. Мулымья	Сведения отсутствуют	Среднее
4115	Поселение Вишья 20	Датировка затруднена	Цеменков А.Е.	4,0 км к СЗ от п. Супра, левый берег р. Вишья	Сведения отсутствуют	Плохое

Продолжение приложения

4116	Поселение Вишья 21	Датировка затруднена	Цеменков А.Е.	3,0 км к СЗ от п. Супра, левый берег р. Вишья	Сведения отсутствуют	Аварийное
4117	Поселение Малая 5	Датировка затруднена	Цеменков А.Е.	52,0 км к ВСВ от п. Мулымья, правый берег р. Малая	Сведения отсутствуют	Аварийное
4118	Поселение Малая 6	Датировка затруднена	Цеменков А.Е.	52,0 км к ВСВ от п. Мулымья, правый берег р. Малая	Сведения отсутствуют	Хорошее
Нижневартовский район						
Памятники археологии						
4119	Селище Большетархово 4	Датировка затруднена	Чибиряк В.Э.	5,2 км к ЗЮЗ от с. Большетархово, лев. берег р. Ваха	Нижневартовский лесхоз	Хорошее
4120	Селище Большетархово 5	Датировка затруднена	Чибиряк В.Э.	5,0 км к ЗЮЗ от с. Большетархово, лев. берег р. Ваха	Нижневартовский лесхоз	Хорошее
4121	Селище Савкинская Речка 1	Бронзовый век	Чибиряк В.Э.	5,3 км к ЮВ от пгт. Излучинска, левобережная терраса р. Ваха	ООО «Газпром трансгаз Томск»	Аварийное
4122	Селище Юккунъёган 2	Датировка затруднена	Приступа О.И.	29,0 км к ЗЮЗ от пгт. Новоаганска, левобережье р. Юккунъёган	Сведения отсутствуют	Хорошее
4123	Селище Ворсап 8	Датировка затруднена	Мызников С.А.	2,6 км к ЮЗ от зоны застройки г. Покачи, правобережье среднего течения р. Агана	Сведения отсутствуют	Среднее
4124	Селище Ворсап 9	Датировка затруднена	Мызников С.А.	2,0 км к ЮЗ от зоны застройки г. Покачи, правобережье среднего течения р. Агана	Сведения отсутствуют	Среднее
4125	Селище Ворсап 10	Датировка затруднена	Мызников С.А.	3,0 км к ЮЗ от зоны застройки г. Покачи, правобережье среднего течения р. Агана	Сведения отсутствуют	Хорошее
4126	Местонахождение Ворсап 11	Датировка затруднена	Мызников С.А.	3,5 км к ЮЗ от зоны застройки г. Покачи, правобережье среднего течения р. Агана	Сведения отсутствуют	Хорошее
4127	Селище Ворсап 12	Датировка затруднена	Мызников С.А.	3,3 км к ЮЗ от зоны застройки г. Покачи, правобережье среднего течения р. Агана	Сведения отсутствуют	Хорошее
4128	Селище Ворсап 13	Датировка затруднена	Мызников С.А.	3,4 км к ЮЗ от зоны застройки г. Покачи, правобережье среднего течения р. Агана	Сведения отсутствуют	Хорошее
4129	Селище Лёкорнлор 1	Датировка затруднена	Чибиряк В.Э.	17,9 км к ЗСЗ от г. Радужного, правый берег р. Агана	Нижневартовский лесхоз	Хорошее
4130	Селище Лёкорнлор 2	Датировка затруднена	Чибиряк В.Э.	18,2 км к ЗЮЗ от г. Радужного, правый берег р. Агана	Нижневартовский лесхоз	Хорошее
4131	Селище (заброшенное стойбище) Лёкорнлор 3	Первая половина XX в.	Чибиряк В.Э.	18,4 км к ЗЮЗ от г. Радужного, правый берег р. Агана	Нижневартовский лесхоз	Хорошее
4132	Могильник Кладбище Покачевых 1	Датировка затруднена	Данилов Е.А.	16,6 км к ЗЮЗ от зоны застройки г. Покачи, правый берег р. Агана	ОАО «ЛУКойл – Западная Сибирь», ТПП «Покачёвнефтегаз»	Аварийное

Продолжение приложения

4133	Городище Мохтикъёган 24	Датировка затруднена	Данилов Е.А.	24,2 км к ЗЮЗ от зоны застройки г. Покачи, правобережье среднего течения р. Агана	ОАО «ЛУКойл – Западная Сибирь», ТПП «Покачёвнефтегаз»	Хорошее
4134	Селище Мохтикъёган 25	Датировка затруднена	Данилов Е.А.	24,1 км к ЗЮЗ от зоны застройки г. Покачи, правобережье среднего течения р. Агана	ОАО «ЛУКойл – Западная Сибирь», ТПП «Покачёвнефтегаз»	Плохое
4135	Могильник Мохтикъёган 26	Датировка затруднена	Данилов Е.А.	24,1 км к ЗЮЗ от зоны застройки г. Покачи, правобережье среднего течения р. Агана	ОАО «ЛУКойл – Западная Сибирь», ТПП «Покачёвнефтегаз»	Хорошее
4136	Селище Мохтикъёган 27	Датировка затруднена	Данилов Е.А.	22,1 км к ЗЮЗ от зоны застройки г. Покачи, правобережье среднего течения р. Агана	ОАО «ЛУКойл – Западная Сибирь», ТПП «Покачёвнефтегаз»	Среднее
4137	Селище Мохтикъёган 28	Датировка затруднена	Данилов Е.А.	20,6 км к ЗЮЗ от зоны застройки г. Покачи, правобережье среднего течения р. Агана	ОАО «ЛУКойл – Западная Сибирь», ТПП «Покачёвнефтегаз»	Среднее
4138	Городище Мохтикъёган 29	Датировка затруднена	Данилов Е.А.	20,6 км к ЗЮЗ от зоны застройки г. Покачи, правобережье среднего течения р. Агана	ОАО «ЛУКойл – Западная Сибирь», ТПП «Покачёвнефтегаз»	Плохое
4139	Селище Мохтикъёган 30	Датировка затруднена	Данилов Е.А.	20,4 км к ЗЮЗ от зоны застройки г. Покачи, правобережье среднего течения р. Агана	ОАО «ЛУКойл – Западная Сибирь», ТПП «Покачёвнефтегаз»	Среднее
4140	Селище Мохтикъёган 31	Датировка затруднена	Данилов Е.А.	20,1 км к ЗЮЗ от зоны застройки г. Покачи, правобережье среднего течения р. Агана	ОАО «ЛУКойл – Западная Сибирь», ТПП «Покачёвнефтегаз»	Среднее
4141	Селище Мохтикъёган 32	Датировка затруднена	Данилов Е.А.	20,2 км к ЗЮЗ от зоны застройки г. Покачи, правобережье среднего течения р. Агана	ОАО «ЛУКойл – Западная Сибирь», ТПП «Покачёвнефтегаз»	Хорошее
4142	Группа впадин Мугланъёган 1	Датировка затруднена	Чибиряк В.Э.	5,8 км к ЮЗ от границы застройки г. Покачи, правый берег р. Мугланъёган	Мегионский лесхоз, ТПП «Лангепаснефтегаз»	Хорошее
4143	Ловчие ямы Нонкъёган 7	Датировка затруднена	Мызников С.А.	31,7 км к ЗЮЗ от зоны застройки г. Покачи, правый берег р. Агана	ОАО «ЛУКойл – Западная Сибирь», ТПП «Покачёвнефтегаз»	Аварийное
4144	Селище Нёх-Урий 9	Датировка затруднена	Мызников С.А.	4,9 км к ЮЗ от зоны застройки г. Покачи, правобережье среднего течения р. Агана	ОАО «ЛУКойл – Западная Сибирь» ТПП «Покачёвнефтегаз»	Аварийное
4145	Местонахождение Нёх-Урий 10	Датировка затруднена	Мызников С.А.	4,0 км к ЮЗ от зоны застройки г. Покачи, правобережье среднего течения р. Агана	ОАО «ЛУКойл – Западная Сибирь», ТПП «Покачёвнефтегаз»	Аварийное

Продолжение приложения

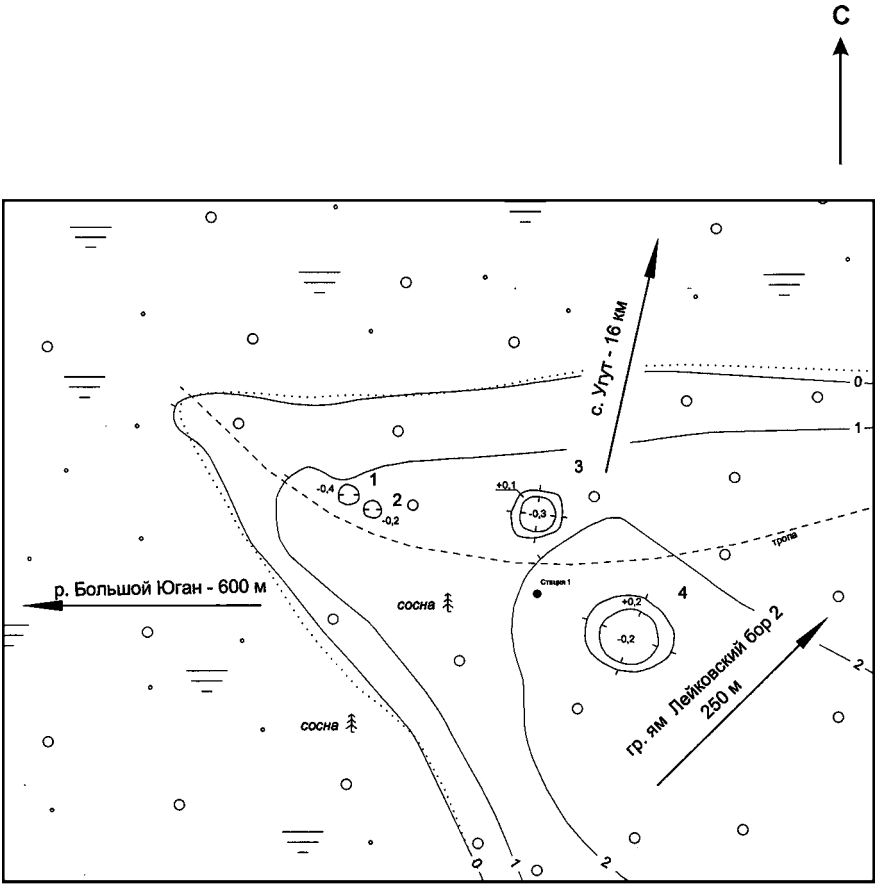
4146	Археологический комплекс Покачёвский Урий 9	Новое время	Данилов Е.А.	16,8 км к ЗЮЗ от зоны застройки г. Покачи, правый берег р. Агана	ОАО «ЛУКойл – Западная Сибирь», ТПП «Покачёвнефтегаз»	Аварийное
4147	Селище Покачёвский Урий 10	Датировка затруднена	Данилов Е.А.	16,3 км к ЗЮЗ от зоны застройки г. Покачи , правый берег р. Агана	ОАО «ЛУКойл – Западная Сибирь», ТПП «Покачёвнефтегаз»	Аварийное
4148	Городище Старые Покачи 11	Датировка затруднена	Данилов Е.А.	14,0 км к ЗЮЗ от зоны застройки г. Покачи, правый берег р. Агана	ОАО «ЛУКойл – Западная Сибирь», ТПП «Покачёвнефтегаз»	Аварийное
4149	Селище Старые Покачи 12	Датировка затруднена	Данилов Е.А.	14,1 км к ЗЮЗ от зоны застройки г. Покачи, правый берег р. Агана	ОАО «ЛУКойл – Западная Сибирь», ТПП «Покачёвнефтегаз»	Аварийное
4150	Селище Юрты Покачёвых 1	Датировка затруднена	Данилов Е.А.	16,2 км к ЗЮЗ от зоны застройки г. Покачи, правый берег р. Агана	ОАО «ЛУКойл – Западная Сибирь», ТПП «Покачёвнефтегаз»	Аварийное
4151	Селище Юрты Покачёвых 2	Датировка затруднена	Данилов Е.А.	16,2 км к ЗЮЗ от зоны застройки г. Покачи, правый берег р. Агана	ОАО «ЛУКойл – Западная Сибирь», ТПП «Покачёвнефтегаз»	Аварийное
Октябрьский район						
Памятники археологии						
4152	Одиночная впадина Большая Карымкарская 9	Датировка затруднена	Рудь А.А.	10,6 км к ВСВ от п. Карымкары, правый берег р. Большой Карымкарской	Сведения отсутствуют	Хорошее
4153	Городище Ендырское 9	Датировка затруднена	Доронин В.Л.	69,0 км к ЮВ от г. Нягани, левый берег р. Ендырь	Ендырское лесничество	Хорошее
Советский район						
Памятники археологии						
4154	Поселение Шоушма 18	Датировка затруднена	Цеменков А.Е.	24,7 км к ЮЮВ от г. Советского, левый берег р. Шоушма	Сведения отсутствуют	Среднее
4155	Поселение Шоушма 19	Датировка затруднена	Цеменков А.Е.	24,9 км к ЮЮВ от г. Советского, левый берег р. Шоушма	Сведения отсутствуют	Хорошее
4156	Поселение Шоушма 20	Датировка затруднена	Цеменков А.Е.	24,8 км к ЮЮВ от г. Советского, левый берег р. Шоушма	Сведения отсутствуют	Хорошее
4157	Поселение Сулеймановы Острова 10	Датировка затруднена	Цеменков А.Е.	44,2 км к ЮЮВ от г. Югорска, левый берег р. Конда	Сведения отсутствуют	Среднее

Продолжение приложения

4158	Поселение Сулеймановы Острова 11	Датировка затруднена	Цеменков А.Е.	40,7 км к ЮЮВ от г. Югорска, левый берег р. Конда	Сведения отсутствуют	Хорошее
4159	Поселение Сулеймановы Острова 12	Датировка затруднена	Цеменков А.Е.	40,2 км к ЮЮВ от г. Югорска, левый берег р. Конда	Сведения отсутствуют	Среднее
4160	Поселение Сулеймановы Острова 13	Датировка затруднена	Цеменков А.Е.	40,8 км к ЮЮВ от г. Югорска, левый берег р. Конда	Сведения отсутствуют	Среднее
4161	Поселение Сулеймановы Острова 14	Датировка затруднена	Цеменков А.Е.	41,0 км к ЮЮВ от г. Югорска, левый берег р. Конда	Сведения отсутствуют	Среднее
4162	Поселение Сулеймановы Острова 15	Датировка затруднена	Цеменков А.Е.	44,2 км к ЮЮВ от г. Югорска, левый берег р. Конда	Сведения отсутствуют	Хорошее
4163	Поселение Сулеймановы Острова 16	Датировка затруднена	Цеменков А.Е.	42,9 км к ЮЮВ от г. Югорска, левый берег р. Конда	Сведения отсутствуют	Хорошее
4164	Поселение Сулеймановы Острова 17	Датировка затруднена	Цеменков А.Е.	44,3 км к ЮЮВ от г. Югорска, левый берег р. Конда	Сведения отсутствуют	Хорошее
4165	Поселение Сулеймановы Острова 18	Датировка затруднена	Цеменков А.Е.	44,7 км к ЮЮВ от г. Югорска, левый берег р. Конда	Сведения отсутствуют	Среднее
4166	Поселение Сулеймановы Острова 19	Датировка затруднена	Цеменков А.Е.	45,8 км к ЮЮВ от г. Югорска, левый берег р. Конда	Сведения отсутствуют	Хорошее
4167	Поселение Сулеймановы Острова 20	Датировка затруднена	Цеменков А.Е.	45,4 км к ЮЮВ от г. Югорска, левый берег р. Конда	Сведения отсутствуют	Плохое
4168	Поселение Сулеймановы Острова 21	Датировка затруднена	Цеменков А.Е.	45,3 км к ЮЮВ от г. Югорска, левый берег р. Конда	Сведения отсутствуют	Хорошее
Сургутский район						
Памятники археологии						
4169	Селище Раппарклор 1	Новейшее время	Рудь А.А.	16,0 км ССЗ от г. Лянтора, правый берег р. Пим	Сведения отсутствуют	Среднее

Продолжение приложения

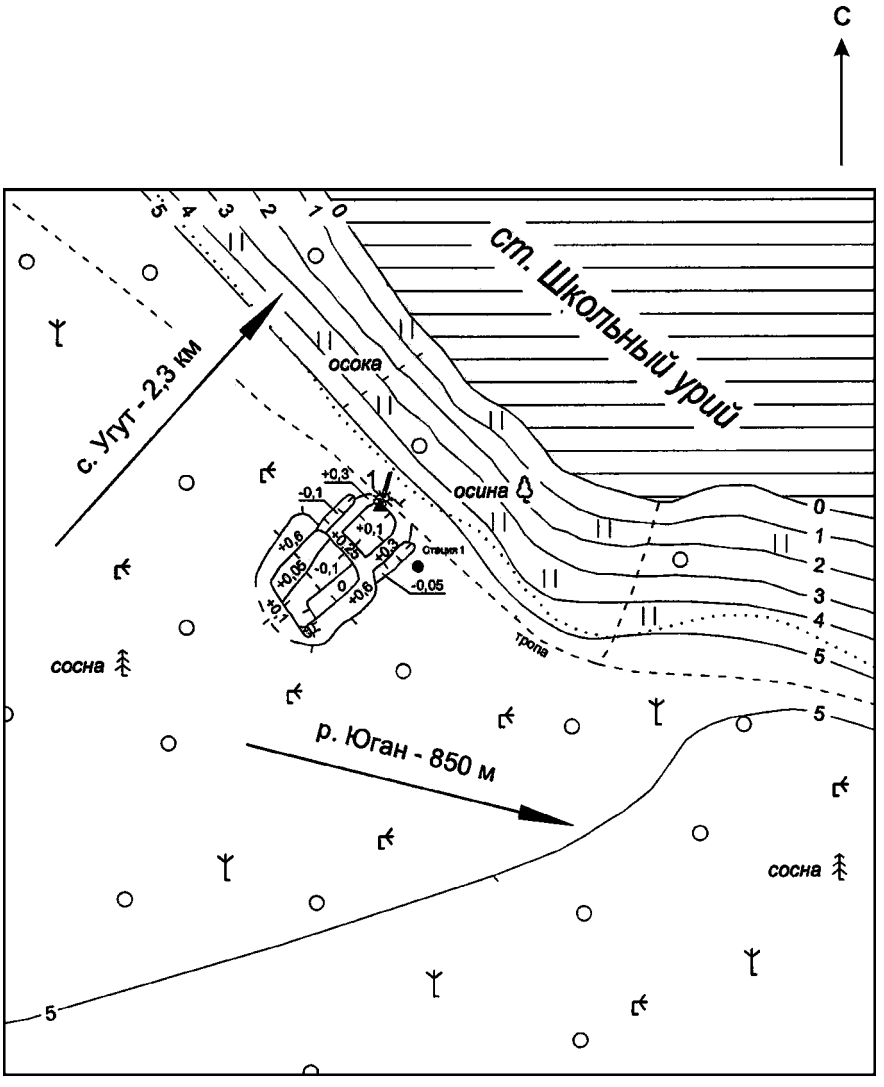
4170	Одиночная впадина Калинкинская 5	Датировка затруднена	Рудь А.А.	3,5 км ВСВ от п. Сайгатино, правый берег р. Калининой	Сведения отсутствуют	Хорошее
4171	Группа впадин Чёрная 6	Датировка затруднена	Рудь А.А.	13,5 км к С от п. Солнечного, правый берег р. Чёрной	Сведения отсутствуют	Среднее
4172	Селище Котлунгъягун 1	Датировка затруднена	Рудь А.А.	19,0 км к ЮЗ от д. Русскинской, правый берег р. Котлунгъягун	Сведения отсутствуют	Хорошее
4173	Селище Котлунгъягун 2	Датировка затруднена	Рудь А.А.	18,5 км к ЮЗ от д. Русскинской, правый берег р. Котлунгъягун	Сведения отсутствуют	Хорошее
4174	Селище Минчимкина 9	Датировка затруднена	Юдина Е.А	42,5 км к ЗСЗ от г. Сургута, левый берег р. Минчимкиной	Сведения отсутствуют	Хорошее
4175	Селище Минчимкина 10	Датировка затруднена	Юдина Е.А	37,5 км к ЗСЗ от г. Сургута, левый берег р. Минчимкиной	Сведения отсутствуют	Среднее
4176	Селище Минчимкина 11	Датировка затруднена	Юдина Е.А	37,5 км к ЗСЗ от г. Сургута, левый берег р. Минчимкиной	Сведения отсутствуют	Среднее
4177	Поселение Кымычевское 4	Датировка затруднена	Кардаш О.В.	3,7 км к СЗ от СЗ окраины п. Угут, правый берег р. Большого Югана	ООО «Роснефть – Юганскнефтегаз»	Аварийное
4178	Поселение Кымычевское 5	Датировка затруднена	Кардаш О.В.	3,5 км к СЗ от СЗ окраины п. Угут, правый берег р. Большого Югана	ООО«Роснефть – Юганскнефтегаз»	Хорошее
4179	Селище Лейковский Бор 1 (ил.1)	Датировка затруднена	Фефилова Л.Ю.	16,0 км к ЮЮЗ от зоны застройки п. Угут, правый берег р. Большого Югана	ООО «Роснефть – Юганскнефтегаз»	Хорошее
4180	Группа ям Лейковский Бор 2	Датировка затруднена	Фефилова Л.Ю.	16,0 км к ЮЮЗ от зоны застройки п. Угут, правый берег р. Большого Югана	ООО «Роснефть – Юганскнефтегаз»	Хорошее
4181	Группа ям Лейковский Бор 3	Датировка затруднена	Фефилова Л.Ю.	16,0 км к ЮЮЗ от зоны застройки п. Угут, правый берег р. Большого Югана	ООО «Роснефть – Юганскнефтегаз»	Хорошее
4182	Селище Лейковский Бор 4	Датировка затруднена	Фефилова Л.Ю.	16,0 км к ЮЮЗ от зоны застройки п. Угут, правый берег р. Большого Югана	ООО «Роснефть – Юганскнефтегаз»	Хорошее
4183	Группа ям Лейковский Бор 5	Датировка затруднена	Фефилова Л.Ю.	16,0 км к ЮЮЗ от зоны застройки п. Угут, правый берег р. Большого Югана	ООО «Роснефть – Юганскнефтегаз»	Хорошее
4184	Группа ям Лейковский Бор 6	Датировка затруднена	Фефилова Л.Ю.	16,0 км к ЮЮЗ от зоны застройки п. Угут, правый берег р. Большого Югана	ООО «Роснефть – Юганскнефтегаз»	Хорошее
4185	Селище Угутское 13	Датировка затруднена	Фефилова Л.Ю.	0,9 км к Ю от зоны застройки п. Угут, правый берег р. Угутки	ФГУ «Заповедник «Юганский»	Аварийное
4186	Селище Угутское 14	Датировка затруднена	Фефилова Л.Ю.	2,6 км к ВЮВ от зоны застройки п. Угут, правый берег р. Угутка	ООО «Роснефть – Юганскнефтегаз»	Хорошее
4187	Селище Угутское 15	Датировка затруднена	Фефилова Л.Ю.	2,6 км к ВЮВ от зоны застройки п. Угут, правый берег р. Угутка	ООО «Роснефть – Юганскнефтегаз»	Хорошее



Ил. 1. **Селище Лейковский Бор 1.** План

Продолжение приложения

4188	Селище Угутское 16	Датировка затруднена	Фефилова Л.Ю.	3,0 км к ВЮВ от зоны застройки п. Угут, правый берег р. Угутка	ООО «Роснефть – Юганскнефтегаз»	Среднее
4189	Селище Угутское 17	Датировка затруднена	Фефилова Л.Ю.	3,1 км к ВЮВ от зоны застройки п. Угут, правый берег р. Угутка	ООО «Роснефть – Юганскнефтегаз»	Хорошее
4190	Селище Угутское 18	Датировка затруднена	Фефилова Л.Ю.	3,2 км к ВЮВ от зоны застройки п. Угут, правый берег р. Угутка	ООО «Роснефть – Юганскнефтегаз»	Хорошее
4191	Селище Угутское 19	Датировка затруднена	Фефилова Л.Ю.	5,0 км к В от зоны застройки п. Угут, правый берег р. Угутка	ООО «Роснефть – Юганскнефтегаз»	Хорошее
4192	Селище Угутское 20	Датировка затруднена	Фефилова Л.Ю.	5,0 км к В от зоны застройки п. Угут, правый берег р. Угутка	ООО «Роснефть – Юганскнефтегаз»	Хорошее
4193	Селище Угутское 21	Датировка затруднена	Фефилова Л.Ю.	5,0 км к В от зоны застройки п. Угут, правый берег р. Угутка	ООО «Роснефть – Юганскнефтегаз»	Хорошее
4194	Селище Школьный Урий 1 (ил. 2)	Железный век	Звягин О.Л.	2,3 км к ЗЮЗ от п. Угут, правый берег р. Большого Югана	ООО «Роснефть – Юганскнефтегаз»	Хорошее
4195	Селище Моховое 85	Датировка затруднена	Рудь А.А.	1,0 км к СВ от границы пгт. Фёдоровского, правый берег р. Моховой	Сведения отсутствуют	Хорошее
4196	Селище Моховое 86	Датировка затруднена	Рудь А.А.	1,1 км к СВ от границы пгт. Фёдоровского, правый берег р. Моховой	Сведения отсутствуют	Хорошее
4197	Селище Моховое 87	Датировка затруднена	Рудь А.А.	0,9 км к СВ от границы пгт. Фёдоровского, правый берег р. Моховой	Сведения отсутствуют	Среднее
4198	Селище Моховое 88	Датировка затруднена	Рудь А.А.	0,9 км к СВ от границы пгт. Фёдоровского, правый берег р. Моховой	Сведения отсутствуют	Среднее
4199	Селище Моховое 89	Датировка затруднена	Рудь А.А.	0,7 км к СВ от границы пгт. Фёдоровского, правый берег р. Моховой	Сведения отсутствуют	Среднее
4200	Одиночная впадина Моховая 90	Датировка затруднена	Рудь А.А.	0,7 км к СВ от границы пгт. Фёдоровского, правый берег р. Моховой	Сведения отсутствуют	Среднее
4201	Селище Эгутъягун 46	Датировка затруднена	Рудь А.А.	18,0 км к СВ от пгт. Фёдоровского, правый берег р. Эгутъягун	Сведения отсутствуют	Среднее
Ханты-Мансийский район						
Памятники археологии						
4202	Селище Саргачи 1	Датировка затруднена	Зайцева Е.А.	11,0 км к ЮЗ от с. Батово, левобережье р. Иртыша, западный берег оз. Дальний Саргатский Сор	ООО «Конданефть»	Хорошее
4203	Городище Протока Ягодная 1	Датировка затруднена	Цеменков А.Е.	12,0 км к З от п. Горноправдинска, левый берег протоки Ягодной – левого притока р. Иртыша	Сведения отсутствуют	Хорошее



Ил. 2. **Селище Школьный Урий 1.** План

Продолжение приложения

4204	Поселение Протока Ягодная 2	Датировка затруднена	Цеменков А.Е.	12,0 км к З от п. Горноправдинска, левый берег протоки Ягодной – левого притока р. Иртыша	Сведения отсутствуют	Хорошее
4205	Поселение Протока Ягодная 3	Датировка затруднена	Цеменков А.Е.	12,0 км к З от п. Горноправдинска, левый берег протоки Ягодной – левого притока р. Иртыша	Сведения отсутствуют	Хорошее
4206	Поселение Протока Ягодная 4	Датировка затруднена	Цеменков А.Е.	12,0 км к З от п. Горноправдинска, левый берег протоки Ягодной – левого притока р. Иртыша	Сведения отсутствуют	Хорошее

Материал подготовлен: ***Ю.И. Кизнер, А.В. Маркова, В.Н. Муравьёва***

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ – ЮГРА
(Тюменская область)

СЛУЖБА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ
ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ
ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ

ПРИКАЗ

28 января 2009 г. г. Ханты-Мансийск № 10-ПП

Об утверждении Списка вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность

В целях обеспечения сохранности расположенных на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность, и на основании п. 1, 6, 8 ст. 18, п. 1 ст. 63 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» № 73-ФЗ от 25 июня 2002 г.; п. 18 Положения об охране и использовании памятников истории и культуры, утверждённого Постановлением Совета Министров СССР от 16 сентября 1982 г. № 865, приказываю:

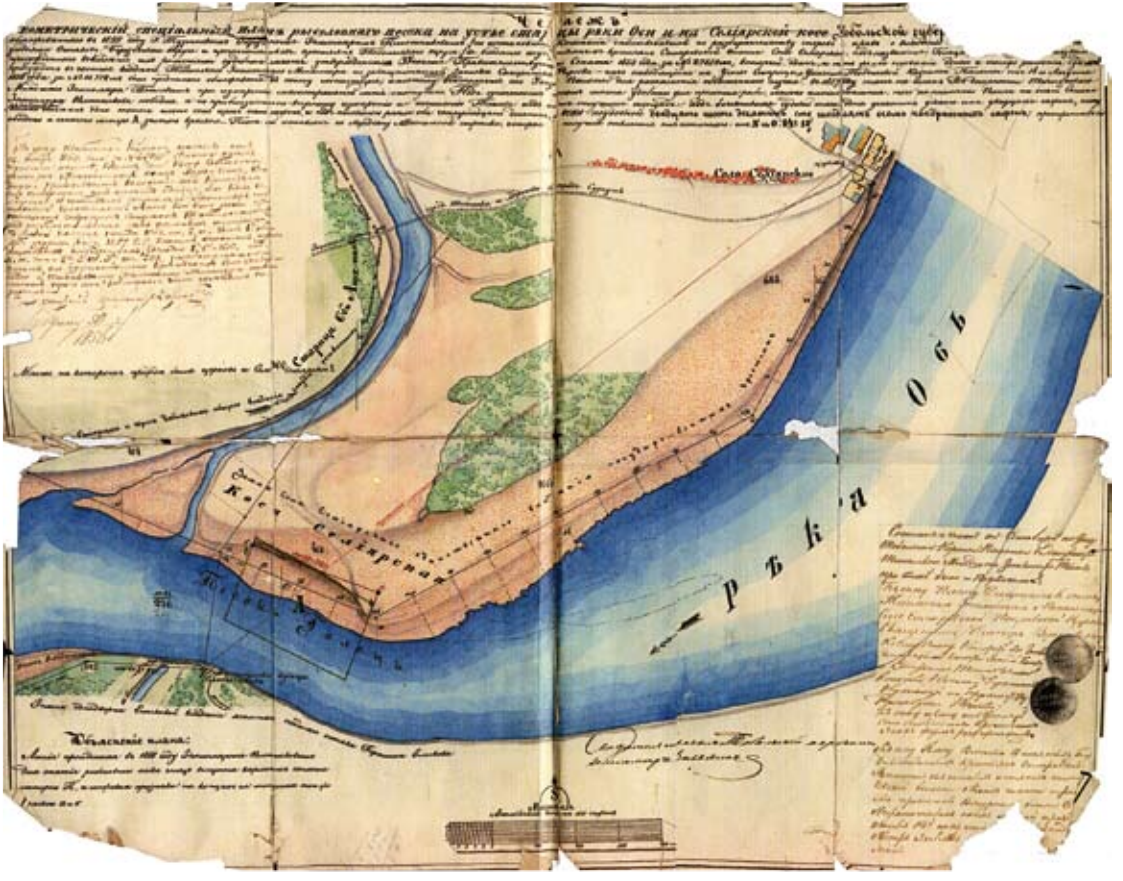
1. Утвердить прилагаемый Список вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность.
2. Ввести в действие Список вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность, с даты подписания настоящего приказа.
3. Работникам Службы государственной охраны объектов культурного наследия автономного округа в своей деятельности руководствоваться Списком вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность, с даты введения его в действие.
4. Отделу государственного учёта объектов культурного наследия (Маркова А.В.) подготовить к публикации настоящий приказ и утверждённый Список вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность.
5. Контроль за выполнением настоящего приказа оставляю за собой.

Заместитель руководителя
Службы государственной охраны объектов
культурного наследия ХМАО – Югры А.В. Малышкин

Приложение к приказу
руководителя Службы государственной охраны
объектов культурного наследия ХМАО – Югры
от 28.01.2009. № 10-ПП

Список
вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность

№	Наименование объекта	Датировка	Автор	Местонахождение объекта (адрес)	Пользователь или собственник	Техническое состояние
Нефтеюганский район						
Памятники археологии						
4207	Группа ям-ловушек Тупси 1	Датировка затруднена	Петрова Е.Н.	57 км к ВСВ от п. Сивысьях, левый берег р. Тупси	Сведения отсутствуют	Хорошее
4208	Яма-ловушка Тапатъега 15	Датировка затруднена	Петрова Е.Н.	56 км к ВСВ от п. Сивысьях, левый берег р. Тапатъега	Сведения отсутствуют	Хорошее
4209	Селище Тапатъега 16	Датировка затруднена	Петрова Е.Н.	56,5 км к ВСВ от п. Сивысьях, левый берег р. Тапатъега	Сведения отсутствуют	Хорошее
Сургутский район						
Памятники археологии						
4210	Селище Нёгусъях 2	Ранний железный век	Красильникова К.Ю.	11,9 км к ЮЗ от п. Угут, правый берег р. Большого Югана	ООО «Роснефть – Юганскнефтегаз»	Плохое
Памятники истории						
4211	Кладбище Комтиных	XX в.	Рудь А.А.	21,0 км к СЗ от пгт. Фёдоровского, левый берег р. Моховой	Сведения отсутствуют	Хорошее
Памятные места						
4212	Священное озеро Им лор	XX в.	Рудь А.А.	27,0 – 35,0 км к СЗ от пгт. Фёдоровского, из озера вытекает р. Моховая	Сведения отсутствуют	Хорошее
4213	Культовое место Лунк йавэн той	XX в.	Рудь А.А.	34,0 км к СЗ от пгт. Фёдоровского, верховья р. Люхъягун	Сведения отсутствуют	Хорошее
4214	Культовое место Мэк йавэн имэн пай	XX в.	Рудь А.А.	15,0–17,0 км к СЗ от пгт. Фёдоровского, северо-восточный берег оз. Пильтанлор	Сведения отсутствуют	Хорошее
Ханты-Мансийский район						
Памятники археологии						
4215	Комплекс Старое Селиярово (ил. 1)	Новое время	Баранов М.Ю.	3,5 км к ЮЮВ от с. Селиярово, левый берег р. Оби	Сведения отсутствуют	Среднее

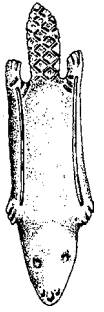


Ил. 1. К комлексу Старое Селиярово. «План рыболовного песка на устье старицы реки Оби и на Селиярской косе» землемера Теплова. 1857 г. *ГУТО ГА в г. Тобольске*

Продолжение приложения

4216	Могильник Тохтымеипай 8	Новое время	Зайцева Е.А.	3,6 км к ЮЗ от п. Согом, юго-западный берег оз. Домашний Сор	Сведения отсутствуют	Хорошее
4217	Поселение Чебачий Бор 14	Датировка затруднена	Зайцева Е.А.	3,2 км к ЮЗ от п. Согом, западный берег оз. Домашний Сор	Сведения отсутствуют	Хорошее

Материал подготовлен: ***Ю.И. Кизнер, А.В. Маркова, В.Н. Муравьёва***



Управление культурным наследием как управление по ценностям для развития территории

Ю.И. Кизнер
г. Ханты-Мансийск
Служба государственной охраны объектов культурного наследия ХМАО — Югры

> Культурное наследие народов Российской Федерации — материальные и духовные ценности, созданные в прошлом, а также памятники и историко-культурные территории и объекты, значимые для сохранения и развития самобытности Российской Федерации и всех её народов, их вклада в мировую цивилизацию.
>
> *Закон РФ «Основы законодательства Российской Федерации о культуре» от 09.10.1992. № 3612-1*

Любой человек принадлежит обществу, с которым связан средой обитания и традициями культуры. Единство мира позволяет говорить об объективности определённых законов для всех и каждого, поэтому общество не может избежать социализации, коллективности действий, генерализации ценностей, не может обойтись без института управления.

Управление способно создавать свои собственные нормы и ценности, но наиболее результативным оно становится, если осуществляется в среде общепризнанных ценностей.

Понятие «ценность» в современном научном знании является предметом дискуссий. Это связано с тем, что оно касается всех сфер жизни и деятельности человека и, соответственно, является предметом исследования многих наук. Аксиология из чисто теоретической дисциплины становится прикладной, имеющей практическое значение, в том числе и для управления, поскольку ценностям личности, ценностям общества уделяется все больше и больше внимания. Изменения, происходящие в политической, экономической, социальной и иных сферах жизни и деятельности человека, приводят к необходимости переосмысливать подходы к управлению и оперировать такими категориями, как «благо», «потребность», «полезность».

Они, в свою очередь, соотносятся с понятием «ценность» — более широким по отношению к перечисленным выше и весьма ёмким, когда речь идет об управлении как о конструировании «желаемого общего будущего».

С одной стороны, в сознании отдельной личности ценности являются *идеальным образом* предпочитаемых духовных, материальных и прочих благ, сопровождающих жизнь человека и являющихся предметом его устойчивых желаний и интересов, с другой — *категорией*, на которую можно оказывать опосредованное воздействие.

Управление ценностями в широком смысле — это государственное управление, поскольку именно государство отвечает за развитие общества, за будущее территории и населения. Только государственное управление посредством формирования и реализации в обществе определённых ценностных ориентаций может регулировать жизнедеятельность всей системы и её элементов в том направлении, которое будет обеспечивать и эффективное использование потенциала территории в целом, и развитие потенциала личности.

Территория, регион — это сложный социально-экономический организм, развивающийся под воздействием внешних и внутренних сил. Управление территорией должно основываться на системе принципов и способов деятельности, позволяющих поддерживать жизнеспособность системы в целом, определять показатели её развития и факторы устойчивости, сохранять целостность.

Одним из подходов к вопросам регионального развития и, как следствие, эволюции России в целом является отказ от идеологии выравнивания индустриального развития регионов в пользу обеспечения в них одинаково высокого качества жизни людей и объёма получаемых последними от государства социальных благ.

В основе такой позиции лежит убеждённость в том, что естественно-культурные тренды развития являются более значимыми и устойчивыми по сравнению с искусственной модернизацией. Отсюда — опора государства в развитии регионов на местную культурную самобытность, учёт естественных трендов социальных процессов, когда принимаются во внимание и корректируются уже существующие системы ценностей, а новые закладываются с учётом интересов не только настоящего, но и будущих поколений.

Комментируя последнее, обратим внимание на один из *Принципов политики устойчивого планирования*, утвержденных на XII сессии Конференции министров регионального планирования стран-членов

Совета Европы (7—8 сентября 2000 г., г. Ганновер): *приумножение культурного наследия как фактор развития.*

Данный принцип предполагает комплексный подход к сохранению культурного наследия территории, которое не только должно удовлетворять потребности современного общества, оно должно быть защищено и сохранено для будущих поколений.

С политикой пространственного развития тесно связана тема «укоренения», очень актуальная для Ханты-Мансийского автономного округа — Югры — территории так называемого нового освоения, региона, развивающегося, превращающегося в место постоянного проживания людей с явно выраженным стремлением к повышению качества жизни и стабильности. Укоренение — это возникновение устойчивых самовоспроизводящихся территориальных сообществ, появление их естественным образом в специально организованной среде. Культурно-исторические особенности данных сообществ, тип освоения территории и др. придают им своеобразие, некий стиль жизни, позволяющий объединять жителей в сообщество, видеть в них носителей подсознательной духовной компоненты, идентифицирующей последних с ценностями места.

Сегодня у жителей Югры только формируется интерес к будущему и прошлому территории, пока интерес сосредоточен лишь в настоящем, в краткосрочных эффектах и результатах. Однако в человеческом мире «чистой доски» не существует, настоящее есть лишь фрагмент непрерывного движения от прошлого к будущему. В обществе, как и в человеке, прошлое составляет прочнейшую духовную основу, его каркас. Память о прошлом воплощена в культурном наследии, и главная трагедия нашего общества заключается в неумении осмыслить наследие и современность как единое целое, в неумении его использовать, в непонимании своей ответственности за его сохранение и передачу последующим поколениям.

Культурное наследие — ценность объективная, нормативно закреплённая. Понятия и термины, описывающие сферу культурного наследия, оперируют ценностными категориями — «особо ценный объект культурного наследия», «объект, обладающий культурной ценностью» и т. д.

Ценностная сущность наследия заключается в том, что каждый объект с его эстетическими признаками, отражением включённых в него признаков многих времён и пространств является невозобновляемым, невосстановимым ресурсом. Утрата объекта культурного наследия —

это не просто исчезновение одного дома, храма или памятника археологии, это потеря частицы самосознания, утрата ценности места. Большинство потерь в сфере культурного наследия практически невосполнимо.

Известно, что население не только пользуется памятниками истории и культуры, но и имеет к ним определённое отношение. И в этом смысле объект культурного наследия, являясь элементом пространства, может восприниматься человеком по-разному: и «домом, в котором я живу», и аварийным «старьём» для сноса, и «образцом гражданского строительства кон. XIX в.» (если говорить, например, об архитектуре).

Если в сознании индивида или общества не сформировано или утрачено понятие о культурном значении памятника, то деятельность по сохранению наследия превращается в сумму мероприятий, лишённых смысла и перспективы.

Однако недвижимое культурное наследие часто недоступно обыденному восприятию. Например, человеку без специальных знаний трудно оценить общественную значимость памятника археологии — он не имеет внешних признаков, которые в массовом сознании стереотипно связываются с понятием «памятник культуры» (прежде всего, архитектуры).

Объект недвижимости, который приобретает статус объекта культурного наследия и предлагается обществу в таком качестве, должен не только вызывать определённое настроение и ощущение легендарности места, не только принадлежать определённой традиции или художественной школе, но и восприниматься как ценность, как достояние поколений.

Одним из управленческих подходов к формированию у населения ценностного отношения к наследию является метод *интерпретации*, который позволяет изменить отношение человека к объекту культурного наследия, вскрывая глубинные смыслы, создавая объекты-знаки, объекты-символы. Интерпретация наследия и превращение последнего в доступное и востребованное *достояние* — это целый комплекс мероприятий: от формирования привлекательного образа объекта и включения его в информационное поле до образовательной деятельности и предложений по использованию памятника в соответствии с типом, состоянием, окружением и социально-культурной значимостью.

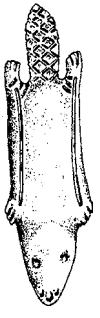
Современная практика управления средой предлагает в качестве инструмента по приращению потенциала и внедрению изменений разра-

ботку и реализацию целевых среднесрочных и долгосрочных программ. Особенностями последних являются, во-первых, достаточно долгий период реализации и, во-вторых, эффект непрямого (отложенного) воздействия, а несомненным достоинством — более жизнестойкие и более «средовые» позитивные изменения.

Программный метод — это процесс непрямого управления, открытие новых возможностей, выход в новый масштаб. В процессе осуществления программных мероприятий происходит закрепление внедряемых элементов, они становятся устойчивыми, генезообразующими элементами среды и, относительно объектов, создают и закрепляют в общественном сознании значимый и перспективный для автономного округа образ его уникального историко-культурного наследия.

Обращение к недвижимому культурному наследию не только как к социоэкономической, но и как к социокультурной категории определяет управление ценностной составляющей наследия своеобразной зоной эксперимента, направленного на развитие личности, общества.

Управление культурным наследием как управление ценностями — это бесконечное множество смыслов и способов деятельности. Причиной тому служат многие *факторы* (полимасштабность, мозаичность, уникальность) и очень важное *условие* — невозможность заполнить духовную сферу жизни общества до предела.



Из практики зарубежных стран по сохранению культурного наследия*

С.Н. Молчанов
г. Екатеринбург
ОГУК «Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области»

В мире в настоящее время существует немногим более 200 государств — членов Организации Объединенных Наций, стран-участниц международного культурного общения, международного культурного сообщества, — которые на правовой основе настойчиво и целенаправленно занимаются сохранением своего культурного и природного наследия, являющегося составной частью достояния народов мира.

Каждое государство — суверенный субъект международного культурного права. Каждое имеет право, свободу и, как правило, обязательство сохранять и развивать культуру страны как живую неотъемлемую часть достояния международного сообщества, а также национальные памятники культурного и природного наследия (в том числе и международного значения, включённые и не включённые в соответствующие охранные списки и реестры ЮНЕСКО).

Каждое государство вправе для этого устанавливать соответствующие международные культурные связи, обмены и отношения, участвовать в международных организациях и сообществах.

Каждое государство имеет свою исторически сложившуюся внутригосударственную систему права и культурных отношений, которые, в свою очередь, также являются составной и неотъемлемой частью международного и национального культурного наследия, живой частью культуры народов мира.

Ныне, в условиях глобализации, невозможно обеспечить стратегически выверенное, коэволюционное, стабильное и устойчивое развитие страны, сохранение «лица необщего выражения», своей неповторимости

---

* Данная статья представляет собою публикацию доклада, подготовленного на науч.-практ. конф. «Проблемы сохранения и использования культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры», проведённой Учреждением ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия» в г. Ханты-Мансийске 24—28 ноября 2008 г.

и уникальности, природной идентичности и культурной индивидуальности всего общества, не обеспечив сохранение и развитие культуры, сохранение культурного и природного наследия, обеспечение культурного права своей страны и всего человечества.

Как отмечалось в итоговом документе Международной конференции «Диалог культур и межрелигиозное сотрудничество» (Волжский форум, г. Нижний Новгород, 7–9 сентября 2006 г.): *«Российская Федерация, чья история и культура неразрывно связаны с европейской, обладает уникальным культурным, этническим и религиозным многообразием, составляющим не только историческое наследие, но и творческий потенциал как России, так и всей Европы в XXI в.»*.

Сказанное в полной мере относится и к историко-культурному наследию Урала, Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока.

Опыт зарубежных стран по сохранению и умножению культуры и культурного наследия бесценен и важен, актуален и поучителен для людей думающих и неравнодушных к судьбе своей страны и всего мира.

Проблемы и достижения в этой сфере в разных странах во многом схожи.

АДМИНИСТРАТИВНО-ОТРАСЛЕВАЯ СТРУКТУРА

Практически во всех государственных и культурных системах как Запада, так и Востока охрана памятников (сохранение наследия) — прерогатива и обязанность государства.

Также практически для всех — как федеративных, так и унитарных централизованных государств — в целом характерна многоуровневость и разноплановость, многоступенчатость административно-отраслевых структур, осуществляющих полномочия в сфере культуры и охраны памятников.

Так, каркас государственной охраны памятников и сохранения наследия строится на уровне федеративных субъектов: штатов — в США, федеральных земель — в Германии, кантонов — в Швейцарии и т.д.

Для унитарных государств (таких, как Франция, Италия, Испания) характерно наличие централизованной государственной структуры, входящей, как правило, в соответствующее общенациональное министерство.

В некоторых скандинавских странах архитектурное наследие и памятники природы относятся к компетенции министерств природы. В Норвегии и Финляндии существует особая административная структу-

ра, занимающаяся архитектурным наследием, в Дании она напрямую подчиняется Национальному агентству по лесу и природе.

В США, где значительная (если не вся) часть средств на охрану памятников поступает из частных и добровольных пожертвований и фондов, контрольные функции возложены на местные власти и службу национальных парков в системе Министерства внутренних дел.

СИСТЕМЫ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

В централизованных странах (Франция, Португалия, Греция, Объединенное Королевство и Ирландия, скандинавские страны и страны Центральной и Восточной Европы) архитектурное наследие является прерогативой центрального правительства.

В странах, которые теоретически централизованы, но идут к децентрализации, законодательство о культурном наследии может быть всё ещё исключительно национальным (Италия) или национальным и региональным одновременно (Испания).

Скандинавия — единственная часть Европы со своими специфическими законами для церкви. Одна из частей шведского закона об охране культурного наследия посвящена церковному наследию; особые законы в отношении официальной церкви подлежат применению в Дании, Норвегии и Финляндии. Отличительной особенностью данного специального законодательства является то, что из всех религиозных конфессий под его юрисдикцию подпадает только Лютеранская церковь.

По организации системы правовой защиты объектов культурного наследия Европа разделена на два больших района. На юге вся охрана регулируется специальным законодательством с особыми методами их исполнения и надзора за исполнением. На севере охрана регламентируется простыми законами о градостроительстве. Все северные страны имеют эффективную, но в некоторых случаях жёсткую систему городского планирования, в отличие от менее строгих традиций, превалирующих в южных странах.

ИНВЕНТАРИЗАЦИИ И СПИСКИ ПАМЯТНИКОВ

В большинстве стран составление списков объектов культурного наследия, требующих охраны, тесно связано с политикой законодательной охраны.

В Великобритании списки для госохраны объектов культурного наследия, куда включаются памятники архитектуры, имеющие высший

рейтинг, и памятники археологического наследия, начали вести ещё в нач. XX в. В 1983 г. национальный археологический регистр был передан трём Королевским комиссиям по историческим памятникам (Англии, Шотландии и Уэльса), с тех пор он регулярно обновляется. Внесение дополнений и исправлений в эти описи основывается на печатных публикациях (они сохраняются в базах данных), информации воздушной фотосъёмки и исчерпывающих полевых исследований. Постройки, которые не получили статуса памятников, но являются историческими, могут быть зарегистрированы экспертами Английского Наследия.

В Бельгии Королевским Институтом художественного наследия недавно был создан федеральный Фотографический каталог «обстановки бельгийских святилищ». Он не заменил, а лишь дополнил списки недвижимых объектов культурного наследия (включая обстоятельный и детализированный «Список монументального наследия Бельгии» в виде опубликованных книг), которые составляются особыми региональными службами с закрепленными конституционно полномочиями в отношении недвижимого наследия.

Генеральный реестр памятников и художественных ценностей Франции включает в себя все работы, которые формируют национальное наследие страны в исторической, художественной и этнологической перспективе.

В США федеральным законом об охране исторических памятников 1966 г. учрежден Национальный регистр, который опубликован в сер. 1970-х гг.

КОЛИЧЕСТВО ОХРАНЯЕМЫХ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (ДОСТОЯНИЯ)

В городских районах Франции существует 13 тыс. основного списка объектов культурного наследия (на кон. 1993 г.) и 24 тыс. — дополнительного списка (на кон. 1992 г.). Достопримечательных мест, включённых в список или охраняемых иным образом в соответствии со схемами архитектурного наследия, насчитывается более 8 тыс.

В Германии всего выявлено 750 тыс. объектов недвижимости (памятники, комплексы городских строений и архитектурные достопримечательности), которые требуют охраны в качестве архитектурного наследия.

В Италии (исключая территории Сицилии, Трентино-Альто-Адидже и Вале д'Аоста), согласно исследованию, проведённому между 1970 и

1985 гг. Центральным институтом каталогизации и документации, на охрану была поставлена 31 тыс. объектов архитектурного наследия (исключая исторические центры и археологические памятники).

В Польше в настоящее время без учёта объектов археологического наследия охраняется 37 тыс. объектов, включающих 98 тыс. культурных ценностей (здания, сады, кладбища, группы зданий).

В Китае количество мест культурного наследия, находящихся под общегосударственной национальной охраной, насчитывает 1271 объект, под региональной охраной провинций — почти 7 тыс. объектов, под охраной местного уровня — более 60 тыс. объектов.

ПЕРСПЕКТИВЫ, БУДУЩИЕ ПРЕРОГАТИВЫ И ПРИОРИТЕТЫ

Международное европейское и азиатское культурное право, как и культурное право России, открывает для всех обеспокоенных сохранением своего культурного достояния практически безграничные пространственно-временные и энерго-информационные перспективы развития.

Новейшие конвенции ЮНЕСКО об охране подводного, нематериального культурного наследия и о культурном разнообразии (2001, 2003 и 2005 гг.) в свете более целостной парадигмы предлагают по-новому взглянуть на ставшие уже традиционными подходы в сохранении и преумножении культурного наследия и развитии культурной деятельности.

Новые международные стратегии перехода от информационного общества к обществу, основанному на знании и памяти, позволяют в новом тысячелетии определить приоритеты культурной политики государств, национальных и международных сообществ, опираясь на национальные особенности и культурную самобытность страны, региона, области. Доминантой при этом должна стать живая культура, традиционные культурные и природные ценности самосознания и развития, живые люди и их культурные сообщества.

Включение живой традиционной культуры в систему объектов (ресурсов) культурного наследия (достояния) требует принципиального изменения отношения национального парка как учреждения и местных администраций как органов и представителей власти к местному населению. Эти отношения должны быть основаны на сотрудничестве и взаимопомощи, особенно с теми этнокультурными группами, которые хранят культурные традиции и являются носителями (живой) исторической памяти.

Обычно культурное наследие, заключённое в живой культуре, рассматривается как объект исследования, а не объект сохранения и возрождения. Надо преодолевать такую ограниченность. Для этого как национальные парки, этнокультурные заповедники, так и органы законодательной и исполнительной ветвей власти могут и должны включать в систему объектов управления как единое целое территориальные комплексы с их природой, населением, формами культурной жизни и культурным ландшафтом.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Дьячков А.Н. Охрана памятников за рубежом (некоторые теоретические аспекты) // Памятники в контексте историко-культурной среды. — М., 1990. — С. 19—40.

Жолондзь А.Г. Опыт охраны памятников церковной культуры в странах Западной Европы // Материальная база сферы культуры: Науч.-инф. сб. — М.: РГБ «Информкультура», 2000 — Вып.3. — С. 115—120.

Молчанов С.Н. Культурное право и охрана памятников в ФРГ. — Екатеринбург. 2005. — 39 с.

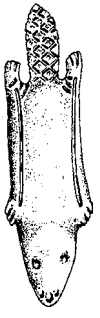
Охрана наследия за рубежом: Опыт прошлого и современные проблемы. — М., 1995.

Сборник правовых актов Совета Европы о сохранении культурного наследия / Авт. и сост. С.Н. Молчанов. НПЦ по охране памятников Свердловской обл. — Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. — 520 с.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

http://kulturnoeprawo.narod.ru (Культурное право России).

Никифоров А.В. Своеобразие опыта США в деле охраны памятников истории и архитектуры // http://www.rostmuseum.ru/publication/historyCulture/1995/nikiforov01.html



Проблемы определения границ культурного слоя объектов археологического наследия георадарным методом*

В.М. Костомаров
г. Тюмень
Институт гуманитарных исследований
Тюменского государственного университета

Современная археология — наука сложная и многогранная, с постоянно совершенствующейся методикой и способами исследования, однако с течением времени основной объект археологического изучения — памятники древности и Средневековья — исчезают. Поэтому современному исследователю необходим немалый арсенал смежных знаний, а порой и навыков, чтобы получать максимальную информацию из одного объекта.

Не секрет, что и основной метод археологического исследования — раскопки — является разрушением археологического памятника, уничтожением объектов археологического наследия. Следуя этому посылу, археологи всё чаще стали прибегать к методам смежных наук, совершенствуя не только свою методику, но и стимулируя исследователей-смежников заняться тем же самым в своей области.

На Западе геофизические методы в полевых археологических изысканиях широко используются с 1946 г. В СССР электроразведку впервые применили археологи А.К. Вейнберг и И.Т. Кругликова в 1957 г. — для поисков остатков античных стен в Крыму. Летом 1962 г. эти методы были опробованы в экспедиции Ленинградского отделения Института археологии АН ССР, которой руководил С.И. Руденко. Для этого был специально организован отдельный геофизический отряд[1].

Работа радиолокационного прибора подповерхностного зондирования, а попросту говоря георадара, основана на использовании классических принципов радиолокации. Передающей антенной прибора

* Работа выполнена при финансовой поддержке исследовательских и экспедиционных грантов аспирантов ТюмГУ за 2008 г. Представляет собою публикацию доклада, подготовленного на науч.-практ. конф. «Проблемы сохранения и использования культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры», проведённой Учреждением ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия» в г. Ханты-Мансийске 24—28 ноября 2008 г.

излучаются сверхкороткие электромагнитные импульсы с достаточно широким спектром излучения.

Выбор длительности импульса определяется необходимой глубиной зондирования и разрешающей способностью прибора. Для формирования зондирующих импульсов используется возбуждение широкополосной передающей антенны перепадом напряжения (ударный метод возбуждения).

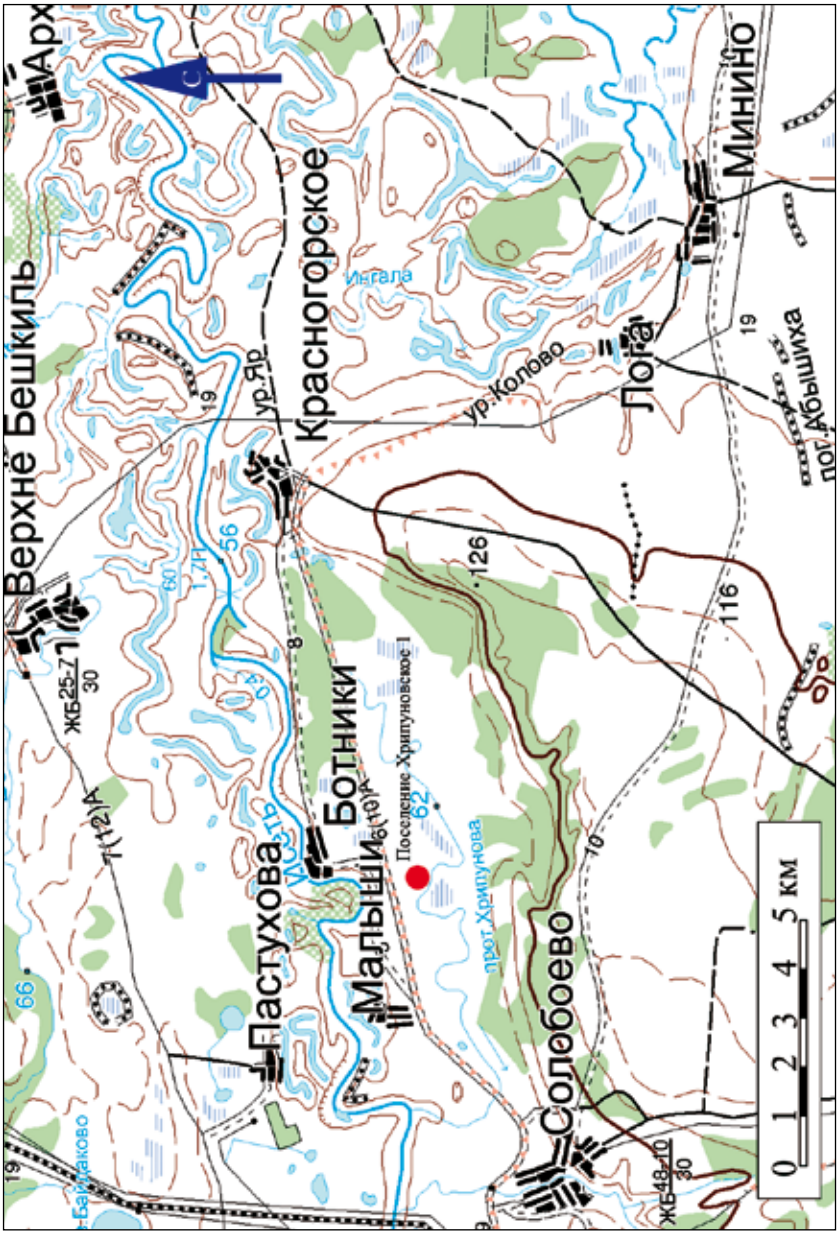
Излучаемый в исследуемую среду импульс отражается от находящихся в ней предметов или неоднородностей слоев, имеющих отличную от среды диэлектрическую проницаемость или проводимость, принимается приёмной антенной, усиливается в широкополосном усилителе, преобразуется в цифровой вид при помощи аналого-цифрового преобразователя и запоминается для последующей обработки. После обработки полученная информация отображается на индикаторе.

Данный метод электроразведки можно считать достаточно молодым, так как он используется в археологии не более 10 лет.

С 2003 г. данное направление развивается и тюменскими археологами. Первоначально оно носило лишь ознакомительный характер и было ориентировано на выявление возможности метода. С полевого сезона 2007 г. георадарное сканирование предполагаемой территории раскопа стало частью комплексных работ по изучению объектов археологического наследия.

В полевом сезоне 2008 г. при определении места раскопа было проведено сканирование площади предполагаемого поселения Хрипуновское 1, входящего в Красногорский археологический микрорайон и расположенного на коренном берегу старицы Хрипуны правобережья р. Исеть, неподалеку от сёл Красногорское и Ботники в Исетском р-не Тюменской обл. (ил. 1). Первоначально для сканирования была выбрана территория размерами 60х20 м, где в последующем и был заложен первый раскоп с материалами эпохи раннего железного века. Расположение раскопа было обусловлено анализом полученных радарограмм предварительного сканирования, частота которых чаще составляла 1,0 м (в отдельных случаях – 0,5 м). При анализе радарограмм были выявлены наиболее явные аномалии участка, они впоследствии были соотнесены с планом раскопа в той части, где фигурировало сооружение (ил. 2).

Геолокация преследовала цель не только получить данные о мощности культурного слоя и расположении сооружений, но и верифицировать результаты, полученные при съёмке для более правильного



Ил. 1. Поселение Хрипуновское 1. Карта–схема

Ил. 2. **Поселение Хрипуновское 1.** Радарограмма и сооружение 1 обнаруженное георадарным методом (стрелками указаны границы сооружения)

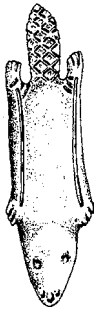
использования прибора на подобных объектах в будущем. При применении георадара был также поставлен вопрос не только о явных аномалиях, связанных с нарушением слоя и находками, но и о границах памятника и протяжённости культурного слоя.

Применение этого метода отчасти позволяет точно установить расположение сооружений на площади памятника, однако остается вопрос об использовании межжилищного пространства и его фиксации. Решить его можно, проведя, во-первых, традиционные крупномасштабные площадные раскопки, во-вторых, рекогносцировочные точечные почвенные разрезы, в-третьих, сочетая георадарное сканирование с магнитометрическими методами.

На текущий момент можно говорить, что георадар необходим для уточнения расположения раскопа, помогая исследователю провести точечную выборку сооружения или группы сооружений, определить полноту исследования памятника, оценить мощность культурных слоёв для последующих изысканий.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Франтов Г.С., Пинкевич А.А.** Геофизика в археологии. — Л.: Недра, 1966. — С. 4—7.



Из опыта проведения этнологической экспертизы в Урало-Сибирском регионе*

В.Н. Адаев
г. Тюмень
Институт гуманитарных исследований
Тюменского государственного университета

Этнологическая экспертиза представляет собой одно из перспективных направлений исследовательской работы. Причём это то направление, которое по праву может носить эпитеты «прикладной» и «неотложной этнографии». Тем не менее в силу отсутствия поддерживающих законодательных актов этнологическая экспертиза не является пока обязательной.

У меня имеется опыт участия в нескольких подобных исследовательских проектах[1], и все они проходили в рамках историко-культурной экспертизы, т.е. параллельно с археологическими исследованиями. Поэтому при дальнейшем освещении проблемы закономерно сопоставление, проведение параллелей между археологическим и этнографическим направлениями историко-культурной экспертизы.

Но сначала необходимо остановиться на истории и правовой базе такого явления современной российской действительности, как этнологическая экспертиза.

ПРЕДЫСТОРИЯ ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Идея проведения этнологической экспертизы для нашей страны далеко не нова. Так, ещё в советские годы существовала практика, когда этнографы по итогам полевых исследований в регионах Севера и Сибири составляли докладные записки для местных и центральных органов власти. Эти материалы носили закрытый характер, освещали проблемы социально-культурного и экономического развития народов Севера и давали рекомендации по их решению. Кстати, часть этих

---

* Данная статья представляет собою публикацию доклада, сделанного на науч.-практ. конф. «Проблемы сохранения и использования культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры», проведённой Учреждением ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия» в г. Ханты-Мансийске 24—28 ноября 2008 г.

материалов в настоящее время опубликована в нескольких специальных сборниках[2].

В кон. 1990-х гг. при участии этнографов разрабатывался проект закона «О государственной этнологической экспертизе». Однако этот документ, как образно было сказано одним из его разработчиков, *«буквально канул в недрах Минната в результате непрерывных бюрократических перестановок»*[3].

Сейчас в российском федеральном законодательстве существует лишь понятие «этнологическая экспертиза», поддерживающего же её закона пока нет. В Федеральном законе от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (ст. 1 п. 6) дано такое определение: «*Этнологическая экспертиза – научное исследование влияния изменений исконной среды обитания малочисленных народов и социально-культурной ситуации на развитие этноса*». В этом же законе говорится, что представители коренных малочисленных народов имеют право участвовать в проведении такой экспертизы. По одному из предложенных учёными определений этнологическая экспертиза призвана дать оценку возможных последствий реализации тех или иных программ и проектов развития (в том числе промышленного освоения природных ресурсов), которые затрагивают своим влиянием традиционные места проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов[4].

Вместе с тем, пока не принят закон, не ясно, кто может быть инициатором проведения экспертизы и на чьи средства она должна проводиться. Иными словами, не отработан механизм получения социального заказа на проведение экспертизы и не определены источники её финансирования. Актуальны и вопросы конкретного содержания этнологической экспертизы: например, только ли в отношении коренных малочисленных народов она должна проводиться в обязательном порядке; каковы критерии оценки устойчивого развития коренного населения и др.

ЮРИДИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Тем не менее в последние годы законодательная работа в данном направлении велась. В нач. 2007 г. Госдума РФ приняла к рассмотрению проект изменений в Закон «Об экологической экспертизе», предусматривающих проведение этнологической экспертизы в рамках

экологической. Авторами этой законодательной инициативы стали депутаты Сахалинской областной Думы, которые в настоящее время являются главными лоббистами продвижения закона об этнологической экспертизе. В октябре 2007 г. в Совете Федерации состоялись парламентские слушания на тему с весьма обнадёживающим названием: «Правовое обеспечение этнологической экспертизы как обязательного условия при освоении северных территорий». На обсуждение были вынесены вопросы обязательности проведения этнологической экспертизы при принятии решения о хозяйственной или иной деятельности в местах проживания коренных малочисленных народов, о месте этнологической экспертизы в системе законодательства Российской Федерации и о критериях устойчивого развития коренных малочисленных народов, которые должны учитываться при проведении этнологической экспертизы.

В рекомендациях парламентских слушаний Федеральному Собранию было предложено ускорить доработку Федерального закона «О защите исконной среды обитания, традиционного образа жизни и традиционного природопользования коренных малочисленных народов Российской Федерации». Также рекомендовалось рассмотреть вопрос о необходимости подготовки и принятия проекта отдельного федерального закона, регулирующего вопросы этнологической экспертизы. Правительству Российской Федерации было предложено определить федеральные органы исполнительной власти, отвечающие за организацию и проведение этнологической экспертизы. Органам государственной власти субъектов РФ было рекомендовано разработать и принять региональные нормативные акты, регламентирующие организацию и проведение этнологической экспертизы, предусмотреть соответствующие разделы в программах социально-экономического развития регионов[5].

Пока же имеющаяся правовая неопределённость позволяет некоторым промышленным компаниям противодействовать экспертизе, выступая с заявлениями, подобными тому, что было сделано компанией «Сахалин Энерджи» 23 января 2005 г.: *«Нам не известны юридические основания для проведения дополнительной этнологической экспертизы, а также границы такой экспертизы в случае её проведения. Нам не известно о существовании в этой сфере каких-либо методик определения количественно выраженного воздействия, которые были бы утверждены российскими нормами или приняты в международной нефтегазовой отрасли»*[6].

Тем не менее экспертиза пусть не повсеместно, но осуществляется. Вот несколько примеров:

- ЯНАО (2001 г.). При активном содействии ассоциации «Ямал — потомкам!» ОАО «Газпром» дал согласие на проведение этнологической экспертизы по проекту поисково-оценочных работ на газ в акваториях Тазовской и Обской губ.
- Кемеровская обл. (2004 г.). При содействии экологов была проведена этнологическая экспертиза характера промышленного воздействия на системы жизнеобеспечения сельских групп шорцев в Кемеровской обл.
- Республика Бурятии (2005 г.). Иркутская региональная общественная организация «Байкальская экологическая волна» обратилась к руководителям Республики Бурятия с предложением инициировать этнологическую экспертизу проекта строительства нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан в части его влияния на традиционный образ жизни и исконную среду обитания коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Северобайкальского и Муйского р-нов. Предложение организации подкреплялось результатами социологического опроса населения.
- Сахалинская обл. (2006 г.). Этнологическая экспертиза состоялась в рамках реализации трёхстороннего соглашения о сотрудничестве в области социально-экономического развития коренных малочисленных народов Севера, заключённого между администрацией области, коренными малочисленными народами Севера и нефтегазодобывающими компаниями.

Список этот далеко не полный. Как видим, прецедентов хватает, и на примере Сахалинской обл. можно сделать вывод, что экспертиза проводится даже там, где этому оказывается активное противодействие. Решающее значение для положительного решения в пользу её проведения имеют активность коренного населения и грамотная юридическая поддержка (чаще всего такую поддержку осуществляют общественные организации по защите прав коренного населения либо экологические).

ФОРМЫ ПРОВЕДЕНИЯ ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Этнологическая экспертиза в настоящее время может осуществляться в трёх вариантах:

а) как самостоятельное исследование;
б) в рамках экологической экспертизы;
в) в рамках историко-культурной экспертизы.

Первый вариант, безусловно, является наиболее удобным в плане реализации качественного исследования: здесь этнологические материалы ставятся во главу угла, а не вписываются в малоприспособленную для них форму. Именно в этом случае можно максимально полноценно решить задачи этнологической экспертизы, реализовать комплексный подход к исследованию, привлекая к этнологической работе других специалистов — экологов, экономистов, демографов, социологов, медицинских работников, юристов и др.

Возможны варианты совмещённых экспертиз. Сближение задач экологической и этнологической экспертиз проявляется в подходе к территориям традиционного природопользования как к особо охраняемым природным территориям, на которых устанавливается особый режим их использования. Как видно из существующих попыток утвердить проведение этнологической экспертизы в рамках экологической, такой комплексный вариант представляется сейчас законодателям наиболее предпочтительным.

Однако нужно напомнить, что этнологическая экспертиза, согласно юридически закреплённому определению, должна включать два больших блока информации. Первый касается изменений среды обитания малочисленных народов, второй — социально-культурной ситуации. И если в рамках эколого-этнологического варианта экспертизы первый аспект, бесспорно, найдёт своё достойное отражение, то по поводу второго возникают некоторые сомнения. Особенно в части такой важной темы, как сохранение историко-культурного наследия этносов. Эта тема вполне логично может быть отнесена к сфере историко-культурной экспертизы, которая, в свою очередь, тоже не может претендовать на полное соответствие поставленным этнологическим задачам. То есть в любом из совмещённых вариантов экспертизы пока неизбежны сложности с включением весомого блока тематически «чужеродной» информации.

ЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В РАМКАХ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В моём практическом опыте этнологические исследования, осуществлённые в рамках историко-культурной экспертизы, шли своеобразным «довеском» к археологическим изысканиям и обычно печатались в итоговом отчёте отдельным томом. На деле даже в отношении историко-культурных объектов задачи экспертизы у этнографов значительно отличаются от археологических, так как они не ограничиваются сохра-

нением и/или изучением зафиксированных памятников, но имеют дело с живыми людьми, ныне существующими этническими культурами.

Вообще, к задачам такой совмещённой (а значит, и не полномасштабной) этнологической экспертизы относятся:

- оценка возможных последствий реализации рассматриваемого проекта для систем традиционного природопользования;
- выявление информации о наличии в районе проведения промышленных работ объектов историко-культурного наследия коренного населения;
- выявление скрытых конфликтных ситуаций с коренным населением и их предупреждение;
- выработка рекомендаций по взаимодействию с коренным населением в рамках реализации проекта.

Не лишённым оснований, на мой взгляд, является предложение различать этнологическую экспертизу и этнологическую (социальную) оценку. Под собственно этнологической экспертизой понимается инструмент контролирующего органа, результаты которого имеют правовые последствия в форме разрешения либо запрещения того или иного проекта хозяйственной деятельности, тогда как этнологическая оценка — это инструмент заказчика, она направлена, прежде всего, не на запрещение какой-либо деятельности, а на доработку проектов, снижение негативных и оптимизацию положительных эффектов. При этом процесс оценки интегрирован в процесс проектирования, идёт с ним параллельно, а не только его завершает[7].

Все исследовательские проекты, в которых мне довелось участвовать, относятся, согласно вышеприведённой градации, к категории этнологической оценки (тем не менее я продолжу в данной работе пользоваться устоявшимся термином «этнологическая экспертиза»). Думается, что внимание заказчиков к юридически необязательному для них виду экспертизы продиктовано, прежде всего, имевшими место громкими конфликтными ситуациями с коренным населением. Немаловажным фактором стало также появление в России иностранных компаний, для которых предварительная оценка последствий реализации проектов в отношении коренного населения является устоявшейся практикой. Не последнюю роль в этом играет Операционная директива Всемирного Банка 4.10., согласно которой только при выполнении этих условий заёмщик может получить кредит на свою деятельность[8].

Теперь ещё раз о сопоставлении работы археолога и этнографа в рамках заказанной историко-культурной экспертизы. Именно в этом

случае для второго наиболее остро встают вопросы профессиональной этики. Этнограф оказывается в неоднозначной ситуации: с одной стороны, он зачастую внутренне симпатизирует представителям «изучаемого» народа, с другой — вынужден давать организации-заказчику рекомендации по безболезненному обхождению острых углов. В связи с этим невольно вспоминаются этнографы-шпионы XIX в., консультировавшие колониальные правительства по вопросам «освоения» новых территорий. Явно, что этическая сторона работы не предстаёт в таком остром виде перед археологами — у них ответственность в большей степени ощущается перед коллегами.

Как правило, работы по заказанной историко-культурной экспертизе носят срочный характер. Поэтому весьма желательно, чтобы их осуществляли те специалисты, которые лучше владеют материалом, имеют опыт работы в изучаемом регионе, были бы «полевиками». На мой взгляд, здесь опять же более остро стоит вопрос именно перед этнографами, так как в их исследованиях подчас привлекаются те знания и та информация, которые не отражены в научных публикациях или отчётах. Кроме того, существует большая разница между обязательной формой археологического отчёта, регламентированного по форме и месту хранения, и опубликованными этнографическими наблюдениями и исследованиями, сделанными на основе полевых материалов. Нередкое явление среди этнографов — слабая информированность о деятельности коллег. Бывает весьма сложно установить, кто именно и по какой теме работал в последние годы на какой-то конкретной территории.

Приведу ещё одно важное основание необходимости для этнографа опыта работы в том регионе, где проводится исследование. Это особенности получения информации о священных местах у северных народов. Обычай сокрытия такой информации от посторонних берёт своё начало в традициях коренного населения и нередко соблюдается даже перед лицом реальной угрозы сохранности священного места. Понятно, что вопрос доверия к этнографу со стороны местного (коренного) населения играет здесь далеко не последнюю роль. Кроме прочего, этнографу не избежать роли консультанта для местных жителей по поводу предстоящих изменений в их жизни. Будучи заложником такой ситуации, важно до конца выдержать максимально объективную позицию в решении противоречий между интересами промышленной компании и местных жителей.

И последнее, на чём хотелось бы акцентировать внимание. В связи с тем, что этнографическая составляющая историко-культурной экспертизы формально не является для заказчика обязательной к исполнению, необходимо с большим вниманием подойти к стилю и содержанию этой части отчёта. Рекомендации и отражаемая в отчёте информация должны носить выраженную практическую направленность, быть логически обоснованными и предельно понятными, т.е. написанными без «воды» в тексте и доступным языком.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Три работы были связаны с разработкой нефтяных месторождений в Уватском р-не Тюменской обл., две – с проектом строительства транспортного коридора программы «Урал Промышленный – Урал Полярный» на территории Ивдельского р-на Свердловской обл., ХМАО – Югры и ЯНАО.

[2] Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1956–1958 годы. – М., 2004. – 370 с.; Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1959–1962 годы / Под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2005. – 411 с.; Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1963–1980 годы / Под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2006. – 380 с.; Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1985–1994 годы / Под ред. З.П. Соколовой, Е.А. Пивневой. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 2007. 316 с.

[3] Круглый стол: «Нужна ли этнологическая экспертиза в России, и какой она может быть» // Интернет-ресурс: http://www.council.gov.ru/files/journalsf/item/20070604164211.pdf

[4] Опыт проведения этнологической экспертизы: Оценка потенциального воздействия программы ОАО «Газпром» поисково-разведочных работ в акваториях Обской и Тазовской губ на компоненты устойчивого развития этнических групп коренных малочисленных народов Севера / Д.Д. Богоявленский, Е.П. Мартынова, О.А. Мурашко, Е.Н. Хмелева, Ю.Я. Якель, О.А. Яковлева. – М., 2002. – С. 5.

[5] Интернет-ресурс: http://www.council.gov.ru/inf_ps/parlisurvey/2007/11/63/item2535.html

[6] Интернет-ресурс: http://www.greenpeace.org/russia/ru/news/22374.

[7] Круглый стол...

[8] См. подробнее: **Мурашко О.А.** Этнологическая экспертиза (на примере Программы поисково-оценочных работ в акваториях Обской и Тазовской губ) // Интернет-ресурс: http://www.raipon.org/Default.aspx?tabid=489

Изучение историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа - Югры

Остатки средневекового котла из Усть-Полуя

Ю.В. Ширин
г. Новокузнецк
Историко-архитектурный музей «Кузнецкая крепость»

Первый исследователь городища Усть-Полуй В.С. Адрианов среди прочих находок, сделанных им в 1935 г. при разведочных раскопках этого памятника, упомянул пакет «из бронзовых листьев, в качестве материала для литья»[1]. В коллекции Усть-Полуя действительно есть «пачка» листов цветного металла[2], но не бронзовых, а медных (таблица). Листы меди толщиной около 1 мм, собранные в этой «пачке», имеют рваные края и неправильную подпрямоугольную форму. Размер наиболее крупного из фрагментов не превышает 150х180 мм. Судя по объёму, в «пачке» смяты и сцеплены друг с другом не менее пяти хрупких обрывков. Более точно число листов установить сложно без их разрушения. На некоторых кромках медных листов есть утолщения или нарезки через 6—7 мм (почти перпендикулярные кромке), образующие своеобразную «бахрому» длиной около 10 мм (ил. 1). Перечисленные признаки вполне определённо показывают, что эти листы металла являются остатками разделённого на пластины крупного медного сосуда, вероятнее всего — котла.

Технология изготовления крупных медных сосудов из листового металла, путем склёпывания зубчатых краёв, судя по всему, получает распространение не ранее кон. I тыс. Соединительный шов выполнялся кузнечной сваркой «в расщеп», по «принципу сцепленных пальцев». «Бахрома» соединительного шва могла иметь форму трапеции или прямоугольника. При кузнечной сварке «в расщеп» края заготовок надрезались на глубину до 1 см через одинаковое расстояние, затем «бахрома» разгибалась в разные стороны через один зубец. После этого края совмещались, отжимались и проковывались. Отличие в технике кузнечной сварки различных эпох заключается в ширине нарезки. Для поздней этнографической посуды длина шага равна 5 см, для более ранней она гораздо меньше — до 0,5 см.

Ил. 1. **Усть-Полуй.** Один кусок (с нарезкой зубьев для соединения швов) из «пачки» листовой меди от разрубленного котла. Из раскопок В.С. Адрианова. *Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, инв. № 5331-575*

Для обитателей Нижнего Приобья наиболее вероятными источниками клёпаных медных котлов могли быть производственные центры Приуралья. Ширина нарезки зубьев на листах металла из Усть-Полуя (6—7 мм) соответствует технологической традиции ремесленных центров Приуралья рубежа XI—XII вв.[3] Медные котлы со сходными зубчатыми швами найдены в погребениях Ликинского могильника юдинской культуры X—XIII вв. в верховьях р. Лозьвы[4]. Сходные остатки медных котлов были найдены на Таймыре на стоянках Новорыбное III и Пясина VI, датированные Л.П. Хлобыстиным по аналогии с подобными находками на р. Таз перв. пол. II тыс. н. э.[5] На этих памятниках были найдены вырубленные участки с зубчатыми швами и утолщенными краями котлов. Изготовленные таким же способом крупные металлические сосуды изредка сопровождают погребения втор. пол. XII—XIII вв. и

в Восточной Европе[6]. Примеры переиспользования листового металла вышедших из употребления привозных котлов с зубчатым соединением швов известны в Притоболье и в Южной Сибири. Здесь найдены характерные зубчатые кромки медных листов[7]. Все эти находки также не моложе X в., хотя источник поступления южносибирских котлов, видимо, был иным.

Таблица

Результат анализа металла котла из Усть-Полуя[8]

№	Предмет	Cu	As	Sn	Pb	Sb	Ni	Прочие
5331–575	Котёл	Осн.	< 0,3	—	< 1,0	Сл.	Сл.	Ag

Что касается характера переиспользования листовой меди от испорченных средневековых котлов, то вряд ли это могло быть литьё. При попытке переплавить сравнительно тонкие медные листы слишком много металла, с учетом поверхностных окислов, было бы утрачено в результате «угара». Вероятнее всего, листовой металл использовался собственно как поделочный материал. Об этом красноречиво свидетельствуют найденные на поселениях вырубленные участки котлов — края листов с зубчатыми швами и утолщениями. В противном случае они были бы переплавлены в первую очередь.

В ходе систематизации материалов Усть-Полуя В.Н. Чернецовым и В.И. Мошинской было уточнено место и условия обнаружения листов меди. Они были найдены в кв. 24 раскопа II, на участке, где в культурном слое были сосредоточены многочисленные материальные остатки литейного производства и разнообразные изделия из камня и кости[9]. Не вполне ясно, почему атрибуция листовой меди в подготовленных публикациях была не полной — средневековые медные котлы с зубчатым соединением швов были хорошо известны В.Н. Чернецову. Он неоднократно упоминает об этих изделиях при характеристике памятников Нижнего Приобья нач. II тыс., полагая, что с распространением медных котлов происходит постепенное исчезновение из быта местных народов керамики.

В этой связи невольно вспоминается замечание Н.В. Фёдоровой о сходном умолчании В.Н. Чернецова: «Небольшое недоразумение произошло и с находками на дюнной стоянке (второй памятник, найденный и обследованный В.Н. Чернецовым в районе мыса Тиутей, расположенный непосредственно на берегу Карского моря). В статье 1935 г. после описания керамики читаем: *«Кроме перечисленных предметов, на дюнах был найден кусочек листовой меди и обломок совершенно*

изоржавевшего железного предмета вроде ножа» (Чернецов, 1935, с. 111). Эти строчки отсутствуют в работе 1953 г. Опять же, умолчание довольно серьёзное. Дело в том, что «кусочек листовой меди», вернее, фрагмент стенки медного котла, как и железный нож, никак не могли оказаться в материале памятника, который в 1953 г. В.Н. Чернецовым был отнесен к самому началу железного века, к доустьполуйскому времени»[10].

Причины подобных умолчаний остаются в области догадок. Факт состоит в том, что наличие в материалах Усть-Полуя средневековых комплексов В.Н. Чернецовым отрицалось. Не исключено, что такой категоричности В.Н. Чернецова в хронологической оценке Усть-Полуя косвенно могла способствовать его дискуссия с М.П. Грязновым, который столь же категорично настаивал на средневековом возрасте практически всего комплекса находок. М.П. Грязнов, датируя усть-полуйские комплексы VII—VIII вв., отмечал более поздний облик костяных изделий из них по сравнению с ананьинско-пьяноборскими. В частности, он проводил параллели в сюжетах и стилистических особенностях костяной пластики Усть-Полуя с бронзовыми рукоятками для кресал из Приуралья сер. и втор. пол. I тыс.[11] К сожалению, в ходе этой дискуссии осталась без должного рассмотрения точка зрения М.П. Грязнова, согласно которой параллели усть-полуйской керамике находятся в памятниках не ананьинско-пьяноборского времени, а ломоватовского и позже. Он также полагал, что немало аналогий для керамики и инвентарных комплексов Усть-Полуя можно найти в памятниках X—XIV вв.[12]

К 1980-м гг., с расширением круга источников по археологии Нижнего Приобья, стала очевидна необходимость пересмотра хронологии, по крайней мере, одного из типов керамики Усть-Полуя — I(В) группы. В своё время, пытаясь на основе скудных тогда источников установить примерное хронологическое место керамики этого типа, В.Н. Чернецов привлёк в качестве аналогии ананьинскую воротничковую керамику[13]. Теперь же многочисленные археологические наблюдения, сделанные независимо друг от друга разными исследователями, позволяют отнести I(В) группу керамики к раннему Средневековью[14].

Несмотря на то, что раннесредневековая керамика на Усть-Полуе была выделена, инвентарный комплекс святилища (изделия из кости, рога и металла) подобной ревизии не подвергался. Этого не произошло и после возобновления в 1990-х гг. археологических исследований на Усть-Полуе. Напротив, некоторые типологически поздние предметы

даже из случайных находок на площади святилища были отнесены к I в. до н. э.[15] По отношению же к керамической коллекции Усть-Полуя вычленение инокультурных комплексов вскоре продолжилось.

В 1990-х гг. из 2(Б) группы усть-полуйской керамики было предложено выделить особый культурный комплекс — перегрёбнинский. Выделению керамики перегрёбнинского типа способствовало исследование «чистых» комплексов данной керамики на ряде однослойных памятников Нижнего Приобья[16]. Для этой керамики, в частности, характерно использование в орнаменте, наряду с гребёнкой, оттисков крупновитого шнура. В.М. Морозов и Ю.П. Чемякин сочли возможным сохранить за перегрёбнинскими комплексами место внутри эпохи раннего железа, но отнесли их к её наиболее раннему этапу. Хронология памятников перегрёбнинского типа предварительно была синхронизирована с белоярской культурой Сургутского Приобья (VII — рубеж IV—III вв. до н.э. — по Ю.П. Чемякину). Ю.П. Чемякин не исключает возможности определённого омоложения перегрёбнинских комплексов, но не далее ранней стадии кулайского этапа Сургутского Приобья (посл. четверть I тыс. до н. э. — по Ю.П. Чемякину)[17].

Очевидно, что датировка перегрёбнинских комплексов пока во многом условна. Прежде всего, она основана на некотором типологическом сходстве перегрёбнинской керамики с керамикой упомянутых выше комплексов Сургутского Приобья. Не в меньшей степени предложенная для перегрёбнинских комплексов датировка была связана и с современными представлениями о хронологическом составе комплексов Усть-Полуя. Свою роль в установлении хронологии перегрёбнинских комплексов, видимо, сыграла и необходимость найти источник шнуровой орнаментации, встреченной на этой керамике и не имеющей местных корней в Нижнем Приобье. Если принять, как В.Н. Чернецов и В.И. Мошинская, в качестве такого источника ананьинское культурное влияние, следует учитывать практически полное исчезновение шнуровой орнаментации в Прикамье на рубеже III—II вв. до н. э.[18] Но, возможно, не исключался и иной культурно-хронологический контекст распространения шнуровой орнаментации в Зауралье[19].

К этому следует добавить, что, по мнению ряда исследователей, гребенчато-шнуровой керамике из 2(Б) группы Усть-Полуя по оформлению венчиков и характеру орнаментации более близка керамика нижнеобских поселений Юган-Горт VI и Юган-Горт VII, отличающаяся от перегрёбнинской[20].

В своё время В.Н. Чернецов и В.И. Мошинская отнесли распространение шнуровой орнаментации на нижнеобской керамике к усть-полуйскому времени и предшествующему периоду. Как уже было отмечено выше, этот тип орнамента связывался с ананьинским культурным влиянием (как и своеобразные воротнички у зеленогорской керамики). В.Н. Чернецов также отметил временное исчезновение шнуровой орнаментации на ярсалинском этапе[21].

Теперь, с выделением в комплексах Усть-Полуя шнуровой керамики зеленогорской культуры (раннего Средневековья) и типа Юган-Горт (с неясной датировкой), отсутствие шнура в ярсалинской орнаментации уже не воспринимается как неожиданное исчезновение. Возможно, массово представленных шнуровых орнаментов до этого вообще не было.

Единичные случаи использования в орнаментации керамики шнура известны в керамических комплексах Северного Зауралья. В.Д. Викторовой они отнесены к комплексам, которые культурно вполне сопоставимы с ярсалинскими — синдейского и туманского типов[22]. Но следует заметить, что шнур в этих комплексах столь же редок, как и в постананьинских памятниках Прикамья. При этом не исключено, что наличие шнура в орнаменте керамических комплексов туманского типа является отражением контактов с кашинской культурой Притоболья, в которой шнуровая орнаментация представлена более широко[23]. В этой связи следует заметить, что для раннесредневековых комплексов Прикамья, где также не исключается сохранение навыков шнуровой орнаментации керамики через гляденовскую традицию (крайне редко, но на гляденовской керамике использование шнура встречается), всё же в качестве основного импульса новой волны широкого распространения таких орнаментов (например, в ломоватовской культуре) исследователи предполагают влияние пришлого населения из горно-лесного Зауралья[24].

Просматривая коллекции усть-полуйской керамики в собрании Музея антропологии и этнографии РАН, мы отметили, что для гребенчато-шнуровой керамики Нижнего Приобья более вероятна близость (с точки зрения влияния) не к западным (Верхнее Прикамье, Печорское Приполярье), а именно к зауральским средневековым памятникам с гребенчато-шнуровой орнаментацией сосудов. Сходная гребенчато-шнуровая орнаментация встречена и на керамике ряда памятников, традиционно относимых к усть-полуйской культуре, например на городище Няксимволь. На этом памятнике, кроме нескольких хро-

нологически последовательных комплексов эпохи раннего железа, можно выделить инвентарный комплекс раннего Средневековья. Ряд специфических элементов, использованных в шнуровой орнаментации керамики Усть-Полуя (например, подковообразные оттиски шнура на плечике сосуда), не исключают отнесение, по крайней мере, этих сосудов к эпохе Средневековья.

По мнению В.Д. Викторовой, керамика с оттисками крупновитого шнура в Северном Зауралье получает широкое распространение только в Средневековье, через тынскую и юдинскую культуры[25]. В связи с рассматриваемыми материалами особое значение имеет находка медных котлов с зубчатыми швами в погребениях Ликинского могильника юдинской культуры X—XIII вв. в верховьях р. Лозьвы. Здесь они найдены в сочетании с глиняными сосудами с короткой слабопрофилированной шейкой, украшенной орнаментом, в котором, кроме гребенчатых элементов, использованы и горизонтальные оттиски крупновитого шнура.

Новые исследования в Нижнем Приобье показывают, что существует насущная необходимость повторного (имея в виду единственную такую работу, проделанную в своё время В.И. Мошинской[26]) общего детального анализа огромного керамического комплекса Усть-Полуя. При этом следует осознавать возможную хронологическую и культурную неоднородность той части усть-полуйской коллекции, которая пока традиционно считается однородной.

Обнаружение в культурном слое Усть-Полуя остатков котла периода развитого Средневековья вновь демонстрирует более сложный хронологический состав комплекса данного святилища, чем обычно представляется.

Не потеряла своей актуальности и задача, сформулированная В.Н. Чернецовым более 50 лет назад: *«Изучение памятников с керамикой, украшенной шнуром, видимо, отражающих культуру угорских племён Среднего Зауралья, — наша неотложная задача на ближайшее время»*[27]. Судя по последним публикациям, проблема распространения шнуровой орнаментальной традиции в Нижнем Приобье всё ещё далека от глубокой проработки. Крайне ограниченная источниковая база, лежащая в основе тех или иных утверждений по этому поводу, пока не позволяет уверенно принять какой-либо из предлагаемых вариантов культурно-хронологического определения шнуровых комплексов данного региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Адрианов В.С.** Разведочная раскопка в устье реки Полуя у г. Сале-Харда (АН СССР Институт антропологии и этнографии. Отчётная археологическая сессия). Резюме доклада. — Л., 1936; Он же. Раскопки у Салехарда в 1935 г. // Сов. археология. — М., 1936. — № 1. — С. 278.

[2] Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Инв. № 5331—575.

[3] **Руденко К.А.** Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII—XIV вв. — Казань, 2000. — С. 22—35.

[4] **Викторова В.Д.** Древние Угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси). — Екатеринбург, 2008. — Рис. 111.

[5] **Хлобыстин Л.П.** Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур севера Евразии. — СПб., 1998. — С. 136. Рис. 141 — *3—7*.

[6] **Плетнёва С.А.** Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья. — М., 1981. — С. 216.

[7] **Матвеева Н.П.** Новые средневековые памятники из лесостепи Среднего Притоболья // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. — Томск, 1997. — Рис. 6 — *1—38*; **Эрдниев У.Э. и др.** Памятные места города Сталинска. — Кемерово, 1956. — С. 13; **Эрдниев У.Э.** Городище Маяк. — Кемерово, 1960. — С. 19; Обрывки медных листов с краевой нарезкой найдены на поселении Базинское в Хакассии (благодарю автора раскопок В.В. Тараканова за возможность использовать неопубликованную информацию).

[8] Состав металла определен по методу рентгенофлюоресцентного анализа в Экспертной лаборатории Государственного Эрмитажа С.В. Хавриным.

[9] **Чернецов В.Н.** Бронза усть-полуйского времени // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1953. — № 35: Древняя история Нижнего Приобья. — С. 146; **Мошинская В.И.** Археологические памятники Севера Западной Сибири. — М., 1965. — С. 11—12.

[10] **Фёдорова Н.В.** Призраки и реальности ямальской археологии // Российская археология. — М., 2002. — № 2. — С. 102.

[11] **Грязнов М.П.** История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. — М.;Л., 1956. — № 48. — С. 139.

[12] **Грязнов М.П.** История древних племен Верхней Оби... — С. 138—139.

[13] **Чернецов В.Н.** Древняя история Нижнего Приобья // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1953. — № 35: Древняя история Нижнего Приобья. — С. 68.

[14] **Морозов В.М.** К вопросу о зеленогорской культуре // Хронология памятников Южного Урала. — Уфа, 1993. — С. 102—109.

[15] Усть-Полуй: I век до н. э.: Каталог выставки. — Салехард; Санкт-Петербург, 2003. — № 186, 187.

[16] **Морозов В.М.** Новое в изучении усть-полуйской культуры // XIII Уральское археологическое совещание. — Уфа, 1996. — Ч. II. — С. 40—41.

[17] **Чемякин Ю.П.** Барсова Гора: Очерки истории Сургутского Приобья. Древность. — Сургут; Омск, 2008. — С. 63, 91.

[18] **Генинг В.Ф.** Этническая история Западного Приуралья на рубеже нашей эры (пьяноборская эпоха III в. до н. э. — II в. н. э.). — М., 1988. — С. 63.

[19] **Морозов В.М.** История изучения раннего средневековья горно-лесного Урала // Новые археологические памятники Камско-Вятского междуречья. — Ижевск, 1988. — С. 116.

[20] **Косинская Л.Л., Дубовцева Е.Н.** Комплексы раннего железного века в Войкарском археологическом микрорайоне // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. — Томск, 2008. — С. 128.

[21] **Чернецов В.Н.** Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — № 58: Культура древних племён Приуралья и Западной Сибири. — С. 223—224.

[22] **Викторова В.Д.** Туманское I поселение, святилище, костище // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. — Екатеринбург, 1999. — Вып. 3. — С. 131—137.

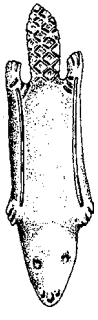
[23] **Чикунова И.Ю.** Керамические комплексы кашинской культуры на памятниках раннего железного века Притоболья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. — Новосибирск, 2008. — № 9. — С. 72. Рис. 1.

[24] **Голдина Р.Д.** Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. — Иркутск, 1985. — С. 143—144.

[25] **Викторова В.Д.** Древние угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси). — Екатеринбург, 2008. — С. 118.

[26] **Мошинская В.И.** Керамика усть-полуйской культуры // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1953. — № 35: Древняя история Нижнего Приобья. — С. 107—120.

[27] **Чернецов В.Н.** Нижнее Приобье в I тыс. н. э. ...— С. 224.



«Синий туман, голубоватый дым» (к вопросу о письменных источниках XVIII в. по истории северных групп хантов и манси)

А.В. Бауло
г. Новосибирск
Институт археологии и этнографии
Сибирского отделения Российской Академии наук

История и культура северных групп хантов и манси продолжают привлекать внимание исследователей. Авторы, обращающиеся к описанию их религиозно-обрядовой практики в восемнадцатом столетии, имеют в своем распоряжении весьма узкий круг источников, включающий в том числе сведения Г. Новицкого, И.Б. Мюллера, В.Ф. Зуева и архивного документа в публикации А.И. Андреева.

Данная статья посвящена анализу указанных источников с целью выяснения их оригинального или вторичного характера. Два источника (труды Г. Новицкого и И.Б. Мюллера) относятся к 1712–1715 гг., ещё два (сочинение В.Ф. Зуева 1773 г. и архивный документ 1784 г.) – к последней четверти того же восемнадцатого столетия.

«Малороссиянин», казачий полковник Г. Новицкий, сосланный Петром I в Сибирь в 1712 г., входил в состав миссии Филофея Лещинского, крестившего вогулов и остяков в 1712–1715 гг. Путевые записки в 1715 г. были оформлены в «Краткое описание о народе остяцком», пролежавшее в архиве Тобольского кафедрального собора до его издания в 1884 г.[1]

Немец И.Б. Мюллер – драгун шведской службы, капитан, оказавшийся в русском плену в Сибири, – также участвовал в миссии Ф. Лещинского в 1713 г. Его книга «Нравы и обычаи остяков» была издана на немецком языке в 1720 г. в Берлине, на французском – в 1725 г. в Амстердаме и имела в XVIII в. общеевропейскую известность. Русскоязычный перевод в электронном виде вышел на компакт-диске в 2003 г.[2] Большинство исследователей сходятся в том, что труд И.Б. Мюллера основан на рукописи сочинения Г. Новицкого.

В.Ф. Зуев – участник экспедиции П.С. Палласа – посетил Север Западной Сибири в 1771 г. Будущий академик передал материалы руководителю экспедиции, который включил их в свою работу[3], и в

Академию наук, в архиве которой они пролежали до публикации в 1947 г.[4]

История четвертого документа связана с тем, что в 1782 г. Кабинет императрицы Екатерины II затребовал с мест сведения по разным вопросам, касающимся ясачного населения Сибири. Спустя полтора века два документа по Берёзовской округе были обнаружены в Воронцовском собрании Ленинградского отделения Института истории АН СССР. Они являются копиями, приготовленными для несостоявшейся публикации в 1789 г.[5]

«Вопросы о ясачных... иноверцах Берёзовской округи» оформлены в виде ответов на 38 вопросов; они подписаны местным капитаном-исправником И. Леонтьевым и относятся к 1782 г. Другой документ «В какой области какой обитает народ, просвещён крещением или в язычестве пребывающий, какие сей последний имеет предания в разсуждении своей древности, нравов, обычаев, богослужения и житейских обрядов, и не можно ль зделать оному список, разделяя оных на разные происхождения?» состоит из ответов на 18 вопросов и, по мнению А.И. Андреева, относится к 1784 г. Данный документ автором не подписан, а текст последнего абзаца А.И. Андреев относил к перу его издателя[6].

Таким образом, в настоящее время в распоряжении исследователей имеются четыре неравнозначных источника по истории вогулов и остяков XVIII в.: компилятивный труд И.Б. Мюллера и три работы (сочинения Г. Новицкого и В.Ф. Зуева, а также архивный документ 1784 г.), считавшиеся до недавнего времени оригинальными.

Однако в 1975 г. Н.А. Миненко указала на то, что содержание архивного документа 1784 г., опубликованного А.И. Андреевым, представляет собой «переработку, а местами прямую копию работы В. Зуева». По её мнению, составители документа в Петербурге *«использовали сведения академического архива, где хранились и работы В. Зуева, и ответные рапорты воеводских канцелярий на анкеты Татищева»*[7]. В 2003 г. мною была опубликована статья по этому же вопросу, где были подробно сопоставлены сюжеты из документа 1784 г. и из сочинения В.Ф. Зуева[8]. В итоге ряд сведений архивного документа 1784 г. также перешёл в разряд компилятивных источников, но оригинальность сочинения В.Ф. Зуева по-прежнему не подвергалась сомнению.

Почему никто не пытался сравнивать сочинения Новицкого и Зуева, сказать трудно; возможно, дело было в языке нач. XVIII в., сложном

для понимания современного читателя (язык Зуева всё же ближе к языку XX—XXI вв.). С другой стороны, и читателей у подобных работ обычно немного.

Опубликованный, наконец, на русском языке труд И.Б. Мюллера оказался более «читабельным», нежели труд Новицкого. Заметив совпадения ряда сюжетов у Зуева и Мюллера, оставалось лишь найти их истоки в сочинении Новицкого.

Внимательное прочтение Мюллера и Новицкого позволило увидеть, что и Зуев не является полностью самостоятельным автором; ряд красочных описаний обрядов остяков он заимствовал из изданной работы Мюллера (см. приложение 1, куда включены выдержки из всех четырёх рассматриваемых источников).

Напомним, что дневники и отчёты о поездке В.Ф. Зуева к «Ледовитому океану» не сохранились, его «Описание» являлось **сочинением**, а не публикацией путевых заметок, поэтому он вставил туда и скрытые цитаты из И.Б. Мюллера. Тем, что *«данная работа не предполагалась к печати и не была для этого предназначена»* (из письма П.С. Палласа)[9], возможно, объясняется и отсутствие указания на первоисточник.

Конечно, В.Ф. Зуев, проезжая Тобольск, мог ознакомиться и с рукописью Г. Новицкого, но, полагаю, цитирует он всё же Мюллера.

Дело в том, что у Новицкого в описании некоторых обрядов есть детали, которые у Зуева и Мюллера отсутствуют: например, первый упоминает про толмача при присяге; у него же волхование происходит «в тёмной хижине» (известный обряд ***турман-кол***, описанный позже А. Каннисто[10], В.Н. Чернецовым[11] и др.); волхва связывают, а у Зуева и Мюллера он связывается сам (что по сути неточно). Ну и, конечно, замечательная деталь у «малороссиянина» Г. Новицкого при описании извинения остяков перед шкурой медведя о том, что именно *«**Русак** укова железо»*[12].

В.Ф. Зуев старался добавить к цитатам И.Б. Мюллера и собственные наблюдения — например, такое: *«Когда они пред воеводою государю должны учинить присягу, то сведут их в одно место, а за множеством делят их на разные круги»*[13]. Другое дополнение (*«кожу оного зверя с головою, ногами и хвостом для украшения повесят на дерево»*) — увы, понято им было неправильно: шкуру жертвенного оленя до сих пор стараются повесить на дерево или максимально высоко поднять на колья не для украшения, а для того, чтобы жертва была ближе к небесным богам.

Цитирование В.Ф. Зуевым отрывков из И.Б. Мюллера о принесении присяги и клятвы сопровождается их приведением и на языке самоедов. Это может указывать на то, что в кон. XVIII в. их тексты не изменились по отношению к началу столетия, и будущий академик мог действительно наблюдать подобные церемонии.

Наличие собственных подробных полевых материалов о свадебном обряде у остяков и самоедов позволило В.Ф. Зуеву не приводить сведения о сватовстве из И.Б. Мюллера. При этом интересно, что по какой-то причине автор документа 1784 г. в этом пункте цитирует Мюллера, а не Зуева.

Общий итог сравнения отрывков одинакового содержания следующий:

1. Автор архивного документа 1784 г. воспользовался рядом положений из рукописи В.Ф. Зуева: о жертвоприношении оленя, почитании медведя, присяге перед воеводой, клятве при распрях, шаманском сеансе, об изготовлении временного вместилища души умершего, о татуировках. Приведённое выше мнение А.И. Андреева о том, что последний абзац документа (начинается со слов *«Чрез сие всякой благоразсудный человек...»*) написан издателем[14], неверно. Это продолжение текста из сочинения В.Ф. Зуева[15]. При этом автор текста 1784 г. был знаком и с одним из изданий И.Б. Мюллера, откуда и взял отрывок о сватовстве у остяков.

2. В.Ф. Зуев приведённые в таблице отрывки заимствовал из работы И.Б. Мюллера.

3. И.Б. Мюллер, в свою очередь, основывался на рукописи Г. Новицкого.

Таким образом, считаться оригинальным может только сочинение Г. Новицкого; труд И.Б. Мюллера и архивный документ 1784 г. являются в значительной степени компилятивными; сочинение В.Ф. Зуева содержит некоторые заимствования.

Важно и другое:

1. Приведённые в приложении 1 отрывки из сочинения В.Ф. Зуева, которые относили ко времени его поездки в Обдорск в 1771 г., содержат материалы 1712—1715 гг. Если учесть, что П.С. Паллас в своё сочинение включил материалы В.Ф. Зуева, а И.Г. Георги (1799 г.) «почерпнул» их из труда П.С. Палласа[16], то оригинальных источников по религиозно-обрядовой практике обских угров последней четверти XVIII в. значительно меньше, чем было принято считать.

2. Авторы перв. пол. XIX в. продолжали скрыто цитировать пред-

шественников: так, жертвоприношение оленя и описание шаманского сеанса ещё раз дано Ф. Белявским[17]; Н.А. Абрамов, работавший с рукописью Г. Новицкого[18], вновь воспроизвёл список остяцких божеств, упомянул об изготовлении временного вместилища души умершего, использовал сведения о шаманском камлании и жертвоприношении оленя и пр.; описание двух идолов из Воксарских юрт Н.А. Абрамовым взято, видимо, из сочинения П.С. Паласа (известные материалы В.Ф. Зуева)[19]. Таким образом, многие сведения, опубликованные рядом авторов перв. пол. XIX в., также относятся к нач. (реже — к кон.) XVIII в.

3. Приведённые в таблице отрывки из сочинения В.Ф. Зуева, видимо, нельзя относить к обдорским остякам, поскольку фактически он приводит материалы Г. Новицкого, полученные в более южных районах проживания остяков (от места слияния Оби и Иртыша и далее до Берёзова) и у кондинских вогулов.

4. На этом фоне ещё более возрастает значение труда Г. Новицкого с описанием тех обрядов, которые уже не застали или не смогли зафиксировать его последователи.

Казалось бы, источников XVIII в. по религиозно-обрядовой практике и шаманизму обских угров не так уж и много. Но они крайне запутаны. Возможно, «синий туман, голубоватый дым» шаманского камлания мешает пробраться к их истокам...

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Краткое описание о народе остяцком, сочинённое Григорием Новицким в 1715 году / Издал Л. Майков. Памятники древней письменности и искусства. — СПб.: Тип. В.С. Балашёва, 1884. — Т. 53. — 122 с.

[2] **Мюллер И.Б.** Нравы и обычаи остяков [Электронный ресурс] / И. Б. Мюллер; Адм. губернатора ХМАО. — Ханты-Мансийск: Фонд памяти светлейш. князя А.Д. Меншикова, 2003. — 1 электрон. опт. диск (CD-ROM): ил.

[3] **Pallas P.S.** Reise durch Verschiedene Provinzen des Russischen Reichs in den Jahren 1768—73. — St.-Pet., 1773. — Bd. 3; **Паллас П.С.** Путешествие по разным провинциям Российского государства. — 1788. — Ч. 3, 1-я пол. — 624 с.

[4] **Зуев В.Ф.** Описание живущих в Сибирской губернии в Берёзовском уезде иноверческих остяков и самоедов // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. — 1947. — Т. 5. — 96 с.

[5] **Андреев А.И.** «Описание о жизни и упражнении обитающих в Туруханской и Берёзовской округах разного рода ясачных иноверцах» // Сов. этнография. — 1947. — № 1. — С. 84—103.

[6] **Андреев А.И.** «Описание о жизни...» — С. 103.

[7] **Миненко Н.А.** Северо-Западная Сибирь в XVIII — перв. пол. XIX вв. — Новосибирск: Наука, 1975. — С. 26—29.

[8] **Бауло А.В.** Об использовании материалов В.Ф. Зуева в документе конца XVIII в. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных терри-

торий. Мат. годовой сессии ИАЭ СО РАН. — Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2003. — Т. 9, ч. 2. — С. 10—15.

[9] **Зуев В.Ф.** Описание живущих... — С. 5, 14, 16.

[10] **Kannisto A.** Materialien zur Mythologie der Wogulen // MSFOu. — Helsinki, 1958. — Vol. 113. — S. 426—428.

[11] Источники по этнографии Западной Сибири. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. — С. 42—43.

[12] Если не ошибаюсь, у Л.К. Чуковской в «Записках об А. Ахматовой» поэтесса обращает внимание на хрестоматийно известную сцену из «Мёртвых душ» другого «малороссиянина» — Н.В. Гоголя. По мнению А.А. Ахматовой, о том, «доедет ли то колесо до Москвы или не доедет», далеко не случайно рассуждают именно «два *русские* мужика».

[13] **Зуев В.Ф.** Описание живущих... — С. 50.

[14] **Андреев А.И.** «Описание о жизни...» — С. 103.

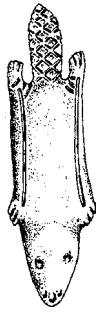
[15] **Зуев В.Ф.** Описание живущих... — С. 46.

[16] **Миненко Н.А.** Северо-Западная Сибирь... С. 8.

[17] **Белявский Ф.** Поездка к Ледовитому морю. — М.: Тип. Лазаревых, 1833. — С. 108—109. Репринт: **Белявский Ф.М.** Поездка к Ледовитому морю / Предисл. А.К. Омельчука. — Тюмень: Мандр и К[а], 2004. — С. 108—109. На использование Ф. Белявским при описании остяцкого шаманства скрытых цитат из Мюллера обратил внимание В.А. Бойко (**Бойко В.А.** Хантыйское шаманство в русской этнографической литературе XIX в. // Народы Сибири: история и культура. — Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 1997. — С. 14).

[18] Краткое описание... — С. III.

[19] **Абрамов Н.А.** Описание Берёзовского края // Зап. Императорского Русского географического об-ва. — СПб., 1857. — Кн. 12. — С. 335—342.



Приложение

Корреляция некоторых письменных источниках XVIII в. по истории северных групп хантов и манси*

Краткое описание о народе остяцком, сочинённое **Григорием Новицким** в 1715 году / Издал Л. Майков. Памятники древней письменности и искусства. – СПб.: Тип. В.С. Балашёва, 1884. – Т. 53. – 122 с. (Рукопись 1715 г.)	**Мюллер И.Б. Нравы и обычаи остяков** [Электронный ресурс] / И.Б. Мюллер; Адм. губернатора ХМАО. – Ханты-Мансийск: Фонд памяти светлейш. князя А.Д. Меншикова, 2003. – 1 электрон опт. диск (CD-ROM): ил. (Издание1725 г.)	**Зуев В.Ф. Описание живущих в Сибирской губернии в Берёзовском уезде иноверческих остяков и самоедов** // Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Нов. сер. – 1947. – Т. 5. – 96 с. (Сочинение 1773 г.)	Архивный документ 1784 г. (Издание 1947 г.).
1. …Первую рыбу морскую… прыносять жертву, сварившие сию прежде сытостию уста в нос идолу змазуют, прочая же сами снедают…	*1. Некоторые… предлагают идолу живую рыбу, которую кладут перед ним, и, после того, как они оставляют её там на некоторое время, они приготовляют её и съедают, и жиром от неё натирают уста идола. Другие же подносят ему одеяния, которые навешивают на него.*	*1. При жертвоприношении… своему болвану… живые рыбы приносят и, положа пред… богом на землю, кланяются…, а потом, тут же сваря, сами съедят, а ему жиром помажут губы, либо дадут… в подарок… новую завеску, коею его обернут.*	*1. При жертвоприношении... приносят иногда живые рыбы и пред божишком кладут на земли, и потом, сваря, сами съядят, а ему токмо жиром помажут губы или дадут ему какую завеску новую, которым его обвернут.*
Егда же приведут жремое пред кумиры, сицевым обыкновением сие жертву приносят: иже вящше буесловити может, сей вместо жреца началствуя, приведённого скота приемлет и связует первое ноги; другий, копие приемши, держит прямо противо жремаго скота; третий с напряженным луком станет; четвертый с секирою станет противо очей приведённого зверя. Начинает… жрец баснословити песньми, моля идолов изоблилие рыб подать, угодное ловление зверя получить. Окончавшу же сие, ударает скота… сам жрец уготованным на то орудием, потом другой язвит стрелою,	*Есть и такие, кто приносит в жертву оленей... Они притягивают… к идолу животное, связывают ему ноги, и жрец произносит громким голосом… требования просителей. В это время один из них беспрерывно пускает стрелы из лука в жертву. Как только жрец прекращает кричать, животному наносится удар по голове, жрец пускает свою стрелу, и другой пронзает его неким видом вертела в брюхо, чем достигается умерщвление. Затем они берут его за хвост и три раза проволакивают перед идолом. Они собирают кровь в чашу… Ею окропляют… свои хижины, выпивают её*	*Другие приводят оленей и, поставя живого пред болвана, свяжут ему ноги. Тогда жрец или шаман кричит во всю голову, объявляя желание жертву приносящего, а прочие поют. Между тем, один, зашед наперед, натянув лук со стрелою, держит напротив зверя до тех пор, пока жрец не даст ему знать ударом палкою в голову того зверя, а третей рогатиной уткнет в брюхо, и когда убьют, то, взявши за хвост, обтащат три раза около… болвана... После того, выжав кровь из оленьего сердца в особливую посуду, покропляют свои шалаши, а остатками мажут губы… болвану.*	*Другие приводят оленей и оного зверя, приведши живаго, пред божишка свяжут ему ноги, жрец же крычит во всю голову, объявя желание жертву приносящаго. А многие поют. Между тем один, взявши лук, натянет стрелу и держит противо зверя, доколе жрец даст знать ударом в голову того скота, а третей рогатиною ударит в брюхо; и как убьют, то, взявши за хвост, обтащат, три раза около болвана, кровь из серца оного выжнут во особливой сосуд и оною покропляют их шелаши, остатками ж бошку… помажут губы; кожу оного зверя з головою, ногами и хвостом для украшения*

* Поскольку данная публикация не преследует специальных археографических целей, орфография подлинников несколько изменена в соответствии с современной; ссылки на сюжеты Мюллера даны по электронному изданию без указания на страницы оригинала; разбивка текста произведена для удобства сравнения.

Продолжение приложения

третий копием. Падшу… скоту… трыжды около идолов… обносят, последи ударает ножом в сердце, испущая кровь в блюдо, кроплят сею мерзостию и жилища свои, идолом же уста помазуют,…кожу с главою и ноги… на древах завешуют над кумирнями…; мяса сварив,… кумиром уста смазуют; последи же вся сии сошедшееся с чады и домовники своими снедают.	*часть и остатком мажут рот идола. Потом… шкуру, голову, ноги и хвост и развешивают на дереве как некие ценные предметы. Мясо они варят и едят с великой радостью, распевая во время всей трапезы всевозможные песни неприличного содержания.* *Затем снова смазывают голову идола жиром и уносят с собой то, что не могут съесть, чтобы угостить соседей и попотчевать жён… Иногда даже их личный идол получает свою долю, и они также натирают ему рот.*	*Кожу оного зверя с головою, ногами и хвостом для украшения повесят на дерево, подле божка стоящее, а мясо, тут же сваря, съедят с великою радостью и непрестанным пением дьявольских песен.* *Напоследок опять от вареного кушанья жиром болвановы губы помажут, а что не съедят, то возьмут домой и раздают… приятелям и потчивают жен, от коего жертвоприношения иногда и домашней болван… жиром губы свои улучит помазать.*	*повесят на дерево, и мясо, сваря, едят с великою радостию и непрестанным пением скверных песен.* *Напоследок…жиром губы божишку… помажут. А что не съедят, то возмут домой и раздают… приятелям и подчивают жён, от которого иногда и домашней божишка рот салом помазать и лучит.*
По снедении же… палица своя на воздух бросают: се мнят нечистого духа, его же боготворят в оном идоли, с ними на том же пировании приседящего [С. 51–52, 56].	*Когда обряд завершён, они снова начинают кричать, но более благозвучно и колотить палками, стремясь оказать честь духу идола, витающему, как они полагают, в воздухе после того, как помог при их празднестве, и желая возблагодарить его за принятое приглашение.*	*По окончании обеда все начнут махать палками и кричать во все горло, что кому на ум взошло, а сне значит провожание того божишка, где и кланяются ему вслед и благодарят, что благоволит к им на обед пожаловать [с. 47–48].*	*А по окончании обеда махают палками по воздуху и крычат во всю голову, которым они духу оного божишка провожают и ему благодарят, что он сподобил приитти к ним на обед [с. 101–102].*
2. …Аще случится им сего убить, снемше кожу пред кумирнею поставляют, распростирая оную, припободляюще аки жив, сошедшееся убо игралища, плясания около сего творят, изъявляет же песньми невиновна себе его убиению, глаголя: яко не он делатель железца и стрелы, ниже его пера: Русак укова железо, пера орел – родитель; такими же песньми восклицающее, последи	*2. Когда они убивают медведя, с него снимается шкура и вешается возле идола на высоком дереве, вблизи которого они воздают зверю великие почести, просят у него прощения, строя много притворных выражений, плача по поводу постигшей его гибели. Они представляют ему всё таким образом, что на деле они не те, кто над ним это совершил, поскольку они не умеют ковать*	*2. Ежели убьют они медведя, то бывает опять особливое действие; перво, сняв с его кожу, повесят подле болвана… на высоком дереве, творят ей великое почтение, просят прощения в убийстве, принося извинение и разные выговоры, что они в том не виноваты, ибо-де железо, коим ты убит, мы не ковали, но стрелу оперили, и не их, а чужих птиц перье, которое в стреле так.*	*2. Естли убьют медведя, то, сняв кожу, повесят подле божишка на высоком дереве, и оному медведю творят великое почтение, принося разные извинении и выговорки, что они в убивстве его невинны: они железо, которым убит, не ковали, но стрелу оперили, и не их, но чужих птиц оныя перья, которыя в стреле так быстрое летение приключили, но токмо просят о прощении, что*

приходят и лобзают распростершую кожу… [С. 53].	*железо, чтобы его поразить, а перо… стрелы, происходит от иноземной птицы, и что они лишь сотворили оплошность. Тем не менее они просят у него покорно прощения.*	*быстрое летение причинило, а просим прощение в том, что стрелу, натянув, пустили. Понеже боятся, думая, что душа оного медведя им великий вред учинит, ежели с ею заблаговременно не помирятся [С. 49]*	*он, стрелу вытенув, пустил; сие извинение делают от боязни, ибо верят, что душа медведя оного может им вред учинить, естли заблаговременно с нею не помирится [С. 102].*
3. Егда же верность Государю своему… клятвами утвердити… случай понуждает, тогда… полагают сего же… зверя кожу, на ней же топор, нож и иные страсти орудия. Хотящим… утвердити… верность свою клятвою подают сим нож, снем с кожи, на нем же на концы часть хлеба положше подают, вместо же черты талмач выговорит: *Аще лестию сию клятву утвораете, и неправедно служить и радеть в отдании ясаку будете, зверь сей отмщением вам да будет и от него смертию да постраждете. Хлеб сей и нож да погубит тя [С. 54].*	*3. Когда они приносят присягу на верность своему государю при помощи его воевод, их ведут на двор, где находится шкура медведя, разостланная на земле, с секирой и куском хлеба под ножом… Прежде чем есть хлеб, они произносят следующие слова:* *В случае, если не останусь всю жизнь верным моему государю, и если я восстану против него по собственному почину…, и если я пренебрегу обязательствами, которые ему принадлежат, или же я оскорблю его…, пусть этот медведь разорвёт меня посреди леса, этим куском хлеба… я подавлюсь, этот нож принесёт мне смерть, этот топор отсечёт мне голову.*	*3. Когда они пред воеводою государю должны учинить присягу, то сведут их в одно место, а за множеством делят их на разные круги, положат пред ими топор, коим рубили медведя, и дают каждому с ножа съесть кусок хлеба и притом должны говорить сими словами:* *Естьли я моему государю до конца жизни моей верен не буду, но волею отступлю и верность нарушу, надлежащего ясака не заплачу, сам куда уйду или иным образом винно себя учиню, то да растерзает меня сей медведь, сим хлебом, которой ем, да подавлюся и чтоб мне сей топор голову отсёк, а ножём мне бы зарезаться [С. 50–51].*	*3. Когда они должны пред воеводою присягу государю учинить, то их введут в приказ, и положат пред ними медведной топор, и дают каждому кусок хлеба с ножа съесть, и притом обещаются тако:* *Если я моему государю до конца жизни моей верен не буду, но волею отступлю и верность нарушу, надлежащаго есака не заплачу, сам куда уйду, или иным образом винна себя учиню, то да растерзает меня сей медведь и сим хлебом, которой ем, да подавлюся, и чтоб мне сей топор голову отсёк, а ножем зарезатца [С. 102].*
4. И сей обычай главный и всенародный клятвы обещания: междоусобным же прением и сваром егда имать клятвою, что засвидетельствовать и смирить прекословная противности, то пред идолы своя домашния противящиеся приходят, и ему же клятвою оправдитися подобает, сему старейшины их нож дают в руце, повелевая:	*4. Когда между ними происходят… распри, обе стороны избирают третейских судей…, судьи предлагают одной из сторон дать клятву… Сообщается, что нужно судить перед идолом… Ему даётся нож, которым он срезает кусок с носа идола, и топор, которым он ударяет по идолу, произнося такие слова:*	*4. Естьли же между ими сделается… ссора, то выбирают посредственников и, буде по сказкам обоих ещё решить нельзя, то велят одному из их учинить… присягу: перво поведут его к божку и от неправой клятвы увещевают, представляя ему страшные примеры, потом дадут нож, коим он болвану нос отрезать, и топор, коим он божка порубить должен, говоря:*	*4. Естли же между ими учинится распря, то выбирают посредников; и буде оного по их обоих сказанию решить нельзя, то велит одному из них учинить… присягу: перво… поведут к божишку и от неправой клятвы увещевают, представляя ему страшные примеры, потом дадут ему нож, которым он божишку нос обрежет, и топор, которым его норубит, говоря:*

Продолжение приложения

Аще ты сему на тя вадающему неповинен, се имашы нож. Вземли идола…, сокрушай и ссецы его; не опасен же вины вземлет идола, сокрушает и ссечет приговаривая: взыщи виновного и так сокрушай… [С. 54].	*Если я дам ложную клятву, пусть меня по справедливости расчленят на части, пусть этот нож отрежет мне нос, а этот топор раскромсает меня на куски…, пусть медведь меня загрызёт в лесах, и все виды несчастий меня постигнут.*	*Естьли я в сем споре неправо кляняся, то хочу равномерно нос мой потерять и топором изрублен быть, и чтоб меня медведь съел в лесу, и всяко бы бессчастие на меня пришло [С. 51].*	*Естли я в сем споре неправо кленуся, то хощу равномерно нос мой потерять и топором изрублен быть, и чтоб меня медведь в лесу съел, и всякое б бесчастие на меня пришло [С. 102].*
5. Егда же… хотят известитися… о повседневных… нуждах, о промыслу на рыбу и звера, тогда волшебствующаго вводят в тёмную хижину, и… накрепко связуют, сами же приссидят играющее в своя свирелы. Связан же никиими восклицает кудесными словесы, призывая союзника своего сатану. Обычно же се всегда в ночи творят… *Приседящии же бежат из хижины, оставлявшее связанного волшебника, его же пытлив сей дух емше долу и верх возносит, сокрушает всяческий мучащи… По неколицех часах дух нечыстый лстивыя предивещания, яко отец лсти влагая в ушеса его, оставляет; он же ели жив свобождается от мучения и разрешается сам, вещает же льстящи предибудущая [с. 48–49].*	*5. Жрец связывает себя, потом бросается на землю и катается по ней, строя ужасные ужимки и кривляясь до тех пор, пока не почувствует в себе присутствие духа до такой степени, чтобы ответить на вопросы, которые были заданы идолу, касающиеся обычно будущего, мест, пригодных для успешной охоты, или разрешения спорных дел.* *Те, кто пришел к вещуну спросить совета, присутствуют…, издавая без перерыва вздохи и стоны и ударяя в таз или другую посудину, пригодную производить шум, до того как они увидят голубоватый дым, являющийся… духом пророчества, который распространяется среди присутствующих, захватывает колдуна и вызывает у него судороги, в которых он колотится и бьется на протяжении часа или несколько дольше. После этого он понемногу приходит в чувство и говорит скороговоркой своим почитателям некий вздор, который он (насколько это возможно) сближает с их вопросом.*	*5. …Ворожей или волхв, связавшись, бросается на землю и делает разные своей харей чудобразия, ломается и, при великом в чуму огне, коверкается с плачевным разговором и ожидает пришествия дьявола, которой будто бы на вопросы его ответствует о предбудущем и будто показывает ему место, где лучшей зверей промысел будет, также и во враждебных делах подает способы к избежанию напастей, а между тем ожидающие нетерпеливо ответов стоят с непрестанным криком, стуком в котлы и в доски и прочим шумом около его, до тех пор, пока над им синий туман или дым явится и обстоящих разгонит…, а шаман, подымаясь, бросается во все стороны будто угорелой, через что они больше часа без памяти и без чувства бывают, а, очнувшись, вопрошающим держат хитрые ответы… [С. 45–46].*	*5. …Волхв или шаман, связався, броситца на землю и, применяя свою рожу, ожидает пришествия диавола, которой якобы о предбудущих вещах на вопросы ему отвещает и якобы ему место покажет, где наилутчей лов звери ему быть имеют, тако ж и в делах вражды некоторые к помощи способы научает.* *Между тем требующия отповеди стоят с непрестанным криком, звоном в котлы, доски и протчим шумом около его, доколе синей туман или дым над ним явится и обстоящих разгонит, а шемана, подымая, мечет, чрез что он более часа бес памети и чувства бывает, а, очнувся, вопрошающим отповеди вымысля [С. 102–103].*

6. Умершу же мужу, жена…, изсекше себе от древа наподобие человеческое, полагает на сего одежду мужа своего…, и его с собой положив, объемлет, лобзает кумира сего, аки жива мужа [С. 46].	*6. Когда жена теряет своего мужа, она… изготовив идола, возлагает на него одежды покойника. Она кладет идола на руки и держит так в продолжение всего дня перед своими глазами для того, чтобы, созерцая его, оплакивать мужа. Этот обряд длится на протяжении целого года…*	*6. Сие продолжается… целой год… и жена, есть ли мужа любила, а он умер, то сделает себе в знак памяти болвана, потчует его и всячески довольствует, и с собою на постелю спать кладет… [С. 42].*	*6. Когда муж умрет, жена… зделает себе болван и на оной наденет платье мужа своего, и ночью кладет с собою, а днём ставит пред глазами, и в образе оного оплакивает мужа своего, и сие продолжает целой год [С. 102].*
7. Вместо… заемных писаний иногда принуждены знамением неким руку свою подписать. Тогда употребляют… знамения некая: или взоры на руцех и персе, или на нозех, яже в различные виды и черты черностию сице изображают… Почитают се за украшение некое, и женский… пол… руце себе изпещряют и украшают… черностию, но излишне различными виды и взоры птиц и зверей… изображают [С. 33].	7. Они имеют обыкновение делать определённые отметки на кистях рук: рисунки птиц, цифры и т.д. Они показывают эти метки своим заимодавцам в качестве знаков, которые они могут без труда распознать и отличить с уверенностью от других... Женщины делают много таких отметок на кистях своих рук и, чем более они пятнают себя, тем более кажутся красивыми.	7. …Как скоро выколят те фигуры, то тотчас замазывают сажею, чтоб после уж пятно не стиралось, а что их у всех тот обычай писать на ногах и руках, то совершенно должно почесть за украшение в своём роде. Мужчины хотя и имеют, но немного, и то для одного знаку, который у их записывают при ясаке вместо имени [С. 27–28].	7. Женщины и девки на руках и ногах… выкалывают разные фигуры иглами, натирают сажею и поставляют за особую красу… А мужеск пол… выкалывает рубец или какую птичку или ж крыж… и во уверение те знаки объявляют на письме, и тем, яко рукоприкладство, уверяют, что и содержат справедливо [С. 100].
8. Калым обычно поставляется в сто рублях, противо же сего… зять вещы своя полагает: лотку, лук, пса… и ставит лотку в шести и десяти рублех… оный зять… должен… не … лицеем, но обращшеся плещми своими входил в жилище тестя… [С. 42].	8. Вздыхатель приглашает…своих друзей к отцу девицы условиться о выкупе… редко случается, что он отдаёт её дешевле, чем за сто рублей. Влюблённый… предлагает дать в зачёт, к примеру, свою лодку стоимостью тридцать рублей, собаку за двадцать… и остальное до указанной суммы... Если он приходит навестить её отца и мать, он входит, пятясь задом, не осмеливаясь посмотреть на них…		8. Когда жених у отца девкина хочет свататься, тогда посылает свата, и договариваются в калым… не меньше, как сто рублев…, однако платят не деньгами…, а всякими вещами…: лотку ценят в тридцать рублев…, и протчее. Естли жениху случится увидетца с тестем, то он проходит спиною мимо ево…[С. 100].

Антропоморфные личины на деревьях в бассейне р. Тукан

В.В. Сумин
г. Екатеринбург
Свердловский областной краеведческий музей

Посёлок Салым (бывшие юрты Кинтусовые) находится в Нефтеюганском районе ХМАО — Югры, на южном берегу оз. Большой Сырковый Сор (Кинтус), недалеко от впадения р. Вандрас в р. Большой Салым. В нём проживает небольшая группа салымских ханты. С 1920-х гг. в этих местах поселились и ханты с р. Югана. Большинство представителей этих этнических групп ведут традиционный образ жизни, проживая в стойбищах на территории своих родовых угодий.

В 13 км на юг — юго-восток лежат Соровские озёра, соединяющиеся с р. Большой Салым через систему рек Тарсап — Вандрас. С юго-востока в озеро впадает р. Берёзовая, а с севера изогнутой линией вливается р.Тукан. На южном берегу находятся остатки Соровских юрт, сейчас нежилых.

В 1991 г. разведочной группой предприятия ООО «НАЦ «АВКом — Наследие», в составе автора данной публикации и К. Шитова, на 27-м км левого берега р. Тукан от устья и в 4 км выше места вливания в этот водоток его притока р. Кюриньега, на высоком берегу, поросшем сосновым бором, были обнаружены остатки дома и хозяйственных построек ханты.

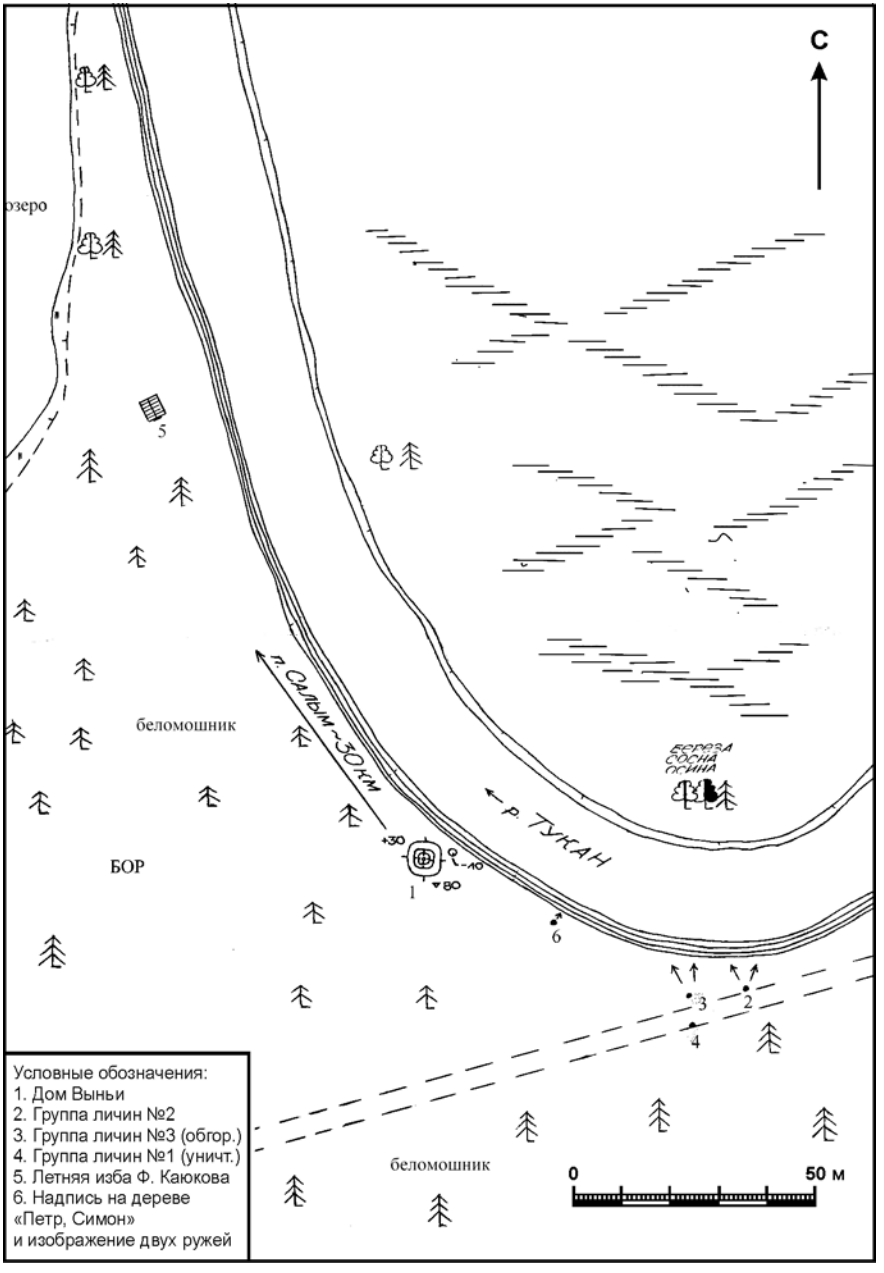
В 1992 г. случайно оказавшийся в этих местах автор в 0,25 км на юго-восток от обнаруженных год назад развалин зафиксировал три группы антропоморфных личин, вырезанных на трёх соснах. Деревья находятся на просеке сейсморазведочного профиля, протянувшегося в направлении запад — восток в 10 м от края коренной террасы левого берега р. Тукан. В коре каждой сосны было вырезано по вертикальному «окну», внутри которых изображены лица, подобные человеческим. Форма «окон» прямоугольная, личины тяготеют к углам этой фигуры. Исключением является третье «окно», в котором правый нижний угол пустой. Таким образом, на двух соснах

вырезано по четыре личины (группы № 2 и 3), на третьей — три (группа № 1).

В 80 м северо-западнее, вдоль берега, в 5 м от края береговой террасы была обнаружена прямоугольная впадина размерами 6х7 м и глубиной 0,8 м, со слабо задернованными стенками, прямоугольным дном и обваловкой высотой 0,3 м. К сожалению, времени для её обследования и даже качественной фотофиксации не было из-за того, что световой день закончился. Антон Когончин, стойбище которого находилось на оз. Куимтор, в 9 км от устья р. Тукан и в двух днях пешего перехода по пересечённой местности (болота и гривы) от деревьев с личинами, рассказал следующее. Обнаруженное нами заброшенное стойбище являлось летовьем (поселением в летний период) его покойного тестя Филиппа Каюкова. Сам А. Когончин, женатый на Фене Каюковой, бывал там в прежние годы (в частности, участвовал в строительстве ныне руинированного жилого дома), лично видел и личины, и впадину. Последняя, по словам информатора, является остатками «двухэтажного дома» некоего Выньи, жившего там в 1920-х гг. *«Вынья был тунгусом, держал много оленей, у него было две жены»*. Понятие «двухэтажный» было применено А. Когончиным к жилой постройке с глубоким подпольем — *«Вынья прятал там вторую жену, если приходили русские»*. Относительно реального, по всей видимости, жителя обследованного нами участка информатор мог сообщить немного: *«У Выньи умерло трое детей, они похоронены там же... Был он сильным шаманом... В 1930-х гг. он откочевал в район Нум-то или Пяку-то»*. Любопытны причины вырезания человеческих личин на деревьях: Вынья изобразил их, чтобы *«наслать порчу на салымских [ханты], которые его обидели»*.

В августе 1996 г. автор данной публикации и этнограф А.Л. Сюзюмов провели дополнительное обследование этнографического объекта. Группа личин № 1, состоявшая из трёх изображений, оказалась уничтоженной лесным пожаром 1995 г. Деревья с изображениями группы № 3 сильно обгорели, только изображения группы № 2 сохранились полностью.

Планиграфически группы личин образуют треугольник (ил. 1). «Окна», вырезанные на деревьях, ориентированы на север — северо-восток. Композиции изображений в сохранившихся группах совпадают — это четыре личины по углам прямоугольного вертикального «окна». Изображения были вырезаны острым инструментом на выгнутой поверхности ствола дерева, предварительно очищенного от коры. После этого дерево ещё длительное время росло, что заметно по значительным на-



Ил. 1. Этнографические объекты на р. Тукан. Ситуационный план. Съёмка: В.В. Сумин, 1996 г.

Ил. 2. Антропоморфные личины на р. Тукан. Группа № 1. Фото автора. 1992 г.

плывам по границам «окон». Из-за дуги ствола левый и правый вертикальные ряды, каждый из которых состоит из пары личин, образуют угол примерно в 30 градусов (на ил. 1 показано стрелками).

Группа личин № 1 (ил. 2). Имела приблизительные размеры 60х40см, была ориентирована на север — северо-запад. Не сохранилась. В «окне» были вырезаны три «лица», правый нижний угол оставался не заполненным. В настоящее время от дерева осталась лишь нижняя обуглившаяся часть ствола. Хорошо просматриваются лишь границы «окна».

Группа личин № 2 (ил. 3—4). «Окно» вырезано на высоте 0,7 м от поверхности земли. Диаметр — 0,7 м. Контур сильно зарос корой: толщина нароста достигает 3 см, а размер сохранившейся части «окна» составляет примерно 35х16 см. На момент обследования наросты коры слева и справа уже наполовину скрыли «лица», и этот процесс продолжается, поскольку дерево до сих пор живое.

Чтобы нанести изображения, кора была полностью удалена, а обнажившаяся поверхность ствола тщательно отшлифована. Личины вырезаны в верхних углах и прямо под ними, образуя вертикально симметричные пары. Форма изображения — овал диаметрами 10 и 16 см, рельеф — низкий.

Детали лица выполнены в виде буквы Т: горизонтальная линия бровей перпендикулярно смыкается с вертикальной линией носа без какого-либо намека на переносицу. Нос широкий у основания, с выделенными вертикальными гранями. Рот обозначен прямоугольным углублением. Глаза «открыты» — выполнены в виде прямоугольного углубления размерами 1,3х0,5 см.

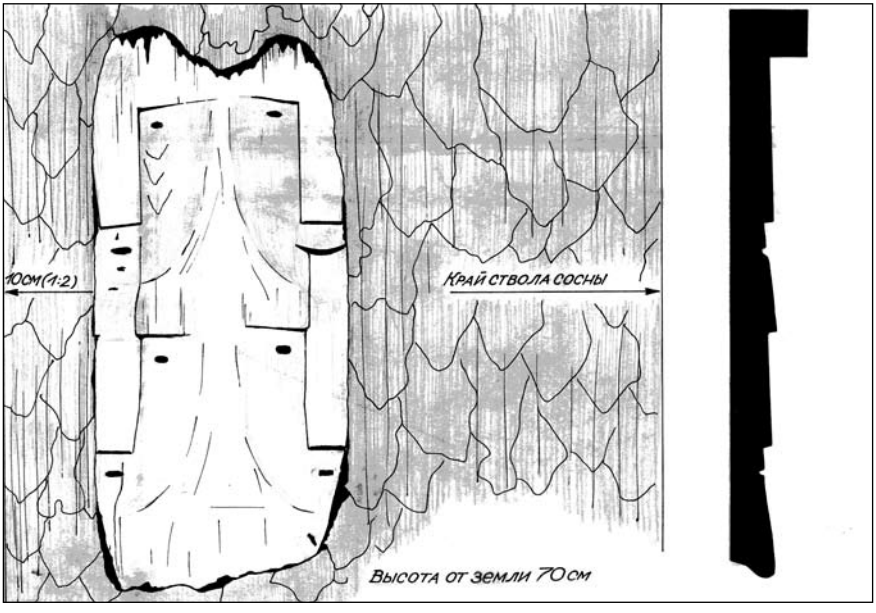
Рот обозначен прямоугольным углублением, при этом его форма у правого верхнего изображения такова, что создаётся впечатление улыбающегося лица. Три остальных изображения в передаче эмоций нейтральны.

Группа личин № 3 (ил. 5—7). «Окно» вырезано на высоте 1,1 м от земной поверхности. Его размер — 60х45 см.

Дерево сильно пострадало при пожаре: полностью утрачена верхняя часть ствола, сильно обгорело левое нижнее изображение, оставшиеся личины почернели и частично обуглились.

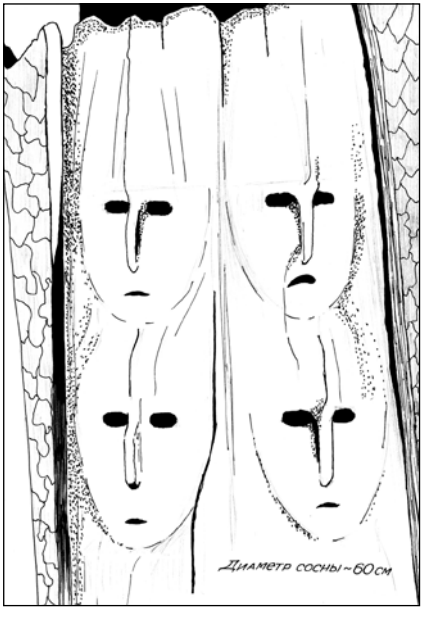
Как и в предыдущем случае, перед тем как вырезать изображения, кора была полностью удалена, а обнажившаяся поверхность тщательно отшлифована. Высота личин 16—19 см, ширина 11—13 см. Композиция та же — в две вертикальные пары. Почти совпадает и иконография личин, но есть неко-

Ил. 3. Антропоморфные личины на р. Тукан. Группа № 2. Фото автора. 1996 г.



Ил. 4. Антропоморфные личины на р. Тукан. Группа № 2. Прорисовка А.Л. Сюзюмова. 14 сентября 1996 г.

Ил. 5. Антропоморфные личины на р. Тукан. Группа № 3. Фото автора. 1996 г.



Ил. 6. Антропоморфные личины на р. Тукан. Группа № 3. Вид прямо. Прорисовка А.Л. Сюзюмова. 14 сентября 1996 г.

торые отличия. Во-первых, в этом случае обозначена переносица. Во-вторых, рты переданы горизонтальной чертой. В-третьих, у правой пары личин рты изогнуты полукругом как бы в гримасе каприза.

Необходимо добавить, что в 32 м северо-западнее группы личин № 3 на берегу реки обнаружена ещё одна сосна с «окном», вырезанным в коре дерева. Внутри вырезана композиция: надпись «Пётр, Симон» и изображение двух ружей.

Ил. 7. Антропоморфные личины на р. Тукан. Группа № 3. Вид слева. Прорисовка А.Л. Сюзюмова. 14 сентября 1996 г.

Датировка обнаруженного комплекса — приблизительно 1920-е гг. К такому выводу подводят большая величина нароста коры по границам изображений и полученная от А. Когончина устная информация.

Семантика данных личин на основании только имеющихся материалов затруднительна. Прежде всего — из-за отсутствия аналогичных графических источников (по крайней мере, в опубликованных материалах по культуре угорских и самодийских народов полных аналогий найти не удалось).

Правда, есть очень интересное упоминание у Г.И. Пелих: *«Шаман Л. умел также «прикреплять лозов» к стволам деревьев в лесу. Для этого он вырезал на коре антропоморфную личину и ударял своим «шака»*[1]. И далее: *«По рассказам селькупов, в «нечистых местах» вырезали на дереве изображение лоза и ударяли «шака», удерживая этим магическим действием чёрта в лесине, «чтобы не ходил»*[2].

Исходя из информации А. Когончина и религиозных представлений народов Севера о наличие души у человека, можно предположить, что здесь изображены умершие (или погибшие ?) дети Выньи. На это указывает количество лиц (душ) на каждом дереве.

На несохранившейся группе личин № 1 (ил. 2) были изображены три личины. Скорее всего, это передача женщины. Возможно, один из детей Выньи был девочкой.

В группах № 2 (ил. 3—4) и № 3 (ил. 5—7) изображено по четыре личины — видимо, это изображение детей мужского пола. При этом в группе личин № 2 верхнее правое изображение улыбается, а в группе личин № 3 правое верхнее изображение передаёт гневно-капризную эмоцию.

Скорее всего, изображения отражают представления о реальных людях и передают их личностные характеристики (весёлый/добрый, капризный/гневный), выполненные умелым художником в русле традиционных представлений о душе человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Пелих Г.И.** Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. — Новосибирск: Наука, 1980. — С. 53.

[2] **Пелих Г.И.** Материалы по селькупскому шаманству... — С. 50.

Материалы по погребальной обрядности ханты среднего течения р. Малого Югана в Сургутском районе ХМАО – Югры

А.А. Рудь
г. Сургут
МУ «Историко-культурный научно-производственный центр «Барсова Гора»
М.Ю. Баранов, И.С. Чарусова
г. Нефтеюганск
ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология – 1»

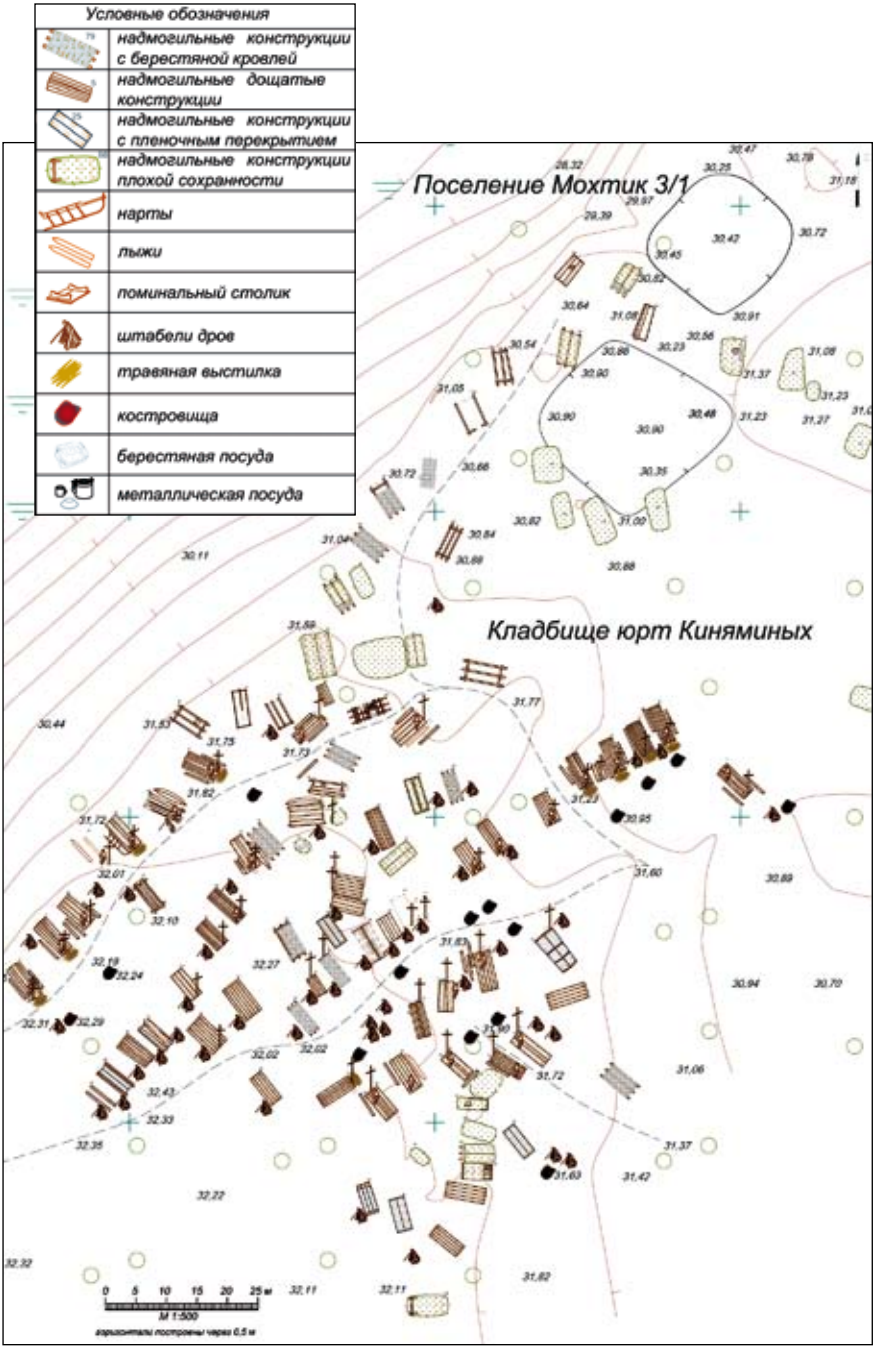
В 2006–2008 гг. в среднем течении р. Малого Югана, на границе Угутского и Киняминского месторождений нефти, в Сургутском районе ХМАО – Югры были проведены археолого-геодезические работы, включающие натурное обследование территории и топографическую съёмку. Обследованы выявленные в 1988–1989 гг. В.И. Семёновой археологические объекты в окрестностях юрт Киняминых (бассейн р. Мохтикми Сап). В общей сложности осмотрено, выявлено, картографировано и составлено первичное описание 150 археологических объектов. Топографическая съемка охватила площадь до 120 га.

В ходе полевых работ не только фиксировались археологические объекты и места их предполагаемого размещения, но и осуществлялся максимально полный сбор устных этнографических данных, собирались материалы по местной дорусской топонимике.

В предлагаемой публикации приведены сведения касательно действующего кладбища юрт Киняминых (их планировочной организации, конструкций надмогильных сооружений), отражены некоторые аспекты погребальной практики и обрядности.

Кладбище расположено в 0,85 км к западу – юго-западу (выше по течению) от юрт Киняминых, в левобережье нижнего течения р. Мохтикми Сап, на высоком берегу заторфованной старицы *Атым пухут кор – «Плохого Селения болото»*.

Месторасположение кладбища объясняется информаторами следующим образом: *«По старинным обычаям кладбище всегда делают от юрт ниже по течению реки. Сначала юрты Кинямины находились в вершине р. Мохтикми Сап, это место называется Зимние юрты.*



Ил. 1. **Кладбище юрт Киняминых.** План

Сейчас они оставлены. В сер. XX в. люди стали перебираться на берег р. Малого Югана, где сейчас и располагаются юрты Кинямины. А хоронить на этом кладбище стали давно – ещё когда все люди жили на зимних юртах».

В результате работ обследовано около 90 захоронений (ил. 1). В ходе опроса информаторов непосредственно на кладбище идентифицировано 49 могил, собраны сведения о похороненных, примерных годах жизни и причинах смерти.

НАДМОГИЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

На кладбище юрт Киняминых надмогильные конструкции представлены традиционными сооружениями в виде так называемых домиков (ил. 2). В изголовье некоторых захоронений установлен крест. Около 50 конструкций имеют хорошую сохранность. Состояние остальных варьирует от частичных утрат (потеря кровли, фрагментированная сохранность стенок) до полной задернованности могилы, фиксируемой лишь в микрорельефе.

Размеры надмогильных сооружений укладываются в пределы: длина – от 1,8 до 2,4 м, ширина – от 0,8 до 1,2 м, высота – до 0,5 м. Большинство домиков (около 54) собрано из досок: ранние – из колотых и обработанных топором, поздние – из пиломатериала (ил. 3). Бревен-

Ил. 2. **Кладбище юрт Киняминых.** Сн. с юго-востока

Ил. 3. **Кладбище юрт Киняминых.** Дощатые надмогильные конструкции. Сн. с северо-запада

Ил. 4. **Кладбище юрт Киняминых.** Бревенчатая надмогильная конструкция с дощатой кровлей. Сн. с юго-востока

Ил. 5. **Кладбище юрт Киняминых.** Бревенчатая надмогильная конструкция с дощатой кровлей и долблёная лодка (облас) в качестве сопутствующего инвентаря. Сн. с северо-запада

чатых сооружений меньше (около 24). В основном они установлены на ранних захоронениях (ил. 4). Рубка — «в обло с остатком», высота — 2—3 венца. Часть поздних сооружений окрашена синей либо голубой краской, реже — жёлтой или светло-коричневой.

Кровля домиков двухскатная, выполнена из продольно уложенных колотых/пиленых досок или поперечных дранок, опирающихся на конёк. Часть надмогильных сооружений перекрыта гидроизоляционными материалами. Чаще использована берёста, в четырёх случаях — рубероид, в трёх — искусственная изоляционная плёнка. Если на момент захоронения по какой-либо причине надмогильная конструкция не была собрана, поверх могильного холмика клались полосы берёсты либо рубероид. Позже при строительстве надмогильного сооружения это покрытие оставалось на месте. Только берёстой без последующей установки надмогильного сооружения может перекрываться захоронение младенца.

В торцевых частях почти всех домиков прорезаны прямоугольные отверстия для общения с душами умерших. Размещаются они, как правило, по центральной оси в нижней части и ничем не перекрываются.

Большая часть захоронений ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. По сведениям информаторов, умерший обычно укладывался головой на юго-восток, ногами — на северо-запад. До сих пор эту традицию стараются соблюдать. Подтверждением этих сведений является наличие отверстий для общения с душами умерших и крестов именно на юго-восточных стенках надмогильных сооружений, а также локализация в этом секторе выстилки из травы, посуды и другого поминального инвентаря.

Однако около 20 захоронений имеют произвольную ориентацию. Они не локализованы ни по площади кладбища, ни по времени захоронения. Если исходить из полученной информации, что крест и «оконце» находятся в изголовье, то большинство этих захоронений противоречит традиции ориентации погребённого головой на восток. Причины такой новации информаторы объясняют стремлением захоронить близких родственников рядом и недостатком свободного места. Таким образом, желание похоронить родственников рядом имеет большее значение, чем следование некоторым канонам похоронного обряда, включая в последние, например, ориентацию умершего по сторонам света. Необходимо также отметить явную тенденцию располагать могилы членов одной семьи в один ряд или общей группой.

Значительной части домиков сопутствуют кресты самых разных форм. Они расположены с фронтальной стороны домиков, часто со

смещением влево от центра. Стояки крестов либо прибиваются гвоздями к домику, либо вкапываются в землю. В одном случае зафиксировано применение берёсты в качестве гидроизолятора для вкопанного основания креста.

Большинство крестов имеют одну перекладину — наклонную или горизонтальную. Разницу в их расположении информаторы объяснить не могут.

Зафиксировано два креста с двумя перекладинами: вверху — горизонтальной, внизу — наклонной. От Е.П. Кинямина получена информация об установке таких крестов над захоронением человека, у которого *«не осталось ни братьев, ни сестёр»*.

Одно захоронение имеет крест с тремя перекладинами — горизонтальными вверху и внизу и наклонной посередине. Тот же Е.П. Кинямин считает, что такой крест является «фантазией» в похоронном обряде. В качестве аргумента он привёл такой довод: *«Если бы такое было [традицией], то где-нибудь ещё три перекрестья встречались бы. Я посещал кладбища в других юртах – нигде такого не видел»*.

В одном случае на детском захоронении к стойке креста была прибита деревянная фигурка птички. Информаторы не смогли объяснить семантику этого орнитоморфного изображения. Указанное явление в целом характерно для детских захоронений ханты Сургутского Приобья. По сведениям информаторов р. Пим, «птичка» — это изображение кукушки, которая является персонажем верхнего мира и выступает охранителем души ребёнка после смерти.

Прослежены некоторые внешние детали похоронного обряда, привнесённые в советскую эпоху: наличие венков (2 случая) и фотографии в железной рамке (1 случай), написание инициалов умершего и года его кончины (2 случая). К новациям последних десятилетий необходимо отнести и уже отмеченное ранее использование в качестве перекрытия надмогильных сооружений современных материалов — рубероида, гидроизоляционной плёнки. При изготовлении одного домика применены обработанные на станке шпунтованные доски — такой материал местные власти специально выделили для похорон ханты-коммуниста в 1970-х гг.

Отмечена ещё одна любопытная деталь. Ландшафтные условия позволяют вместить некрополь большой площади, однако он занимает совсем немного места, и захоронения расположены весьма компактно. Складывается впечатление, что высокая плотность могил, достигнутая встраиванием поздних погребений среди более ранних, стала след-

ствием намеренных действий и никак не зависит от потенциальных размеров кладбища.

СОПУТСТВУЮЩИЙ ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ИНВЕНТАРЬ

В единичных случаях вдоль продольных стен домовин располагаются крупные предметы сопутствующего инвентаря — долблёные лодки (обласы) с веслами, нарты, лыжи (ил. 5).

Заслуживают внимания комментарии Е.П. и И.С. Киниминых по поводу некоторых аспектов похоронного обряда: *«Во время похорон личные орудия человека – топор и нож – сразу кладут в гроб. Раньше в гроб клали стрелы с наконечниками от самострелов. Сейчас у людей такого оружия нет, поэтому делают древко стрелы, вколачивают туда гвоздики вместо наконечника и кладут в гроб»*. Эти же информаторы сообщают, что в местной похоронной традиции *«хоронить с нартами не полагалось»*. Наличие рядом с двумя захоронениями нарт объясняется ими следующим образом: *«Может, кому-нибудь снились сны, что человек просит нарты или ещё что-то. Тогда эти вещи нужно отнести или на могилу или подальше в лес. Такие места расположены к западу от юрт Киняминых, по берегам р. Мохтикми Сап. Обычно личные вещи человека уносят туда сразу после похорон. Некоторое время спустя туда же могут относить и другие старые вещи общего пользования»*. Отметим, что во время натурного обследования на одном из таких мест, помимо одежды, были обнаружены старая мебель, бытовая техника.

У большинства сохранившихся захоронений на кровле лежит поминальный столик, который используется во время поминок. Положение столика всегда одинаково — столешницей вниз, ножками вверх. Зафиксирован один случай, когда столик стоял в вертикальном положении — столешницей к продольной стенке могилы. В ряде случаев вместо поминального столика используется обрезок доски.

Около некоторых поминальных «окошек» на земле находится выстилка из травы. По сведениям информаторов, она является «столом» для души умершего человека во время поминок. Около поминальных «окошек» часто лежат монеты, сигареты и спички. Так, по сведениям информаторов, во время поминального обряда «угощают» человека, который курил при жизни.

Вдоль продольных боковых стен домиков на земле лежит одно либо два бревна. Они используются как лавочки во время поминальной трапезы. В большинстве случаев эта деталь характерна для самых поздних захоронений.

Внутри некоторых ранних домиков находятся бронзовые котлы, топоры, даже металлический поднос. Рядом с частью погребений отмечена посуда — берестяные куженьки и металлические тарелки; часть из них перевёрнута вверх дном. Информаторы пояснили это следующим образом: *«Осенью, когда уходишь с поминок, нужно переворачивать посуду вверх дном. Считается, что умершие пьют из этой посуды, а зимой вода в лёд превращается. Им приходится лёд грызть. Это нехорошо»*.

Отмечена отличительная деталь местного похоронного обряда, о которой сообщил Е.П. Кинямин: *«Сейчас на [металлической] посуде делают вмятину, но не пробивают насквозь. Может, старинные люди пробивали»*. Эта деталь интересна тем, что у соседей юганских ханты — тромъеганских и пимских ханты — до сих пор большую часть поминального инвентаря приводят в негодность, то есть подвергаются «порче» именно функциональные качества инвентаря. Например, посуда пробивается насквозь.

К сопутствующему инвентарю можно отнести и запас дров для костра. Чаще дрова прислонены к продольным боковым стенкам или углу домиков либо к стоящим рядом деревьям. Обычно в этих же местах находятся костровые палки с прорезью для подвешивания котла. Вблизи могил отмечены оставшиеся при сооружении домиков обрезки досок, которые нельзя уносить с кладбища. Однако информаторы сообщают и обратное: все стружки и обрезки после изготовления гроба и надмогильного сооружения должны сжигаться в костре. При этом даются такие пояснения: *«Материал, из которого делается гроб и могильный домик, относится к миру мёртвых, а огонь в данной ситуации является границей между миром мёртвых и миром живых людей»*. Несоблюдение этого ритуала для живых людей может обернуться плохими последствиями — несчастьями, болезнями, бедами и даже смертью.

На территории кладбища чётко фиксируются остатки примерно двух десятков костровищ. Часто они приурочены к тропинкам или свободным от домиков и поминального инвентаря участкам. Во многих местах костровища не привязаны к конкретным захоронениям, являясь, возможно, общими. По сведениям информаторов, с одной стороны, огонь предназначен для обогрева душ умерших, с другой, как упоминалось выше, — он является границей между живым и загробным мирами. При проведении похоронного и поминального обрядов зажигается ритуальный костёр, предназначенный для обогрева умерших. Небольшое

количество остатков костров на кладбище можно объяснить тем, что периодичность поминальных посещений по прошествии времени сокращается — очаги зарастают и задерновываются.

Если человек посещает кладбище впервые, ему вручается веточка шиповника *ньирэм — «прут»*, которую необходимо оставить на кровле одного из захоронений. Данное поверье связано с охранительной функцией, приписываемой шиповнику.

При посещении кладбища старший из присутствующих мужчин несёт топор. Рукоятью он стучит по кровле домика умершего родственника, приветствуя его, и сообщает, кто пришёл на поминки.

В ходе опроса коренных жителей получена информация о периодичности поминальных действий. Поминки проводятся в первой половине дня, посещение кладбища в вечернее время крайне нежелательно. Для детей существует запрет бывать на кладбище без старших.

Так, на первые поминки приходят на следующий день после похорон, следующие устраивают через месяц. Частота посещений зависит и от возраста умершего. Если умер ребёнок, то на поминки ходят чаще — на следующий день, через десять дней, затем через месяц. Поминки пожилого человека устраиваются реже. В последующее время частота посещений уменьшается — ходят через полгода, год, два, больше двух лет. Если умерший уже никому не снится, то на поминки перестают ходить. Если кто-то по каким-то причинам не сможет присутствовать на следующих поминках, то он обращается к умершему, рассказывая о причине и обещая прийти на поминки, когда появится возможность.

Покидают территорию кладбища по направлению движения солнца, не возвращаясь тропой, по которой пришли. Принято уходить, не оглядываясь. Последним уходит старший из присутствующих мужчин, символически закрывая дорогу с кладбища положенной на неё свежей веткой кедра. Без особой необходимости через территорию кладбища стараются не ходить, мотивируя это желанием не беспокоить умерших.

Проведённые исследования показали, что похоронный обряд жителей юрт Киняминых сохраняет ещё много традиционных черт, характерных в целом для сургутских ханты последнего столетия. Инновации последних 20—30 лет затронули, в первую очередь, внешнюю сторону погребального обряда. Проявляются они в применении современных материалов, покраске могильных домиков, появлении венков, современной посуды и пр. Самые большие изменения за этот период произошли в архитектуре надмогильных сооружений, где в качестве строительного материала брёвна активно заменяются досками.

Археологические исследования С.К. Патканова в Тобольском округе Тобольской губернии

А.В. Гордиенко
г. Тюмень
Тюменская государственная академия культуры и искусств

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время история исследований археологического наследия Севера Западной Сибири приобрела особую актуальность. Появились работы, посвящённые истории изучения отдельных археологических комплексов и локальных районов, персоналиям исследователей[1]. Этот сюжет продолжает и предлагаемая публикация, посвящённая одному из виднейших исследователей кон. XIX — нач. XX в. — **Серафиму Кероповичу Патканову**. В 1999 и 2003 гг. его труды были переизданы в двухтомном и, соответственно, пятитомном собраниях сочинений[2]. Они включили в себя и биографические очерки, в которых исследователь представлен выдающимся статистиком и этнографом[3]. В дополнение к этому необходимо осветить ещё одну сторону деятельности Серафима Кероповича — связанную с археологией. Его изыскания в этой области были непродолжительны, но результативны, о чём неоднократно упоминалось в археологической литературе.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Первые сведения об археологических исследованиях С.К. Патканова появились в Отчёте Императорской Археологической комиссии (далее — ОАК) за 1882—1888 гг. В них сообщалось о работах исследователя в северной части Тобольской губернии в 1887 и 1888 гг., результатом которых стали археологические находки, приобретённые у местных жителей и переданные в Императорскую Археологическую комиссию (далее — ИАК), а также сведения о памятниках[4].

Однако в печати предметы из сборов С.К. Патканова появились только спустя полтора десятилетия. В работе А.А. Спицына «Шаманские изображения» (1906 г.) приведены рисунки 15 образцов металлопластики, происхождение которых обозначено как «д. Скрипунова Самаровской волости Тобольского окр.»[5]. В работе нет прямого указания на С.К. Патканова, но в нескольких местах даётся ссылка на «Архив

ИАК 1888, 67». Под этим шифром в архиве ИИМК РАН числится «Дело Императорской Археологической комиссии о раскопках г. Патканова в Тобольском округе»[6]. Кроме того, все рисунки из публикации А.А. Спицына с указанием «из д. Скрипуновой» идентифицируются с предметами из коллекции С.К. Патканова.

Бóльшую часть предметов из сборов С.К. Патканова с указанием «могильник Ленк-Понк (д. Скрипунова)» опубликовал В.Н. Чернецов[7]. При сравнении архивных фотографий из отчёта С.К. Патканова с рисунками из работы В.Н. Чернецова заметно несовпадение групп представляемых предметов: с одной стороны, в публикацию вошла только часть сборов С.К Патканова, с другой — она оказалась дополненной другими вещами с могильника Ленк-Понк (скорее всего, доставленными Л.Р. Шульцем и Б.Н. Городковым). Архивные источники дают возможность выделить из публикации В.Н. Чернецова находки из сборов С.К. Патканова и дополнить представление о них.

Сведения С.К. Патканова об 11 археологических памятниках использованы И.А. Талицкой при составлении археологической карты Нижнего и Среднего Приобья — это Скрипуновские находки, Селияровские находки, Топорковский *(Leng-ponk)* могильник, Самаровская Волость находки, Кошелевское городище, Белкинский городок, Красноярское местонахождение, Саургачские (Тебендинские) курганы, Старо-Погостское городище, Камовское *(Карымпосат урдат вож)* местонахождение, Болчаровский могильник[8].

Предлагаемая публикация призвана расширить данные об археологических работах С.К. Патканова из редких и давних публикаций дополнительной информацией из архива ИИМК РАН (г. Санкт-Петербург)[9] и стимулировать дальнейшие исследования в этом направлении.

НАЧАЛО ИССЛЕДОВАНИЙ. ОТКРЫТЫЙ ЛИСТ

В 1886 г. С.К. Патканов в числе нескольких чиновников Министерства государственных имуществ был командирован в Тобольскую и Томскую губернии для сбора сведений «об экономическом быте крестьян и инородцев». Первый год он провел в Тюменском округе, два следующих — в Тобольском[10]. Именно в те годы — 1887-м и 1888-м — С.К. Патканов и осуществил свои археологические изыскания.

Поначалу он почти не отличался от многих других «любителей предметов старины», занимавшихся в то время археологическими изысканиями. Так, во время своих служебных разъездов по Северу Тобольской губернии в 1887 г. С.К. Патканов приобрёл коллекцию

археологических находок, которая была им передана в ИАК[11]. Следует отметить, что обычно археологические древности, обнаруженные частными лицами, представлялись в ИАК лишь для оценки их стоимости для последующей продажи. С.К. Патканов же передал коллекцию в дар. К тому же он составил *«очерк этой местности в археологическом отношении и собранные им сведения о старых самоедских кладбищах, встречающихся в долине реки Оби»*[12] на 12 страницах[13]. Это сотрудники ИАК отметили особо, поскольку большинство частных лиц, представлявших на рассмотрение свои находки, ограничивались куда как более краткой информацией. Однако основное отличие археологических изысканий С.К. Патканова состоит в другом.

28 апреля 1888 г. С.К. Патканову от ИАК был выдан Открытый лист за № 265 (ил. 1). Текст документа.

Открытый лист.

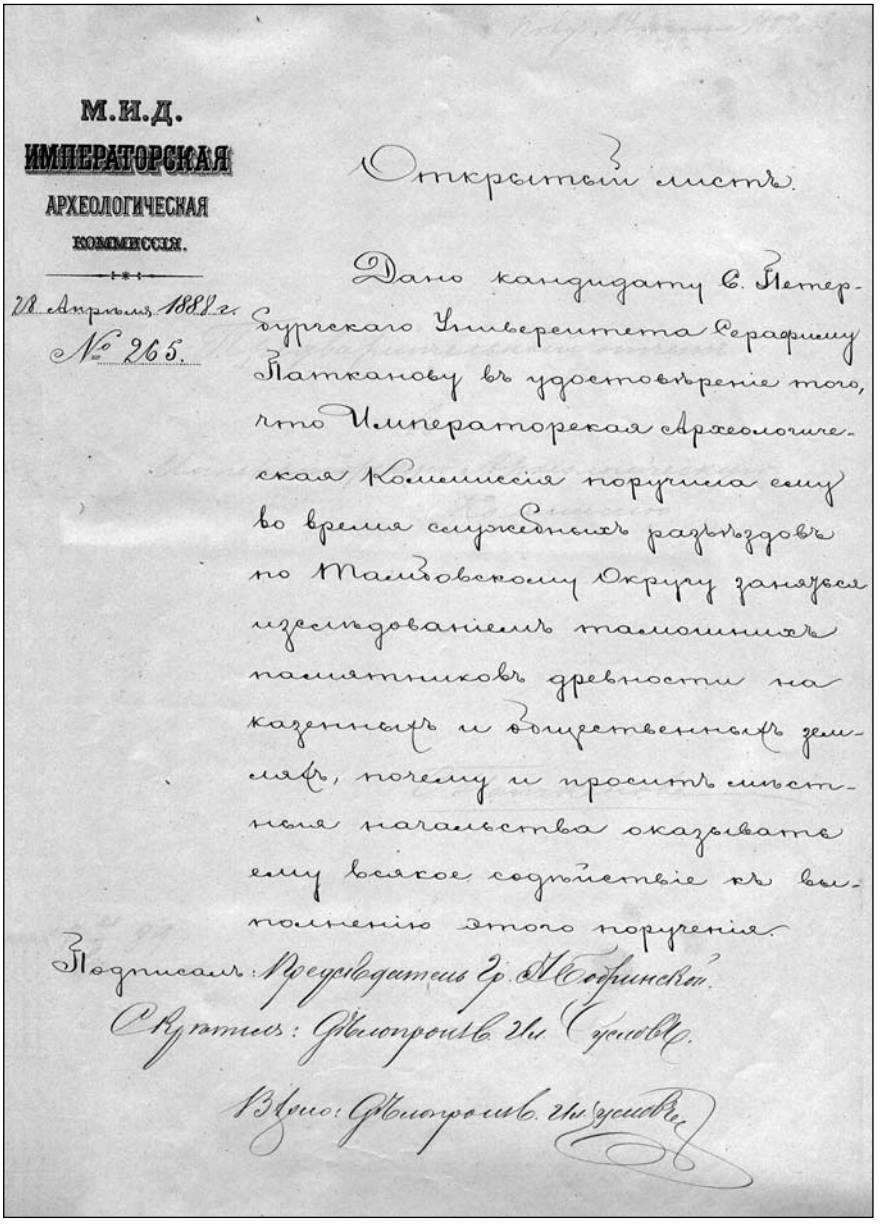
Дано кандидату С. Петербургского Университета Серафиму Патканову в удостоверение того, что Императорская Археологическая Комиссия поручила ему во время служебных разъездов по Тамбовскому[14] Округу заняться исследованием тамошних памятников древности на казённых и общественных землях, почему и просит местные начальства оказывать ему всякое содействие к выполнению этого поручения.

Подписал: Председатель Гр. А. Бобринский
Скрепил: Делопроизв. Ил. Суслов
Верно: Делопроизв. Ил. Суслов

Этот документ можно назвать одним из первых открытых листов России (если не первым!), выданным на исследование памятников археологии Северо-Западной Сибири. Вместе с разрешительным документом С.К. Патканов получил от ИАК официальное письмо с уведомлением о выделении ему 150 руб. на расходы по сбору сведений об археологических памятниках и приобретение древних вещей[15].

На основании этих документов можно считать поездку С.К. Патканова 1888 г. в Тобольский округ Тобольской губернии одной из первых официальных археологических экспедиций, организованной высшим археологическим учреждением России.

По возвращении С.К. Патканов представил в ИАК некоторые отчётные документы и, что для нас сегодня намного важнее, «Предварительный отчёт» от 21 марта 1889 г. Этот документ и является



М.И.Д.
ИМПЕРАТОРСКАЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ
КОММИССІЯ.

28 Апрѣля 1888 г.
№ 265.

Открытый листъ.

Дано кандидату С. Петербургскаго Университета Серафиму Патканову въ удостовѣреніе того, что Императорская Археологическая Комиссія поручила ему во время служебныхъ разъѣздовъ по Тамбовскому Округу заняться изслѣдованіемъ памятниковъ древности на казенныхъ и частныхъ земляхъ, почему и проситъ мѣстныя начальства оказывать ему всякое содѣйствіе къ выполненію этого порученія.

Подписалъ: Предсѣдатель Гр. А. Бобринскій.
Скрѣпилъ: Дѣлопроизв. Ив. Срезневскій.

Взято: Дѣлопроизв. Ив. Срезневскій.

Ил. 1. Открытый лист от 28 апреля 1888 г. № 265, выданный Императорской Археологической комиссией на имя С.К. Патканова

сегодня основным источником об археологических изысканиях пионера сибирской археологии.

МАРШРУТ

В последних числах мая 1888 г., после получения Открытого листа и денег, С.К. Патканов выехал из Петербурга и через три недели прибыл в г. Тобольск, откуда отправился «по делам службы» в г. Омск и Тюмень[16]. В Омске он встретился с А.И. Дмитриевым-Мамоновым, в Тюмени — с И.Я. Словцовым, в Тобольске — с М.С. Знаменским. В своем отчёте С.К. Патканов характеризует их деятельность в области археологии, представляет имеющиеся у них коллекции. Так, он пишет, что И.Я. Словцов *«ревностно изучает памятники древности Сибири и в непродолжительном времени думает издать археологическую карту Тобольской губернии. У него имеется весьма ценная коллекция древних предметов, добытых преимущественно из курганов в разных частях Зап. Сибири»*[17].

С.К. Патканов пишет о раскопках А.И. Дмитриевым-Мамоновым *«группы курганов около Чувашского городища, находящегося в 2-х верстах от города»*. При этом он представляет участников, сроки и объём раскопочных работ *(«пользуясь трудом ссыльных, водворённых в Тобольском тюремном замке, г-н Дмитриев-Мамонов в течение около 4-х месяцев вскрыл все 13 курганов»[18])*, даёт оценку их эффективности *(«находки, которыми увенчались раскопки, были ничтожны в сравнении с громадной затратой труда и со средствами, поглощёнными работами. Состояли они, главным образом, из бронзовых и каменных изделий, из скелетов людей и из костей некоторых животных»)*, уведомляет о результатах (*«со всех вещей сняты фотографические снимки, равно как и с упомянутых курганов, и препровождены в Московское археологическое общество, а сами предметы пожертвованы исследователем в Томский музей»*)[19].

М.С. Знаменский, по словам С.К. Патканова, *«произвёл раскопки на городищах Искер и Чуваш и вскрыл несколько курганов в окрестностях города»*, а также *«имеет намерение издать карту памятников древностей окрестностей г. Тобольска»*[20].

С.К. Патканов также рассказал о системе сбора археологических находок, сегодня не практикуемой и потому очень любопытной. Оказывается, И.Я. Словцов во многих местах Тобольской губернии имел своих так называемых «клиентов» (волостные писари и др.), которые за гонорар в 1 руб. *«сообщают ему о всякой более или менее цен-*

ной находке». Только после получения такой информации *«на место находки отправляется сам И.Я.* [Словцов] *или кто-нибудь из его друзей»*[21].

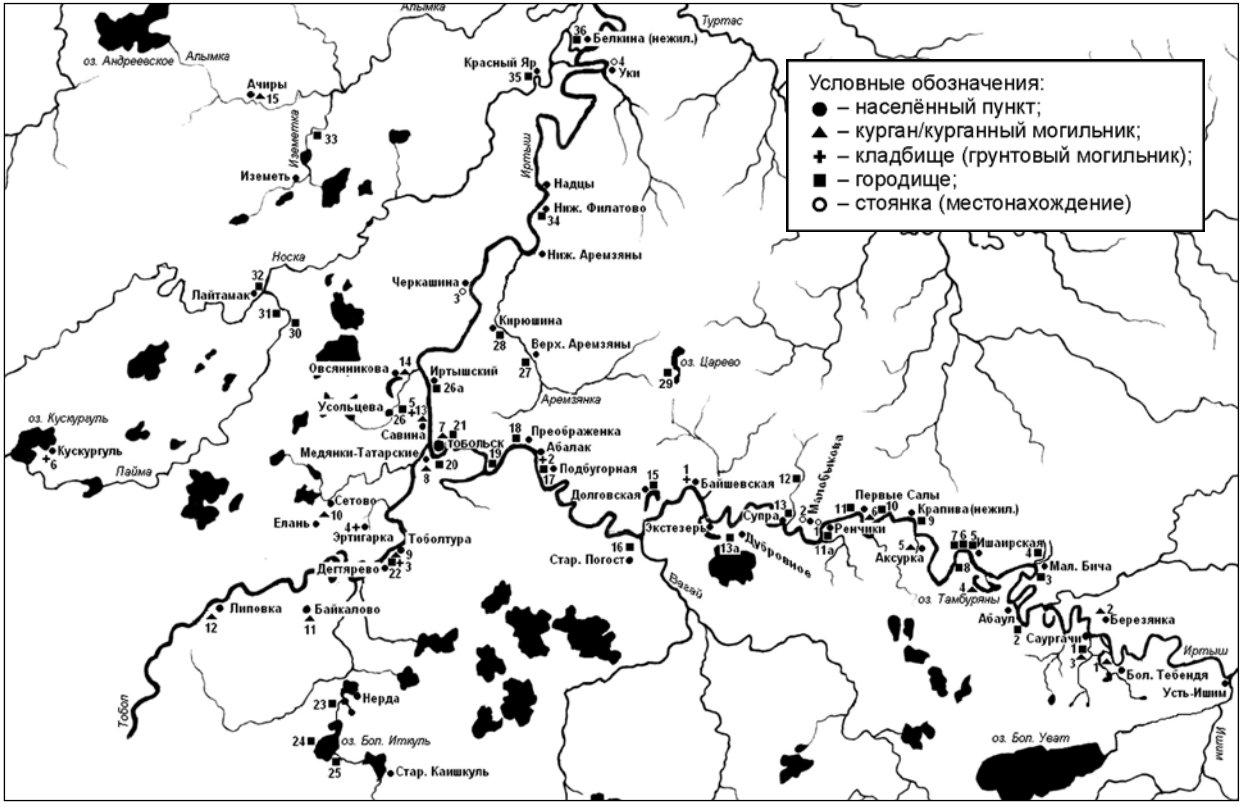
По этой причине, как полагал С.К. Патканов, его расспросы местных жителей об археологических находках оказались безуспешны. Ему оставалось лишь *«обратить главное своё внимание на описание памятников древности и на распределение их по разным урочищам для составления археологической карты Тобольского округа»*[22]. Для этого исследователь хотел *«осматривать все памятники, которые встречаются на пути»*. Однако *«ввиду того, что в некоторых местах памятники древности довольно многочисленны, а в других лежат в местностях глухих и удалённых от трактов, куда трудно добраться»*, он решил *«осматривать только те из них, которые находились по пути и при том не требовали большой затраты времени»*. Об остальных он *«наводил справки у местных жителей»*[23].

Сбор информации об археологических памятниках Тобольского округа Тобольской губернии и их осмотр С.К. Патканов осуществлял в несколько этапов.

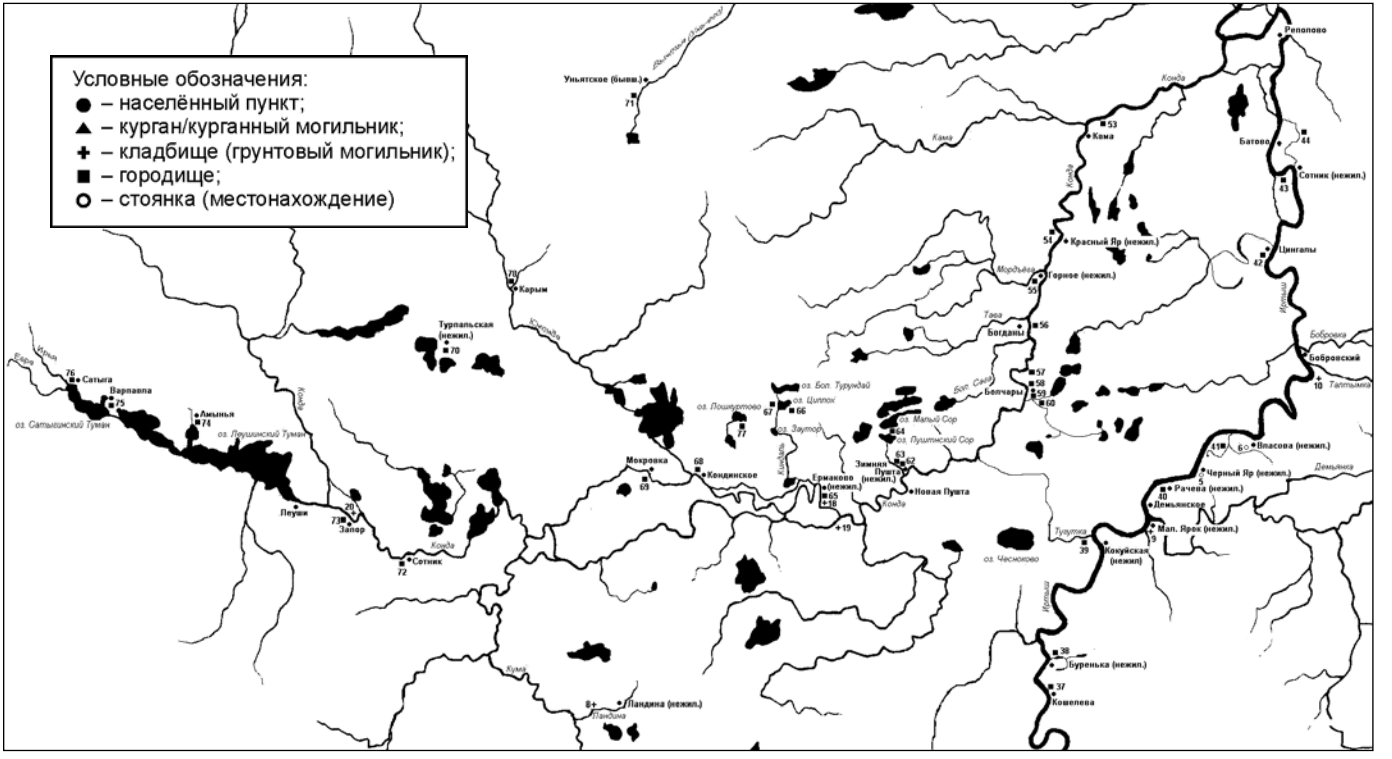
С середины июля 1888 г. он начал поездку по волостям, расположенным к югу от Тобольска, — Куларовской, Ашлыкской, Адбажской, Истяцкой и Уватской. Однако на вопросы об объектах археологии здесь следовали только отрицательные ответы. Удалось осмотреть только одно городище, расположенное недалеко от д. Старый Погост (ил. 2, № 16).

Во второй половине августа того же года С.К. Патканов отправился на р. Конду. В сопровождении некоего «доктора Е.», который следовал в тот же район для борьбы с «оспенной эпидемией»[24], на каюке с шестью гребцами, С.К. Патканов направился вниз по р. Иртышу. Исследователь упоминает о посещении городищ у д. Красноярской (современный Красный Яр — ил. 2, № 35), д. Белкиной (ил. 2, № 36), д. Кошелева (ил. 3, № 37) и д. Буренька на р. Пелиной (ил. 3, № 38). Также он осмотрел могильник между д. Денщиковской (современной Бобровский) и юртами Ячинскими (ил. 3, № 10), где осуществил небольшие раскопки (о них будет сказано ниже).

От д. Реполово маршрут С.К. Патканова пролёг через Кондинский сор на Камовы юрты (современная д. Кама). Не доезжая 7 вёрст, исследователю указали на остяцкий городок *Карыпоспат урдат вож* (ил. 3, № 53). Осмотреть его не удалось, поскольку пески и мели, обнажившиеся после спада половодья, не дали возможности подплыть к берегу.



Ил. 2. Карта-схема местонахождения археологических памятников Среднего Иртыша и Нижнего Тобола, отмеченных С.К. Патканowым. Расшифровка номеров археологических памятников указана в табл. 1—4



Ил. 3. Карта-схема местонахождения археологических памятников Нижнего Иртыша и р. Конды, отмеченных С.К. Патканковым. Расшифровка номеров археологических памятников указана в табл. 1–4

Ил. 4. Карта-схема местонахождения археологических памятников Нижней Оби, отмеченных С.К. Патканом, и маршрут исследователя. Расшифровка номеров археологических памятников указана в табл. 1–4

Далее С.К. Патканов упоминает три небольших городища около с. Болчарского (современные Болчары — ил. 3, № 58—60) и два — у Летних Пуштинских юрт (современная Зимняя Пушта нежилая — ил. 3, № 62—63). Последние имеют местные названия *Рут-вож* (Русский городок) и *Ям-вож* (Остяцкий городок). Наиболее удаленным городищем, лично осмотренным С.К. Патканова на р. Конде, является памятник у д. Сотник (ил. 3, № 53). В отчёте также сообщается о покупке предметов в пауле Запарском (современный Запор) (см. ниже), который, видимо, стал крайней точкой его археологических изысканий в этом районе.

В конце сентября С.К. Патканов возвратился в с. Самарово (современный г. Ханты-Мансийск). Здесь он осмотрел городище *Тунк-Поха* (Сына Лета — ил. 4, № 46), которое было *«до того обезображено раскопками (крестьян и пр.)... что теперь трудно сообразить, какой вид имело»*[25]. Отсюда исследователь отправился в одиночку на небольшом каюке по протоке Неулёвой на восток. Маршрут посещённых населённых пунктов от с. Самаровского до с. Селияровского и обратно представлен С.К. Патканова в виде отдельного документа, заверенного печатью и подписью самаровского волостного старшины Тобольской губернии и округа Хозяиновым[26]. Это даёт возможность подробно проследить путь исследователя, проделанный им за три дня (ил. 4). Из Самарова С.К. Патканов по протоке Неулёвой прибыл в Шапшу, далее — в Сумкино, Коневу, Спирину (современное Городище), Косари, Елыково и Алекино. Отсюда исследователь вернулся в Спирину и направился на р. Обь в Зенково, далее — в Чебыково и Селиярово. Из Селиярова он вернулся в Зенково и отсюда направился в Майки (бывшие юрты Априны), далее — в Скрипуново, юрты Нялинские, Костинские, Чучели, Пашкины (современная Тренька), Тренкинские (современная Старая Тренька) — и обратно в Самарово. По пути следования С.К. Патканов упомянул посещение им местонахождения между протоками Рыбьей и Ерошкиной (ил. 4, № 7), небольшого городища у д. Селиярово (ил. 4, № 51) и могильника около д. Скрипунова (ил. 4, № 14).

Во второй половине октября С.К. Патканов отправился изучать археологические памятники в Карагайской, Дубравной и Бегишевской волостях, расположенных по Верхнему Иртышу от г. Тобольска до Тарского округа. Он посетил курганные могильники, расположенные между юртами Саургатскими (современные Саургачи) и Тебендинскими (современная Большая Тебендя), около оз. Тамбурян (ил. 2, № 1, 3) и в

окрестностях юрт Зимние Берестины (современная Березянка — ил. 2, № 2). Также им были осмотрены *«городки и курганы в окрестностях Тобольска»*[27].

В ноябре С.К. Патканов отправился на р. Тобол и его притоки. В результате у исследователя сложилось мнение о малочисленности памятников археологии в этом районе, из которых он посетил только Тоболтуринское городище (ил. 2, № 22) и получил сведения о нескольких могильниках.

В последних числах ноября С.К. Патканов предпринял поездку в Кугаевскую и Эскалбинскую волости, где собрал информацию об археологических объектах, однако из-за наступления зимы (уже лежал снег, морозы достигали 30 градусов) осмотр большинства из них не провёл. Лишь в Эскалбинской волости он посетил городище на месте мечети юрт Лаймамацких (современный Лайтамак — ил. 2, № 32). При характеристике городищ этого района исследователь отметил: *«Их незначительные размеры, их слабо выраженные рвы и валы вряд ли могли иметь серьёзное значение для самозащиты»*. Однако не преминул отметить, что местоположение Лаймамацкого городка может свидетельствовать об его стратегическом значении[28]. На этом сбор сведений об археологических памятниках Тобольского округа С.К. Патканов закончил.

ПАМЯТНИКИ

Археологические памятники Тобольского округа Тобольской губернии С.К. Патканов подразделял на городища, курганы/курганные могильники, кладбища/грунтовые могильники и так называемые стоянки. Под последними он подразумевал *«все прочие места, сохранившие следы пребывания на них аборигенов Сибири»*. К ним исследователь отнёс «чудские ямы» — *«места, где во множестве найдены черепки глиняной посуды и кости животных, бронзовые и серебряные изделия и т.д., по которым по внешним признакам и в их настоящем виде трудно признать за городища или курганы»*[29]. В современной номенклатуре археологических памятников «стоянки» С.К. Патканова наиболее соответствуют «местонахождениям».

На составленной исследователем карте археологических памятников обозначен 121 памятник, из которых 48 были осмотрены им лично. В их числе: 79 городищ (31 осмотрено), 20 грунтовых могильников (3 осмотрены), 15 курганных могильников (9 осмотрены), 7 стоянок (5 осмотрены). Информация о памятниках представлена им в виде

таблиц, в которые внесены известные сведения по каждому объекту (табл. 1—4). В публикуемых ниже таблице и на иллюстрациях сохранена нумерация памятников, данная С.К. Патканов. В двух случаях городища не имеют самостоятельных номеров — у д. Ренчики и п. Иртышского. Им присвоены номера предыдущих по списку городищ с добавлением буквенного индекса «а» — № 11а и № 26а соответственно. Двум городищам (у д. Супра и между деревнями Экстезерь и Дубровное) придан № 13, поэтому второму памятнику также присвоен буквенный индекс «а». Одно городище (№ 61) не обнаружено на карте.

Таблица 1

Городища

№	Ближайший населённый пункт совр. (бывш.)	Река /озеро	Личный осмотр (+), устная информация (–)
1	Саургачи	р. Саргис (приток р. Иртыша)	+
2	Абаул	р. Иртыш	–
3	Мал. Бича (Самтеле)	р. Иртыш	+
4	Мал. Бича (Самтеле)	р. Тигиса (приток р. Иртыша)	+
5	Ишаирская	р. Иртыш	–
6	Ишаирская	р. Иртыш	–
7	Ишаирская	р. Иртыш	–
8	Бол. Карагай (Карагай)	р. Иртыш	–
9	Крапива (нежил.)	р. Иртыш	–
10	Первые Салы (Салинская)	р. Иртыш	–
11	Первые Салы (Салинская)	р. Иртыш	+
11а	Ренчики	р. Иртыш	–
12	Супра	р. Супра (приток р. Иртыша)	–
13	Супра	р. Супра (приток р. Иртыша)	+
13а	Экстезерь/Дубровное	р. Иртыш	–
15	Долговская	р. Иртыш	+
16	Стар. Погост	р. Иртыш	+
17	Подбугорная	р. Иртыш	+
18	Преображенка	р. Иртыш	–
19	Саускановская	р. Иртыш	+
20	Медянки Татарские	р. Иртыш	–
21	Тобольск	р. Иртыш	+
22	Тоболтура	р. Тобол	+
23	Нерда (Нердинская)	оз. Нердинское	–
24	Стар. Каишкуль (Каишкуль)	оз. Бол. Иткуль	–
25	Стар. Каишкуль (Каишкуль)	оз. Бол. Иткуль	–
26	Савина/Усольцева (Рогалинская)	р. Иртыш	–
26а	Иртышский (Сузгун)	р. Иртыш	+
27	Верх. Аремзяны	р. Аремзянка	–
28	Кирюшина	р. Аремзянка	–
29	Октябрьский	оз. Царёво	–
30	Лайтамак (Лаймамацкая)	р. Лайма	–
31	Лайтамак (Лаймамацкая)	р. Лайма	–
32	Лайтамак (Лаймамацкая)	р. Носка	+
33	Иземеть	р. Иземетка	–
34	Ниж. Филатово	р. Иртыш	–
35	Красный Яр (Красноярская)	р. Носка	+
36	Белкина (нежил.)	р. Иртыш	+
37	Кошелева	р. Иртыш	+
38	Буренька (нежил.)	р. Пелина (приток р. Иртыша)	+
39	Кокуйская (нежил.)	р. Тугутка (приток р. Иртыша)	–
40	Рачева (нежил.) (Готилинская)	р. Иртыш	+
41	Власова (Глядень)	р. Иртыш	+
42	Цингалы (Цингалинская)	р. Иртыш	+

43	Сотник	р. Иртыш	–
44	Батово (Батова)	р. Иртыш	+
45	Ханты-Мансийск (Самарово)	р. Иртыш	–
46	Ханты-Мансийск (Самарово)	р. Иртыш	+
47	Устье Иртыша	р. Обь	–
48	Приобской	р. Обь	–
49	Юрты Нялинские (Нялины)	р. Обь	–
50	Скрипунова	р. Обь	–
51	Селиярово	р. Обь	+
52	Сивохребт	р. Обь	–
53	Кама (Камовы)	р. Конда	–
54	Красный Яр (Красноярская)	р. Конда	–
55	Горная (Сиглинская)	р. Конда	–
56	Богданы	р. Конда	+
57	Болчары	р. Конда	–
58	Болчары	р. Конда	+
59	Болчары	р. Болчаровка (приток р. Конды)	+
60	Болчары	р. Болчаровка (приток р. Конды)	+
61	Не отмечено на карте	–	
62	Зимняя Пушта (нежил.) (Летняя Пуштинская)	р. Эбыт-Его (приток р. Конды)	+
63	Зимняя Пушта (нежил.) (Летняя Пуштинская)	р. Эбыт-Его (приток р. Конды)	+
64	Зимняя Пушта (нежил.) (Летняя Пуштинская)	оз. Пуштинский Сор / оз. Малый Сор	–
65	Ермаково (нежил.)	р. Конда	–
66	Кондинское (Нахрачинское)	оз. Циплох	–
67	Кондинское (Нахрачинское)	оз. Циплох	–
68	Кондинское (Нахрачинское)	р. Конда	+
69	Мокровка	р. Конда	+
70	Турпальская (нежил.)	оз. Турпальское	–
71	Уньятское (бывш.)	р. Вынтья (?)(Унь-Его (бывш.?))	–
72	Сотник	р. Конда	+
73	Запор (юрты Запарские)	р. Конда	–
74	Амынья	оз. Леушинский Туман	–
75	Варпавла	оз. Сатыгинский Туман	–
76	Сатыга	оз. Сатыгинский Туман	–
77	Кондинское	оз. Лошкуртово (бывш. оз. Кватлья Тальх Тур)	–
78	Карым	р. Юконда	–

Таблица 2

Кладбища (грунтовые могильники)

№	Ближайший населённый пункт совр. (бывш.)	Река /озеро	Личный осмотр (+), устная информация (–)
1	Байшевская	р. Иртыш	–
2	Подбугорная	р. Иртыш	–
3	Тоболтура	р. Тобол	–
4	Эртигарка	р. Тобол	–
5	Савина	р. Иртыш	–
6	Кускургуль	оз. Кускургуль	–
7	Березовка	р. Выя (приток р. Туртас)	+
8	Ландина (нежил.) (Ландинское)	р. Ландина	–
9	Мал. Ярок (нежил.)	р. Иртыш	–
10	Бобровский	р. Иртыш	+
11	Старая Тренька (Тренька)	р. Обь	–
12	Чучели (Чучелинские)	р. Обь	–
13	Юрты Нялинские (Нялины)	р. Обь	–
14	Скрипунова	р. Обь	+
15	Скрипунова	пр. Полая	–

16	Майки (Априны)	р. Обь	–
17	Зимняя Пушта (нежил.) (Летняя Пуштинская)	р. Конда	–
18	Ермаково (нежил.)	р. Конда	–
19	Ермаково (нежил.)	р. Конда	–
20	Запор (юрты Запарские)	р. Конда	–

Таблица 3

Курганы (курганные могильники)

№	Ближайший населённый пункт совр. (бывш.)	Река /озеро	Кол-во курганов в группе	Личный осмотр (+), устная информация (–)
1	Бол. Тебендя (Тебендинские)	р. Иртыш	46 (?)	+
2	Березянка (Зим. Берестиные)	р. Иртыш	12	+
3	Саургачи	р. Саргис (приток р. Иртыша)	5	+
4	Бол. Карагай (Карагай)	оз. Тамбуряны	14	+
5	Аксурка	р. Аксур (приток р. Иртыша)	5	+
6	Первые Салы (Салинская)	р. Иртыш	17	+
7	Тобольск	р. Иртыш	15	+
8	Медянки Татарские	р. Иртыш	4	+
9	Тоболтура	р. Тобол	1	–
10	Сетово/Елань	р. Суклемка (приток р. Иртыша)	1	+
11	Байкалово	р. Тобол	1	–
12	Липовка	р. Тобол	3	–
13	Савина	р. Иртыш	1	–
14	Овсянникова	р. Иртыш	2	–
15	Ачиры	р. Алымка	1	–

Таблица 4

Стоянки (местонахождения)

№	Ближайший населённый пункт совр. (бывш.)	Река /озеро	Личный осмотр (+), устная информация (–)
1	Малобыкова	р. Иртыш	+
2	Малобыкова	р. Иртыш	+
3	Черкашина	р. Иртыш	+
4	Уки	р. Иртыш	+
5	Черный Яр (нежил.)	р. Иртыш	–
6	Власова (нежил.)	р. Иртыш	–
7	Старая Тренька (Тренька)	р. Обь	+

Описания и планы памятников, сделанные С.К. Паткановым, не известны, но, по-видимому, таковые составлялись. В ИАК был передан «Предварительный отчёт», где автор пишет, что он представит полный отчёт с включением ряда документов, в том числе *«наружное описание посещённых мною городков, курганов и других памятников древности»*, а также *«абрисы типичных городков и курганов»*[30]. Также С.К. Патканов отмечает, что во время сбора информации об археологических памятниках он *«записывал во скоких верстах от того или другого урочища находится данный памятник, на каком берегу реки он расположен, были ли сделаны на нём или около него какие-нибудь находки и другие сведения касательно местоположения, его величины, формы и т. д.»*[31]. О составлении планов памятников свидетельствует и

фраза исследователя о том, что во время посещения Тоболтуринского городища он *«не стал производить здесь измерений»*[32].

В общем виде характеристика городищ Тобольской губернии приведена в работе С.К. Патканова «Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям», где им посвящен отдельный раздел «Княжества и их центры — городки»[33]. В отчёте он отмечает, что *«большая часть городищ носила следы раскопок, но вряд ли находки увенчали труды искателей. Обширных шурфов нигде почти нет и самые глубокие не превышают 1½ арш. Вред от них, причинённый городкам, незначительный»*[34].

Многие памятники, если не большинство, С.К. Патканов фиксировал со слов местных жителей, однако при этом он руководствовался оговорёнными им критериями, что значительно снижало вероятность ошибки. Для определения городищ таковыми являлись наличие рвов и валов, а также употребление местными жителями в их топониме терминов «turà», «galá», «voğ», «voš», «us», «uš», присоединённых к собственным именам или прилагательным. Признаками курганов, по С.К. Патканову, являются: 1) расположение *«по несколько вместе»* (группой); 2) сравнительная правильность формы и наличие грабительской ямы в центре; 3) отсутствие севернее «Русско-Уватской волости»; 4) личный осмотр большинства курганных групп. «Кладбища» археолог определял по *«рядам продольных ямок»*[35].

РАСКОПКИ

Масштабных раскопок С.К. Патканов не проводил, однако на нескольких памятниках заложил разведочные шурфы. Наиболее значительным фактом его полевых изысканий являются раскопки одного погребения на кладбищенской «сопке» между юртами Ячинскими (бывш.) и д. Денщиковской (совр. Бобровский) (ил. 3, № 10). Вот описание этих работ: *«Выбрав место с продольным углублением, где мы предполагали могилу, работники начали копать и на глубине 1 арш. наткнулись на труп мальчика, похороненного, по-видимому, недавно, лет 20 назад. Костяк лежал на спине и был обращен головой на восток. Так как он не имел даже гроба, можно предположить, что он принадлежал весьма бедным родителям. В его изголовье лежал небольшой заржавелый ножичек и позеленевший галун длиной около 1 саж, свернутый в клубок. Углубив яму еще на 1½ арш., мы встретили крышку гроба и, приподняв её, нашли в нём скелет остячки. Одежда сохранилась довольно хорошо. Голова*

была украшена бисерной повязкой (saravaty), которая ещё теперь в моде у остячек. По всему судя, было заметно, что и этот труп был похоронен не очень давно, лет 40–50 не более тому назад. На этом я остановил раскопку»[36]. В процессе раскопок была обнаружена «кузнечная окалина», на основе чего С.К. Патканов предполагал более древний возраст «сопки».

Далее исследователь намеревался осуществить раскопки обследованного им могильника близ д. Скрипуновой, однако плохие погодные условия *«принудили... отложить все подобные планы»*[37].

К раскопкам городищ С.К. Патканов относился скептически, объясняя это тем, что они требуют больших затрат сил и времени, а *«результаты раскопок на городищах весьма гадательны»*[38]. Однако некоторые раскопки на этих памятниках он всё же предпринял. Так, при осмотре городищ у д. Белкиной и Кошелевой (ил. 2, № 36; ил. 3, № 37) С.К. Патканов перекопал старые шурфы, обнаруживая *«в огромном изобилии узорчатые черепки, кости животных и птиц, иногда осколки камней... кузнечную окалину»*[39]. Возможно, он осуществлял подобные работы или хотя бы собирал подъёмный материал и на других городищах. Об этом говорит его намерение представить в ИАК в составе полного отчёта «рисунки коллекции черепков глиняной посуды, собранной на разных городках»[40]. К сожалению, судьба этих иллюстраций сегодня неизвестна.

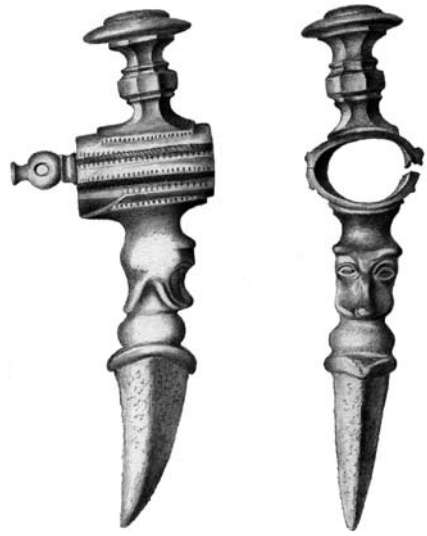
НАХОДКИ

При описании места происхождения коллекции С.К. Патканова большинство исследователей, касающихся этого вопроса, приводят первые строки из его отчёта о поездке в 1887 г. Приведём их дословно: *«Почти все приобретённые мною археологические находки происходят из небольшой размытой водой надмогильной насыпи или кургана («сопка», по выражению местных жителей), расположенного на берегу р. Оби, между д. Скрипуновой и Априными юртами, примерно в 60 вер. от с. Самаровского, лежащего близ устья р. Иртыша (Самаровск[ая] вол[ость] Тобольск[ого] округа)»*[41]. Более подробно исследователь останавливается на вопросе происхождения находок в отчёте 1888 г. Он пишет, что вблизи д. Скрипунова (Топорки) находятся *«два языческих кладбища и один городок»*. Местные жители собирают находки на обоих кладбищах. Происходит это следующим образом: *«Меняя постепенно своё русло, Обь размывает эти кладбища. Копаясь в илу и песке размытого берега, крестьяне и их дети добывают здесь упомянутые*

безделушки». Сбор вещей начинается летом: *«Вода сильно убывает к концу июня, и тогда уже начинаются поиски, но главным образом в июле»*. Дальнейшая судьба находок обычно такова: *«Более ценные находки или крупные серебряные вещи (напр[имер], нынче нашли серебряный пояс) скупаются торгующими крестьянами, евреями, поселенцами – одним словом, всеми лицами, имеющими деньги под рукой, и перепродаются городским ювелирам, которые обращают их в лом и переливают»*[42]. С.К. Патканов также пишет, что *«подобные находки (хотя и реже) совершаются не только у д. Скрипуновой, но и в некоторых других смежных местах»* – из долины р. Оби в пределах Самаровской волости.

Таким образом, большинство вещей из коллекции С.К. Патканова происходит из разрушающихся могильников около д. Скрипунова и, возможно, близлежащих территорий. На основании имеющихся документов мы имеем возможность уточнить место происхождения и некоторые другие детали, касающиеся отдельных находок.

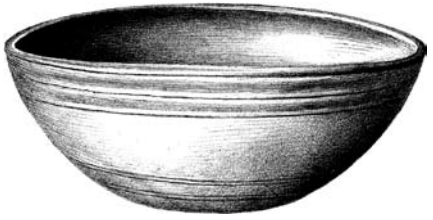
1. ***Бронзовый топорик с маленьким стальным лезвием*** (ил. 5). В ОАК за 1882–1888 гг. указано, что он *«найден около с. Мушинского»*[43]. Скорее всего, составителем этой статьи неправильно прочитано название села. В отчёте за 1888 г. С.К. Патканов о месте находки написал следующее: *«В пауле Запарском мне удалось приобрести бронзовый молоток со стальным лезвием, найденный у откоса горы около с. Леушинского»*[44]. В письме И.И. Толстому содержится уточнение местонахождения предмета: *«Металлический топорик приобретен в Кондинском крае у вогулов пауля Запарского. Найден, по их словам, около с. Леушинского из яра (крутого берега) р. Ахвы»*[45].



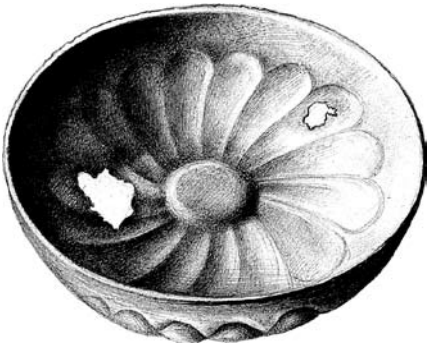
Ил. 5. Бронзовый топорик с маленьким стальным лезвием. *Печ. по: Дело Императорской Археологической комиссии... – Л. 29*

2. ***Чаша с геометрическим декором и процарапанными рисунками*** (ил. 6). Приобретена в 1887 г. в Пашкиных юртах (совр. Тренька), происходит *«из смежно-*

Ил. 6. Чаша с геометрическим декором и процарапанными рисунками. *Печ. по: Дело Императорской Археологической комиссии... – Л. 34*



Ил. 7. Чаша с продольными желобками. *Печ. по: Дело Императорской Археологической комиссии... – Л. 30*



Ил. 8. Чаша с лепестковым декором. *Печ. по: Дело Императорской Археологической комиссии... – Л. 30*

го с юртами старого самоедского кладбища»[46].

3. ***Чаша с продольными желобками*** (ил. 7). В перечне приобретённых в 1888 г. предметов отмечено, что металлическая чаша куплена у крестьянина д. Дмитриевской Уватской волости Захара Белкина[47]. Однако в письме С.К. Патканова И.И. Толстому отмечается, что она *«найдена при вспашке земли недалеко от д. Белкиной Уватской вол. (Тобольск. окр.) вблизи от старого татарского городка»*[48].

4. ***Чаша с лепестковым декором*** (ил. 8). Куплена в 1888 г. у крестьян д. Скрипунова[49].

5. ***Накладка сфероконическая с кантом из «перлов»*** (ил. 9). Найдена на городище, приобретена в 1888 г. у крестьянина д. Белкиной[50].

6. ***Два бронзовых изображения рыб*** (ил. 10 — *1, 2*) ***и две***

Ил. 9. Накладка сфероконическая с кантом из «перлов». *Печ. по: Дело Императорской Археологической комиссии... – Л. 36*

Ил. 10. Два бронзовых изображения рыб *(1, 2)* и две бронзовые личины *(3, 4). Печ. по: Дело Императорской Археологической комиссии... – Л. 36, 35*

Ил. 11. Две подвески с вставками из агата *(1, 2)*, височное серебряное кольцо с обмоткой проволокой *(3)*, щиток серебряного перстня *(4)*, бронзовые пронизи в виде зайца и медведя *(5, 6)*, круглая бляха с изображением крылатого коня *(7)*, железные наконечники стрел и дротиков *(8–12). Печ. по: Дело Императорской Археологической комиссии... – Л. 33, 44а, 38, 36, 32*

Ил. 12. «Металлический колпачок». *Печ. по: Дело Императорской Археологической комиссии... – Л. 38*

личины (ил. 10 — *3, 4*). Куплены в 1888 г. в д. Шапшиной (совр. Шапша), обнаружены между протоками Ерошкиной и Рыбьей (ил. 4, № 7).

7. ***Две подвески с вставками из агата*** (ил. 11 — *1,2*), ***височное серебряное кольцо с обмоткой проволокой*** (ил. 11 — *3*), ***щиток серебряного перстня*** (ил. 11 — *4*), ***бронзовые пронизи в виде зайца и медведя*** (ил. 11 — *5, 6*), ***круглая бляха с изображением крылатого коня*** (ил. 11 — *7*), ***5 железных наконечников стрел и дротиков*** (ил. 11 — *8–12*), другие мелкие предметы из бронзы. Приобретены в 1888 г. у разных крестьян д. Скрипунова.

8. ***Два «металлических колпачка»*** (ил. 12). Куплены в 1888 г. у крестьянина д. Березовой (совр. Березянка) Уватской волости.

9. ***Пронизь в виде лебедя*** (ил. 13). Куплена в 1888 г. в Тренкиных юртах (совр. Старая Тренька).

Ил. 13. Пронизь в виде лебедя. *Печ. по: Дело Императорской Археологической комиссии... – Л. 44а*

10. ***Медный котелок*** (ил. 14). Единственная дошедшая до нас вещь, обнаруженная лично С.К. Паткановым (не известно, были ли зарисованы или сфотографированы находки керамики, фрагменты каменных изделий и прочие находки, собранные им на городищах). В 1888 г. при осмотре одного из кладбищ у д. Скрипунова *«в обрыве, где весенние воды ломают яр, я увидел котелок из листовой меди, который торчал из могилки, и без труда извлёк его оттуда, сопровождаемый смехом присутствовавших при этом крестьян, которые никак не могли понять, на что барину мог понадобиться поганый котел»*[51].

Ил. 14. Медный котелок. *Печ. по: Дело Императорской Археологической комиссии... – Л. 31*

Ил. 15. Накладка в виде спаренных лосиных голов. *Печ. по: Дело Императорской Археологической комиссии... – Л. 38*

Ил. 16. Железный наконечник стрелы *Печ. по: Дело Императорской Археологической комиссии... – Л. 38*

11. ***Сабля.*** Приобретена в юртах Байболинских, что стояли на р. Конде между д. Красный Яр (нежил.) и Кельсино (нежил.). Принадлежала *«последнему остяцкому воителю Копьйге»*, который жил, по словам остяков, всего 80–90 лет тому назад. С.К. Патканов отмечает, что *«сабля, по-видимому, была приобретена у русских и впоследствии к ней была приделана деревянная ручка с железным кружком для защиты руки от удара»*[52]. Передана в Тобольский музей.

12. ***Накладка в виде спаренных лосиных голов*** (ил. 15). На фотографии подпись: «Д. Истомина».

13. ***Железный наконечник стрелы*** (ил. 16). Приобретен в Шумиловских юртах (р. Конда) в 1887 г. По словам местных жителей, *«найдена в земле, но не очень старого происхождения, так как их деды и отцы ещё употребляли подобные стрелы для охоты на выдру»*[53].

14. ***Железный наконечник копья*** (ил. 17). Приобретён в Пашкиных юртах (совр. Тренька) в 1887 г. *«Копьё найдено в лесу, прислонённым к большому камню»*[54].

15. ***«Железная пика»*** (ил. 18). Происходит из Ескинских юрт (совр. избы на р. Нёлым при впадении в неё притока Ваха) и была *«выкопана из земли при постройке дома»* местным жителем[55]. Приобретена в 1887 г.

В заключение этого краткого обзора хотелось бы коснуться ещё одного предмета из коллек-

Ил. 17. Железный наконечник копья. *Печ. по: Дело Императорской Археологической комиссии... – Л. 37*

Ил. 18. «Железная пика». *Печ. по: Дело Императорской Археологической комиссии... – Л. 37*

ции С.К. Патканова – серебряного медальона с изображением всадника (ил. 19). Дело в том, что в археологических публикациях фигурирует идентичная бляха. Известно, что она куплена *«у остяков в Берёзовском округе»* и хранится в Эрмитаже. Эта информация впервые приведена в работе Я.И. Смирнова «Восточное серебро» 1909 г. и неоднократно повторена в последующих публикациях[56].

Первую фотографию этой бляхи сделал в 1902 г. И.Ф. Чистяков, подпись под ней гласит: *«Берёзовский округ Тобольской губернии»* (ил. 20)[57]. В работе Я.И. Смирнова уже обозначено место её хранения – Государственный Эрмитаж. При сравнении снимка бляхи из дела С.К. Патканова, сделанного в 1888 г. В.Г. Дружининым (ил. 19), и фотографии И.Ф. Чистякова (ил. 20) различий между изображениями не прослеживается. Логически возникает вопрос: не являются ли эти два снимка фотографиями одного и того же предмета? Ответа, к сожалению, нет. Возможно, произошла

Ил. 19. Медальон с изображением всадника, приобретённый С.К. Патка новым в 1888 г. в д. Скрипунова. *Печ. по: Дело Императорской Археологической комиссии... – Л. 44а*

Ил. 20 Медальон с изображением всадника, местом находки которого обозначен «Берёзовский округ». *Печ. по: Фотоархив ИИМК РАН. – Q 663/14. – III 8014. – Инв. 3202*

путаница, и медальон из коллекции С.К. Патканова, переданный в Эрмитаж в 1892 г.[58], стал известен как происходящий из Берёзовского округа. Но не исключено, что перед нами две отливки из одной формы. Необходимы дальнейшие поиски в этом направлении.

В общей сложности за 1887–1888 гг. С.К. Патканов доставил в ИАК коллекцию из 126 предметов. Бóльшая часть вещей была передана на хранение в Императорский Российский исторический музей (совр. Государственный исторический музей – ГИМ). Согласно описям передачи, в ГИМ было отправлено 118 предметов, в том числе опубликованные в настоящей статье (ил. 6–12, 14–18), в Государственный Эрмитаж переданы медный топорик (ил. 5) и несколько украшений из серебра и бронзы (ил. 13).

Из выделенных ИАК 150 руб. на разъезды по округу для сбора сведений об археологических памятниках и приобретение древностей С.К. Патканов потратил лишь 12 руб. 40 коп.[59]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Археологические исследования С.К. Патканова занимают особое место в истории изучения Севера Западной Сибири. Это одна из первых археологических экспедиций, которая была организована высшим археологическим учреждением России и проведена на основе Открытого листа, с выдачи которого можно вести отсчёт официальной истории археологического изучения указанного региона. Практическая польза исследований такого рода очевидна, так как в распоряжении современной науки оказывается не случайная подборка предметов, что было обычным для процесса формирования археологических собраний того времени, а задокументированная коллекция. К сожалению, отчётные материалы С.К. Патканова сохранились не полностью, но даже сохранившихся достаточно для получения объективной информации.

Также надо отметить, что археологические изыскания Серафима Кероповича оказали решающее влияние на его дальнейшую исследовательскую деятельность. Именно во время сбора сведений об археологических памятниках (в частности, о «городках») местные жители рассказывали ему предания, которые он подробно записывал[60]. К концу своих археологических работ в ноябре 1888 г. С.К. Патканов пришёл к мысли о создании свода остяцкой поэзии и для пополнения уже собранных им материалов в третий раз отправился на р. Конду исключительно с этой целью[61]. В дальнейшем материалы этих работ легли в основу его этнографических сочинений. И если статистиком

С.К. Патканов был по долгу службы, то к этнографии он пришёл через археологию.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Мальм У., Нюгард П.** Фредерик Роберт Мартин / Пер. с англ. Н.В. Шатунова // Барсова гора: 110 лет археологических исследований / Под ред. А.Я. Труфанова и Ю.П. Чемякина. — Сургут: МУ ИКНПЦ «Барсова Гора», 2002. — С. 33—34; **Горшков С.В., Попов Н.Н.** К вопросу о начале археологического изучения Барсовой горы (приезд цесаревича Николая в г. Сургут) // Барсова гора: 110 лет археологических исследований / Под ред. А.Я. Труфанова и Ю.П. Чемякина. — Сургут: МУ ИКНПЦ «Барсова Гора», 2002. — С. 35—37; **Чемякин Ю.П., Шатунов Н.В.** История изучения археологических памятников Барсовой горы // Барсова гора: 110 лет археологических исследований / Под ред. А.Я. Труфанова и Ю.П. Чемякина. — Сургут: МУ ИКНПЦ «Барсова Гора», 2002. — С. 40—57; **Морозов В.М., Шатунов Н.В.** Археологическое наследие Сургутского района: к истории научного исследования // Барсова гора: 110 лет археологических исследований / Под ред. А.Я. Труфанова и Ю.П. Чемякина. — Сургут: МУ ИКНПЦ «Барсова Гора», 2002. — С. 62—72; **Зыков А.П.** Первые исследователи Барсовой горы // Барсова гора: древности таёжного Приобья. — Екатеринбург; Сургут: Уральское кн. изд-во, 2008. — С. 6—15; **Фефилова Т.Ю.** История археологических исследований на реках Большой и Малый Юган // Барсова гора: древности таёжного Приобья. — Екатеринбург; Сургут: Уральское кн. изд-во, 2008. — С. 283—295; И др.

[2] **Патканов С.К.** Соч. в 2 т. / Под ред. С. Пархимовича; Сост. и вступ. статья Ю. Мандрики; Пер. Е. Матюхиной; Коммент. С. Пархимовича. — Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999; **Патканов С.К.** Соч. в 5 т. / Сост. Ю. Мандрика. — Тюмень: Мандр и К[а], 2003.

[3] **Мандрика Ю.** Его главная книга: Следствие по делу Серафима Патканова // Патканов С.К. Сочинения в 2 т. — Т. 1: Остяцкая молитва... / Под ред. С. Пархимовича; Сост. и вступ. ст. Ю. Мандрики; Пер. Е. Матюхиной; Коммент. С. Пархимовича. — Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. — С. 5—24.

[4] Отчёт Императорской Археологической комиссии за 1882—1888 гг. с атласом. — СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1891. — С. CCXIV—CCCXVI.

[5] **Спицын А.А.** Шаманские изображения // Зап. Русского археологического об-ва. Нов. сер. — СПб., 1906. — Т. 8, вып. 1. — С. 42—44, 46, 99—102, 105—106, 114—116 (рис. 13), 336, 343, 357—358, 366, 371, 373, 400, 415, 419—421, 479, 490.

[6] Дело Императорской Археологической комиссии о раскопках г. Патканова в Тобольском округе. — Архив ИИМК РАН. — №67/1888. — 54 с.

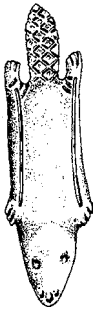
[7] **Чернецов В.Н.** Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. — № 58: Культура древних племён Приуралья и Западной Сибири. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — С. 200—204. Табл. XXVIII—XXX.

[8] **Талицкая И.А.** Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. — № 35: Древняя история Нижнего Приобья. — М.: Изд-во АН СССР, 1953. — С. 249 (№31—33), 267 (№153, 158—159, 161), 270 (№ 185, 187), 279 (№ 246—247).

[9] Выражаю благодарность и глубокую признательность заведующей архивом ИИМК РАН д.и.н. Галине Вацлавне Длужневской и сотрудницам архива за возможность ознакомления и публикации материалов, а также за всестороннюю помощь и содействие.

[10] **Мандрика Ю.** Его главная книга... — С. 11.
[11] Отчёт Императорской Археологической комиссии за 1882—1888 гг... — С. CCCXIV.
[12] Отчёт Императорской Археологической комиссии за 1882—1888 гг... — С. CCCXV.
[13] Дело Императорской Археологической комиссии о раскопках г. Патканова в Тобольском округе... — Л. 4-9.
[14] Описка в документе. Следует читать: Тобольскому. С.К. Патканов никогда не был в Тамбовском округе.
[15] Дело Императорской Археологической комиссии о раскопках г. Патканова в Тобольском округе... — Л. 1.
[16] Дело... Л. 11.
[17] Дело... Л. 11.
[18] Описка С.К. Патканова. На составленной им карте отмечено 15 курганов — столько их и было в действительности.
[19] Дело... Л. 11—12.
[20] Дело... Л. 12.
[21] Дело... Л. 14.
[22] Дело... Л. 14.
[23] Дело... Л. 14.
[24] Дело... Л. 16.
[25] Дело... Л. 19.
[26] Дело... Л. 10.
[27] Дело... Л. 21.
[28] Дело... Л. 21.
[29] Дело... Л. 15—16.
[30] Дело... Л. 25.
[31] Дело... Л. 14—15.
[32] Дело... Л. 22.
[33] **Патканов С.К.** Стародавняя жизнь остяков и их богатыри по былинам и сказаниям // Живая старина. — СПб.: Типография С.Н. Худякова, 1891. — Вып. III. — С. 97—107; **Патканов С.К**. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям // Живая старина (вып. III, с. 85—116; вып. IV, с. 67—109) — СПб.: Типография С.Н. Худякова, 1891. — Отд. вып. — С. 13—23; **Патканов С.К.** Соч. в 2 т. / Под ред. С. Пархимовича; Сост. и вступ. статья Ю. Мандрики; Пер. Е. Матюхиной; Коммент. С. Пархимовича. — Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 1999. — Т. 2: Очерк колонизации Сибири. — С. 37—49; **Патканов С.К.** Соч. в 5 т. / Сост. Ю. Мандрика. — Тюмень: Мандр и К[а], 2003. — Т. 5: Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. Иртышские остяки и их народная поэзия С. 36—46.
[34] Дело... Л. 17.
[35] Дело... Л. 15-16.
[36] Дело... Л. 17—18.
[37] Дело... Л. 21.
[38] Дело... Л. 14.
[39] Дело... Л. 14.
[40] Дело... Л. 25.
[41] Дело... Л. 4.
[42] Дело... Л. 20.
[43] Отчёт Императорской Археологической комиссии за 1882—1888 гг... — С. CCCXVI.
[44] Дело... Л. 18.

[45] Дело... Л. 27.
[46] Дело... Л. 4.
[47] Дело... Л. 40.
[48] Дело... Л. 27.
[49] Дело... Л. 40.
[50] Дело... Л. 40.
[51] Дело... Л. 20.
[52] Дело... Л. 18—19.
[53] Дело... Л. 4.
[54] Дело... Л. 4.
[55] Дело... Л. 4.
[56] **Смирнов Я.И.** Восточное серебро: Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. — СПб.: Издание ИАК, 1909. — С. 16. Табл. XCI — *24*; **Лещенко В.Ю.** Бляхи с охотничьими сценами из Поволжья // Сов. археология. — 1970. — № 3. — С. 137, 139. Рис. 5; **Бауло А.В.** Средневековые изделия из серебра на севере Западной Сибири: новые находки // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2007. — № 1. — Рис. 7; **Шатунов Н.В.** Медальон с сокольничим из сибирской коллекции Ф.Р. Мартина // Барсова гора: Древности таёжного Приобья. — Екатеринбург; Сургут: Уральское изд-во, 2008. — С. 50—51. Рис. 3.
[57] Фотоархив ИИМК РАН. — Q 663/14. — III 8014. — Инв. 3202.
[58] Дело... Л. 44.
[59] Дело... Л. 25.
[60] Дело... Л. 23.
[61] Дело... Л. 24.



Охрана археологического наследия в Тобольском округе и научное краеведение в 1920-х гг.

А.В. Носкова
г. Сургут
Муниципальное учреждение «Историко-культурный научно-производственный центр «Барсова Гора»

Прошедший XX в. характеризуется значительным интересом к региональной истории. Научное краеведение накопило немалый положительный опыт в разработке комплексных местных исследований. Изучение исторических, географических, экономических и других особенностей той или иной территории способствовало созданию объединяющих факторов в стране в условиях разрыва между столицей и региональными центрами.

«Золотым десятилетием» краеведения в этом столетии по праву можно назвать двадцатые годы.

«Это было удивительное время... когда краеведение считалось делом государственной важности, а в заседаниях... краеведческих обществ с одинаковой активностью принимали участие как всемирно известные академики, так и малограмотные крестьяне из захолустных деревень»[1].

С 1917 по 1929 г. число краеведческих организаций существенно возросло — с 246 до 2000. Многие из них имели свои издания. Задачи повсеместно возникавших краеведческих обществ, музеев, кружков состояли в изучении родного края, сохранении памятников культуры, защите природы. Их статус и масштаб деятельности были самыми разными — от губернского и областного до сельского и школьного[2].

На развитие краеведческого движения в Тобольском округе, куда входил и Сургутский уезд (с 1923 г. — район), большое влияние оказала деятельность Тобольского общества изучения края, которое возникло в 1921 г. при Музее Тобольского Севера. Последний был образован в 1870 г. и до 1921 носил название Тобольский губернский музей. В нач. 1920-х гг. во избежание повсеместно проводившихся в ту пору административных и политических нововведений «музей взял установку на определённую географическую единицу, охватывая

своим показом всю северную часть Обь-Иртышского бассейна, и стал наименоваться... «Музей Тобольского Севера»[3].

Заведующему музеем М.П. Тарунину и профессору И.В. Кучину (учёному-ихтиологу, приехавшему в Тобольск в 1921 г.) удалось возродить исследовательскую работу в регионе, пришедшую в некоторый упадок в период революций и Гражданской войны.

В 1922 г. в обществе состояло 89 чел., к кон. 1927 г. — уже 170. Среди них — корреспонденты на местах, научные сотрудники музея, учителя, школьники, работники культуры, специалисты хозяйственных организаций[4]. При обществе работали кружки юных краеведов и юных натуралистов, а также 7 секций, в том числе и секция охраны памятников старины. Общество стремилось сделать краеведение массовым, для чего организовало филиалы и отделения в городах Берёзове и Сургуте, сёлах Демьянском, Кондинском, Шеркальском и Обдорском.

Материалы тобольских краеведов печатались в изданиях «Наш край», «Тобольский край» (1924—1926 гг.), «Бюллетень Общества изучения края при Музее Тобольского Севера» (1927—1930 гг.).

Цели и задачи Тобольского общества изучения края были сформулированы следующим образом:

«§ 1. ...Изучение Тобольского Севера, его природы, истории, литературы, промышленности и социальной жизни, распространение знаний среди широких масс населения и всемерное содействие развитию деятельности Музея Тобольского Севера и других музеев края.

§ 2. ...Собирание и разработка научных материалов и коллекций по всем отраслям знаний, перечисленным в § 1. Сюда входят: ...собирание этнографических, археологических, исторических... и прочих материалов; устройство... постоянных и периодических выставок, содействие устройству местных музеев с целью пополнения точных знаний о местном крае, организация экскурсий и экспедиций с целью всестороннего изучения края, организация докладов по всем отраслям науки и знания, лекций и бесед для широких масс по вопросам... связанным с изучением края... установление и поддержание постоянной связи с другими учёными обществами»[5].

Традиционно краеведение уделяло особое внимание археологическим исследованиям. Так, для выявления и учёта археологических памятников Общество изучения края при Музее Тобольского Севера подготовило список объектов культурного наследия, выявленных к 1925 г. Ближайшей задачей было поставлено *«производство перерегистрации всех курганов и городищ округа, сделав каждому хотя бы краткое научное описание по принятой в археологии форме»*[6].

К тому времени на территории Тобольского округа было выявлено 29 памятников, в том числе: в Тобольском районе — 14, Демьянском — 1, Сургутском — 2, Берёзовском — 8, Обдорском — 4[7]. *«Из этих памятников только по одному... сотрудниками Тобольского губернского музея производились археологические раскопки, прочие – не только не исследовались, но даже остались неописанными, а многие... и незарегистрированными»*[8].

Регистрацию древностей предполагалось провести силами филиалов общества, членов-корреспондентов и *«вообще всех граждан на местах, интересующихся данным вопросом и желающих помочь обществу»*[9].

Перед местными краеведческими ячейками и отдельными краеведами была поставлена задача проверить по списку уже известные курганы и городища своего района и зарегистрировать новые. Для описания объектов археологии была разработана анкета. В ней содержались, например, такие пункты: *«Местонахождение городища: близ какого поселения и в каком от него направлении и расстоянии, на какой реке, на каком берегу находится городище. Высота берега, где расположено городище. Форма городища – треугольная, круглая, четырёхугольная. Размер площадки, занимаемой городищем, причём должно быть обращено особое внимание на все её углубления, наклоны, присутствие камней, целость: обнесено ли городище валом и рвом. Форма и длина вала»* и т. д.[10] К описанию желательно было приложить планы памятников и окрестностей. После этого документы отправлялись в Тобольск в Общество изучения края и в местные отделения краеведческого общества.

Наиболее деятельная работа по реализации этой программы велась С.А. Куклиным — лесничим Сургутского района[11]. В 1925 г. им было снято и описано *«огромное городище, находящееся на правом берегу р. Оби, в 8 верстах ниже г. Сургута, на Барсовой горе»*[12].

Регистрацию и предварительное внешнее описание археологических памятников предполагалось продолжить и в последующие годы, но со второй половины 1920-х гг. усилилось стремление к политической идеологизации работы краеведов. В результате к IV Всероссийской краеведческой конференции (Москва, 22—24 марта 1930 г.) краеведческая деятельность была полностью ориентирована на помощь социалистическому строительству. Особенно губительные для судеб краеведения события произошли в 1929—1930-х гг., когда многие лидеры и активисты были арестованы или отстранены от любимой деятельности, а историко-культурное краеведение как «гробокопательско-архивное»

было объявлено не совместимым с социалистическим строительством — «с историей мы Историю не сделаем»[13]

В целом деятельность краеведов 1920-х гг. имела немалое значение для развития науки, способствовала подъёму уровня интеллектуальной жизни провинции и просвещению широких слоёв народа[14].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Тагильцева Н.** Золотая пора уральского краеведения // Югра. — 1994. — № 7. — С. 9.

[2] **Шмидт С.О.** Краеведение в научной и общественной жизни России 1920-х годов // Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. — М., 1997. — С. 157.

[3] Тобольский госмузей за 75 лет его существования. ГУТО ГА в г. Тобольске. — Ф. Р—1865. Оп. 1. Д. 22. Л. 17.

[4] **Коновалова Е. Н.** Общество изучения края при Музее Тобольского Севера // Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. — Ханты-Мансийск, 2000. — Т. 2: К — П. — С. 287.

[5] **Копотилов М.** Как организовать отделение Общества изучения края при Музее Тоб[ольского] Севера // Наш край. — Тобольск, 1925. № 2—3. — С. 70.

[6] **Убыткова Е., Преображенская И., Копотилов М.** Курганы и городища Тобольского округа и их изучение // Наш край. — Тобольск, 1925. № 4 (8). — С. 31.

[7] **Убыткова Е., Преображенская И., Копотилов М.** Курганы и городища Тобольского округа и их изучение... — С. 32—33.

[8] **Убыткова Е., Преображенская И., Копотилов М.** Курганы и городища Тобольского округа и их изучение... — С. 31.

[9] **Убыткова Е., Преображенская И., Копотилов М.** Курганы и городища Тобольского округа и их изучение... — С. 31.

[10] **Убыткова Е., Преображенская И., Копотилов М.** Курганы и городища Тобольского округа и их изучение... — С. 34.

[11] См.: **Куклин С.А.** Охотничьи заказники Уральской области в начале 1927 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Тюмень; Ханты-Мансийск: Изд-во «РИФ «КоЛеСо», 2008. — Вып. 6. — С. 220—224 *(Прим. ред.)*.

[12] **Копотилов М.** Из жизни Общества изучения края // Наш край. — Тобольск, 1925. № 7. — С. 36.

[13] **Шмидт С.О.** Краеведение в научной и общественной жизни... — С. 164.

[14] **Шмидт С.О.** Краеведение в научной и общественной жизни... — С. 164.

Ханты-Мансийское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры: к истории становления и функционирования

Т.Н. Собольникова
г. Ханты-Мансийск
Учреждение ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия»

В 1965 г. 23 июля было принято постановление Совета Министров РСФСР № 882 «Об организации Всероссийского добровольного общества охраны памятников истории и культуры». На это общество государством были возложены самые широкие полномочия в сфере охраны памятников истории и культуры – в первую очередь, конечно, сугубо пропагандистского и просветительного характера. *«Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры является добровольной массовой общественной организацией, имеющей своей целью активное содействие осуществлению мероприятия Партии и Правительства по охране памятников истории и культуры и использованию их в деле коммунистического воспитания советского народа, повышения его образованности и культуры»*[1].

Тем не менее в уставе общества среди основных направлений деятельности фигурировали и такие, которые можно отнести уже к административно-управленческой сфере. Например:

- «участвует в выявлении, изучении и охране всех видов памятников, разрабатывает предложения и рекомендации и вносит их в соответствующие органы, а также принимает меры к их осуществлению силами общества[2];
- участвует в рассмотрении государственными органами и другими организациями вопросов об охране и пропаганде памятников истории и культуры;
- устанавливает связь с государственными, общественными, научными, хозяйственными органами РСФСР и других союзных республик в целях привлечения их к изучению, охране и пропаганде памятников истории и культуры»[3].

В специальной литературе деятельность ВООПИК оценивается неоднозначно. С одной стороны, отмечаются, безусловно, положительные моменты и результаты в его деятельности. Это:

- активное содействие государственным органам охраны памятников в финансовом плане, прежде всего за счёт членских взносов, которые использовались на реставрацию, благоустройство памятников;
- привлечение к решению проблемы охраны памятников истории и культуры разных структур и организаций: государственных исполнительных органов власти, научные и культурно-просветительные учреждения, массовые общественные организации;
- большое внимание популяризации культурного наследия, в том числе привлечение внимания к местной истории, использование местных объектов культурного наследия для развития познавательного туризма[4].

С другой стороны, присутствуют и значительные негативные оценки деятельности ВООПИК в 1960–1980-х гг. Они во многом связаны с общими особенностями эпохи:

- расхождение между тем, что декларируется, и тем, что делается;
- несоответствие между законами, которые принимаются (в частности, в сфере охраны памятников истории и культуры), и их выполнением в реальности;
- односторонний подход к отбору памятников, «компанейщина»: приоритет памятникам определённого типа (связанным с революционными событиями, Гражданской и Великой Отечественной войнами, трудовыми подвигами советского народа и т. д.) и абсолютное невнимание к другим (археологическим, архитектурным, религиозным и т. п.)[5].

В декабре того же 1965 г. было создано и функционировало вплоть до конца 1980-х гг. Ханты-Мансийское окружное отделение ВООПИК. В архиве Учреждения ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия» (г. Ханты-Мансийск) хранятся документы, отражающие деятельность этого отделения за весь период его существования. Прежде всего, это материалы ежегодных отчётно-выборных окружных, городских и районных конференций общества, разнообразная распорядительная и отчётная документация (письма, распоряжения, отчёты), а также сведения о памятниках истории культуры, в виде различных по форме и содержанию списков, справок и т. д. Для изучения истории становления и особенно анализа сфер деятельности окружного отделения ВООПИК наиболее информативны материалы окружных конференций: протоколы заседаний, отчётные доклады и итоговые постановления.

Само создание окружного отделения общества были инициировано «сверху». 12 октября 1965 г. было принято решение Тюменского областного исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся № 803 «Об образовании организационного Комитета по подготовке областной учредительной конференции Всероссийского добровольного

общества охраны памятников истории и культуры». Исполнителем было назначено областное управление культуры, поскольку именно в его ведении в то время находилась сфера охраны памятников истории и культуры. По сути, они и были теми самыми государственными органами охраны памятников, в помощь которым создавалась массовая общественная организация — ВООПИК. И то, что создание областного и окружного отделений ВООПИК происходило под непосредственным руководством, в прямом смысле этого слова, Тюменского областного управления культуры, вполне закономерно.

На места — в окружные, городские и районные отделы культуры — из Тюмени были направлены письма (именно письма, а не приказы, поскольку общество декларировалось как добровольное!). В письме, адресованном заведующему окружным отделом культуры Р.П. Бурхарду, давались достаточно чёткие установки (по сути, распоряжения) по организации и проведению учредительных конференций на местах: кого привлекать к организации, как составлять списки вступающих в общество, к какой дате предоставить в область сведения о сроках проведения конференций, о составе оргкомитетов[6].

В Ханты-Мансийске учредительная конференция общества охраны памятников истории и культуры состоялась 24 декабря 1965 г.[7] На ней, судя по спискам, присутствовали 44 делегата, большая часть (29 чел.) которых представляла окружные и городские организации окружного центра. Присутствовали также по 2—4 делегата от районов (Октябрьский, Кондинский, Ханты-Мансийский) и городов (Сургут, Нижневартовск). Первым председателем окружного отделения общества стал А.Н. Лоскутов — директор окружного краеведческого музея[8].

Поскольку в списках делегатов как учредительной, так впоследствии и всех остальных отчётно-выборных конференций фиксировались их должности, то можно достаточно полно представить тот контингент, который составил костяк окружного отделения ВООПИК. В большинстве это были работники сферы культуры, образования и средств массовой информации. Весомую часть, особенно среди членов президиума конференций, Совета общества (т. е. его руководства), составляли представители государственных и партийных органов, а также руководители окружных учреждений культуры и образования. Именно они чаще всего и становились (выбирались) председателями окружного, районных и городских отделений общества. Особенно часто функции председателей местных отделений ВООПИК выполняли заведующие отделами культуры местных органов власти (областного, окружного, городских и районных).

Возможно, именно этим обстоятельством объясняется то, что структура окружного отделения общества была несколько неопределённой в плане иерархии. Это касается его взаимоотношений как с вышестоящим уровнем (областным отделением), так и с нижестоящими структурами (районные и городские подразделения) общества.

Впрочем, как видно из архивных материалов, эти два вопроса отчасти были связаны друг с другом. Об этом, в частности, свидетельствует выступление ответственного секретаря окружного отделения общества В.С. Алычева на 3-й окружной конференции в 1970 г.: *«Неправильную политику ведут работники областного отделения по отношению окружного отдела общества. Они, по существу, не признают окружное общество и занялись расчленением округа. Так, Сургутскому отделению запретили подчиняться округу, а сразу – области. Сейчас ведут работу о создании отделений общества в г. Урае, Нижневартовске с прямым подчинением области. Это противоречит политике партии, Советской Конституции.*

Об этом, между прочим, летом 1969 г. зам. председателя ВООПИК тов. Иванов предупредил тов. Никифорову о неправильном поведении её к национальному округу. Тов. Иванов предложил, чтобы Сургутское отделение непосредственно подчинялось округу»[9].

Противоречия между областью и округом относительно подчинённости крупных городов, расположенных на территории ХМАО, были связаны, по всей видимости, и с финансовыми вопросами. Об этом прямо говорится далее в том же выступлении В.С. Алычева: *«По согласованию с Центральным советом ВООПИК округ должен отчислять 25 %, а областное отделение требует, чтобы отчисляли 50 %. Нужно, чтобы мы отчисляли только 25 %. Президиуму областного отделения следует решить и этот вопрос»*[10].

В то же время окружное отделение напрямую подчинялось областному отделению ВООПИК, выполняло все его распоряжения относительно предоставления отчётности по своей деятельности, составлению списков и предоставлению информации о памятниках, о подготовке к разнообразным мероприятиям, всевозможным юбилеям, смотрам и т. д.[11]

Что касается структуры окружного отделения ВООПИК, то она тоже не была однозначной. В материалах 3-й окружной конференции говорится о том, что в окружное подчинение входят 7 районов и 4 города окружного подчинения[12]. А в отчётном докладе 7-й окружной конференции, проходившей в 1981 г., указывается, что в состав окружного отделения входят только 4 районных (Берёзовское, Октябрьское,

Кондинское, Ханты-Мансийское) и два городских отделения (Ханты-Мансийск и Урай)[13]. По каким-то причинам Советское, Нижневартовское и Сургутское районные отделения общества вышли из подчинения окружного отделения ВООПИК. В то же время есть документы 1980-х гг., из которых видно, что связь с этими отделениями поддерживалась. Во всяком случае, они предоставляли в окружное отделение информацию по памятникам истории (сведения и списки), на основе которых составлялись общие списки по округу.

В материалах окружных конференций достаточно часто встречаются оценки деятельности районных и городских подразделений общества. Так, в постановлении окружной конференции 1973 г. отмечается, что *«...хорошо работали Сургутское, Нефтеюганское, Ханты-Мансийское отделения. Такие отделения, как Советское, Урайское, Берёзовское, работают плохо»*[14].

По всей видимости, в тех городах и районах, где существовали музеи, именно они и становились центрами местных отделений ВООПИК. Это, прежде всего, в Ханты-Мансийске и Сургуте. Судя по отчётным материалам с мест, именно в музеях наиболее активно развивалась деятельность по организации первичных ячеек ВООПИК, достаточно квалифицированно составлялись списки памятников и т.д. В районах и городах-новостройках, где культурная среда была развита слабо, вовлечение в деятельность окружного отделения ВООПИК происходило долго и под нажимом. Из года в год окружные конференции ВООПИК принимали решения о необходимости наладить работу по охране памятников в этих районах, но, судя по всему, они часто оставались лишь на бумаге[15].

Организационная структура окружного общества в определённой степени копировала структуру Центрального Совета[16]. Периодически (один раз в 1—2 года) проводились отчётно-выборные конференции, на которых избирались Совет окружного отделения общества (35—37 чел.) и ревизионная комиссия (3—4 чел.). Последняя занималась финансовыми вопросами — сбором взносов и распределением их на нужды общества (в том числе и на реставрацию и ремонт памятников). Совет, возглавляемый председателем, руководил деятельностью окружного общества охраны памятников истории и культуры в течение избирательного срока. Из членов совета формировались отдельные секции, которые дублировали структуру Центрального совета и отражали основные направления деятельности:

- ***историческая секция*** — занималась сбором материалов о героях, которым устанавливались памятники, разрабатывала планы строительства памятников, издавала плакаты, брошюры и т.д.;
- ***пропагандистская секция*** — отвечала за чтение лекций и проведение тематических экскурсий, освещала проблемы охраны памятников и деятельность общества в средствах массовой информации и т.д.;
- ***молодежная секция*** — занималась вовлечением юношества в деятельность, связанную с охраной памятников истории и культуры, через организацию походов по историческим местам (в основном связанным с революционными событиями), организацию шефства над памятниками и т.д.[17]

Через эти секции осуществлялось широкое сотрудничество с учреждениями культуры (музеи, библиотеки), государственными органами, комсомольскими организациями. Чаще всего ими собственно и руководили представители (и даже руководители) соответствующих учреждений.

Было несколько причин, препятствующих полноценной деятельности местных отделений ВООПИК на территории автономного округа.

В первую очередь это нехватка специалистов, которые могли бы профессионально осуществлять эту деятельность — дипломированных историков, археологов, искусствоведов и т. д. Из-за этого в округе, в отличие от Центральной России, не действовали комиссии по памятникам археологии и архитектуры, по реставрации памятников. В результате археологическим, архитектурным и религиозным памятникам окружным отделением ВООПИК уделялось очень мало внимания, особенно по сравнению с памятниками советского периода.

По этой же причине слабым звеном в деятельности окружного отделения ВООПИК стали учёт и документирование памятников истории и культуры. Официально этой работой должны были заниматься органы исполнительной власти — управления/отделы культуры. Но они, судя по документам, перепоручили эту задачу местным (окружным, городским, районным) отделениям ВООПИК, которым она, опять же из-за кадрового дефицита, оказалась не по силам. В результате эта задача не решалась из года в год: сроки исполнения назначались и переназначались многократно. С 1965-го по кон. 1980-х гг. в постановлениях отчётных окружных конференций общества постоянно фигурировал один и тот же пункт — завершить паспортизацию памятников истории и культуры[18].

Второй причиной, препятствующей квалифицированному документированию памятников истории и культуры и эффективной деятельности

общества в целом, стало дублирование функций государственных органов и отделений ВООПИК. Особенно это проявилось в сфере учёта. Например, имеется много разных вариантов списков памятников, подписанных самыми разными ответственными лицами с той и другой стороны — председателями окружного общества ВООПИК, зав. отделами окрисполкома и т.д. И все эти перечни, даже датированные одним годом, сильно разнятся.

Следующей причиной неэффективной деятельности ВООПИК, вслед за кадровой и организационной, стала идеологическая. Советское государство и Коммунистическая партия, в первую очередь, стремились через охрану памятников истории и культуры развивать коммунистическое воспитание. Такой подход не мог не отразиться на отборе памятников для постановки на учёт и государственную охрану[19].

Направленность на выявление и сохранение, прежде всего, памятников истории и культуры советского общества присутствует в решениях окружных конференций. Это отчётливо просматривается в сводной таблице. Она составлена на основе списков, которые в 1970—1980-х гг. регулярно составлялись окружным отделением общества для отчёта и отправлялись в областную органицацию (таблица)[20]. В рамках статьи отражена лишь общая тенденция, сложившаяся в округе в плане соотношения различных видов памятников. Результаты анализа этой системы учёта — отдельная тема.

Приоритет при отборе памятников истории и культуры для охраны и пропаганды отдавался памятникам, связанным с установлением Советской власти в Сибири; памятникам, связанным с Великой Отечественной войной.

В этом плане Ханты-Мансийское отделение, безусловно, руководствовалось теми установками, которые ставили партия и правительство. В то же время, по сравнению с центральными областями России, в округе не было большого количества памятников В.И. Ленину, отсутствовали памятники крупным революционным деятелям. Предпочтение отдавалось местным персоналиям, отличившимся в годы установления Советской власти на Обском Севере, Гражданской и Великой Отечественной войн. Приоритет местной истории изначально прослеживался в деятельности окружного общества охраны памятников истории и культуры.

Учёт и охрана памятников археологии, как и памятников архитектуры и градостроительства, осуществлялись от случая к случаю.

Таблица

Соотношение видов памятников истории и культуры на территории ХМАО в 1970–1980-х гг.
(по данным списков окружного отделения ВООПИК)

№	Вид памятников истории и культуры	1972	1978	1982	1983	1989
1	Памятники, связанные с установлением советской власти на Севере, Гражданской войной: братские могилы, мемориалы	25	14	–	–	12
2	Памятники, связанные с Великой Отечественной войной: братские могилы, стелы и мемориалы в честь празднования юбилейных дат Победы и т. д.	12	21	–	–	38
3	Памятники В.И.Ленину	6	8	–	–	11
4	Памятники местным героям революционных событий, Гражданской и Великой Отечественной войн	–	6	–	–	8
5	Памятники, посвящённые первооткрывателям природных богатств Севера	1	2	4	2	1
6	Памятники археологии	70	–	2	5	2
7	Памятники архитектуры и градостроительства	–	–	4	1	7
8	Памятники К. Марксу	–	1	–	–	–
9	Памятники первым комсомольцам	–	1	–	–	1

Интересно, что в самом первом списке 1972 г. зафиксировано всего 70 памятников археологии[21]. Цифра эта весьма условна, в отчётных докладах их количество вообще указывалось обобщённо — «более сотни»[22]. Возможно, это связано с активизацией в то время археологических изысканий на территории округа. Поскольку полевые исследования проводились крупными научными центрами из Свердловска, Москвы, Томска, а процедуры обязательной отчётности перед местными органами охраны памятников не было, статистические сведения носили достаточно приблизительный характер. В списки последующих лет включены лишь несколько наиболее крупных памятников археологии округа (комплекс Барсова Гора, поселение Чес-Тый-Яг и др.). Часто памятники археологии заносились в списки без необходимой информации: без названия («стоянка первобытного человека (5 тыс. лет назад)», без точного указания на место расположения («городище близ п. Сартынья»)[23] и т. д. По всей видимости, специалистов-археологов к этой деятельности не привлекали. Сейчас идентифицировать такие памятники практически невозможно.

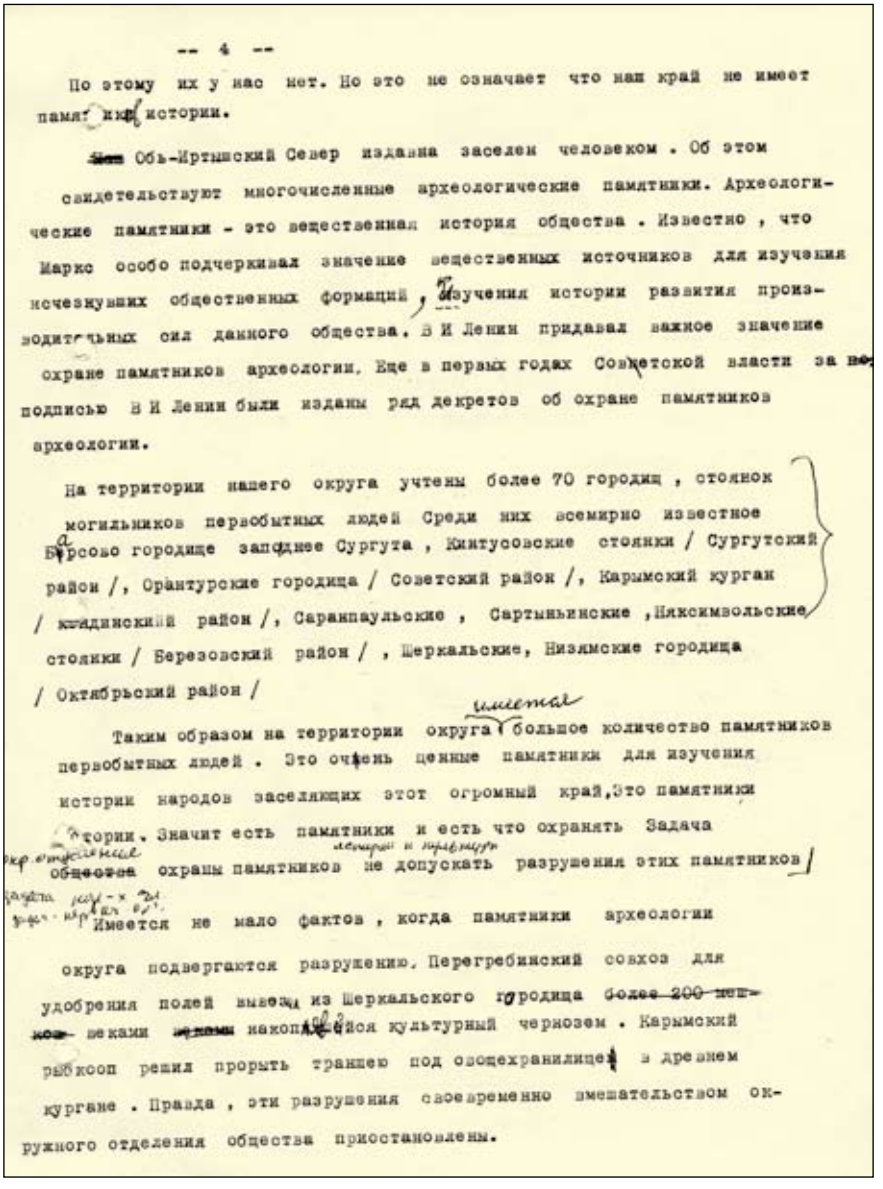
В выступлениях докладчиков на ежегодных конференциях постоянно обращалось внимание на необходимость сохранения памятников ар-

хеологии, которые подвергались разрушению в связи с активизацией нефтегазового освоения округа. На основе этих выступлений принимались решения, обращения к руководителям предприятий-разрушителей (ил. 1)... Тем не менее планомерных мероприятий в этом направлении, судя по всему, не проводилось. Окружная конференция ВООПИК ограничивалась решениями о доведении информации до сведения государственных органов, о необходимости привлечения научно-исследовательских учреждений к раскопкам аварийных памятников и т. п.[24]

В постановлении конференции 1981 г. впервые было принято решение о необходимости выявления памятников этнокультуры коренных малочисленных народов Севера — ханты и манси. Для этого предлагалось организовывать специальные экспедиции, но в списках последующих лет такие памятники не фигурируют[25]. Такая же ситуация сложилась относительно памятников истории дореволюционных периодов, например, связанных со ссыльными декабристами, А.Д. Меншиковым и т. д. О них постоянно шла речь на конференциях, но по каким-то причинам они упорно не включались в списки памятников истории и культуры ХМАО[26].

В отчётном докладе на вышеуказанной конференции 1981 г. прозвучало предложение выявить и поставить на учёт памятники архитектуры и градостроительства: *«Томичи стали инициаторами сохранения наиболее типичных и архитектурно ценных домов, т. е. памятники деревянного зодчества. У нас, если посмотреть внимательно, есть чем любоваться и что сохранить, и, если сейчас не выявить и не поставить на учёт то, что осталось, то через несколько лет нам просто нечего будет сохранять»*[27].

В отчетном докладе на 9-й окружной конференции было отмечено, что общество принимает непосредственное участие в охране памятников архитектуры: *«Ханты-Мансийский округ — это гигантская строительная площадка, за последние годы здесь выросли новые города и посёлки (Когалым, Нягань, Игрим, Сергино, Лангепас и др.), перестраиваются старые. В связи с этим возникает немало проблем. Увеличилась опасность сноса ряда зданий, имеющих историческую и культурную ценность. Так, только благодаря своевременному вмешательству активистов общества удалось спасти от сноса в п. Берёзово дом, где происходило первое заседание Совдепа, а в г. Ханты-Мансийскне — здание бывшего пожарного депо с деревянной каланчой, являющееся памятником истории и градостроительства и промышленной архитектуры»*[28].



-- 4 --

По этому их у нас нет. Но это не означает что наш край не имеет памятников истории.

Обь-Иртышский Север издавна заселен человеком. Об этом свидетельствуют многочисленные археологические памятники. Археологические памятники - это вещественная история общества. Известно, что Маркс особо подчеркивал значение вещественных источников для изучения исчезнувших общественных формаций, изучения истории развития производительных сил данного общества. В И Ленин придавал важное значение охране памятников археологии. Еще в первых годах Советской власти за подписью В И Ленин были изданы ряд декретов об охране памятников археологии.

На территории нашего округа учтены более 70 городищ, стоянок могильников первобытных людей Среди них всемирно известное Барсово городище западнее Сургута, Кинтусовские стоянки / Сургутский район /, Орантурские городища / Советский район /, Карымский курган / Кондинский район /, Саранпаульские, Сартыньинские, Няксимвольские стоянки / Березовский район /, Шеркальские, Низямские городища / Октябрьский район /

Таким образом на территории округа имеется большое количество памятников первобытных людей. Это очень ценные памятники для изучения истории народов заселяющих этот огромный край, Это памятники истории. Значит есть памятники и есть что охранять Задача общества охраны памятников не допускать разрушения этих памятников

Имеется не мало фактов, когда памятники археологии округа подвергаются разрушению. Перегребинский совхоз для удобрения полей вывез из Шеркальского городища более 200 мешков веками накопившийся культурный чернозем. Карымский рыбкооп решил прорыть траншею под овощехранилище в древнем кургане. Правда, эти разрушения своевременно вмешательством окружного отделения общества приостановлены.

Ил. 1. Из отчётного доклада председателя совета Ханты-Мансийского окружного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры В.И. Плесовских на 4-й окружной конференции. 28 января 1972 г. *Архив Учреждения «Центр охраны культурного наследия» (г. Ханты-Мансийск). – Ф. 5. Д. 5. Л. 11–12*

Надо отметить, что учтено это предложение было весьма своеобразно. К постановке на охрану были предложены в основном архитектурные сооружения, связанные с советским периодом истории и промышленным освоением края: «Дом, в котором была расположена рыбоконсервная фабрика — первое промышленное предприятие в г. Сургуте», «Первый блочный дом» в г. Нижневартовске и т. п. В этих списках зафиксировано лишь одно церковное здание — «Церковь белокаменная постройки нач. 18 в.» в пгт. Октябрьском[29].

В 1980-х гг. окружным обществом ВООПИК особое внимание стало уделяться памятникам, связанным с открытием и освоением первых нефтяных и газовых месторождений Тюменского края[30]. Понятно, что, в отличие от предыдущих предложений, это более активно реализовывалось на практике. Почти повсеместно в районных центрах и городах округа начали устанавливаться памятники, посвящённые первооткрывателям природных богатств края.

В целом можно отметить, что окружное отделение ВООПИК функционировало в соответствии с установками вышестоящих органов, но при этом стремилось учитывать местную специфику.

Кроме того, необходимо выделить такую особенность: во главе окружного отделения общества и его структур на местах встали руководители соответствующих подразделений государственных органов власти и ведущих учреждений культуры. Безусловно, это обстоятельство привело к достаточно быстрому налаживанию функционирования общества охраны памятников (ещё до издания устава ВООПИК в 1966 г.), созданию обширной сети (принятию новых членов и образованию первичных ячеек), поддержке дисциплины и эффективности работы (в первую очередь, в сборе взносов).

Конечно, подобный административный ресурс не вполне соответствовал изначально декларируемому добровольному характеру создаваемого общества. Однако рациональное зерно в таком «раскладе» присутствовало: средоточие в одних организационных рамках самых разных организаций, учреждений и общественных групп (от органов исполнительной власти и учреждений культуры до хозяйствующих субъектов и пионерских дружин) давало широкие возможности для координации усилий в сфере охраны памятников истории и культуры.

Наиболее успешно развивалось пропагандистское направление, ориентированное на формирование интереса к истории края. В сфере пропаганды охраны объектов историко-культурного наследия окружное общество ВООПИК активно использовало предоставленные ему

возможности обращаться во властные и хозяйствующие структуры или непосредственно к населению через средства массовой информации. Так, в решение 1-й учредительной конференции окружного отделения ВООПИК 24 декабря 1965 г. особым пунктом было внесено следующее: *«...4. Конференция осуждает вредную практику отдельных хозяйственных руководителей, которые без ведома научно-исследовательских учреждений разрушают ценнейшие памятники истории – древнейшие стоянки, городища, могильники (председатель Карымского рыбкопа, Кондинского района).*

Конференция разъясняет, что, в связи с большим строительством, в округе будут встречаться археологические памятники, о которых необходимо немедленно ставить в известность исполкомы сельских Советов и районного Совета, которые, после консультации с научными учреждениями, дадут разрешение о дальнейшем производстве работ на этих местах»[31].

Популярный ныне тезис о необходимости пропаганды культурного наследия для развития культурно-познавательного туризма в округе тоже не нов – ещё окружное общество ВООПИК уделяло ему особое внимание[32].

В целом надо сказать, что, несмотря на значительную заидеологизированность и перегибы в работе, Ханты-Мансийское окружное отделение ВООПИК внесло свой позитивный вклад в дело сохранения историко-культурного наследия края, а некоторые сферы его деятельности – организация туристских маршрутов, походов молодёжи по историческим местам и т. п. – остаются чрезвычайно актуальными до сегодняшнего дня.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Устав Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. – М., 1966. – С. 3.

[2] Устав... – С. 4.

[3] Устав... – С. 5.

[4] **Полякова М.А.** Охрана культурного наследия России. – М.: Дрофа, 2005. – С. 100, 244, 246.

[5] **Полякова М.А.** Охрана культурного наследия России.... – С. 245.

[6] Архив Учреждения ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия» (г. Ханты-Мансийск). – Ф. 5. Д. 3. Л. 2.

[7] Архив Учреждения ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия»... – Ф. 5. Д. 3. Л. 10.

[8] Архив Учреждения ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия»... – Ф. 5. Д. 3. Л. 44–45.

[9] Архив Учреждения ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия»... — Ф. 5. Д. 5. Л. 3.
[10] Архив Учреждения ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия»... — Ф. 5. Д. 5. Л. 4.
[11] Архив Учреждения ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия»... — Ф. 5. Д. 3. Л. 1, 4, 5, 12, 27.
[12] Архив Учреждения ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия»... — Ф. 5. Д. 5. Л. 4.
[13] Архив Учреждения ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия»... — Ф.5. Д. 7. Л. 23.
[14] Архив Учреждения ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия»... — Ф. 5. Д. 3. Л. 32.
[15] Архив Учреждения ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия»... — Ф. 5. Д. 5. Л. 40, 78.
[16] **Полякова М.А.** Охрана культурного наследия России.... — С. 244.
[17] Архив Учреждения ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия»... — Ф. 5. Д. 5. Л. 20—21.
[18] Архив Учреждения ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия»... — Ф. 5. Д. 5. Л. 6, 41; Ф. 5. Д. 6. Л. 38; Ф. 5. Д. 8. Л. 40.
[19] Устав... — С. 3.
[20] Архив Учреждения ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия»... — Ф. 5. Д. 1. Л. 1—4, 8—13, 16—28, 35—38.
[21] Архив Учреждения ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия»... — Ф. 5. Д. 1. Л. 5.
[22] Архив Учреждения ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия»... — Ф. 5. Д. 4. Л. 8.
[23] Архив Учреждения ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия»... — Ф. 5. Д. 1. Л. 22.
[24] Архив Учреждения ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия»... — Ф. 5. Д. 5. Л. 11, 16—17; Ф. 5. Д. 4. Л. 10—11, 20, 28.
[25] Архив Учреждения ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия»... — Ф. 5. Д. 5. Л. 12; Ф. 5. Д. 6. Л.7; Ф. 5. Д. 7. Л. 19.
[26] Архив Учреждения ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия»... — Ф. 5. Д. 4. Л. 5, 37—39; Ф. 5. Д. 3. Л. 36.
[27] Архив Учреждения ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия»... — Ф. 5. Д. 7. Л. 30.
[28] Архив Центра охраны культурного наследия г. Ханты-Мансийск. Ф.5.д.7.л.25
[29] Архив Учреждения ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия»... — Ф. 5. Д. 1. Л. 24, 30.
[30] Архив Учреждения ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия»... — Ф. 5. Д. 7. Л. 29.
[31] Архив Учреждения ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия»... — Ф. 5. Д. 3. Л. 11—12.
[32] Архив Учреждения ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия»... — Ф. 5. Д. 5. Л. 16—18.

Последние полевые сезоны: 2007–2008 г.

Предварительные результаты работ Ханты-Мансийской палеолитической экспедиции на стоянке Луговское в 2008 г.*

С.С. Макаров
г. Санкт-Петербург
Институт истории материальной культуры Российской академии наук
А.С. Резвый
г. Ханты-Мансийск
Музей природы и человека

В 2008 г. сотрудниками совместной экспедиции ИИМК РАН и Музея природы и человека были проведены полевые работы на территории местонахождения позднеплейстоценовой фауны и стоянки Луговское. Они стали продолжением полевых исследований предшествующих лет[1].

Стоянка Луговское расположена в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре, в Ханты-Мансийском районе, в 26,5 км западнее г. Ханты-Мансийска (ил. 1). Местонахождение позднеплейстоценовой фауны приурочено к донным отложениям Мамонтового лога (ил. 2). Лог расположен в эрозированной краевой части первой надпойменной левобережной террасы Иртыш-Обской протоки Марамка[2]. Абсолютные отметки высоты подъёмного материала, собранного на поверхности донных отложений Мамонтового лога, составляют 21—20 м. Мамонтовый лог — это эрозионное образование, возникшее в раннесартанское время, его глубина достигает 11 м[3]. Слабый водный поток, многочисленные родники, а также сезонные водотоки вызывают высокую степень гигроскопичности донных глинистых отложений, создавая вязкие, зыбучие условия. В период весенних паводков лог полностью заполняется водой.

История исследований на местонахождении насчитывает уже 10 лет, но открыто оно было ещё в 1967 г. Ю.И. Гордеевым в ходе полевых эпидемиологических работ. Первый археологический материал — несколько каменных сколов и фрагментов керамики — был обнаружен А.Ф. Павловым в 2000 г.[4] В 2002 г. в результате комплексных работ

* Данная статья представляет собою публикацию доклада, сделанного на науч.-практ. конф. «Проблемы сохранения и использования культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры», проведённой Учреждением ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия» в г. Ханты-Мансийске 24—28 ноября 2008 г.

Ил. 1. **Стоянка Луговское.** Карта-схема. *Печ. по: Лещинский С.В., Мащенко Е.Н., Пономарёва Е.А., Орлова Л.А., Бурканова Е.М., Коновалова В.А., Тетерина И.И., Гевля К.М. Комплексные палеонтолого-стратиграфические исследования местонахождения Луговское (2002–2004 гг.) // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2006. – №1. – С. 55*

Ил. 2. **Стоянка Луговское.** Мамонтовый лог. Общий вид. Сн. с юга. Фото А.С. Резвого. 2008 г.

на стоянке был собран 271 экз. каменного инвентаря и найден позвонок мамонта, поражённый вкладышевым оружием[5].

В целом результаты полевых исследований, проведённых до 2003 г., можно свести к нескольким тезисам:

1. Луговское — это не только местонахождение позднеплейстоценовой фауны, но и археологический памятник.

2. Радиоуглеродные данные, технико-типологические показатели каменного инвентаря позволяют датировать стоянку финальным палеолитом.

3. Стоянка Луговское является самым северным памятником палеолитической эпохи на территории Западной Сибири.

4. Находка позвонка, поражённого метательным вкладышевым оружием, позволила предположить, что человек в эпоху верхнего палеолита охотился на крупных млекопитающих.

5. Комплексные палеогеографические исследования свидетельствовали о солонцовом характере отложений Мамонтового лога, совмещённых с грязевыми условиями, что привлекало крупных млекопитающих-литофагов. Прямым результатом таких условий было образование природных ловушек — зыбучих глинистых грунтов, в которых могли завязнуть больные и ослабленные животные, что в дальнейшем приводило к их гибели. Большое скопление костей и вероятность найти уставшего и обездвиженного животного, попавшего в грязевую ловушку, притягивали к этому месту и человека[6].

6. Весь археологический материал был обнаружен в верхней части донных отложениях Мамонтового лога, испытывающих и сегодня активное воздействие процессов переотложения, что ставило под сомнение единство и одновременность всех обнаруженных материалов и мешало адекватному определению историко-культурного характера археологического материала.

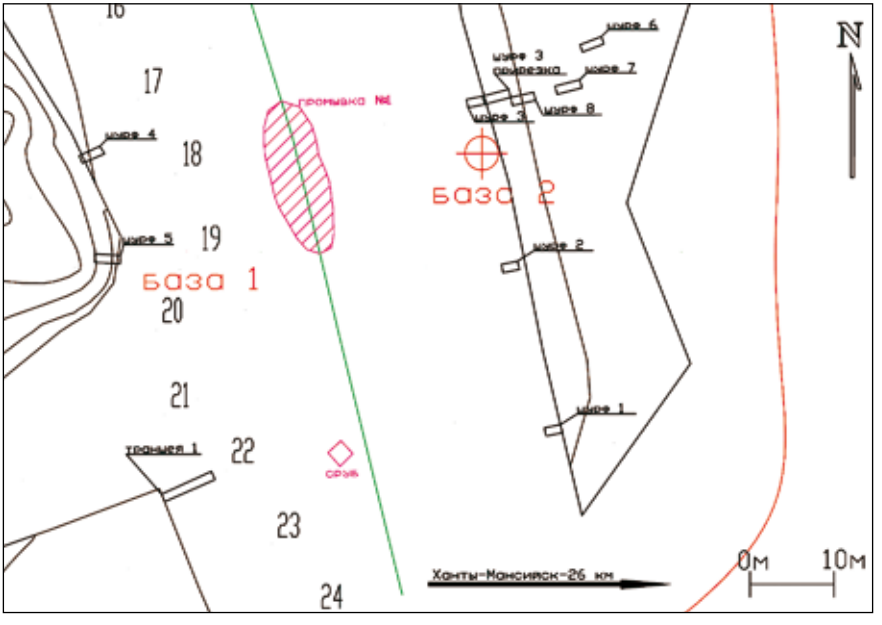
Все эти обстоятельства указывали на уникальность объекта Луговское, что явилось стимулом для продолжения исследований, а тафономические условия археологического материала требовали сконцентрироваться на поиске материала in situ — это и стало главной целью работ 2007—2008 гг.[7] Задачи полевых археологических работ на 2008 г. были сформулированы следующим образом:

- Сбор подъёмного материала на стоянке Луговское и уточнение границ его распространения.
- Закладка шурфов по бортам Мамонтового лога.
- Выяснение генезиса чёрной гумусированной прослойки в шурфе № 3, в которой в 2007 г. был обнаружен каменный инвентарь.

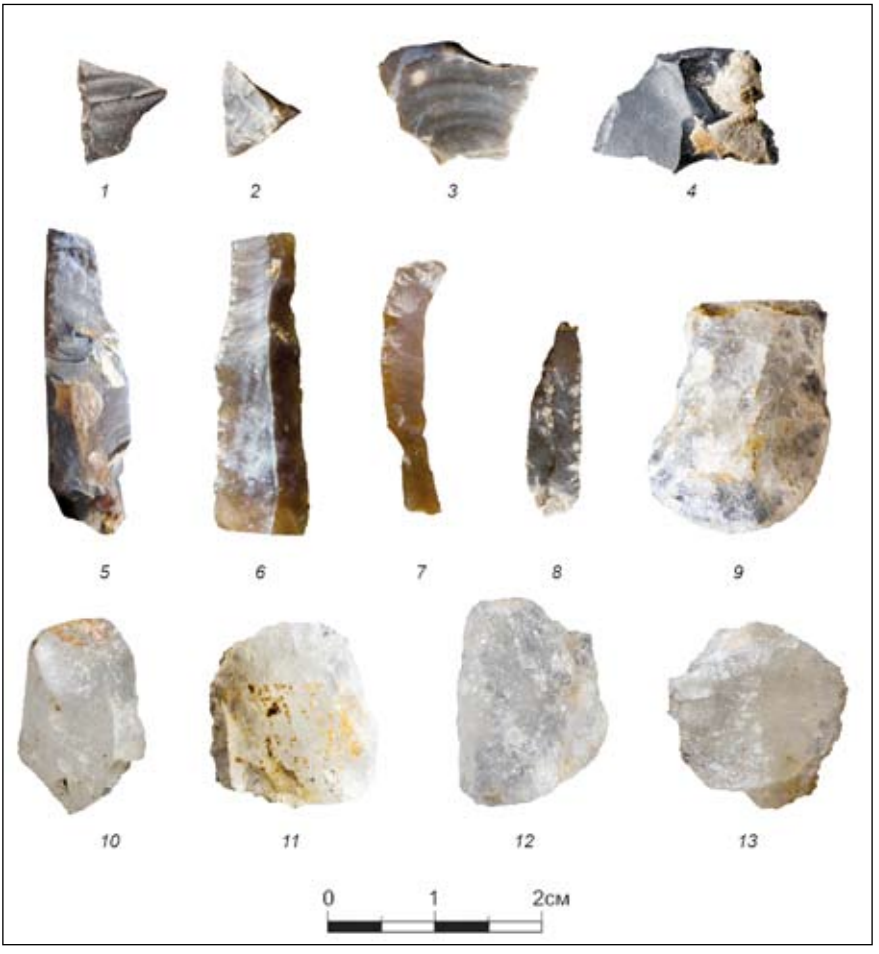
В первую очередь во время полевых работ 2008 г. на памятнике был произведён осмотр территории и сбор подъёмного материала. В результате были получены около 400 экз. костных останков, 1 экз. галечного орудия и 1 фрагмент керамики. На площади 3х5 м, где было обнаружено несколько определимых фрагментов костного материала и тесловидное орудие, было решено провести промывку верхней части донных отложений лога. В итоге удалось собрать около 600 мелких фрагментов костных останков и обнаружить 1 экз. резцового скола с ретушью.

В дальнейшем на памятнике была создана условная система координат с пятью опорными реперами в разных частях лога. Два опорных репера являлись пикетами системы координат 2002 г., что позволило привязать участки работ прошлых лет к новой системе координат.

В ходе земляных работ были исследованы 6 шурфов (1х3 м), в четырёх из них обнаружены артефакты (ил. 3, 4). Весь археологический материал представлен 281 экз. каменного инвентаря, мелкими фрагментами обожжённых костей и мелкими кусками древесного угля. Необходимо отметить, что принципиальных различий по технико-типологическим характеристикам между каменным инвентарём разных шурфов пока не выявлено. В целом все обнаруженные археологические



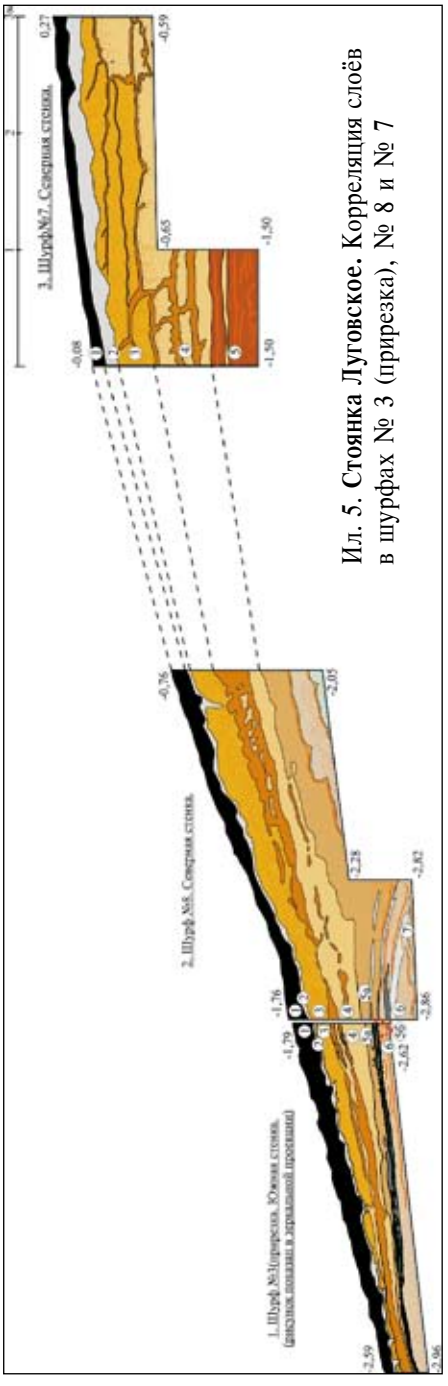
Ил. 3. **Стоянка Луговское.** Ситуационный план расположения шурфов



Ил. 4. **Стоянка Луговское.** Каменный инвентарь. *1–4 – отщепы с ретушью, 5, 6, 8 – пластинки с ретушью, 7 – резцовый скол, 9 – скребок, 10–13 – долотовидные орудия.* Фото Е.Ю. Гири

материалы соответствуют характеристикам «мелкопластинчатых» индустрий Западно-Сибирской равнины и Енисея (ил. 4).

Стратиграфические наблюдения позволили выявить разновременность геологических горизонтов, содержащих каменный инвентарь, что, вероятно, указывает на два эпизода обитания человека на стоянке Луговское в каменном веке. Предварительно, ранний комплекс (материал из чёрных гумусированных прослоек — слой 5б — в шурфах № 3 (прирезка) и № 8) датируется поздним палеолитом, а поздний комплекс



Ил. 5. **Стоянка Луговское.** Корреляция слоёв в шурфах № 3 (прирезка), № 8 и № 7

(материал из нижней части слоя 3 и верхней части слоя 4 в шурфе № 7) — мезолитом или неолитом (ил. 5). Для уточнения возраста археологических материалов в шурфах № 3 (прирезка), 7 и 8 были собраны мелкие фрагменты костей и древесного угля для радиоуглеродного датирования. По многим технико-типологическим характеристикам эти комплексы идентичны, хотя и заметны различия в преобладании разных типов сырья: ранний — кварцит, поздний — кремень и халцедон.

Для уточнения генезиса и характера осадконакопления чёрной гумусированной прослойки в шурфе № 3 (прирезка) из неё были отобраны 3 образца на почвенный анализ.

Проведённые полевые исследования показали, что:

- на стоянке археологический материал представлен не только в экспонированном положении, но и в стратифицированных условиях, хотя, скорее всего, в переотложенном состоянии;
- с уверенностью можно говорить, как минимум, о двух эпизодах обитания человека на стоянке в каменном веке — в хронологических рамках от позднего плейстоцена до раннего голоцена;
- обнаружение фрагмента керамики позволяет предполагать посещение Мамонтового

лога и в эпоху бронзы, что требует дополнительного обоснования и внимательности при последующих полевых работах.

Необходимо добавить, что полученные результаты уже сейчас противоречат многим существующим моделям реконструкции палеогеографических условий и моделям расселения человеческих коллективов в субарктической зоне Западной Сибири и, следовательно, требуют пересмотра этих теорий.

Несмотря на тафономические особенности археологического материала на стоянке Луговское, его значение огромно, поскольку сегодня только он позволяет говорить об освоении человеком центральной части Западно-Сибирской равнины, начиная со второй половины сартанской эпохи.

Сейчас стоянка Луговское является единственным памятником позднего палеолита на этой территории. Это единственный источник наших знаний о процессе первоначального освоения человеком этих территорий, который теперь может относиться к позднесартанскому периоду. Этот памятник позволяет судить о культуре первых поселенцев, об их стратегии использования природных ресурсов, об особенностях их адаптации к условиям внешней среды. Историко-культурная ценность стоянки Луговское для понимания истории центральной части Западно-Сибирской равнины обусловливает необходимость дальнейших, более детальных, комплексных исследований данного объекта. При этом исследования стоянки являются не только научно перспективными, но и общественно значимыми.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Павлов А.Ф., Мащенко Е.Н.** Особенности тафономии и состава фауны млекопитающих позднеплейстоценового местонахождения Луговское // Эволюция жизни на Земле: Тез. II Междунар. симпозиума. — Томск, 2001. — С. 522—524; **Павлов А.Ф., Мащенко Е.Н., Зенин В.Н., Лещинский С.В., Орлова Л.А.** Предварительные результаты междисциплинарных исследований местонахождения Луговское (Ханты-Мансийский автономный округ) // Пробл. археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — Новосибирск, 2002. — Т. VIII. — С. 165—172; **Зенин В.Н., Лещинский С.В., Грутес П.М., Надо М.-Х.** Геоархеология и особенности материальной культуры палеолитического местонахождения Луговское // Археология, этнография и антропология Евразии. — Новосибирск, 2006. — № 1. — С. 41—53; **Лещинский С.В.** Отчёт о НИР: Комплексное палеонтолого-стратиграфическое изучение керна скважин местонахождения мамонтовой фауны Луговское. — Томск, 2006. — 179 с.; **Лещинский С.В., Мащенко Е.Н., Пономарёва Е.А., Орлова Л.А., Бурканова Е.М., Коновалова В.А., Тетерина И.И., Гевля К.М.** Комплексные палеонтолого-стратиграфические исследования местонахождения Луговское (2002—2004 гг.) // Археология, этнография и антропология Евразии. — Новосибирск, 2006. — №1. —

С. 54–69; **Макаров С.С., Резвый А.С.** Предварительные результаты полевых исследований на стоянке Луговское в 2007 г. // Сохранение археологического наследия в условиях интенсивного хозяйственного освоения: опыт, проблемы, решения: Сб. докл. II науч.-практ. конф. – Ханты-Мансийск, 2008. – С. 59–74.

[2] **Лещинский С.В., Мащенко Е.Н., Пономарёва Е.А., Орлова Л.А., Бурканова Е.М., Коновалова В.А., Тетерина И.И., Гевля К.М.** Комплексные палеонтолого-стратиграфические исследования ... – С. 54.

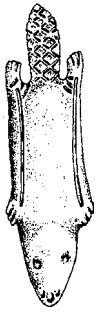
[3] **Лещинский С.В.** Отчёт о НИР: Комплексное палеонтолого-стратиграфическое изучение... – С. 162.

[4] **Павлов А.Ф., Мащенко Е.Н.** Особенности тафономии и состава фауны... – С. 522.

[5] **Павлов А.Ф., Мащенко Е.Н., Зенин В.Н., Лещинский С.В., Орлова Л.А.** Предварительные результаты междисциплинарных исследований...; **Зенин В.Н., Лещинский С.В., Грутес П.М., Надо М.-Х.** Геоархеология и особенности материальной культуры палеолитического местонахождения Луговское...

[6] **Деревянко А.П., Молодин В.И., Зенин В.Н., Лещинский С.В., Мащенко Е.Н.** Позднепалеолитическое местонахождение Шестаково. – Новосибирск, 2003. – С. 125; **Зенин В.Н., Лещинский С.В., Грутес П.М., Надо М.-Х.** Геоархеология и особенности материальной культуры палеолитического местонахождения Луговское... – С. 52; **Лещинский С.В.** Палеоэкологические исследования, тафономия и генезис местонахождения Луговское // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2006. – №1. – С. 34.

[7] **Макаров С.С., Резвый А.С.** Предварительные результаты полевых исследований на стоянке Луговское в 2007 г. ... – С. 61.



Предварительные результаты аварийных раскопок поселения Большая Умытья 57 в Советском районе ХМАО – Югры (по материалам исследований 2007–2008 гг.)

А.А. Погодин
г. Екатеринбург
Научно-исследовательская часть
Уральского государственного университета
П.В. Миронов
г. Екатеринбург
ООО «Научно-аналитический центр
«Аудио-визуальные коммуникации – Наследие»

С 2004 г. действует Программа мероприятий по обеспечению сохранности объектов культурного наследия, разрушающихся в результате хозяйственной деятельности, утверждённая 20.04.2003 г. ООО «ЛУКойл – Западная Сибирь» – ТПП «Урайнефтегаз» и Службой Главного государственного инспектора по охране и использованию историко-культурного наследия ХМАО — Югры. Генеральным подрядчиком работ является ООО «НАЦ «АВКом – Наследие». В полевых сезонах 2007–2008 гг. в рамках программы на субподрядных условиях Уральским госуниверситетом им. А.М. Горького проводились аварийные раскопки поселения Большая Умытья 57, руководил которыми А.А. Погодин.*

МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ, ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОПИСАНИЕ ПАМЯТНИКА

Объект культурного наследия поселение Большая Умытья 57 был выявлен в 1994 г. при проведении историко-культурной экспертизы территории Даниловского нефтяного месторождения ТПП «Урайнеф-

* Авторы выражают глубокую признательность руководству ООО «НАЦ «АВКом–Наследие» Г.З. Вайсману и Е.М. Беспрозванному за организацию и проведение полевых работ; доценту кафедры археологии УрГУ, канд. ист. наук В.Т. Ковалёвой и зам. декана исторического факультета УрГУ С.Ю. Зыряновой за помощь и консультации в обработке керамического комплекса эпохи неолита; старшему научному сотруднику ИИиА УрО РАН, канд. ист. наук Н.М. Чаиркиной за помощь и консультации в обработке энеолитического комплекса керамики; старшему научному сотруднику Ин-та экологии растений и животных УрО РАН, канд. биол. наук П.А. Косинцеву за обработку фаунистических остатков, а также всем, кто принимал участие при проведении полевых и камеральных работ.

тегаз» ОАО «ЛУКойл — Западная Сибирь»[1]. Поселение находится в 56 км к югу—юго-востоку от станции Верхнекондинская районного центра г. Советского, в 29 км восточнее кордона Арантур, в 4,5 км к западу—юго-западу от радиомачты вахтового посёлка Даниловки, в 30 м западнее площадки куста скважин № 23 Даниловского месторождения.

По материалам лесоустройства 1987 г., территория в месте расположения поселения размещается в северо-восточной части 31-го выдела 81-го квартала Арантурского лесничества.

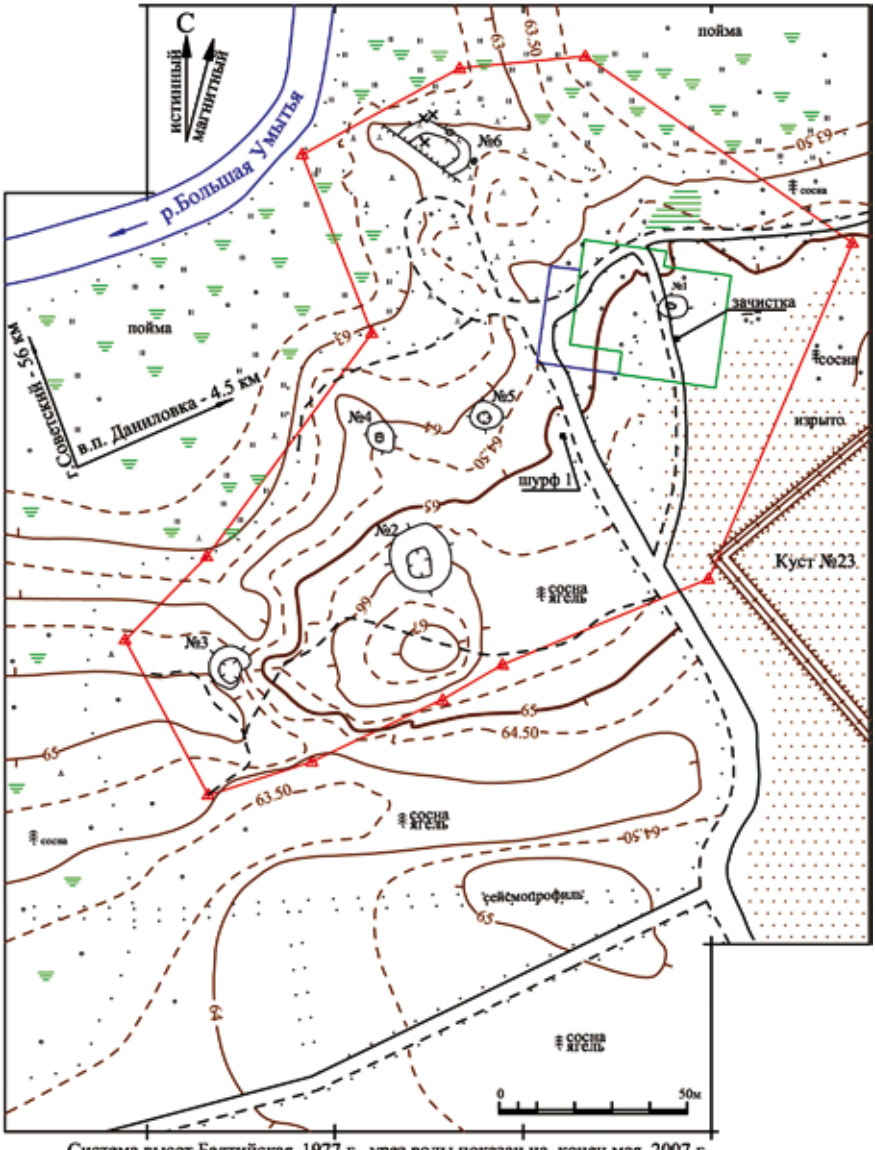
Согласно современному физико-географическому районированию, местоположение памятника приходится на западную часть Западно-Сибирской равнины, на юг Северо-Сосьвинской ландшафтной провинции возвышенных расчленённых равнин средней и северной тайги Урало-Обской ландшафтной области[2].

Поселение расположено на левом берегу р. Большая Умытья — левом притоке р. Конды, в её верхнем течении, на участке небольшой излучины к юго-востоку (ил. 1). Абрис террасы извилистый, в южной части излучины выражен подпрямоугольный мыс, северо-западная оконечность которого выходит к реке. С севера, запада и юга пространство между террасой и рекой занято притеррасным сфагново-кочкарниковым болотом, заросшим сосновым лесом. Высота коренного берега от меженного уровня воды в реке составляет в среднем 2 м, лишь в центре мыса фиксируется небольшое возвышение до 3 м. Рельеф участка относительно спокойный, без резких перепадов высот. Растительность на террасе представлена сосновым лесом средней густоты с подлеском; на северо-западной оконечности мыса в результате постоянной антропогенной нагрузки образовалась поляна с травяной растительностью.

Поселение занимает всю площадь мыса. Объекты выражены в рельефе в виде впадин. По результатам исследований 1994 г. их было выявлено три: впадина 1 — в северо-восточной части памятника; впадина 2 — в центральной, наиболее возвышенной части поселения; впадина 3 — в юго-западной части памятника.

В том же году для выяснения стратиграфии и степени сохранности объекта 1 с его южной, разрушенной стороны было зачищено обнажение поверхности. В стенках зачистки оказалась следующая стратиграфия:

- перемешанный песчаный пестроцвет (навал с древесным тленом) — до 0,4 м;
- тёмно-коричневый гумусированный песок — до 0,04 м;
- тёмно-серый подзол с углем — до 0,16 м;



Система высот Балтийская 1977 г., урез воды показан на конец мая 2007 г.
Горизонтали проведены через 1 м, полугоризонтали - 0,5 м

- археологические сооружения;
- границы объекта культурного наследия;
- места сбора артефактов на разрушенной поверхности;
- граница раскопа 2007 г.;
- граница раскопа 2008 г.;
- зачистки и шурфы разведочных работ 1994 и 2003 гг.

Ил. 1. **Поселение Большая Умытья 57.** Общий план

- жёлто-серый песок с пятнами ожелезнений (определённый как материк).

Находок в зачистке не обнаружено[3].

Датировка поселения была установлена по сборам с северо-восточного участка поселения, разрушенного при обустройстве куста скважин № 23. Выделено два культурно-хронологических комплекса артефактов: неолита (IV тыс. до н. э.) и энеолита (предположительно, нач. III тыс. до н. э.)[4].

Повторно обследование поселения Большая Умытья 57 провёл в 2003 г. А.Е. Цеменков[5]. Он уточнил и дополнил ранее снятый план памятника. На местности были установлены границы поселения. Углы (маркёры) поворотов границы помечены на деревьях с условием прямой видимости двух смежных углов и пронумерованы. Южная, западная и северная границы поселения определены по подножию гривы и краю пойменного болота. Восточная и юго-восточная границы поселения установлены в 25—35 м от археологических сооружений. По данным 2003 г., площадь поселения составляла 16500 кв. м[6]. Кроме того, в том же году был уточнён характер культурного слоя в центральной части памятника. В шурфе, заложенном в 30 м к югу от развилки лесных дорог, были зафиксированы почвенные и культурные слои:

- серо-жёлтый пестроцвет (навал на обочине дороги) — от 0,04 до 0,20 м;
- погребённый под навалом современный напочвенный покров — до 0,04 м;
- бело-серый подзол — от 0,04 до 0,25 м;
- жёлтый пылеватый песок (определённый как культурный слой) — до 0,4 м.

В целом, пачка культурных отложений составляла не менее 0,5 м. Предполагалось, что это показатель наличия в месте расположения шурфа археологического сооружения. Поэтому шурф был законсервирован на глубине 0,6 м от поверхности, его дно проложили полиэтиленом и досками.

При расчистке шурфа 1 в слое жёлтого пылеватого песка на глубине от 0,34 до 0,45 м было найдено 3 неорнаментированных фрагмента лепной керамики с примесью песка в глиняном тесте[7].

По результатам работ 2003 г. выдано заключение, что участок поселения Большая Умытья 57 в районе куста скважин № 23 продолжает разрушаться под воздействием техногенных и природных процессов. Площадь разрушений увеличилась на 900 кв. м относительно данных 1994 г. Было высказано предложение о проведении спасательных ар-

хеологических работ на северном, прилегающем к кустовой площадке участке поселения и объекте 1[8]. По результатам работ 2004 г. поселение Большая Умытья 57 было включено в программу аварийных археологических исследований.

В 2007 г. перед началом аварийных раскопок топографический план поселения был отснят заново с использованием электронных измерительных приборов – тахеометра Sokkia и стационарного GPS-навигатора Trimble. При съёмке было уточнено взаиморасположение объектов и их количество, площадь разрушений и современное состояние. В ходе съёмки на памятнике было выявлено 6 объектов, выраженных в рельефе террасы.

Объект 1

Изучен раскопом 1 в 2007 г.[9], располагался в северо-восточной части поселения, в 65 м к северу–северо-западу от западного угла кустовой площадки, на высоте 2,0–2,5 м от кромки притеррасного болота. В рельефе фиксировалась впадина размерами приблизительно 3,0 и 2,0 м, овальной формы и ориентацией по оси запад – восток. По её периметру, за исключением юго-восточной стороны, прослеживалась расплывшаяся на 2–3 м валообразная насыпь.

Объект 2

Находится в центральной части поселения, на высоте 2,5–3,0 м от подошвы террасы, приблизительно в 69 м западнее ближайшего угла кустовой площадки. Он представлен впадиной подпрямоугольной формы размерами 7,5х6,0 м, окружённой обваловкой. Размеры объекта 2 (впадина + обваловка) составляют 17,0х16,0 м, ориентация – с юга–юго-востока на север–северо-запад.

Объект 3

Впадина с обваловкой. Находится с юго-западной части памятника, на высоте до 1,5 м от кромки притеррасного болота, приблизительно в 125 м к западу–юго-западу от западного угла кустовой площадки № 23. Размеры объекта 5,0х6,0 м. Валообразная насыпь, отсутствующая с юго-восточной стороны, имеет ширину от 2 до 3 м.

Объект 4

Располагается на ровной площадке, на высоте до 1,5 м от кромки притеррасного болота и, относительно объекта 2, удалён от него на

35 м к северу—северо-западу. В плане объект имеет вид впадины округлой формы диаметром 2,2 м, окружённой сильно расплывшейся обваловкой. Общие размеры объекта составляют 7,6х7,0 м.

Объект 5

Зафиксирован в рельефе в 28 м к западу от объекта 4 и в 42 м к северо-востоку от объекта 2. Он также представлен впадиной округлой формы (диаметр 2,8—3,2 м) с обваловкой (шириной от 1,5 до 3,0 м).

Объект 6

Расположен на открытой площадке в северо-западной части поселения. Его конфигурация в плане несколько условна, так как поверхность в данном месте сильно разъезжена. Юго-западный край объекта разрушен, сохранилась только часть впадины, обнесённой валообразной насыпью. Общие (впадина + обваловка) размеры объекта составляют 9,0х19,0 м.

Датировка объектов 2—5 не устанавливается. На северном крае обваловки объекта 6 в 2007 г. были найдены мелкие, расслоившиеся фрагменты керамики, вероятнее всего, датирующиеся эпохой железа.

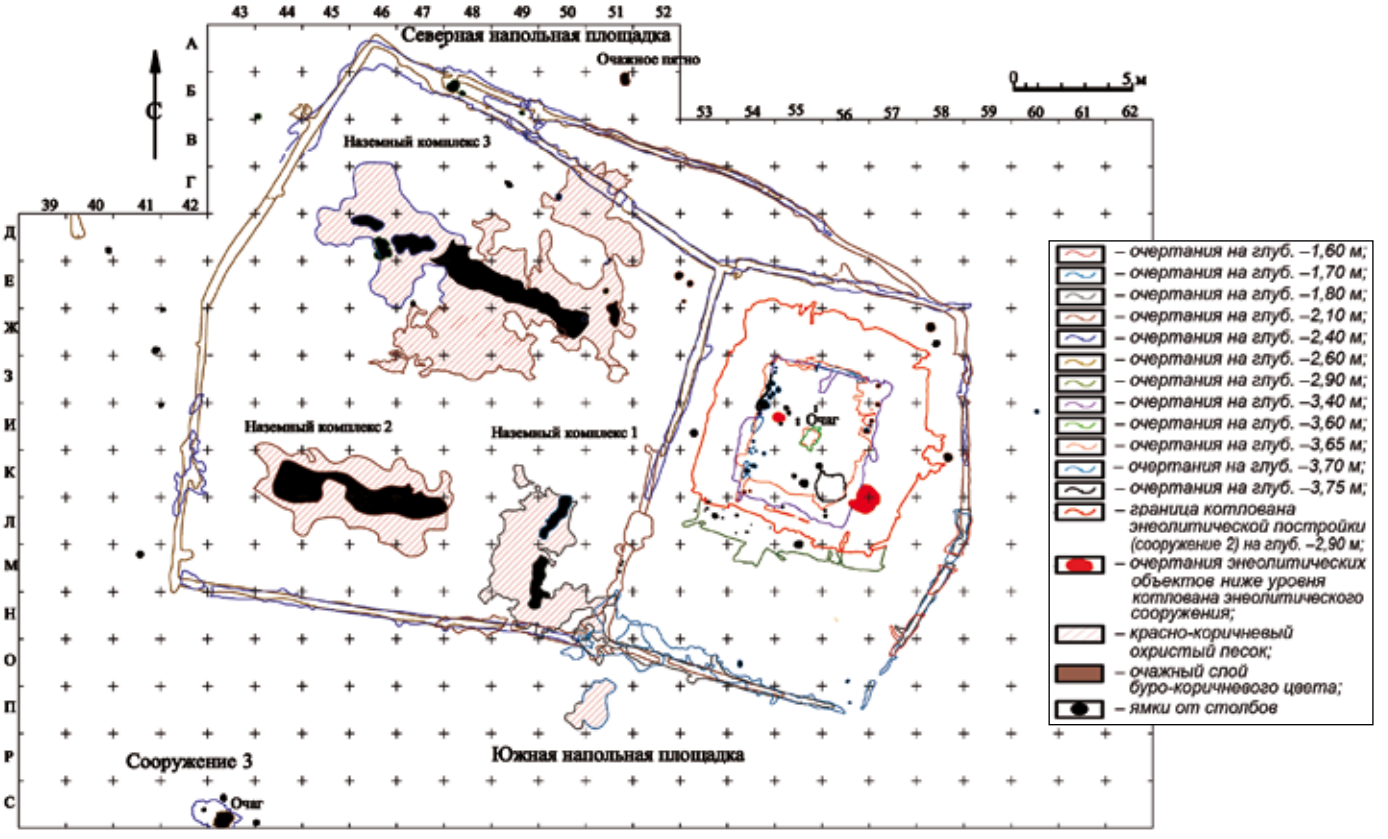
При тахеометрической съемке 2007 г. также были уточнены границы поселения и его площадь, которая составила 20760 кв. м.

Исследованиями 2007—2008 гг. был изучен северо-восточный участок поселения, прилегающий к кустовой площадке и разъезженный несанкционированными дорогами. Общая площадь аварийных раскопок составила 1488 кв. м — соответственно 1192 и 296 кв. м[10]. Были выявлены материальные остатки, как минимум, четырёх периодов заселения данного участка на левобережье р. Большая Умытья.

КОМПЛЕКС ЭПОХИ НЕОЛИТА

Неолитический посёлок

Не исключено, что какой-то его участок на северо-восточной окраине памятника представлял собой спланированную территорию (ил. 2). В основе последней — площадка, огороженная канавой, которая, в свою очередь, является конструктивным элементом заграждения. В плане огороженная площадка имеет вид двух смежных пятиугольников с общим основанием (центральный участок канавы) и разнонаправленными вершинами, ориентированными на запад—северо-запад и восток—юго-восток.



Ил. 2. **Поселение Большая Умытья 57.** Выявленные объекты эпох неолита и энеолита. План

Размеры западного участка площадки — не менее 22х20 м, восточного — не менее 13х16 м. По всей видимости, для увеличения «защищённой» площади посёлка северная линия ограждения была отнесена в напольную часть не менее чем на 3 м от ранее воздвигнутой конструкции. Эта линия фиксировалась по канаве, которая проходила по дуге. Ее начало приходится на северо-восточный угол малого пятиугольника, а другой край соединяется с северным участком канавы большого пятиугольника, не доходя 1,75 м до его северо-западного угла. При схождении канав были отмечены две ямки, возможно от столбов.

Края канавы на материке фиксировались чётко. По линиям сечений было установлено, что её стенки по верхнему краю имели незначительный скос наружу, дно относительно ровное с уклоном к западу и в целом соответствует уклону рельефа. Перепад уровня дна от юго-восточного угла восточной площадки на запад составлял до 0,6 м, на север — 0,7 м; от северо-восточного угла также малой площадки на запад — около 0,5 м, а от северо-западного угла западной площадки на юго-запад — не более 0,2 м. Редко по линии канавы, ниже её дна, фиксировались углубления, возможно, образовавшиеся от основания конструкции «забора».

Сооружение 1

Располагалось в восточном (малом) пятиугольнике. Эта неолитическая постройка была выражена котлованом, а именно, его углубленной центральной частью и плечиком по южной стенке, которые были прорезаны котлованом энеолитической постройки (сооружение 2). Котлован располагался не в центре площадки, а был несколько смещён к северу. Расстояние между краем котлована и канавой устанавливается только по южному плечику и составляет к югу, западу и востоку соответственно 5,75, 1,90 и 2,35 м.

В плане углубленный участок котлована сооружения 1 имел вид подпрямоугольника приблизительными размерами 6,4х5,6 м (рис. 3). Ориентация длинных стен котлована проходила по линии юг—юго-запад — север—северо-восток. Котлован был выкопан в материковых песках на глубину не менее 2 м от древней поверхности. Пол в постройке имел незначительный уклон к центру, где, по всей видимости, размещалась очажная конструкция. В юго-восточном углу котлована зафиксирована перепланировка горизонта пола, как минимум, дважды. В этом же углу, ниже уровня первоначального горизонта пола, в материковом песке была выкопана яма глубиной до 0,4 м.

Ил. 3. **Поселение Большая Умытья 57.** Постройка 1 (неолит). Углубленная часть котлована на уровне пола. Сн. с севера

Ил. 4. **Поселение Большая Умытья 57.** Постройка 2 (энеолит). Котлован на уровне плечика котлована неолитического сооружения. Сн. с юга—юго-востока

Вдоль стенок по уровню пола и ниже были прослежены канавка и ямки незначительной глубины, возможно, образовавшиеся от вдавленных оснований деревянной конструкции крепи вдоль земляных стенок котлована.

Очаг в сооружении был наземный, его местоположение маркировалось по чёрному углистому песку в виде прямоугольника размерами 1,00х0,56х0,20 м. Среди других конструктивных деталей углубленной части котлована сооружения 1 выделяется ниша в западной стенке, имевшая размеры не менее 2,3х0,5 м.

Плечико котлована (ил. 4), зафиксированное по южной стенке, находилось на высоте до 0,7 м от пола. Его ширина не менее 1,3 м. Ниже горизонта плечика по стенкам котлована отмечена неширокая (0,10–0,15 м) канавка. Верх южного плечика котлована зафиксирован на глубине 0,8 м от древней поверхности. Он перекрывался погребённой почвой (восстановленным почвенным профилем на месте впадины неолитического котлована), зафиксированной под выкидом при прокопке котлована энеолитического сооружения. Стенка южного плечика вертикальная, прослеживалась на глубину до 0,5 м. Возможно, что и по другим стенкам вдоль углубленной части имелись плечики, которые были разрушены сооружением 2 эпохи энеолита.

Остатки столбовой конструкции в виде ямок отмечены вдоль западной и восточной стен углубленной части котлована на горизонте пола постройки и дна. Небольшие по размерам ямки прилегали к северо-западному приочажному пространству.

Кроме того, на пространстве между котлованом и канавой вдоль западной, восточной и северной сторон были выявлены ямки диаметром до 0,4 м, вероятнее всего от столбов.

Внутри западной площадки зафиксированы «очаги» (буро-коричневый слой с кальцинированной костью и угольками), вокруг которых песок был окрашен красно-коричневой охрой. Внешняя граница охристых пятен размыта и плавно переходила в иллювиальные пески. Признаков столбовой конструкции или котлованов, которые могли бы указывать на капитальные постройки, располагавшиеся над «очагами», не выявлено. Следовало бы полагать, что здесь могли стоять лёгкие наземные постройки (допустим, типа чума), однако и эта гипотеза не находит весомых подтверждений. По степени локализации охристого слоя и очажных линз были выделены три наземных комплекса.

Наземный комплекс 1

Локализовался в юго-восточном углу западной площадки при схождении двух канав – внутренней (делящей комплекс на две половины) и

южной. Максимальные размеры охристого пятна составляли 5,65х4,75 м, оно было вытянуто с юга на север. По центру охристого слоя располагался очаг, ориентированный также по меридиональной оси. Его размеры составляли 5,0х0,5 м, мощность по линии сечения не превышала 0,25 м. В основании охристого и очажного слоёв залегал иллювиально-железистый погребённый песок светло-коричневого и жёлтого цветов.

Наземный комплекс 2

Располагался на юго-западе западной площадки. Охристый слой был локализован на площади 8,5х3,5 м. По центру охристого слоя с запада на восток проходила полоса буро-коричневого очажного слоя. Размеры «очага» составляли 7,5х1,75 м. Мощность буро-коричневого слоя не превышала 0,25 м.

Наземный комплекс 3

Выделен в северной половине площадки. Он также представлял собой протяжённую полосу буро-коричневого очажного слоя, окружённого красно-коричневым охристым песком. Размеры «очага» в длину достигали 11,0 м при ширине до 1,5 м. Мощность очажного слоя не превышала 0,25 м (за исключением оползней в ямы и углубления, образовавшихся в результате почвенной эрозии).

Керамика, каменный инвентарь и остеологические остатки на западной площадке локализовались вокруг выделенных наземных комплексов, в слоях охры и «очагов». В центре площадки, по линии участка З/43—48, находки встречались редко.

За ограждением выделены два комплекса. Первый фиксировался с южной стороны, в 2 м от «загороди», практически напротив линии канавы, делящей комплекс на две площадки (участки О—П/50—51). Здесь было отмечено овальное в плане пятно охристого слоя размерами 2,5 и 1,25 м и мощностью не более 0,15 м. Артефакты залегали непосредственно в слое охры и к востоку от него. Второй внешний комплекс отмечен с севера ограждения. Он был приурочен к очажному пятну на участке Б/52. Небольшая линза буро-коричневого слоя овальной формы размерами 0,55 и 0,53 м располагалась на древней поверхности. В заполнении линзы найдены фрагменты неолитических сосудов и изделия из камня.

Незначительная локализация фрагментов керамики и каменного инвентаря зафиксирована также с напольной стороны у северо-западного

угла западной площадки. Здесь была выявлена яма, которая образовалась в результате эрозии почвы. Однако не исключено, что тут же могут располагаться объекты, связанные с неолитическим посёлком. Свидетельством этого может являться выявленный участок канавы (кв. Д/10), уходящий за северный край раскопа.

Сооружение 3

Рсполагалось на внешней, напольной площадке неолитического посёлка, в 9 м к югу от юго-западного угла западной площадки. В плане представляло подпрямоугольник размерами 1,7х1,0 м, углубленный до 0,3 м в материковые пески. Ориентация длинных сторон устанавливалась по оси юго-восток — северо-запад. Стенки углубления пологие, горизонт дна неровный. В границах углубления был выявлен очаг, располагавшийся в яме. Его размеры составляли 0,85х1,20 м, мощность слоя не превышала 0,3 м. В слое заполнения сооружения найдены фрагменты от двух сосудов (обломки от этих же сосудов были обнаружены на западной площадке огороженной части посёлка) и 3 каменных изделия — 2 отщепа и перо шлифованного сланцевого ножа.

Находки

Керамическая посуда. Всего на исследованном раскопами участке неолитического поселения было найдено более 2700 фрагментов керамической посуды. По ним выделено 146 сосудов с достаточно реконструируемыми основными признаками — форма, размеры, композиции орнамента. Ещё 55 сосудов, представленных единичными венчиками мелких размеров, не были включены в выборку.

Посуда изготовлена из хорошо отмученной глины с незначительной примесью песка и шамота (с мелкими или крупными фракциями), реже — охры. Способ формовки, преимущественно, ленточный, с креплением лент внахлест и последующим заглаживанием стыков. Ширина лент, в зависимости от размера ёмкости, составляет от 2,5—3,5 см до 4,5—5,0 см. Возможно, часть сосудов, особенно малых форм и единично крупных, формовалась лоскутным способом, при этом отдельные части изготовлялись на твёрдой основе, путём наложения лоскутов, перекрывающих друг друга. В этом случае фрагменты расслаиваются на две части, в расслоениях видны вмятины от пальцев, оставленных при сцеплении лоскутов. Посуда в основном тонкостенная (3—4 мм), реже сосуды имеют толщину стенок 5—7 мм, венчик в единичных случаях имеет утолщение до 0,7 см. Не исключено также, что поверхность отдельных

сосудов «выравнивалась» ударным способом, поэтому стенки получались рельефными («бугристыми»). Эти ёмкости формовались, вероятнее всего, на твёрдой основе, благодаря чему достигалась их плотность, тонкостенность и одинаковая толщина всех частей. На трёх сосудах отмечены следы ремонта — сквозные отверстия диаметром 0,3—0,5 см, просверленные с внешней стороны вдоль излома лент.

Поверхность сосудов, как правило, тщательно заглажена с двух сторон или залощена с внешней поверхности. На внутренней стороне часто встречаются нитевидные параллельные следы от заглаживающего инструмента, вероятно, имевшего волокнистую структуру (дерево?). Четыре сосуда красноватого цвета — от окрашивания поверхности охрой с внешней или внутренней стороны.

Восстанавливаются две основные формы ёмкостей: округлодонные сосуды с выпуклыми боками и слегка закрытым устьем, а также ёмкости с округлым дном и прямыми стенками, иногда со слабо отогнутым венчиком. В одном экземпляре найден миниатюрный сосуд с уплощенным дном.

Диаметр устья восстанавливается у 90 сосудов. По объёму можно выделить:

- крупные сосуды с диаметром по венчику 38 см (1 экз.) и 22—30 см при высоте до 23—24 см (34 экз.);
- сосуды с диаметром по венчику 16—20 см (21 экз.) и 10—14 см при высоте 12—15 см (25 экз.);
- миниатюрные ёмкости с диаметром от 4 до 10 см (9 экз).

Венчики сосудов приострённые, плоские или округлые; один из них имеет подтреугольный наплыв с внутренней стороны, сформированный путем подлепа дополнительной ленты. Характерным признаком для всех выделенных групп сосудов можно считать ряд округлых сквозных ямок под срезом венчика диаметром 0,2—0,3 см (реже 0,4 см), нанесённых с наружной стороны поверх орнамента. Единичны сосуды с неглубокими ямочными вдавлениями под срезом, также нанесёнными с внешней стороны, и ёмкости без ямок в верхней части. Венчики сосудов довольно часто оформлены выступами по краю в виде «ушек» (17 экз.), четыре из них — с объёмными стилизованными головками. Количество выступов или головок по краю одного сосуда установить сложно из-за фрагментарности комплекса. Стилизованные головки сформированы с внешней стороны ёмкостей и обращены наружу. Характерной чертой головок является выраженный нос и обозначенные ямочными вдавлениями глаза.

Основную часть составляют сосуды, орнаментированные в технике прочерчивания (108 экз., ил. 5). Торцевая часть венчика оформлена, как правило, насечками или наколами различных форм, иногда оттисками наклонно поставленного гребенчатого штампа. Мотивы и композиции в большинстве случаев наносились инструментом типа стержня с округлым или плоским рабочим краем (в негативе нередко фиксируются следы в виде параллельных полос — использование орнаментира из волокнистого материала). Ширина рабочей части орнаментира составляет 0,2—0,3 см, реже 0,15 и 0,4 см. Иногда плоский конец инструмента был расщепленным и оставлял характерные двойные линии.

Ил. 5. **Поселение Большая Умытья 57.** Керамика эпохи неолита

Орнамент с внешней стороны покрывает, главным образом, всю поверхность сосудов и днище. На некоторых ёмкостях орнамент плотный, но на большей их части узор разрежен либо орнаментирована верхняя и придонная части. С внешней стороны венчика или под ним нанесены округлые отверстия диаметром 0,2—0,3 см (реже — 0,15 и 0,4—0,5 см) на 95 сосудах. В орнаментации тулова они не использовались. В одном случае, в зоне под венчиком с внешней стороны, нанесён горизонтальный ряд сегментовидных отверстий, такой же формы ямки размещены по внутреннему наплыву. Как правило, ряд отверстий, нанесённых с внешней стороны, перекрывает орнамент из волнистых и прямых линий, неглубоких ямочных наколов. Часть венчиков по срезу орнаментирована насечками, в отдельных случаях оттисками зубчатого орнаментира или наколами.

По способу построения композиций посуда разделена на две группы. К первой отнесены сосуды, оформленные с соблюдением горизонтальной зональности. Декор в виде горизонтальных прямых и волнистых линий нанесён на 68 ёмкостях. Четыре сосуда орнаментированы чередующими-

ся горизонтальными зигзагами и прямыми линиями, на одном — зигзаги, стыкуясь углами, образуют вытянутые ромбы. Для 5 сосудов характерно оформление верхней части тулова в виде взаимопроникающих подтреугольных и подчетырёхугольных зон. На 12 ёмкостях чередуются пояса из горизонтальных прямых или волнистых линий с поясами из наклонных линий. Среди них выделяются сосуды, на которых наклонные волнистые линии составляют «ёлочный» мотив. Единичны ёмкости, у которых в верхней части композиции использован мотив из горизонтальных линий, а в нижней ромбическая сетка или взаимопроникающие зоны. Днища реконструируются у 19 сосудов этой группы, они декорированы радиально расходящимися из центра прямыми, волнистыми линиями и зигзагами, концентрическими окружностями, внутреннее пространство которых заполнено параллельными линиями.

В отступающе-накольчатой технике украшены только 5 сосудов. Для них также характерно оформление зоны венчика отверстиями, использование мотивов в виде горизонтальных прямых и волнистых линий, зигзагов, соединяющихся углами и образующих горизонтально вытянутые ромбы.

Отдельную группу составляют сосуды, на которых при декорировании поверхности использовался зубчатый орнаментир в технике шагания. По своим технико-морфологическим характеристикам эта группа не отличается от описанных выше сосудов. Для неё характерно в том числе и оформление венчика выступами в виде «ушка». Композиционное построение орнамента и характер мотивов также сближают эту группу с основной группой керамики. Единственное отличие заключается в технике нанесения орнамента. Как правило, преобладающим мотивом здесь является горизонтальная линия, выполненная шаганием зубчатого штампа. Зубцы инструмента, чаще всего, имели разную ширину, а также неровную рабочую поверхность — в результате пропечатывались негативы только крайних зубцов. Эти особенности дают основание предположить использование орнаментира естественного происхождения. Длина рабочей части орнаментиров 1,0—1,3 см.

Представлено семь сосудов без орнамента. На некоторых из них под венчиком нанесён поясок из круглых отверстий.

В коллекции выделены фрагменты 29 днищ, соотнести которые с определённым сосудом достаточно сложно. Четыре из них без орнамента, остальные оформлены в прочерченной технике мотивами в виде расходящихся радиально прямых и волнистых линий, а также ромбической сетки (3 сосуда) и, единично, концентрических окружностей.

Единственный сосуд, имеющий существенные отличия от основного комплекса, является ёмкостью закрытой формы, с диаметром по венчику 30 см. Срез венчика плоский, скошен наружу. Венчик с массивным внутренним наплывом, сформированным подлепом дополнительной ленты изнутри ёмкости. Высота наплыва 3 см, ширина 1,2 см. Сосуд сформован ленточным способом путём подлепа с внешней стороны каждой последующей ленты. Толщина стенок – 0,7 см. Поверхность красно-коричневого цвета, выровнена и хорошо заглажена. В тесте фиксируется примесь песка и шамота, охры. Сосуд орнаментирован в прочерченной технике инструментом с шириной рабочей части 0,25–0,35 см. По внешнему краю венчика под наклоном к поверхности нанесены овальные ямочные вдавления. Зона под венчиком орнаментирована наклонными прямыми линиями. Ниже размещены горизонтальные прямые линии.

Приведённые характеристики неолитической керамики дают основание для объединения различных групп в единый комплекс, поскольку прослежено технико-морфологическое и композиционное единство, несмотря на использование различных техник орнаментации. Обнаруженные в заполнении котлована жилища сосуды по своим основным характеристикам отражают присутствие различных выделенных групп в непотревоженном состоянии и подтверждают единство неолитического комплекса.

Этот комплекс по основным типологическим характеристикам может быть сопоставим с комплексами типа Чэс-Тый-Яг, относящимися к позднему неолиту (по Е.А. Васильеву)[11]. Абсолютный возраст поселения Чэс-Тый-Яг установлен радиоуглеродным методом – 6130±50 (ЛЕ-2711), 6150±40 (ЛЕ-2713)[12], 6455±40 (СОАН-2718), 6165±35 (СОАН-2717), 6150±40 (СОАН-2721), 6095±30 (СОАН-2720), жилище 3 – 5785±40 (СОАН-2716), жилище 4 – 5750±60 (СОАН-2719)[13].

Как и керамика чэстыйягского типа, обнаруженная на эпонимном памятнике, рассмотренный комплекс поселения Большая Умытья 57 представлен в основном тонкостенными сосудами слегка закрытой формы с круглым дном (яйцевидным, по Е.А. Васильеву), с диаметром устья от 6 до 38 см. Другие характерные черты, обозначенные для керамики честыйягского типа, также сближают эти комплексы – преобладание закрытых ёмкостей с округлым, плоским, заострённым срезом или краем, оформленным стилизованными выступами в виде «ушек» и редуцированных головок. В области венчика отсутствует внутренний наплыв, характерный для сосудов многих неолитических

типов. В расположении орнамента в основном использовалась горизонтальная зональность. Декорирована вся поверхность, либо орнамент расположен только в верхней части. Практически на всех венчиках присутствует один горизонтальный ряд отверстий либо, гораздо реже, глубоких ямок, нанесённых с внутренней стороны. Важной деталью композиции является то, что от налепов приблизительно до середины сосуда спускаются расходящиеся прямые и волнистые линии. Основные мотивы — это горизонтальные и диагональные прочерченные линии. Присутствует и обработка сосудов охрой.

В отличие от поселения Чэс-Тый-Яг, на поселении Большая Умытья 57 нет ладьевидных сосудов; больше сосудов, декорированных полностью; единичны венчики, орнаментированные с внутренней стороны; преобладает посуда с монотонной горизонтальной линейной зональностью (чередование горизонтальных линий и зигзагов).

Соотнесение неолитического комплекса керамики поселения Большая Умытья 57 с группами керамики, которые выделены по материалам раскопок памятников сумпаньинской археологической культуры бассейна р. Конды, пока не проводилось. Следует заметить, что в материалах поселения Сумпанья VI, помимо посуды сумпаньинского типа, были представлены ещё две группы керамики: сосуды, украшенные зубчатыми орнаментирами, и сосуды, декорированные линиями в технике протаскивания[14].

Керамические изделия (?) и куски обожжённой глины. ***Сооружение 1 неолитического времени.*** Жгутик обожжённой глины, напоминающий головку птички с вытянутой шеей и приподнятым вверх клювом. «Шея» отформована как стержень, «головка» оформлена путём сгибания приострённого конца стержня. Длина «шеи» 18 мм, толщина 8 мм; длина «головки» с клювом 13 мм, толщина — 6 мм.

Наземный комплекс 2. Был найден кусочек обожжённой глины, напоминающий фигурку птички. Сохранилась часть «туловища» овальной формы размерами 14x11x9 мм, а также «шея» длиной 6 мм и толщиной 4—6 мм. «Головка» предполагаемого орнитоморфа утрачена.

Наземный комплекс 3. Найден кусочек обожженной глины в виде овально-уплощенного слепка размерами 20x15x4 мм.

Южный напольный комплекс. Встречен небольшой кусочек обожжённой глины.

Небольшой кусочек обожжённой глины был обнаружен и в заполнении энеолитической ямы. По составу глины он может быть соотнесён с неолитическим комплексом.

Каменный инвентарь. ***Сооружение 1 неолитического времени.*** Предметы, найденные непосредственно в его заполнении: 468 экз. — из углубленной части и плечика котлована, 18 экз. — из слоя погребённой почвы на пространстве между стенками котлована и ограничивающей его канавой. Коллекция дополнена тремя предметами (нуклеус и 2 отщепа), которые были найдены в заполнении энеолитической ямы на горизонтах, где она прорезала котлован неолитического сооружения.

Для изготовления орудий использовались гальки и плитки, которые, по всей видимости, собирали (отбирали) в непосредственной близости от поселения в местах обнажений аллювия по берегам рек и озёр. Использовался широкий спектр пород, по преимуществу кремнистых с различными оттенками (от светлых до тёмных), а также кварц, сланец. Целые гальки очень мелкие и, очевидно, залегая в аллювиальных материковых отложениях, попали в заполнение котлована при выкапывании последнего.

Техника расщепления — отщеповая. Представленные нуклеусы (6 экз.) — остаточные, утилизированы плоскостными снятиями контрударом. Ударные площадки прямые или нитевидные, первые скошены к контрфронту.

Несмотря на доминанту изделий из отщепов, в комплексе присутствуют и пластинчатые сколы — 8 экз. Ширина семи изделий 5—7 мм, одного — 10 мм. Одна пластинка целая длиной 20 мм, остальные — проксимальные (4 экз.), медиальные (2 экз.) и дистальные (1 экз.) части.

Долотовидные орудия — 4 экз. Изготовлены из кварцевых отщепов. Форма изделий в плане подпрямоугольная. Размеры орудий — 27х19х7, 23х24х9, 27х20х8 и 31х28х5 мм. Долота однолезвийные. Лезвия прямые, оформлены двусторонними краевыми сколами. У двух орудий профиль лезвия желобчатый.

Струг — 1 экз. Изготовлен из плитки серо-зелёного сланца в абразивной технике. Размеры предмета 35х39х3 мм. Форма в плане трапециевидная. Лезвие выделено фаской шириной 5 мм на длинной стороне заготовки.

Острия — 2 экз. В качестве заготовок использованы мелкие кремнистые отщепы. Жало выделяется по следам сработанности и относительно длинной оси предмета, оно асимметрично. Размеры орудий 16х8х3 и 13х6х3 мм.

Сколы с краевой ретушью — 11 экз. Они представлены мелкими кремнистыми отщепами (8 экз.) и пластинчатыми снятиями (3 экз.). На

мелких отщепах ретушь покрывает продольные стороны, чаще всего со спинки. Пластинчатые сколы кварцевые, размером 41х13х8 и 47х15х8 мм, с краевой ретушью со спинки по продольному краю.

Наконечники стрел — 4 экз. Изготовлены из серо-зелёного сланца. Все фрагментированы: части пера (3 экз.) и насад (1 экз.). Можно установить, что изделия имели ромбическое или линзовидное поперечное сечение. Два предмета использовались, очевидно, уже после фрагментации, в качестве абразивов.

Абразивы — 7 экз. Шесть изделий представлены мелкими плитками, один является оселком с четырьмя вогнутыми рабочими плоскостями. Форма оселка в плане подпрямоугольная, в центре сужена за счёт износа рабочих плоскостей. Размеры инструмента 68х28х22 мм. В качестве заготовки использована плитка кварцитопесчаника. С одной грани у торца фиксируется неглубокий пропил, захватывающий межплоскостные грани.

Скребки — 70 экз. Выполнены из отщепов, выделяются 3 типологические группы: концевые (54 экз.), округлые (7 экз.) и боковые (9 экз.). Диаметр округлых скребков от 8 до 18 мм, лезвийная кромка выделена крутой ретушью со спинки. Концевые скребки имеют размеры от 9х10х6 до 29х20х8 мм, один скребок — 40х28х7 мм. Лезвия концевых скребков преимущественно округлые, оформлены крутой ретушью со спинки на нижнем крае заготовки. Имеются предметы с подработкой одной или двух прилежащих к лезвию продольных сторон. Боковые скребки размерами от 15х8х5 до 22х11х6 мм, чаще однолезвийные (одно орудие с двумя лезвиями), обработаны ретушью со спинки.

Тесло выполнено из первичного подпрямоугольного отщепа чёрной кремнистой породы, имеющего незначительное сужение в базальной части. Размеры инструмента 84х34х22 мм. Лезвие подработано по краю грубыми нерегулярными сколами, выравнивающими его лезвийную кромку.

Наземный комплекс 1. Здесь встречено 149 изделий из камня. По типу использованного сырья (преобладают гальки некрупных пропорций) и породам этот комплекс сопоставим с материалами коллекции из котлована сооружения 1. Большая часть изделий представлена отходами производства или первичными заготовками: целыми (11 экз.) и расколотыми (9 экз.) гальками, отщепами (88 экз.) и чешуйками (10 экз.), а также пластинчатыми снятиями (2 экз.). Присутствие в комплексе наковален (3 экз.) и нуклеусов (4 экз.) предполагает расщепление исходных заготовок в контрударной технике скола. Имеющиеся в ком-

плексе нуклеусы — плоскостные, из кварцевых (2 экз.) и кремнистых (2 экз.) галек. Их размеры от 29х29х17 мм до 41х30х16 мм. Ударные площадки ядрищ подработаны сколами и скошены к контрфронту.

Отщепы с ретушью — 2 экз. Они представлены сколами подпрямоугольной формы с краевой обработкой продольных сторон притупляющей ретушью со спинки. Размеры предметов 10х8х3 и 25х20х3 мм.

Скребки на отщепах изготовлены из кремнистых (11 экз.) и кварцевых (2 экз.) сколов. Восемь предметов относятся к типу концевых, три — к типу округлых, и два имеют боковое лезвие на продольном крае. По параметрам и обработке рабочего края они аналогичны скребкам из сооружения 1.

Наконечник стрелы шлифованный (1 экз.) представлен фрагментом (42х10х3 мм) тела с ромбическим поперечным сечением.

Тесло шлифованное, подпрямоугольное в плане, его размеры 90х39х7 мм. Выполнено на крупном отщепе. Тело отшлифовано только со спинки, поперечное сечение в средней части изделия треугольное. Лезвие выделено шлифовкой на нижнем крае заготовки. При этом с вентральной поверхности край был незначительно уплощен шлифовкой, зато со спинки снята фаска под крутым углом. Обушок необработан.

Абразивный инструмент — 5 экз. Представлен плитками (2 экз.) и точильными камнями (3 экз.).

Кроме того, при просеивании красно-коричневого слоя среди кальцинированных косточек был найден фрагмент (14х7х4 мм) изделия с уплощенно-приострённым концом. Он хоть и кальцинирован, однако видно, что его боковые стороны были выровнены шлифовкой.

Наземный комплекс 2. Найдено 85 предметов из камня. По типу использованного сырья (преобладают гальки некрупных пропорций) и породам данный комплекс также сопоставим с материалами коллекции из котлована сооружения 1. Присутствуют целые (1 экз.) и расколотые (8 экз.) гальки, а также отщепы без ретуши (60 экз.).

Представленные нуклеусы выполнены из кварцевых (3 экз.) и кремнистых (2 экз.) галек. Расщепление на заготовки осуществлялось в контрударной технике скола по широкой плоскости. Размеры изделий варьируют от 20х12х7 до 75х47х29 мм. Ударные площадки скашивались к контрфронту краевыми сколами.

Среди сколов, кроме отщепов, имеется первичная пластина, представленная проксимальной частью заготовки. Её размеры 28х8х4 мм. Ещё на одной пластине, также являющейся проксимальной частью заготовки, фиксируется краевая ретушь. Размеры сечения 26х9х3 мм.

Скребки на отщепах выполнены из кремнистых сколов. Концевого типа (2 экз.), с продольным боковым рабочим краем (2 экз.), округлый (1 экз.). По технико-морфологическим признакам эти орудия сопоставимы со скребками из котлована сооружения 1.

Отщеп с ретушью представлен кремнистым сколом размерами 20х14х5 мм. Притупляющая краевая ретушь нанесена на нижнем конце.

Нож шлифованный – 1 экз. Представлен фрагментом размерами 45х20х3 мм (рис. 6–2).

Изделие из камня (?). Прямоугольная плитка алевролита размерами 40х32х5 мм. Судя по затёртости граней, она обработана шлифовкой.

Абразивный инструмент включает небольшой оселок и два точильных камня с широкими рабочими поверхностями.

Наземный комплекс 3. Найдено 188 каменных предметов. По типу использованного сырья (преобладают гальки некрупных пропорций) и породам данный комплекс также сопоставим с предметами из котлована сооружения 1. Имеются целые (6 экз.) и расколотые (29 экз.) гальки, отщепы (105 экз.), чешуйки (4 экз.), проксимальные сегменты пластин шириной 6 мм (2 экз.). Нуклеусы представлены ядрищами плоскостного принципа расщепления в контрударной технике скола (4 экз.). Они выполнены на кварцевых (3 экз.) и кремнистой (1 экз.) гальках. В орудийный комплекс входят следующие находки.

Долотовидное орудие. Размеры 32х23х88 мм, на отщепе подпрямоугольной формы. Лезвие прямое, выделено краевыми уплощающими сколами на нижнем конце заготовки.

Скребки на отщепах – 16 экз.,в том числе концевые (3 экз.), овальные (2 экз.), округлые (5 экз.), боковые (6 экз.).

Скребок на пластине (скорее, пластинчатом сколе) концевой, его размеры 28х10х6 мм. Лезвие выделено крутой ретушью со спинки на нижнем крае заготовки.

Острие на отщепе выполнено из кварцевого первичного скола. Размеры изделия 20х9х4 мм. Острие выделено по ретуши утилизации на нижнем конце заготовки.

Отщепы с ретушью – 2 экз. Один скол размерами 42х48х17 мм – кремнистый, первичный; второй размерами 25х20х3 мм – кварцевый. Ретушированные участки вогнутые, и на обеих заготовках они расположены на продольном и нижнем крае;

Фрагмент пера ретушированного наконечника стрелы. Имеет размеры 24х8х5 мм.

Ножи шлифованные — 2 экз. Один — подтреугольный, размерами 61х28х6 мм, лезвие заострено односторонней фаской (ил. 6—4). Второй — удлиненной листовидной формы; не исключено, что он выполнен из наконечника стрелы (ил. 6—1). Его размеры 107х16х4 мм.

Наконечники стрел шлифованные — 4 экз. Из них 3 экз. представлены изделиями с утраченным основанием. Поперечное сечение

Ил. 6. **Поселение Большая Умытья 57.** Сланцевые шлифованные ножи эпохи неолита

изделий ромбическое. Относительно целый экземпляр имеет размеры 40х10х3 мм. Четвертый предмет является фрагментом насада.

Абразивный инструмент — 8 экз. Включает 2 оселка (под один использовался фрагментированный шлифованный наконечник стрелы), 3 фрагмента точильных камней и 3 некрупные шлифовальные плиты.

Южный напольный комплекс. Коллекцию составили 57 каменных предметов из одного горизонта с неолитической керамикой с участка внешней стороны канавы, которая ограничивала котлован сооружения 1 и внутреннюю площадку поселения. Большая часть вещей является заготовками и отходами производства: гальками целыми (5 экз.) и расколотыми (5 экз.), отщепами (37 экз.), чешуйками (1 экз.). Ещё имеется нуклеус плоскостного принципа расщепления в контрударной технике скола. Его размеры 40х34х11 мм.

Количество орудий немногочисленно:

Долотовидное орудие размерами 30х28х7 мм изготовлено из подчетырёхугольного первичного кварцевого отщепа.

Тесло изготовлено на массивном первичном сколе кварцита. Размеры орудия 101х69х21 мм. В плане тесло подпрямоугольное, боковые стороны слегка сужены к рабочему краю. Лезвие прямое, выделено на нижнем конце заготовки краевыми сколами с брюшка.

Отщеп с краевой ретушью — 1 экз.

Наковальни — 3 экз.

Абразивы — 2 экз.

Датировка комплекса эпохой неолита подтверждается данными радиоуглеродного анализа, выполненными по керамике: 5680±80 (Ki-15078). Даты по углю также указывают на неолитический возраст комплекса: 6030±85 лет (СОАН-7639) и 6030±80 лет (СОАН-7640). Но эти даты требуют перепроверки.

КОМПЛЕКС ЭПОХИ ЭНЕОЛИТА

Сооружение 2

Энеолитические материалы поселения Большая Умытья 57 представлены котлованом сооружения 2, который был вписан во впадину, образовавшуюся после руинирования неолитической постройки (ил. 2). В плане энеолитический котлован подпрямоугольный, ориентирован по оси юг—юго-запад — север—северо-восток (ил. 4). Глубина котлована от древней поверхности составляла 1,5 м, размеры на уровне пола 7,6х6,4 м, выход не фиксировался. Песчаное заполнение котлована

было насыщено розовой охрой. Пол в постройке ровный, с незначительным уклоном от стен к центру — очажному пространству. Стенки котлована слегка развернуты наружу, их верхний край существенно оплыл. Возможно, существовала конструкция деревянной крепи стен. Её остатки зафиксированы по южной стенке в виде углистых плашек по уровню пола. По центру землянки располагался очаг, оформленный в виде овальной ямы, углубленной до 0,3 м в пески заполнения неолитического котлована. Размеры очага составляли 3,0х2,2 м, заполнение состояло из буро-коричневого слоя, насыщенного «измельчённой» кальцинированной костью.

В юго-восточном углу котлована ниже уровня пола была выявлена округлая в плане яма диаметром 1,25 м и глубиной 0,75 м от уровня пола. Западная стенка ямы прорезала край котлована неолитического сооружения. Можно предположить хозяйственное назначение ямы.

Слои розовой охры, идентичные по структуре с заполнением котлована, фиксировались и по внешнему краю обваловки — земли, вынутой при прокопке котлована. Ширина слоя выкида составляла в среднем 3,5 м, его мощность достигала 0,3 м. Использовался ли этот грунт для обустройства завалинки по периметру котлована, установить сложно.

Внешний энеолитический комплекс отмечен по небольшому пятну розовой охры в 17,5 м северо-западнее ближайшего угла котлована. В плане пятно фиксировалось на фоне бело-серого подзола и иллювиально-железистого темно-жёлтого песка. Его размеры составляли 1,5х1,0 м. Ориентация длинной осью проходила по линии юго-восток — северо-запад. В слое охры и прилегающих участках были найдены фрагменты энеолитических сосудов, черепки от которых также залегали в заполнении и на уровне пола энеолитического котлована.

Находки

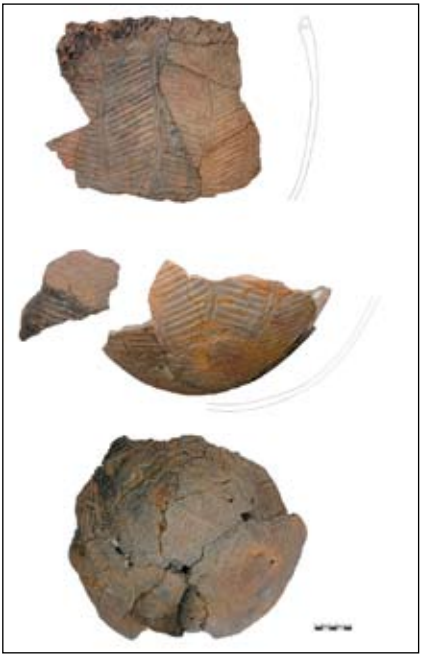
Коллекция находок эпохи энеолита включает фрагменты керамики, изделия из камня, кости и куски обожжённой глины. Планиграфическое распространение керамического материла эпохи энеолита показало, что практически весь он, за исключением небольшой части, сосредоточен в пределах котлована сооружения 2. Фрагменты, найденные за его границами, присутствуют и в нижней части заполнения энеолитического котлована.

Керамическая посуда. Выделен 61 сосуд, представленный 2839 фрагментами (ил. 7). В коллекции присутствуют ещё 22 венчика и 596 стенок, которые сложно отнести к тому или иному сосуду. Внешняя поверхность 129 фрагментов стенок отслоилась, однако, судя по характеру примесей в глине, способах обработки внутренней поверхности, условиям залегания, можно предположить их энеолитический возраст.

Сохранность ёмкостей хорошая. Большая часть обнаруженных на поселении сосудов (58 экз.) — банки с круглым дном и с диаметром устья 16—45 см. Преобладают слегка закрытые ёмкости (45 экз.). Шесть сосудов с прямыми стенками; два — открытой формы. Достоверно круглые днища зафиксированы у 15 экз.; у остальных, судя по общей форме сосуда, они реконструируются как круглые.

Диаметр устья сосудов: 16—20 см (5 экз.), 21—25 см (6 экз.), 26—30 см (15 экз.), 31—35 см (12 экз.), 36—40 см (7 экз.), 41—45 см (3 экз.). Пять ёмкостей без венчиков, обломки венчиков ещё пяти сосудов слишком малы для достоверной реконструкции метрических признаков.

На внутренней стороне большей части венчиков сосудов баночной формы (33 экз.) фиксируется наплыв, у 19 экз. — утолщение и скос наружу, 1 сосуд имеет венчик



Ил. 7. **Поселение Большая Умытья 57.** Керамика эпохи энеолита. Сосуды

Ил. 8. **Поселение Большая Умытья 57.** Керамика эпохи энеолита. Тарелки

с воротничком. Три ёмкости эпохи энеолита, обнаруженные на поселении, — тарелки (ил. 8).

Сорок восемь ёмкостей с внутренней стороны орнаментированы: наклонными оттисками гребенчатого штампа, наклонными оттисками и ямками, вертикальными отрезками, вертикальным и горизонтальным зигзагом.

Преобладает (29 сосудов) округлый срез с волнистой поверхностью, созданной вдавлениями или наклонно расположенными оттисками штампа. Другие варианты среза: заострённый — 19 сосудов, плоский — 4 сосуда, прямой — 17 сосудов.

Средняя толщина венчиков сосудов составляет 0,9—1,1 см, у некоторых она достигает 1,3—1,5 см, у других — не превышает 0,4—0,7 см.

Толщина стенок и придонных частей в основном — 0,5—0,6 см, максимальная — 0,7—0,8 см, минимальная — 0,4 см.

Немногочисленные днища в основном имеют толщину 0,7—0,8 см, некоторые — 0,4—0,5 см или 0,8—0,9 см.

Поверхность сосудов выровнена и заглажена, в 17 случаях она местами залощена, на некоторых — шероховатая и трещиноватая. На внутренней и, в меньшей степени, внешней стороне 46 ёмкостей фиксируются следы её обработки шпателем, в 10 случаях — насечки. На 6 сосудах видны углубленные полосы — своеобразные желобки, возникшие, вероятно, после дополнительной обработки поверхности по подсушенной глине.

Пятна нагара наблюдаются на поверхности 42 сосудов, пригара — 41 сосуда, охры — 38 сосудов. На внутренней стороне одного экземпляра, возможно, имеются отпечатки ткани или обработка шпателем с тонко-зубчатым рабочим краем, другого — мелкие пятна зелёного цвета (медь?). В двух случаях на внутренней или внешней поверхностях сосудов видны небольшие круглые выступы в виде приплюснутых «жемчужин», на 3 сосудах — следы папиллярных линий пальцев гончара.

В формовочной массе всех ёмкостей присутствует шамот, почти всех — песок, реже отмечена охра (?) и кварцевая галька. Судя по направлению и форме изломов фрагментов, сосуды, вероятно, лепились способом кольцевого налепа. По меньшей мере, на 5 экз. отмечены следы ремонта — отверстия диаметром 0,3—1,0 см, просверленные с внешней стороны и расположенные рядом с линиями слома лент.

Шестьдесят сосудов декорированы штампованием, прокатыванием или незначительным протаскиванием гребенчатого штампа, один сосуд не орнаментирован.

При декорировании ёмкостей инструмент ставился перпендикулярно или под небольшим углом, иногда прокатывался (в основном рамчатый штамп) или протаскивался по поверхности сосуда, очень редко им имитировалась отступающе-накольчатая техника. Использовались одинарные и рамчатые (24 сосуда) штампы прямоугольной и овальной форм, в виде «гусеницы» или «жучка», в том числе с пунктирной нарезкой зубцов. Преобладал штамп средних и крупных пропорций и размеров.

Орнамент покрывал всю внешнюю поверхность ёмкостей. С наружной стороны по краю венчиков 39 сосудов нанесены отверстия (реже ямки) круглого либо овального сечения диаметром 0,2—0,5 см, образующие жемчужины на внутренней поверхности. На пяти венчиках ямки нанесены с внутренней стороны. В декоре тулова они не зафиксированы.

По особенностям композиционного узора посуда разделена на две группы.

К *первой группе* условно отнесён 31 сосуд с горизонтальным линейным декором, 6 сосудов с горизонтально расположенными геометрическими фигурами (ромбами и ромбической сеткой). Судя по композициям отдельных частей (венчикам, стенкам или придонным частям и днищам) не полностью представленных ёмкостей, к этой же группе, возможно, следует отнести ещё 8 сосудов.

На большей части сосудов (18 экз.) первой группы декор венчика и, по меньшей мере, тулова (в одном случае — и дна) составляет единую композицию. Чаще (10 ёмкостей) она представлена чередованием горизонтального треугольного зигзага и горизонтальных линий, выполненных прокатыванием штампа или составленных из вертикальных либо наклонных оттисков. На 4 сосудах декор представлен только горизонтальными линиями, выполненными в той же манере. На 3 ёмкостях венчик и тулово покрывают горизонтальные ряды и ленты, нанесённые вертикальными или наклонными оттисками штампа. Сочетание ромбической сетки и горизонтальных линий, составленных из вертикальных или наклонных оттисков штампа, зафиксировано на одном сосуде. Почти на всех венчиках присутствуют ямки.

На 10 ёмкостях этой группы композиционные основы в декоре венчика и тулова разнятся. Они, с одной стороны, повторяют комбинации, рассмотренные выше, с другой — индивидуальны за счёт сочетания разного количества горизонтальных рядов (из вертикально или наклонно расположенных оттисков штампа), треугольных зигзагов, лент, наличия или отсутствия ямок.

Внешняя поверхность сосудов с линейным орнаментом покрыта монотонно повторяющимися поясами, образованными горизонтальными рядами (как правило, составленными из вертикальных оттисков штампа), горизонтальными зигзагами, волнообразными лентами, ромбической сеткой.

Придонная часть сосудов орнаментирована горизонтальными рядами из вертикальных оттисков штампа или их сочетанием с горизонтальным треугольным зигзагом, вертикальной ёлочкой, ромбической сеткой. Днища ёмкостей декорированы концентрическими окружностями, параллельными отрезками, сходящимися рядами из наклонных оттисков штампа.

Вторая группа включает 29 сосудов с геометрическими фигурами и элементами вертикальной зональности. Композиции орнамента 6 ёмкостей близки сосудам второй группы, но, как будто, не содержат вертикальные разделительные пояса.

Орнамент на венчиках этой группы всегда индивидуален, отличается от декора тулова. В отличие от венчиков сосудов первой группы, здесь чаще используются полые и заштрихованные ромбы, заполненные треугольники, горизонтальные ленты, единично — флажки.

Тулово этих сосудов, как правило, состоит из нескольких широких горизонтальных поясов, заполненных вертикально расположенными геометрическими фигурами: разно заштрихованными прямоугольниками (трапециями?), лесенками, треугольниками, отделёнными друг от друга вертикальными треугольными зигзагами или вертикальными рядами из наклонных и горизонтальных оттисков штампа, вертикальных линий, составленных из прокатанных оттисков. От следующего пояса они, как правило, отделены горизонтальным треугольным зигзагом или горизонтальным рядом из наклонных либо вертикальных оттисков штампа. Композиции узора на таких сосудах обычно индивидуальны.

Придонная часть ёмкостей этой группы орнаментирована горизонтальными рядами из вертикальных оттисков штампа или их сочетанием с горизонтальными треугольными зигзагами либо заштрихованными ромбами (реже — волнообразными лентами).

Днища ёмкостей декорированы концентрическими окружностями, параллельными отрезками, сходящимися рядами из наклонных оттисков штампа, либо разделены крестообразными фигурами на четыре разно заштрихованных сектора.

Сосуды эпохи энеолита, обнаруженные на поселении Большая Умытья 57, безусловно, составляют один комплекс. Он находит ряд сходных

черт с керамикой еныйского культурного типа бассейна Верхней Конды Севера Западной Сибири[15] и керамикой памятников типа Макуша III, выявленных на территории Среднего Зауралья[16].

Кусок обожжённой глины. ***Сооружение 2 энеолитического времени.*** Найден в нижнем заполнении котлована, размеры 32х20х12 мм.

Каменный инвентарь. В нижнем заполнении котлована сооружения 2 было найдено 379 каменных предметов. Основную их часть составляют заготовки и отходы производства: гальки целые (37 экз.) и расколотые (5 экз.), отщепы без ретуши (132 экз.), сколы со шлифованных орудий (102 экз.), пластины (2 экз.), чешуйки (3 экз.).

Орудийный комплекс составляют 72 предмета. В целом по набору он выглядит достаточно однородным, за исключением трёх шлифованных ножей, которые могут быть связаны с неолитическим комплексом памятника.

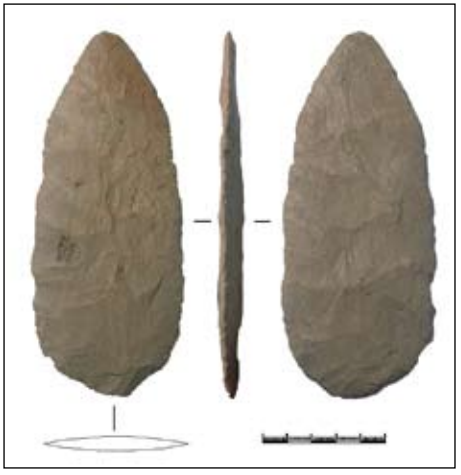
Отщепы с краевой ретушью — 4 экз. Представлены мелкими сколами кремня (2 экз.) и сколами со шлифованных орудий (2 экз.). На кремнистых отщепах ретушь — краевая крутая и пологая со спинки на небольшом отрезке. Отщепы со шлифованных орудий сегментовидные. Их размеры 27х12х4 мм и 23х11х4 мм. Нерегулярная ретушь утилизации прилегает к одному из углов, образованных стороной и нижним краем заготовки. Не исключается их применение в качестве острий.

Скребки на отщепах — 2 экз. Относятся к типу концевых. Один размерами 25х18х5 мм изготовлен из кварцевого скола, второй размерами 17х5х4 мм — из кремнистого скола. Форма лезвий инструментов округлая, они выделены крутой ретушью со спинки.

Острия — 3 экз. Изготовлены на мелких отщепах. Использовались в качестве сверл небольшого диаметра — до 2 мм. Рабочий край выделяется по интенсивной сработанности, округлившей жало инструмента.

Пилы — 3 экз. Два изделия представлены фрагментами плиток. Участки лезвия фиксируются по продольному краю, в поперечном разрезе лезвийная кромка подтреугольная. Третий инструмент выполнен из отщепа, его размеры 15х23х3 мм. Рабочим краем служила нижняя кромка заготовки, её профиль также подтреугольный.

Наконечник копья или дротика (ил. 9). Выполнен из светло-серого кварцита в бифасильной технике уплощающими встречными сколами. Размеры предмета — 148х60х6 мм. В плане изделие листовидное. С округлого торца выделен короткий (до 5 мм) подпрямоугольный насад. По краю кромка обработана краевой уплощающей ретушью. На Севере Западной Сибири это первое целое изделие, ранее в энеолитических



Ил. 9. **Поселение Большая Умытья 57.** Наконечник копья или дротика эпохи энеолита

комплексах встречены только фрагменты крупных бифасиальных острий[17].

Тёсла — 4 экз. Два представлены фрагментами лезвийной части. Одно целое орудие — подпрямоугольное, размерами 43х16х8 мм, с трапециевидным поперечным сечением; второе — размерами 50х28х16 мм, подтрапециевидное в плане и шестигранное в поперечном сечении. Оба изготовлены из серо-зелёной сланцевой породы в абразивной технике.

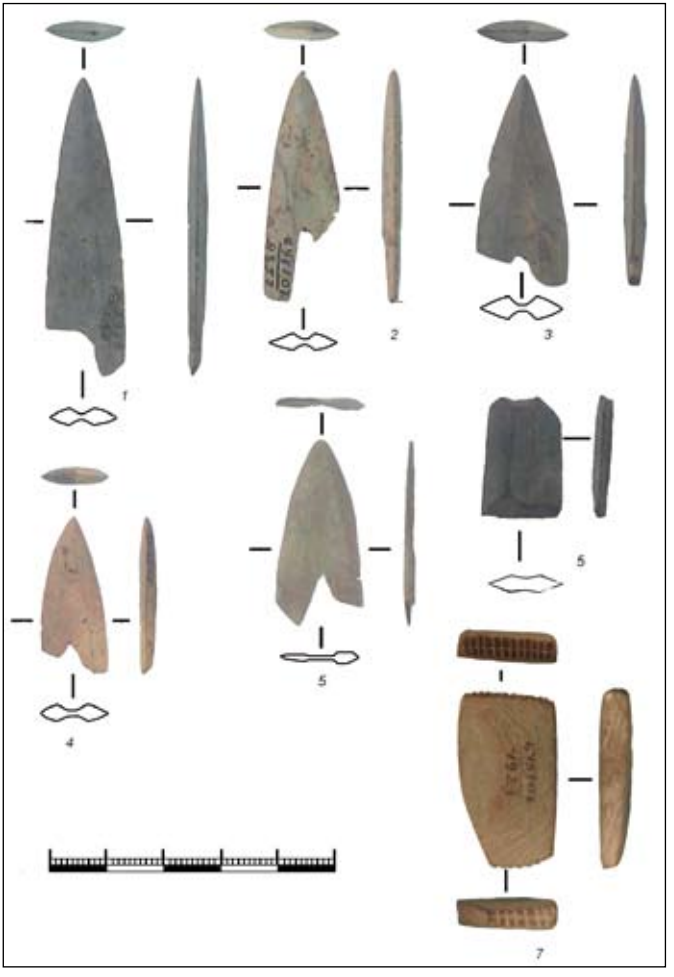
Наконечники стрел шлифованные с жальцами и продольными желобками — 13 экз. (ил. 10—*1—6*). Десять наконечников представлены фрагментами разных участков тела, только три относительно целые. Их размеры — 28х12х3 мм, 33х12х3 мм, 40х12х3 мм.

Абразивные инструменты — 32 экз. В основном это небольшие плитки и оселки подпрямоугольной или подчетырёхугольной в плане форм. Целых предметов из этой группы всего 8 экз. Их размеры варьируют от 34х12х3 до 86х32х8 мм. Износ на рабочих поверхностях продольный, кюветообразный. Лишь одно изделие представлено фрагментом точильного камня, его размеры 60х52х22 мм. Одна из плоскостей с кюветообразной рабочей поверхностью, вторая — выпуклая с продольным желобком по центральной оси шириной 5 мм и глубиной 2 мм. Ещё одно изделие является шлифовальной плитой из кварцитового булыжника. Она была найдена на уровне пола котлована энеолитической постройки к северу от очага. В плане плита подпрямоугольная, её размеры составляют 304х180х48 мм. Края плиты подработаны сколами и, вероятнее всего, такой же «обдиркой», снявшей галечную корку, была первоначально обработана плоскость гальки, использованная затем как рабочая зона абразива. Износ на рабочей поверхности интенсивный, в виде углубления, преимущественно по длинной оси предмета.

В эту же группу «изделий из камня» надо включить плитки (8 экз.) с абразивной обработкой периметра, которые также использовались в качестве абразивных инструментов. Выделяется одно орудие, изго-

товленное на плитке лимонита. В плане оно подтрапециевидное, его размеры 51х68х5 мм. Рабочие лезвия расположены на продольных краях заготовки и имеют в поперечном разрезе округлый и треугольный профиль. Износ кромки также продольный. Возможно, плитка использовалась для распилки заготовок.

Подвески из камня — 30 экз. (ил. 11). Найдены в нижнем заполнении и на полу энеолитической постройки. Материал: 28 экз. — красно-коричневый сланец, 1 экз. — тальк, 1 экз. — опока. Форма восстанавливается у 26 предметов: 15 экз. — овальные (близкие к

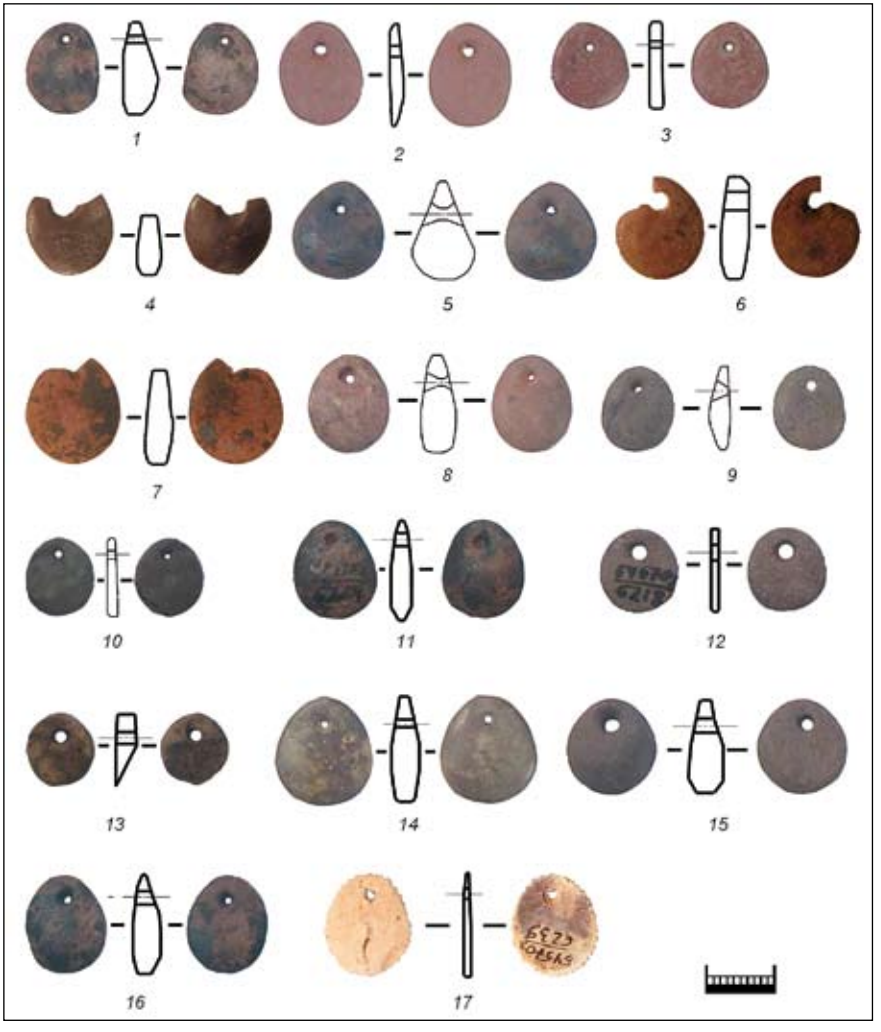


Ил. 10. **Поселение Большая Умытья 57.** Каменные наконечники стрел *(1–6)* и орнаментир *(7)* эпохи энеолита

каплевидным), 9 экз. — округлые, 1 экз. — гирьковидная. Подвеска из опоки — каплевидная с зубчатым краем по периметру, размерами 15х13х2 мм. Диаметр округлых изделий — от 8 до 12 мм. Овальные подвески сходны по параметрам с подвесками, найденными в верхнем заполнении котлована.

Подвески из кости — 4 экз. Кальцинированы. Они имели подовальную форму, край у отверстия сломан.

К энеолитическому комплексу относятся некоторые артефакты, найденные в слоях выкида и в верхнем заполнении котлована.



Ил. 11. **Поселение Большая Умытья 57.** Каменные подвески эпохи энеолита

Наконечники стрел — 9 экз. Эта группа делится на шлифованные и ретушированный наконечники.

Шлифованные, с желобком и жальцами — 8 экз., из них 3 экз. — фрагменты пера, 5 экз. — относительно целые экземпляры (у четырех сломано жальце, у двух — острие). Последние имеют размеры: 24х10х2 мм, 33х15х2 мм, 34х8х2 мм, 37х16х4 мм, 52х14х3 мм. Они изготовлены из плиток сланца серого или серо-зелёного цвета.

Ретушированный наконечник стрелы представлен изделием иволистной формы с округлым насадом и ромбическим поперечным сечением. Острие утрачено, заготовкой являлся удлиненный скол серо-коричневого кремня. Размеры предмета — 60х13х5 мм. Тело наконечника аккуратно обработано встречной отжимной ретушью с обеих плоскостей.

Штамп-орнаментир (ил. 9—*7*) представлен подтрапециевидным в плане бруском размером 31х18х6 мм. Он изготовлен из плитки серо-зелёной сланцевой породы. На торцевых противолежащих гранях заготовки поперечными пропилами выделены зубцы — соответственно 12 и 8, — затем разделенные по центру продольным пропилом. На отпечатке (негативе) получается штамп «рамчатой» формы.

Тесло шлифованное. Выполнено на крупном отщепе из серо-зелёной сланцевой породы. В плане форма инструмента подпрямоугольная, поперечное сечение трапециевидное, за счёт выделенных граней по одной плоскости. Размеры тесла 51х30х11 мм. Лезвие орудия практически полностью затуплено — многоступенчатые заломы по кромке. Обушок прямой, его край также покрыт сколами.

Ножи — 2 экз. Изготовлены из отщепов — сколов со шлифованных орудий. Их размеры — 53х25х4 и 40х20х2 мм. Морфология сколов практически не изменена. Режущий край ножей выделен краевой пришлифовкой приострённой стороны скола. По всей видимости, эти орудия относятся к энеолитической эпохе и связаны со временем функционирования сооружения 2.

Подвески из камня — 17 экз. Из слоя верхнего заполнения энеолитического котлована. Изготовлены из красно-коричневого сланца. Форма: овальная (9 экз.), округлая (7 экз.) и гирьковидная (1 экз.). Размеры овальных подвесок — от 13х10х3 до 15х13х4 мм, округлых — от 10 до 12 мм, гирьковидной — 14х13х8 мм. Плоскости и края предметов обработаны абразивной техникой. Ещё одна подвеска овальной формы была обнаружена в слоях рыхлого навала, перекрывающего впадину.

Оригинальный керамический материал в сочетании с набором каменных изделий (шлифованные наконечники стрел с продольным желобком и жаль-

цами, подвески из камня и кости, наконечник копья) ранее не был массово представлен в жилищных комплексах энеолитической эпохи Севера Западной Сибири. Основное количество наконечников стрел с жальцами и желобками, а также каменные подвески каплевидной, округлой и овальной формы происходили из материалов погребальных комплексов: погребение на р. Аять в Среднем Зауралье[18], могильник Протока в Северной Барабе[19], погребение на мезолитическом поселении Леуши XIV[20], могильник на Большом Андреевском острове в Тюменском Притоболье[21], погребение I Ясунского могильника на р. Северной Сосьве[22], могильник Старые Покачи 5.1[23] и др. Единичные наконечники стрел были найдены и на поселенческих памятниках: энеолитическое жилище Ia на городище Амня I в бассейне р. Казыма[24], поселение Сартынья I на р. Северной Сосьве[25], поселение Пашкин Бор I, смешанные культурные слои поселений Леуши III[26] и Леуши VII в Кондинской низменности, а также ряд других. Время бытования этих наконечников, на наш взгляд, установлено достаточно точно — от позднего неолита до эпохи ранней бронзы, т. е. с рубежа IV—III до нач. II тыс. до н. э. В горно-лесной части Урала шлифованные наконечники стрел с желобками и жальцами были распространены в энеолитическое время и связаны, вероятнее всего, с носителями керамики с гребенчатым геометризмом. Культурно-хронологическое положение энеолитического комплекса, изученного раскопом, в рамках эпохи требует дополнительной проработки. Из числа имеющихся радиоуглеродных дат поселения Большая Умытья 57 две вполне могут быть сопоставимы с этим комплексом — 4130±130 лет (СОАН-7641) и 4310±135 лет (СОАН-7642), но тем не менее необходима их проверка.

КОМПЛЕКС ЭПОХИ БРОНЗЫ

Объектов данной эпохи в раскопах не выявлено. Найдено всего 5 фрагментов керамики (в том числе один от венчика), минимум, от 3 сосудов. Два фрагмента залегали в заполнении ямы от вывернутого дерева, остальные под напочвенным покровом в верхних слоях элювия. Фрагменты сосудов украшены оттисками прокатанного штампа, прямым крестом и поясками ямок, сопоставимы с керамикой лозьвинской культуры. Время существования лозьвинских памятников в бассейне р. Конды определяется кон. II — нач. I тыс. до н. э.[27].

КОМПЛЕКС ЭПОХИ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Представлен 14 фрагментами (12 — от стенок, 2 — от венчика и шейки), минимум, от 2—3 сосудов. Черепки залегали в слоях рыхлого навала, который был отмечен в юго-восточных участках раскопа, а также перекрывал впадину объекта 1.

Фрагменты в основном средних размеров. Фиксируемая по ним толщина стенок сосудов составляет от 7 до 10 мм. Обработка поверхности тщательная, фиксируются пересекающиеся линии затирки. Тесто плотное, из примесей визуально прослеживаются шамот, дресва (или мелкая галька), а в одном случае — слюда.

Сосуды хорошо профилированы и декорированы только в верхней части — по венчику и шейке (по границе шейки и тулова нанесён поясок из ромбических ямок). Данный комплекс сопоставим с керамикой кульминского типа, время её существования в бассейне р. Конды приходится на перв. пол. I тыс. до н. э. Объектов этого времени в раскопе не зафиксировано. Возможно, что они были разрушены при планировке площадки вокруг куста № 23.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Плешкова Л.А.** Отчёт о разведочных работах в Советском районе Тюменской области в 1994 г. — Екатеринбург, 1995. — Т. I, II. — Архив ООО НАЦ «АВКом — Наследие». Без №.

[2] **Москвина Н.Н., Козин В.В.** Ландшафтное районирование Ханты-Мансийского автономного округа. — Ханты-Мансийск, 2001. — С. 9—10.

[3] **Плешкова Л.А.** Отчёт о разведочных работах в Советском районе Тюменской области в 1994 г... — С. 72, 90. Рис. 93.

[4] **Плешкова Л.А.** Отчёт о разведочных работах в Советском районе Тюменской области в 1994 г... — С. 71—74.

[5] **Цеменков А.Е.** Отчёт о НИР: Обследование состояния археологических объектов в зоне хозяйственной деятельности ТПП «Урайнефтегаз» (Советский р-н, ХМАО, р. Большая Умытья). — Екатеринбург, 2004. — Архив ООО «НАЦ «АВКом — Наследие». — Без №.

[6] **Цеменков А.Е.** Отчёт о НИР: Обследование состояния археологических объектов в зоне хозяйственной деятельности ТПП «Урайнефтегаз»... — С. 13.

[7] **Цеменков А.Е.** Отчёт о НИР: Обследование состояния археологических объектов в зоне хозяйственной деятельности ТПП «Урайнефтегаз»... — С. 13—14.

[8] **Цеменков А.Е.** Отчёт о НИР: Обследование состояния археологических объектов в зоне хозяйственной деятельности ТПП «Урайнефтегаз»... — С. 14.

[9] **Погодин А.А.** Аварийные раскопки поселения Большая Умытья 57 в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2007 г.: В 1 кн., в 4 ч. — Екатеринбург, 2008.

[10] **Погодин А.А.** Аварийные раскопки поселения Большая Умытья 57 (раскоп 2) в Советском районе Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2008 г.: В 1 кн., в 2 ч. — Екатеринбург, 2009.

[11] **Васильев Е.А.** Поздний неолит Нижнего Приобья // Тез. докл. Всесоюзной конф. (Суздаль, 1987). — М., 1987. — С. 59—60; Васильев Е.А. Раскопки неолитического поселения Чэс-Тый-Яг на Приполярном Урале // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск, 2004. — Вып. 2. — С. 299.

[12] **Тимофеев В.И., Зайцева Г.И.** Список радиоуглеродных датировок неолита // Археология. Неолит Северной Евразии. — М., 1996. — С. 343.

[13] **Косинцев П.А., Бобковская Н.Е., Беспрозванный Е.М.** Радиоуглеродная хронология памятников таёжной зоны Западной Сибири // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск, 2004. — Вып. 2. — С. 27.

[14] **Крижевская Л.Я, Гаджиева Е.А.** Неолитическое поселение Сумпанья VI и его место в неолите Восточного Зауралья // Неолитические памятники Урала: Сб. науч. тр. — Свердловск, 1991. — С. 99.

[15] **Стефанов В.И., Косинская Л.Л., Погодин А.А., Дубовцева Е.Н., Беспрозванный Е.М.** Поселение Еныя 12 (к вопросу о культурно-хронологической стратиграфии неолита-энеолита верховьев Конды) // Археология Урала и Западной Сибири. — Екатеринбург, 2005. — С. 65—70.

[16] **Чаиркина Н.М.** Энеолит Среднего Зауралья. — Екатеринбург, 2005. — С. 165—176.

[17] **Стефанов В.И., Кокшаров С.Ф.** Северное Зауралье накануне бронзового века // Сов. археология. М., 1990. — № 3. — С. 44—63; Стефанов В.И., Косинская Л.Л., Погодин А.А., Дубовцева Е.Н., Беспрозванный Е.М. Поселение Еныя 12... — С. 78, 80. Рис. 18—26.

[18] **Берс Е.М.** Поздненеолитическое погребение на р. Аять в Среднем Зауралье // Сов. археология. — М., 1976. — № 4. — С. 199.

[19] **Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балуева Т.С.** Неолитические могильники Северной Барабы. — Новосибирск, 1989.

[20] **Беспрозванный Е.М., Старостина Е.Е.** Погребение в Нижнем Прииртышье // Проблемы урало-сибирской археологии. — Свердловск, 1986. — С.33—38.

[21] **Зах В.А., Зотова С.В., Панфилов А.Н.** Древние могильники на Андреевском озере близ Тюмени // Древние погребения Обь-Иртышья. — Омск, 1991.

[22] **Васильев Е.А.** Погребальные комплексы Ясунского озера // Мат-лы и исслед. культурно-исторических проблем народов Сибири. — Томск, 1996. — С. 36—39. Рис. 1—*3—6, 9*.

[23] **Носкова Л.В., Карачаров К.Г.** Энеолитический могильник Старые Покачи 5.1 на реке Аган // Барсова Гора: древности таежного Приобья. — Екатеринбург; Сургут, 2008. — С. 148—169.

[24] **Стефанов В.И., Морозов В.М.** Энеолитический памятник в бассейне р. Казыма // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья.— Сыктывкар, 1992. — С. 58, 87. Рис. 5—*2*.

[25] **Васильев Е.А.** Хронология и культурная принадлежность памятников эпохи раннего металла в бассейне Северной Сосьвы // Этнокультурные процессы в Западной Сибири.— Томск, 1983. — С. 56. Рис. 8—*3*.

[26] **Погодин А.А.** Охранные археологические раскопки мезолитического поселения Леуши III в Кондинском районе. Т. II // Отчет об археологических исследованиях в Сургутском и Кондинском районах ХМАО в 1995.— Екатеринбург, 1995.

[27] **Кокшаров С.Ф.** Хронология памятников бронзового века р. Конды // Вопросы археологии Урала. — Екатеринбург, 1991. — С. 98—99.

Археологические исследования восточного склона Северного Урала (предварительные итоги)*

С.Е. Чаиркин
г. Екатеринбург
ОГУК «Научно-производственный центр
по охране и использованию памятников
истории и культуры Свердловской области»
Н.М. Чаиркина
г. Екатеринбург
Институт истории и археологии Уральского
отделения Российской академии наук
Б.А. Шакаев
г. Екатеринбург
ОГУК «Научно-производственный центр
по охране и использованию памятников
истории и культуры Свердловской области»

Интерес к археологическим памятникам восточного склона Уральского хребта возник еще в кон. XVIII в. (И.И. Лепёхин, П.С. Паллас, И.-Г. Георги). В 1920–1930-х гг. В.Н. Чернецов при проведении этнографических изысканий обследовал несколько пещер восточного склона Северного Урала. В 1960–1980-х гг. В.Т. Петрин, В.Н. Широков и С.Г. Пархимович провели раскопки ряда пещерных и поселенческих памятников.

Тем не менее, несмотря на более чем двухсотлетнюю историю исследования региона, его изученность остаётся очень низкой. Детальные археологические разведки здесь никогда не проводились; как правило, велись только специализированные исследования (поиск) определённого типа памятников (чаще всего пещерных стоянок и святилищ). Такими разведками обследованы лишь небольшие участки огромного региона. Раскопами было изучено лишь несколько памятников – прежде всего святилищ. Труднодоступность района, неразработанность специальных

* Данная статья представляет собою публикацию доклада, сделанного на науч.-практ. конф. «Проблемы сохранения и использования культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», проведённой Учреждением ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия» в г. Ханты-Мансийске 24–28 ноября 2008 г.

методик поиска археологических памятников в горно-лесной местности и, как следствие, безрезультатность редких разведок привели археологов к устойчивому мнению об очень невысокой перспективности территории приосевой части Уральского хребта, прежде всего, для поиска долговременных стоянок и поселений. Небольшие по масштабам работы последних лет, проведённые нами, позволяют поставить этот тезис под сомнение.

С 1997 г. специалисты ОГУК «Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области», Уральского госуниверситета, Ин-та истории и археологии УрО РАН и Ин-та экологии растений и животных УрО РАН ведут планомерные комплексные археолого-палеонтологические исследования на территории, находящейся на одной широте с западными (Берёзовский, Советский, Кондинский) районами ХМАО — Югры. В административном отношении территория наших работ входит в состав западной части Северного управленческого округа Свердловской обл.; в гидрографическом — это бассейн р. Тавды (верховья рек Лозьвы, Сосьвы и их притоков); в физико-географическом — восточный склон Северного Урала (Уральская горно-равнинная страна, западная часть Северо-Сосьвинской возвышенности и Тавдинско-Пелымской низменности, входящих в состав Западно-Сибирской низменности), подзоны северной и средней тайги, примерно от 59° до 62° с. ш. и от 59° до 61° в. д.

В настоящее время исследования в этом регионе проводят Ю.Б. Сериков (Гаринское местонахождение плейстоценовой фауны и его окрестности), С.Н. Панина (Усть-Вагильский холм). Стационарные раскопки разрушающегося археологического памятника (поселение Нижнее Озеро III) проводились в 2005—2006 гг. совместной экспедицией Ин-та истории и археологии УрО РАН и ОГУК «Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области». В 2007—2008 гг. в ходе проведения натурных историко-культурных экспертиз сотрудниками ОГУК «Научно-производственный центр по охране и использованию памятников истории и культуры Свердловской области» было выявлено более 25 новых археологических объектов. В 2008 г. сотрудники Тюменского госуниверситета провели разведку на территории МО «Город Ивдель» по трассе проектируемой железной дороги Полуночное — Обская — Салехард, вновь было выявлено 15 объектов культурного наследия.

Сейчас на рассматриваемой территории выявлено уже около 100 археологических, археолого-палеонтологических и палеонтологических объектов, стационарными раскопками исследовано лишь 13 археологических и 2 палеонтологических объекта.

В функционально-типологическом отношении памятники можно разделить на следующие группы:

- святилища во входовых гротах пещер (5 объектов; мезолит — XIX в.);
- оригинальные (погребальные? культовые?) комплексы, локализованные во внутренних афотичных пещерных гротах (2 объекта; энеолит);
- святилища и места металлургического и/или металлообрабатывающего производств на вершинах прибрежных скал (8 объектов; неолит — железный век);
- стоянки в гротах и пещерах (9 объектов; верхний палеолит — железный век);
- культовые искусственные сооружения — «холмы» (1 объект; неолит — возможно, энеолит);
- речные береговые поселения и кратковременные стоянки (4 объекта; неолит — энеолит);
- озёрные береговые долговременные поселения и кратковременные стоянки (33 объекта; неолит — железный век).

Археологические материалы в **культовых пещерных комплексах** мезолита — бронзового века представлены, главным образом, наконечниками стрел и их обломками. Вещевой набор артефактов железного века включает, помимо немногочисленных наконечников стрел, украшения и элементы костюма, фрагменты изделий из металла, монеты. На мансийскую принадлежность средневековых пещерных святилищ ясно указывают все литературные и этнографические источники.

Культ пещер и гор (скал), по археологическим источникам исследуемого региона, фиксируется с эпохи мезолита — неолита. Широко представленные материалы раннего железного века и Средневековья свидетельствуют, на наш взгляд, либо о значительной роли в мансийском этногенезе уральских племен, либо о восприятии манси этой традиции от уральских аборигенов. Например, Бурмантовское 2 святилище на вершине горы до сих пор посещается лозьвинскими манси.

Погребения (?). В пещере Жилище Сокола (р. Каква) и в Бурмантовском гроте (верховья р. Лозьвы) в шурфах, расположенных в тёмных удалённых от входа частях пещер, в приповерхностных слоях обнаружены очень близкие по составу комплексы, содержащие костяные каплевидные подвески, кремневые и шлифованные наконечники стрел, подвески из костей и зубов животных, костяные украшения.

Специфический состав находок, отсутствие керамики и топография расположения таких объектов находят аналогии в материалах погребальных комплексов эпох неолита — энеолита Среднего и Южного Зауралья, что позволяет предположить их специфически-сакральную и, возможно (даже при отсутствии антропогенных фаунистических остатков), погребальную направленность.

Стоянки в гротах и пещерах исследованы по большей части разведочными шурфами или небольшими раскопами либо при изучении пещерных святилищ более позднего времени. Как правило, это кратковременные стоянки небольшой группы древних охотников и рыболовов, использовавших светлые и сухие гроты для временного убежища. Исключение составляет нео-энеолитический слой в пещере Жилище Сокола — мощный, насыщенный артефактами и фаунистическими остатками. Преобладание в орудийном наборе скребков (свыше 65 %) позволяет предположить, что здесь производилась разделка туш, обработка и выделка шкур[1].

Искусственное (культовое?) сооружение — холм — Костюр 1. Находится в окрестностях с. Андрюшино Гаринского р-на. Исследовано разведкой Б.А. Шакаева. Холм, расположенный в пойме р. Анеп (приток р. Тавды), на юго-западном берегу небольшого пойменного оз. Костюр, представляет собой конусообразную насыпь диаметром около 60 м и высотой 4 м. Судя по материалу, собранному в многочисленных неглубоких грабительских ямах, памятник оставлен в эпоху неолита (кошкинский, сатыгинский типы керамики), возможно энеолита.

Речные береговые поселения и кратковременные стоянки. Их исследование только начинается. На трёх из четырёх открытых нами объектах шурфовкой выявлены остатки сооружений эпох мезолита — бронзового века.

Озёрные береговые долговременные поселения и кратковременные стоянки. Системы проточных озёр Северного Зауралья в древности, особенно в эпохи неолита — энеолита, вероятно, были хорошо освоены и плотно заселены: на оз. Нижнем обнаружено 15, оз. Верхнем — 13, оз. Троицком — 9 археологических памятников. Почти на половине из них фиксируются хорошо вычленяемые в рельефе остатки сооружений — впадины округлой или овальной форм, сегментовидного профиля, глубиной до 1,4 м, диаметром 4,5—12,0 м. Они, как правило, располагаются на невысоких (до 2—3 м) участках берегов водоёмов, рядом с зеркалом озера или краем его заболоченной котловины. Не исключена вероятность выявления культурных остатков и на заторфо-

ванных участках, прилегающих к территории береговых памятников. Нестандартным является местонахождение энеолитического поселения (культового памятника?) Нижнее Озеро Va, расположенного на значительном удалении (около 300 м) от края берега, на вершине высокого увала (до 20 м от уреза воды).

Поселение Нижнее Озеро III расположено на территории МО «Североуральский городской округ», на западном берегу оз. Нижнее; 1,5 км юго-восточнее с. Всеволодоблагодатское, в 38 км к востоку от Главного Уральского хребта. Исследовано 235 кв. м разрушающейся площади памятника (ил. 1). Поселение многослойное, присутствуют культурные слои эпохи неолита – Нового времени (VI тыс. до н. э. – XVIII–XIX вв.). На памятнике обнаружено более 43 тыс. ед. находок – изделий из камня, глины, кости, металла.

С эпохой неолита связаны остатки трёх котлованов построек (№ 1–3). Сооружения № 2 и 3, к сожалению, в значительной степени разрушены. Постройка 1 почти полностью зафиксирована по дну котлована (ил. 2). Жилища были сооружены на наклонной поверхности, врезаны в склон береговой террасы. Все котлованы прямоугольной формы, ориентированы по линии север–северо-запад – юг–юго-восток, у построек № 1, 3 они были углублены на 1,0–1,1 м, с учётом глубины некоторых ям – на 1,3–1,4 м. Котлован сооружения 2 был углублен на 0,6–0,7 м, с учётом глубины некоторых ям – на 0,9 м.

На дне котлована постройки № 2 зафиксированы канавки и отдельные неглубокие ямки, очаг не обнаружен. Получены некалиброванные радиоуглеродные даты: по углю из заполнения – 5520±125 лет (СОАН-6198), со дна сооружения – 7120±140 лет (СОАН-6199).

На дне постройки № 3, почти в центре котлована была обнаружена, вероятно, очажная яма прямоугольной формы с закруглёнными углами. По периметру, стенкам и дну она была выложена камнями (ил. 3). В её заполнении фиксировалась тонкая прокалённая прослойка, угли, мелкие кальцинированные кости, отщепы, чешуйки и пластины, мелкие кусочки обожжённой глины. По углю из заполнения и со дна постройки № 3 получены некалиброванные радиоуглеродные даты – 7500±145 лет (СОАН-6200), 7695±170 лет (СОАН-6201), 7680±110 лет (СОАН-6202), 7735±90 лет (СОАН-6203).

На дне постройки № 1 была обнаружена очажная яма, по конструктивным особенностям и характеру заполнения аналогичная яме сооружения № 3. Она достигала размеров 0,6x1,0 м, глубины – 0,25 м. По углю из заполнения и со дна постройки № 1 получены некалиброванные радиоугле-

Ил. 1. **Поселение Нижнее Озеро III.** Памятник и раскоп. Сн. с юга (с озера)

Ил. 2. **Поселение Нижнее Озеро III.** Сооружение № 1. Котлован. Сн. с юга

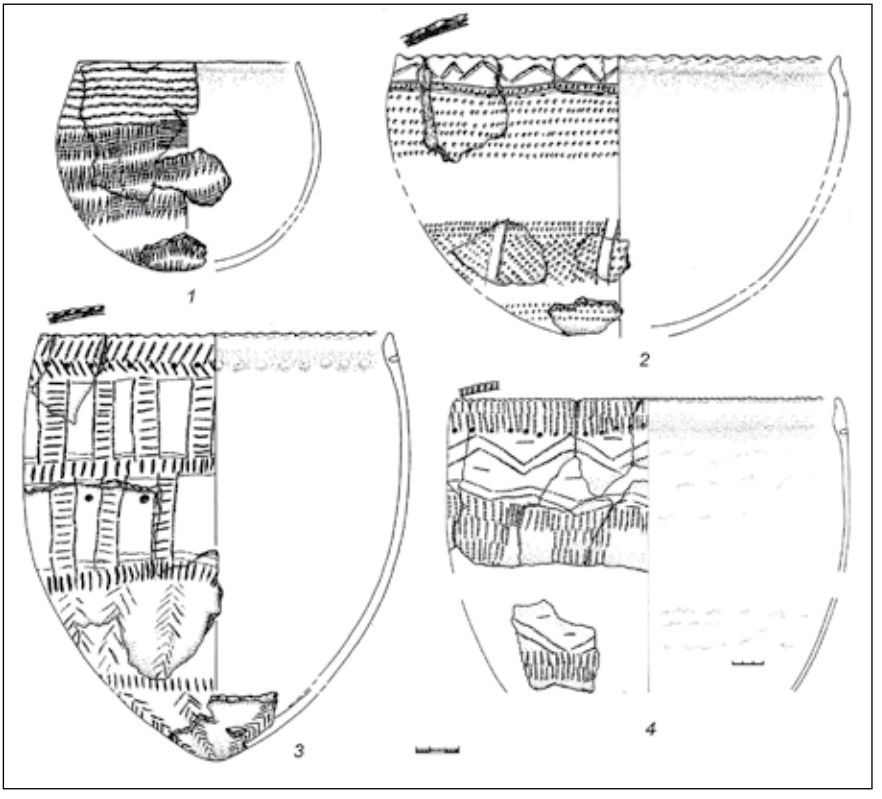
Ил. 3. **Поселение Нижнее Озеро III.** Сооружение № 3. Разборка очажной ямы. Сн. с юга

родные даты – 4580±145 лет (СОАН-6947), 4680±100 лет (СОАН-6946), 5495±125 лет (СОАН-6945), 6645±140 лет (СОАН-6944).

В качестве сырья для изготовления каменных орудий использовались качественные местные изотропные породы – кремень, яшма. Отмечено сочетание пластинчатой и отщеповой техники расщепления. Большая часть каменных предметов представлена отходами производства – отщепами, чешуйками и осколками. Орудийный набор типичен для долговременных поселенческих комплексов: скребки, ножи, тёсла, рубящие орудия, наконечники стрел, проколки и провёртки.

На дне котлованов построек № 1–3 зафиксирована только керамика эпохи неолита *сумпаньинского* (ил. 4 – *1*), *сатыгинского* (ил. 4 – *2*) и *кошкинского(?)* (ил. 5 – *1, 2*) типов.

Несмотря на различия в форме сосудов, композиционном построении орнамента и технике его нанесения, керамика эпохи неолита составляет, на наш взгляд, единый комплекс. Это подтверждают стратиграфические условия их залегания на дне котлованов построек, а также серия радиоуглеродных дат, полученных по углю и керамическим фрагментам.



Ил. 4. **Поселение Нижнее Озеро III.** Керамика эпохи неолита *(1 –сумпаньинский тип, 2 – сатыгинский тип);* эпохи энеолита *(3), эпохи бронзы (4)*

На поселении Нижнее Озеро III найдено не менее 150 сосудов эпохи энеолита (ил. 4 – *3*), которые, по некоторым признакам (наличие ладьевидных форм, состав примесей в глине, композиция орнамента, использование «арочных» гребенчатых и гладких штампов, «скобок»), близки керамике *атымьинского* и *волвончинского* типа.

Комплекс «финальной» бронзы включает две группы керамики: лозьвинскую и атлымскую. Ранний железный век тоже представлен двумя группами керамики – первой (*гамаюнская, иткульская и кульминская*) и второй его половины (*синдейский и кашинский* типы). Поздний железный век маркируется керамикой *карымского* (IV–V вв.) и *зеленогорского* (VI–VII вв.) типов (ил. 5 – *3–7*).

Коллекция вещей включает 33 предмета. Среди одиннадцати изделий из бронзы надо отметить зооморфную (лось – сер. I тыс.), орнитоморфную (орел? – III–IV вв.) и антропоморфную (сер. I тыс.)

Ил. 5. **Поселение Нижнее Озеро III.** Керамика эпохи неолита *(1, 2 – кошкинский тип);* железного века *(3 – кашинский тип, 4 – зеленогорский тип, 5 – молчановский тип, 6 – иткульский тип, 7 – гамаюнский тип)*

литые фигурки. Из железа изготовлено 12 изделий (наконечники стрел, топоры, тёсла, ножи), из глины — 3 экз., из пасты — 2 экз. Безусловный интерес вызывает уникальная для Урала находка — биметаллический игральный жетон со швейцарских курортов перв. пол. XIX в.[2] (ил. 6 — 5).

Материалы поселенческих и культовых (холмы) памятников Северного Зауралья находят большее количество аналогий в комплексах Севера Западной Сибири[3], чем Среднего Зауралья. Вероятно, по меньшей мере, с эпохи неолита (VI тыс. до н. э.) население этого района и верхнего течения р. Конды входило в единый круг культур, в

Ил. 6. **Поселение Нижнее Озеро III.** Изделия из металла и пасты. *1 – накладка, 2 – подвеска, 3 – зооморфное изображение (лось), 4 – антропоморфное изображение, 5 – игральный жетон, 6 – орнитоморфное изображение, 7 – бусина (1–6 – металл, 7 – паста)*

одну культурно-историческую общность с близким комплексом социомировоззренческих представлений и хозяйственного уклада.

Продолжение и интенсификация исследований на территории Северного управленческого округа Свердловской обл. позволят реконструировать культурно-историческую динамику, хозяйственно-бытовую деятельность, культово-обрядовую практику древнего населения восточного склона Северного Урала; воссоздать природно-климатическую обстановку в этом регионе в позднем плейстоцене — голоцене. Это же даст возможность более обоснованно проводить детальное сравнение северозауральских комплексов с материалами, значительно лучше изученных территорий — Среднего Зауралья и Кондинской низменности. С большой степенью вероятности, на наш взгляд, можно

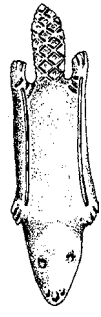
прогнозировать открытие на территории западной (предгорной) части Берёзовского района ХМАО — Югры новых археологических памятников, возможно, близких северозауральским.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Чаиркин С.Е.** Пещеры Урала (общий обзор) // Культовые памятники горно-лесного Урала. — Екатеринбург: УрО РАН, 2004. — С. 24—31.

[2] Определение А.Г. Нестерова.

[3] **Ковалёва В.Т., Устинова Е.А., Хлобыстин Л.П.** Неолитическое поселение Сумпанья IV в бассейне Конды // Древние поселения Урала и Западной Сибири. — Свердловск: УрГУ, 1984. — С. 34—40; **Крижевская Л.Я., Гаджиева Е.А.** Неолитическое поселение Сумпанья VI и его место в неолите Восточного Зауралья // Неолитические памятники Урала. — Свердловск: УрО АН СССР 1991. — С. 82—89, 97—99; **Хлобыстин Л.П.** Сатыгинский тип керамики Западной Сибири // Ad Polus. — СПб, 1993. — С. 29—35



Некоторые итоги и перспективы исследования торфяниково-сапропелевых отложений верхнего течения р. Конды*

Н.М. Чаиркина
г. Екатеринбург
Институт истории и археологии Уральского отделения
Российской академии наук

Археологические памятники, расположенные в торфяно-сапропелевых отложениях, — особый тип источников, своеобразие которых состоит в способности торфа и сапропеля консервировать органические остатки, не сохраняющиеся в минеральных почвах. На территории России и Восточной Европы известно небольшое количество подобных объектов, локализующихся в основном на европейской равнине и в Среднем Зауралье. Методика поиска новых памятников на уральских торфяниках неплохо разработана. Она осуществляется с помощью почвенно-стратиграфического зондажа, шурфовки, с использованием карт торфяно-сапропелевых отложений; возможно, перспективно применение радаров и аэрофотоснимков. Для территории Среднего Зауралья, в целом, определена и природно-климатическая специфика разных периодов голоцена, когда складывались более или менее благоприятные условия для консервации культурных слоёв памятников и изделий из органики.

На торфяниковых объектах Зауралья обнаружены антропоморфные и зооморфные скульптуры, посуда, средства передвижения, орудия охоты, рыболовства и собирательства, детали культовых и промысловых построек, выполненных из органических материалов. Они созвучны предметам, используемым в материальной и духовной практике корен-

* Работы осуществлялись в рамках выполнения научно-исследовательской программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», по проекту «Палеоландшафт и модели хозяйственной адаптации древнего населения Зауралья и Севера Западной Сибири (по материалам поселенческих и торфяниковых памятников)». Данная статья представляет собою публикацию доклада, сделанного на науч.-практ. конф. «Проблемы сохранения и использования культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры», проведённой Учреждением ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия» в г. Ханты-Мансийске 24—28 ноября 2008 г.

ного населения Северной Евразии. Помимо этого, торфяно-болотные массивы содержат достаточно полные и мощные разрезы осадконакопления эпохи голоцена, позволяют с большей степенью надёжности использовать радиокарбонный, палинологический и иные методы в палеогеографических реконструкциях. Эти обстоятельства ставят их в разряд уникальных исторических источников для реконструкции палеосреды, быта, мировосприятия, культурно-исторической динамики народов Северной Евразии.

Территория ХМАО — Югры, — пожалуй, самый сильно заторфованный район мира, болотные ресурсы которого, безусловно, использовались в древности. Поиски археологических торфяниковых памятников на этой территории до недавнего времени не проводились, однако их отсутствие здесь предположить сложно. Степень же археологической исследованности региона — большое количество раскопанных береговых памятников (стоянки и поселения), — напротив, очень высока. Эти материалы в комплексе с данными торфяниковых памятников могут стать комплексным источником с большим научным потенциалом по реконструкции палеосреды и палеосоциума.

Эпизодические обследования торфомассивов бассейна р. Большая Умытья (Советский р-н ХМАО — Югры, Даниловское нефтяное месторождение ОАО «ЛУКойл — Западная Сибирь ТПП «Урайнефтегаз») были начаты нами в 2004 г., продолжены в 2008 г. Финансовое, техническое и информационное обеспечение работ осуществлено ООО «НАЦ «АВКом — Наследие».

Исследования проводились в верховьях бассейна р. Большая Умытья (левого притока р. Конды, впадающей слева в р. Обь), на р. Малый Ах, Олымья, оз. Поптур, в бассейне р. Конды (р-н Сулеймановых островов). Для поиска и исследования торфяниковых памятников ХМАО — Югры, в том числе заболоченных территорий, отводимых под хозяйственное освоение в процессе проведения историко-культурной экспертизы, использована методика, применявшаяся на территории Среднего Зауралья и адаптированная к местной специфике. Она включала изучение архивных материалов (научных отчётов), осмотр поверхности торфяника и минеральных берегов, изучение (зондаж разведочным ручным буром) стратиграфии торфяных и сапропелевых отложений, прилегающих к памятникам.

Направления, а также количество зондировочных линий и скважин зависели от конкретной топографической ситуации расположения па-

мятника с учётом времени его функционирования, наличия и локализации объектов. Составлялись профили заболоченных участков выхода к открытой воде, прилегающих заливов, площадок под объектами. Почвенный зондаж, который во всех случаях предшествовал археологической шурфовке, проводился в заболоченных, пойменных частях 38 объектов археологического наследия:

Ил. 1. **Поселение Большая Умытья 69.** Зондирование торфяно-сапропелевых отложений. Сн. с севера

- 31 приречного памятника: Большая Умытья с цифровыми индексами 9, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 69 (ил. 1), 72, 74; Вершина; Олымья с цифровыми индексами 1, 3, 4; Неушья с цифровыми индексами 1, 2, 3, 4; Неушья (укреплённое жилище); Малый Ах с цифровыми индексами 2, 3; Сулеймановы Острова с цифровыми индексами от 1 до 10);
- 7 приозёрных поселений: Поптур с цифровыми индексами 2, 3, 6; 4 профиля в окрестностях оз. Арантур.

В процессе зондирования послойно определялись глубина торфяной и сапропелевой залежи, характер грунта минерального дна; выстраивались стратиграфические профили. Мощность отложений составляла 10—550 см (наибольшая — на поселении Большая Умытья 69, Сулеймановы Острова 10). Вдоль кромки коренного минерального берега (он определялся по визуально и инструментально фиксируемому понижению рельефа и по границе беломошника и багульника) на всех поселениях (за исключением мест, вплотную подходящих к открытой воде) отмечена менее (5—7 м) или более (10—35—40 м) широкая заторфованная зона. На этих участках зафиксирована следующая стратиграфия: торф — мощностью 3—20 см; песок — наблюдаемой мощностью 3—12 см. Судя по мощности слоёв, можно предположить относительно молодой возраст торфяных отложений и, следовательно, сравнительно недавнее здесь начало процессов заторфовывания.

Визуально эти участки воспринимаются как заболоченная пойма и чаще всего не включаются в границы памятника или его охранной зоны. Однако, по существу, это — продолжение суходольных грив, перекрытых несколькими сантиметрами торфа. В момент функционирования памятников они являлись песчаной полосой между водоёмом и берегом, по которой осуществлялся выход к открытой воде и где следует ожидать обнаружения культурного слоя и находок. Обнаружение здесь предметов из органики (возможно, за исключением материалов Средневековья и Нового времени) маловероятно: слишком велик временной разрыв между моментом археологизации артефактов и началом процессов заторфовывания, быстрая консервация слоя не происходила.

Отмеченные факты предполагают необходимость включения этих участков (до кромки древнего водоёма) в границы археологических объектов или их охранных зон.

Край древнего водоёма фиксируется по резкому возрастанию в стратиграфической колонке мощности торфа и появлению торфянистого сапропеля или сапропеля, толщина которого на разных памятниках варьирует от 2 до 185 см. Она увеличивается по мере удаления скважины от минерального берега. Максимальная мощность сапропеля — до 185 см — зафиксирована в заболоченной части поселений Большая Умытья 69, Ах 2, Сулеймановы Острова 10. Это явно не предел, в центральных частях заболоченных низин она, вероятно, ещё больше (но его зондирование имеющимся буром затруднено). Сапропель — озёрный ил, наличие которого свидетельствует о функционировании в пойменной части современных речных водоёмов (р. Большая Умытья, Малый Ах, исследованная часть Кондинского бассейна), озёр. Причём озёр, не только периодически возникающих и функционирующих в какой-то промежуток времени (в этом случае сапропелевые отложения не монолитны и чередуются с глинистыми прослойками или включениями), но и существовавших длительный временной интервал (в разные периоды голоцена). На это указывают мощность и разная цветность сапропелевых отложений. О довольно позднем начале заболачивания и длительности существования озёрной стадии водоёмов свидетельствуют радиоуглеродные даты, полученные по образцам торфа и сапропеля с поселений Большая Умытья 9 и Большая Умытья 69. Из шурфа № 2 поселения Большая Умытья 9 с глуб. 20—30 см от поверхности по торфу получена некалиброванная дата — 635±70 лет (СОАН-7631); по торфу с сапропелем с глуб. 50—60 см от поверхности —

1315±70 лет (СОАН-7632); по сапропелю с песком с глуб. 80—90 см от поверхности — 6200±95 лет (СОАН-7633).

Из зондировочной скважины № 5, расположенной в 20 м от кромки коренного берега поселения Большая Умытья 69, отобраны образцы на спорово-пыльцевой и радиоуглеродный анализы. В верхней части стратиграфического профиля[1] фиксировался торф мощностью 235 см; ниже, до глуб. 330 см, отмечен слой торфянистого сапропеля, переходящий в сапропель (разной цветности — оливковый и тёмно-голубой) мощностью 183 см, иногда с песком или глинистыми включениями. Под ним залегала глина светло-жёлтого цвета мощностью 28 см и песок серого цвета наблюдаемой мощностью 9 см.

Из слоя торфянистого сапропеля, с глуб. 238—250 см от поверхности, получена некалиброванная дата — 3170±75 лет (СОАН-7634); из нижней части сапропелевых отложений, с глуб. 490—505 см от поверхности, — 9580±95 лет (СОАН-7635). Стратиграфия разреза и радиоуглеродные даты показывают, что, по меньшей мере, 9580±95 лет назад на месте нынешней заболоченной низины существовало озеро. Отложения торфянистого сапропеля свидетельствуют о понижении уровня воды и начале заболачивания. Судя по радиоуглеродной дате верхнего слоя торфянистого сапропеля на глуб. 238—250 см, исчезновение водной поверхности и окончательное зарастание водоёма произошло не ранее 3000 лет назад

Характер водоёмов, время их функционирования, соотношение с речной магистралью, существование которой в определённые климатические периоды бесспорно, требуют уточнения, проведения серии спорово-пыльцевых и радиоуглеродных диагностик.

Сам факт фиксации почти во всех зондировочных скважинах сапропелевых отложений ставит ряд новых вопросов, заставляет с иной точки зрения подойти к реконструкции палеосреды, системы расселения и моделей хозяйственной адаптации древних коллективов, заселявших верховье р. Конды.

Выбор месторасположения разведочных зондировочных линий, а затем и шурфов определялся следующей логикой. Моделировались различные варианты распространения культурного слоя в ныне заболоченной части поселений. Судя по материалам зауральских торфяниковых стоянок, чаще всего его шлейфы, распространяющиеся с береговой части памятника в заболоченную низину, были обращены в сторону древнего водоёма, к минеральным островам или соседним гривам, тянулись вдоль кромки коренного берега. То есть это были

своеобразные «коридоры», более или менее широкие, ведущие к открытой воде, близлежащему археологическому памятнику или суходольному участку берега. Причём чем более насыщена находками кромка минерального берега, тем большая концентрация артефактов наблюдается в заболоченной части: она, как правило, снижается по мере удаления от коренника. Эта логика распространения культурного слоя в заболоченных частях археологических памятников, безусловно, не универсальна, но, на наш взгляд, наиболее вероятна. Поэтому зондировочные линии и шурфы на исследованных памятниках располагались в месте предполагаемого выхода к древнему водоёму, в прилегающих к гриве заливах, на площадках под объектами. Шурфы располагались на разном расстоянии от кромки коренного берега: в 5—7 м (в месте предполагаемой максимальной концентрации артефактов) и на кромке древнего водоёма, фиксируемой по возрастанию мощности торфа и появлению сапропеля (в месте вероятной освоенности участка).

Шурфовке подвергнуты заторфованные части 14 археологических памятников. В семи (возможно, восьми) случаях — на поселениях Большая Умытья с цифровыми индексами 9, 57, 59, 60 (?), 61, 72; Олымья 1 и Олымья 4 — обнаружен археологический материал, залегающий или перекрытый торфяно-сапропелевыми отложениями, т.е. их в полной мере можно назвать торфяниковыми памятниками.

Ил. 2. **Поселение Большая Умытья 9.** Шурф № 1 (глуб. 40—50 см). Сн. с севера

Ил. 3. **Поселение Большая Умытья 9.** Шурф № 2 (глуб. 50—60 см). Сн. с севера

Поселение Большая Умытья 9. В *шурфе № 1* (ил. 2), на глуб. 80—90 см в торфе найдены, возможно, обломки ручки изделия и рейки, заострённой с одной стороны; на глуб. 100—110 см в сапропеле — расщепленная дощечка шириной около 10 см (ил. 6 — *1, 3*). В *шурфе № 2* (ил. 3) зафиксирована следующая стратиграфия: слабо разложившийся торф тёмно-коричневого цвета мощностью 30 см; хорошо

разложившийся торф с включениями органики мощностью 21 см; сапропелистый торф с песком мощностью 27 см; сапропель оливкового цвета с песком мощностью 23 см, песок серого цвета наблюдаемой мощностью 10 см. На глуб. 25 см от поверхности, в торфе обнаружен обломок расщеплённого стволика диаметром 7–10 см с явными следами срубов, оставленными металлическим орудием (ил. 6 – *4*), на глуб. 25–30 см – фрагменты стволика меньшего диаметра, тоже со следами срубов (ил. 6 – *2, 5*). По образцу торфа с этой глубины (20–30 см) получена некалиброванная радиоуглеродная дата – 635±70 лет (СОАН-7631). По образцу торфа с сапропелем (глуб. 50–60 см от поверхности) получена некалиброванная радиоуглеродная дата – 1315±70 лет (СОАН-7632); по сапропелю с песком (глуб. 80–90 см от поверхности) – 6200±95 лет (СОАН-7633).

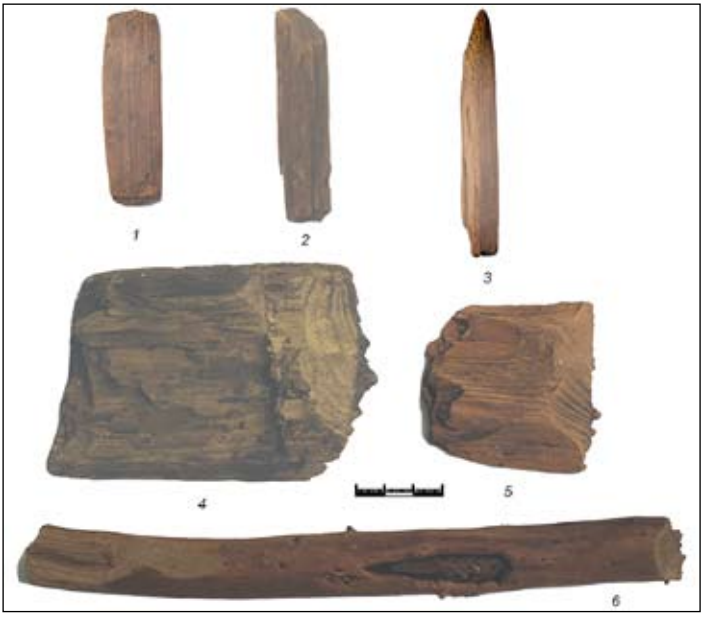
Ил. 4. **Поселение Большая Умытья 57.** Шурф. Сн. с севера.

Поселение Большая Умытья 57. В *шурфе* (ил. 4) на глуб. 100–110 см от поверхности, в торфе найдены обломки деревянного изделия (?).

Поселение Большая Умытья 59. В *шурфе* на глуб. 90–100 см в песке, под слоем торфа обнаружен кварцевый отщеп и стволик диаметром 2,5 см с явными следами срубов на одном из концов (ил. 6 – *6*), ветки, мелкие необработанные обломки древесины.

Поселение Большая Умытья 60. В *шурфе № 1* на глуб. 70–75 см, под слоем торфа, в сапропеле найдены обломки деревянного изделия (?), на глуб. 95–115 см – скопление стволов деревьев параллельно друг другу (ил. 5).

Ил. 5. **Поселение Большая Умытья 60.** Шурф № 1. Сн. с севера



Ил. 6. Изделия из дерева. *1, 3 – поселение Большая Умытья 9 (шурф № 1, глуб. 80–90 см); 2, 5 – поселение Большая Умытья 9 (шурф № 2, глуб. 25–30 см); 4 – поселение Большая Умытья 9 (шурф № 2, глуб. 25 см); 6 – поселение Большая Умытья 59 (шурф № 1, глуб. 90–100 см)*

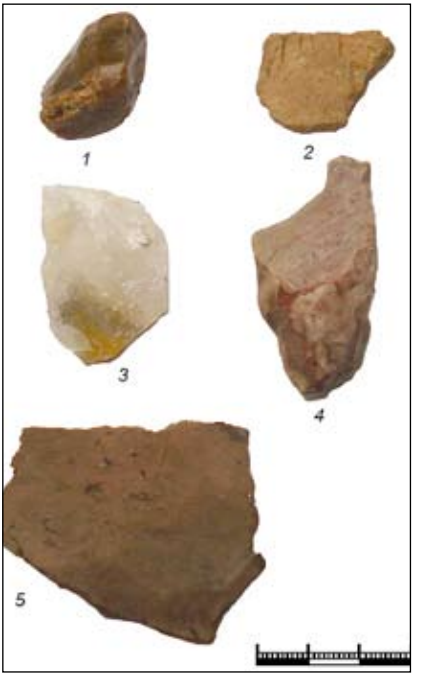
Поселение Большая Умытья 61. В *шурфе № 1* на глуб. 110 см от поверхности в верхней части песка, подстилающего торфяные отложения, найден мелкий фрагмент керамики, культурно-хронологическую принадлежность которого определить сложно, на глуб. 118 см, в этом же слое – фрагмент керамики эпохи бронзы, на глуб. 130 см – фрагмент керамики эпохи энеолита.

В *шурфе № 2* на глуб. 70 см от поверхности в песке обнаружен фрагмент керамики эпохи энеолита и обломок шлифованного ножа, отходы деревообработки.

Поселение Большая Умытья 69. В *шурфе* в песке, под слоем торфа, на глуб. 195 см обнаружена кварцевая плитка со сколами на торцовой поверхности.

Поселение Большая Умытья 72. В 9–10 м от коренного берега, в заболоченной пойме, заложен *шурф* размерами 2,0х1,0 м. Верхние слои соответствовали очень плотному, плохо «проходимому» волокнистому торфу желтовато-коричневого цвета. На глуб. 20–27 см от поверхности фиксировались довольно мощные, вертикально уходящие вглубь кор-

невища, под ними — ствол дерева, расположенный по линии северо-восток — юго-запад. Его длина не была установлена, поскольку часть «уходила» в западную стенку шурфа. На глуб. 30—50 см почти вся поверхность шурфа была покрыта мелкими и средними по размерам стволиками, ветками, трудноопределимыми обломками древесины. На глуб. 50—60 см в северной части шурфа располагался ошкуренный ствол дерева диаметром более 25 см, расположенный практически по линии запад — восток, т.е. перпендикулярно кромке берега. Оба его конца находились за пределами шурфа, поэтому определить наличие следов обработки не удалось.



Ил. 7. Изделия. *1, 4 — поселение Олымья 4 (шурф № 1, глуб. 60 см), 2 — поселение Олымья 1 (шурф № 1, глуб. 138 см); 3 — поселение Большая Умытья 59 (шурф, глуб. 90–100 см); 5 — поселение Большая Умытья 72 (шурф № 1, глуб. 180 см). 1, 3, 4 — камень, 2, 5 — керамика*

Вдоль южной стенки на глуб. 77 см от поверхности обнаружен фрагмент ствола диаметром около 30 см. В центральной части шурфа зафиксирован крупный пень с частью ствола. Примерно с этого же уровня, в северной части шурфа стала интенсивно поступать вода. Были продолжены исследования только южной части выемки. С глуб. 143—145 см в шурфе начал фиксироваться сапропель тёмно-коричневого цвета (в верхней части с глинистыми включениями). На глуб. 150—155 см найден расщепленный фрагмент древесины, затёсанный с одной из сторон. На глуб. около 180 см в сапропеле зафиксирован фрагмент неорнаментированной керамики, возможно, эпохи раннего железного века (ил. 7 — *5*).

Поселение Олымья 1. В *шурфе № 1* на глуб. 90—95 см, в верхней части сапропеля, подстилающего торф, обнаружены фрагмент неорнаментированной керамики и трудноопределимые обломки древесины, на глуб. 138 см в песке — фрагмент неорнаментированной керамики (ил. 7 — *2*), 148 см — фрагмент неорнаментированной керамики в торфе.

Поселение Олымья 4. В *шурфе № 1* на глуб. 60 см, в верхней части песка, подстилающего торфяные отложения, найден фрагмент неорнаментированной керамики и две гальки со следами сколов (рис. 7 — *1, 4*).

Некоторые из исследованных памятников имеют хороший выход к открытой воде, другие — с нескольких сторон окаймлены болотом и суходольными гривами. Слабая насыщенность находками культурного слоя в заторфованной части первых из них, вероятно, может быть объяснена наличием в древности на этом участке коренного берега довольно широкой песчаной отмели, по которой подход к воде был неудобен. Он осуществлялся по краю коренника — возможно, там же, где и сейчас. В этом случае наблюдается некая однотипность топографической ситуации и модели освоения поселенческого пространства в древности и современности, с той лишь разницей, что на месте песчаной отмели сформировалась заторфованная низина. Не исключено, что абрисы древнего и современного водоёмов в какой-то период прошлого и сегодня в основном совпадали. Этот факт, вероятно, свидетельствует либо о незначительном изменении контура водоёма, либо об относительной однотипности современной климатической ситуации и той, что сложилась в период функционирования поселения.

Не исключено, что слабая насыщенность культурного слоя находками (прежде всего, у памятников, не имеющих хороших выходов к современным водоёмам) может быть объяснена и характером исследованных объектов. Возможно, это — поселения, функционировавшие в зимнее время года, когда основная хозяйственная деятельность была сосредоточена в постройках, а межжилищное пространство осваивалось слабо, и подходы к «закрытому» водоёму были не столь актуальны, как летом. Это предположение отчасти подтверждает и небольшое наличие (а порой и полное отсутствие) археологического материала в разрушенных береговых частях памятников, в минеральных шурфах и зачистках.

* * *

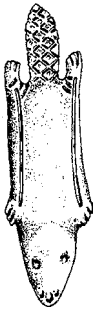
Активное хозяйственное освоение территорий, мелиорация, промышленные сбросы часто приводят к полному уничтожению культурных слоёв торфяниковых памятников или к их катастрофическим изменениям: размыву, нарушению естественного баланса и — как итог — к гибели уникальных артефактов. На наш взгляд, перспективно создание комплексного, научно-исследовательского проекта по исследованию болотных систем ХМАО — Югры и археологических памятников, расположенных в них; наработка и апробация методической

базы выявления и исследования торфяно-сапропелевых комплексов, в том числе заболоченных территорий, отводимых под хозяйственное освоение, в процессе проведения историко-культурной экспертизы. В настоящий момент болота любого типа входят в малоперспективную или неперспективную зоны и практически не подвергаются полевому обследованию.

Выявление комплекса физико-географических факторов, влияющих на время и условия формирования торфомассивов, определение последовательности или относительной синхронности заболачивания разных микрорайонов ХМАО — Югры, дадут основания для реконструкции палеоклимата и палеоландшафта, отчасти обусловливающих специфику и динамику культур и культурных типов региона, по меньшей мере, в эпоху голоцена.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. статью Т.Г. Антипиной и Н.К. Пановой в этом сборнике.



Ботаническая и палинологическая характеристика торфяника вблизи поселения Большая Умытья 69*

Т.Г. Антипина, Н.К. Панова
г. Екатеринбург
Ботанический сад Уральского отделения
Российской академии наук

Поселение Большая Умытья 69 находится на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, на правом берегу р. Большая Умытья – притока р. Конды (60° 55,204' с.ш.; 64° 02,649' в.д.). По комплексному районированию лесов Тюменской области[1], район исследований входит в Кондо-Тавдинскую провинцию подзоны среднетаёжных сосновых лесов. Заболоченность территории – свыше 60 %. Леса группируются компактными и довольно крупными массивами в долинах рек и прилегающих участках коренных берегов. Водоразделы и поймы чаще заболочены. Климат района континентальный, с умеренно тёплым летом и холодной зимой.

Болото, окружающее памятник, сильно обводнённое, низинное, в покрове хвощево-осоковое с примесью вейника, сабельника, клюквы. Коренной берег представлен сосняком беломошным, по окраине болота встречаются отдельные куртины берёзы и ивы.

Образцы отбирались в 20 м от кромки болота (пятая скважина) с помощью ручного торфяного бура ТБГ–66 сплошной колонкой[2]. Отбор из верхних, сильно увлажнённых слоев торфа производился через 12–15 см; из нижних, более плотных – через 5 см. Всего взят 81 образец. Для радиоуглеродного анализа отобрано 4 образца. Общая глубина разреза 550 см.

* Работа выполнена в рамках научно-исследовательской программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», проект «Палеоландшафт и модели хозяйственной адаптации древнего населения Зауралья и севера Западной Сибири (по материалам поселенческих и торфяниковых памятников)», при финансовой и технической поддержке ООО «НАЦ «АВКом – Наследие». Данная статья представляет собою публикацию доклада, сделанного на науч.-практ. конф. «Проблемы сохранения и использования культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», проведённой Учреждением ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия» в г. Ханты-Мансийске 24–28 ноября 2008 г.

Радиоуглеродный анализ проводился в Институте геологии и минералогии СО РАН Л.А. Орловой. Определение остаточной активности углерода выполнено на QUANTULUS-1220 (Liquid Scintillation Counters). Для расчёта возраста использован период полураспада C^{14}, длящийся 5570 лет. Возраст рассчитан от 1950 г. Получено две даты:

- по образцам сапропеля с глубины 490–505 см – 9580±95 лет (СОАН-7635);
- верхнего слоя торфянистого сапропеля с глубины 238–250 см – 3170±75 лет (СОАН-7634).

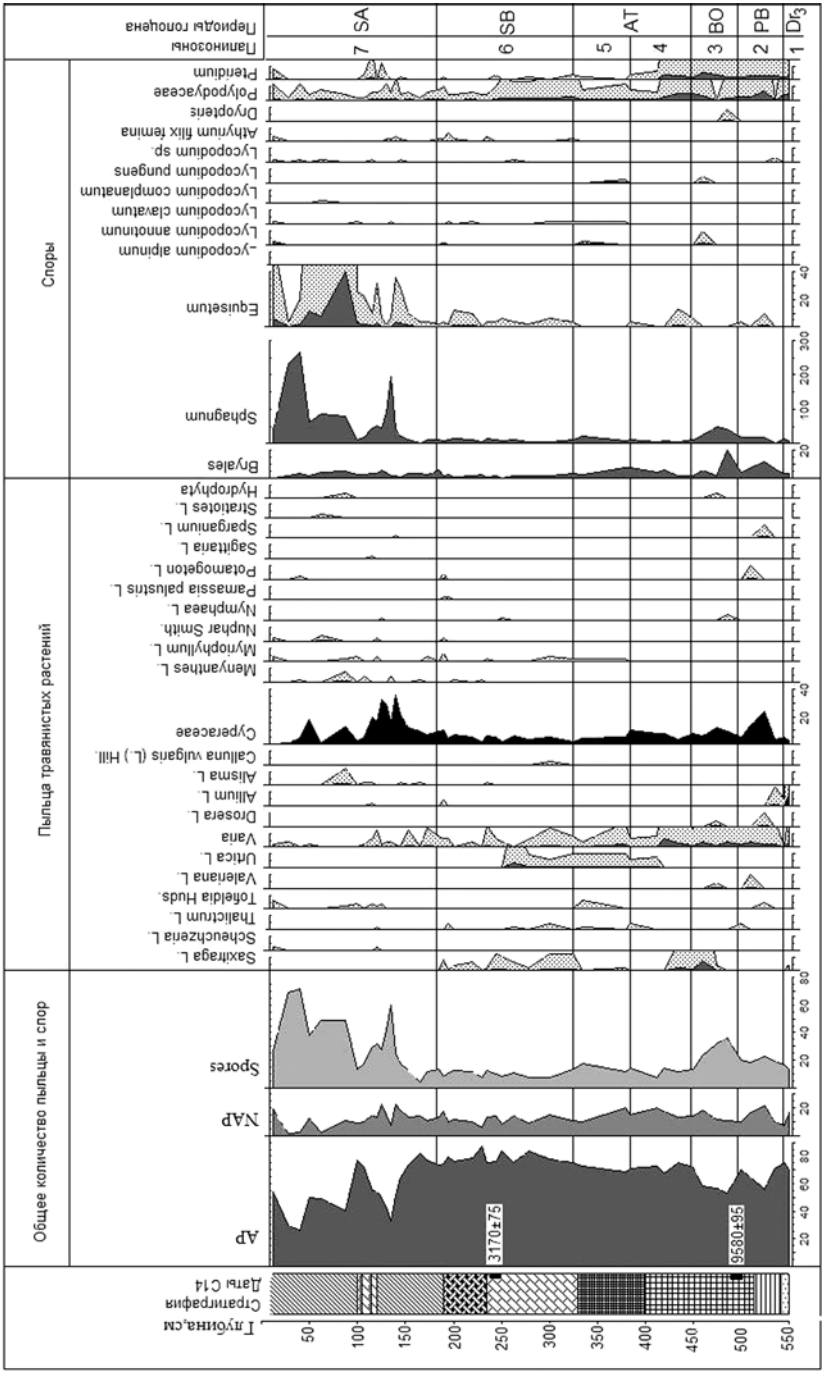
По визуальному описанию и результатам анализа ботанического состава растительных остатков разрез имеет следующее строение:

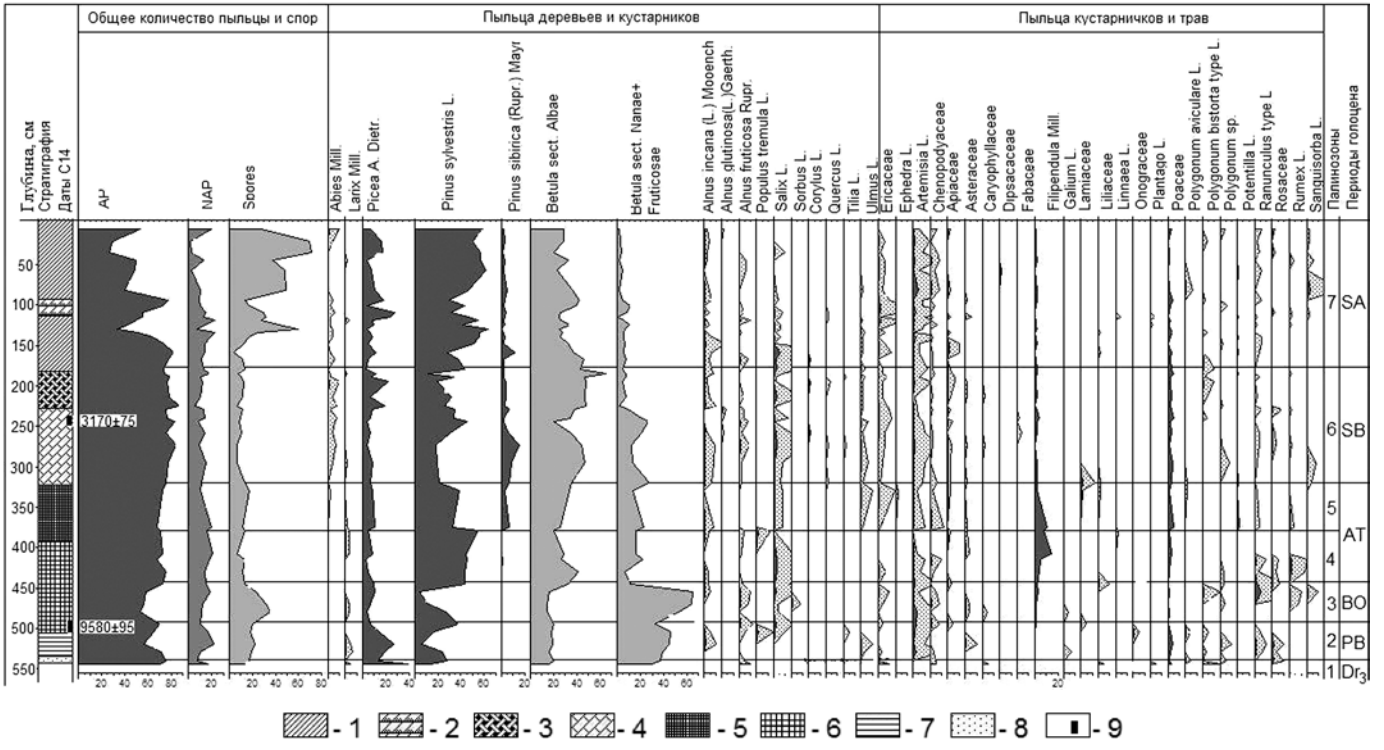
- 0 – 100 см – мохово-осоковый торф слаборазложившийся, сильно переувлажнённый;
- 100– 120 см – сфагново-пушицево-осоковый торф среднеразложившийся, переувлажнённый;
- 120 – 190 см – мохово-осоковый торф среднеразложившийся, переувлажнённый;
- 190 – 235 см – хвощево-древесно-осоковый торф среднеразложившийся, переувлажненный;
- 235 – 330 см – торфянистый сапропель тёмно-коричневого цвета;
- 330 – 400 см – сапропель оливковый (нижние 30 см с глинистыми включениями);
- 400 – 513 см – сапропель тёмно-голубой с древесными остатками (нижние 63 см с глинистыми включениями);
- 513 – 541 см – пластичная глина светло-жёлтого цвета;
- 541 – 550 см – серый песок, наблюдаемая мощность 9 см.

Стратиграфия разреза показывает, что торфяник образовался путём заболачивания стоячего водоёма, в котором нижние глинистые осадки сменились накоплением сапропеля. Отложения торфянистого сапропеля свидетельствуют о понижении уровня воды и начале заболачивания. Судя по радиоуглеродной дате верхнего слоя торфянистого сапропеля на глубине 250 см, окончательное зарастание водоёма, исчезновение водной поверхности и начало непрерывного торфообразования произошли около 3,0 тыс. лет назад.

Состав окружающей растительности и её изменения за время осадконакопления показывают результаты спорово-пыльцевого анализа (ил. 1). По динамике кривых пыльцы древесных растений на диаграмме можно выделить 7 основных палинозон.

Первые три палинозоны демонстрируют резкие колебания процентного соотношения основных компонентов спектров, которые отражают


Глубина,см
Стратиграфия
Даты С14
Общее количество пыльцы и спор
Пыльца травянистых растений
Споры
Палинозоны
Периоды голоцена
AP
NAP
Spores
3170±75
9580±95
Saxifraga L.
Scheuchzeria L.
Thalictrum L.
Tofieldia Huds.
Valeriana L.
Urtica L.
Vana
Drosera L.
Allium L.
Alisma L.
Calluna vulgaris (L.) Hill.
Cyperaceae
Menyanthes L.
Myriophyllum L.
Nuphar Smith.
Nymphaea L.
Ramassia palustris L.
Potamogeton L.
Sagittaria L.
Sparganium L.
Stratiotes L.
Hydrophyta
Bryales
Sphagnum
Equisetum
Lycopodium alpinum
Lycopodium annotinum
Lycopodium clavatum
Lycopodium complanatum
Lycopodium pungens
Lycopodium sp.
Athyrium filix femina
Dryopteris
Polypodyaceae
Pteridium
7 SA
6 SB
5
AT
4
3 BO
2 PB
1
Dr3



1 — мохово-осоковый торф; 2 — сфагново-пушицево-осоковый торф; 3 — хвощево-древесно-осоковый торф; 4 — торфянистый сапропель тёмно-коричневого цвета; 5 — сапропель оливковый; 6 — сапропель тёмно-голубого цвета с древесными остатками; 7 — пластичная глина светло-жёлтого цвета; 8 — серый песок; 9 — место отбора образцов для радиоуглеродного датирования

Ил. 1. Спорово-пыльцевая диаграмма торфяного разреза вблизи поселения Большая Умытья 69

неустойчивую экологическую обстановку на начальных этапах голоцена, в частности, сравнительно непродолжительные резкие смены климатических условий. Первую и вторую палинозоны отличают максимумы пыльцы ели (*Picea*) и кустарниковых берёзок (*Betula* sect. Nanae+Fruticosae). Они характеризуют растительность еловых редколесий с примесью лиственницы и берёзы с мохово-кустарничковым и ерниковым покровом. Эти палинозоны разделяют спектры с увеличением количества пыльцы сосны (*Pinus sylvestris*) и минимальным количеством ели и кустарниковых берёз, которые свидетельствуют о явном потеплении. Первая палинозона, очевидно, относится к позднему дриасу (Dr-3), а спектры второй зоны отражают фазы потепления и последующего похолодания в предбореале (PB)[3]. Предбореальный возраст второй палинозоны подтверждает дата 9580±95 лет.

Третья палинозона отличается резким подъёмом кривой пыльцы сосны и последующим уменьшением её участия в пыльцевом спектре с одновременным увеличением доли кустарниковых берёз. Спектры этой зоны отражают новую волну потепления и распространения сосны в составе лиственнично-елово-берёзовых редколесий и последующее похолодание, вызвавшее отступление сосны, изреживание древостоев и экспансию тундровой растительности: кустарниковых берёз, зелёных (Bryales) и сфагновых (*Sphagnum*) мхов. Эта палинозона сопоставляется с бореальным (BO) периодом голоцена (9,5—8,0 тыс. лет назад), в конце которого произошло похолодание. Последнее соответствует так называемому «новосанчуговскому похолоданию», выявленному на территории Сибири на рубеже бореального и атлантического периодов[4].

Четвёртая палинозона выделяется по преобладанию доли пыльцы сосны, увеличению древовидных берёз (*Betula* sect. Albae) и резкому сокращению участия кустарниковых берёзок. Спектры отражают формирование сомкнутых берёзово-сосновых лесов с елью.

Пятая палинозона характеризуется примерно одинаковым количеством пыльцы сосны и берёз в спектрах, постоянным присутствием ели, появлением пыльцы пихты (*Abies*), кедра сибирского (*Pinus sibirica*), вяза (*Ulmus sp.*) и наибольшим участием пыльцы мезофильных травянистых растений (*Filipendula, Polygonum, Potentilla, Ranunculus, Sanguisorba, Apiaceae* и др.). Пыльцевые спектры свидетельствуют о значительном потеплении климата и произрастании лесов южнотаёжного облика. Четвёртую и пятую палинозоны, очевидно, следует отнести к атлантическому периоду (AT), который, в соответствии с хронологической схемой периодизации голоцена Северной Евразии[5], датируется временем от 8,0 до 4,5 тыс. лет назад.

Шестая палинозона отличается преобладанием пыльцы берёз, значительным количеством пыльцы сосны и ели, присутствием пыльцы пихты, сибирского кедра и спорадической встречаемостью пыльцы широколиственных древесных растений: вяза, липы (*Tilia*), дуба (*Quercus*). Спектры соответствуют растительности подтаёжных елово-сосново-берёзовых лесов с пихтой и умеренно тёплым климатическим условиям. В соответствии с радиоуглеродной датой 3170±75 лет, палинозона 6 относится к суббореальному периоду (SB). Два пыльцевых спектра (на границе 5-й и 6-й зон и в середине 6-й зоны), в которых увеличивается содержание пыльцы кустарниковых берёз и отсутствует пыльца пихты и широколиственных, отражают кратковременные похолодания на рубеже атлантического и суббореального периодов и во второй половине последнего.

Седьмая палинозона характеризуется преобладанием пыльцы сосны, спор сфагновых мхов и хвощей (*Equisetum*) и уменьшением участия пыльцы пихты, кедра сибирского, исчезновением (к поверхности) пыльцы широколиственных. Спорово-пыльцевые спектры отражают направленное похолодание и формирование, близких к современным, сосновых лесов с участием берёзы, ели, реже — пихты среднетаёжного облика. О заболоченности территории свидетельствуют споры и пыльца болотных и водных травянистых растений: мхов, хвощей, осок (*Carex*), злаков (*Poaceae*), вахты (*Menyanthes*), частухи (*Alisma*), урути (*Myriophyllum*), рдеста (*Potamogeton*), кубышки (*Nuphar*) и др. Торфяные слои, соответствующие седьмой палинозоне, сформировались, очевидно, в течение субатлантического периода (SA, от 2,5 тыс. лет назад).

Из известных нам опубликованных спорово-пыльцевых диаграмм датированных торфяных разрезов в подзоне средней тайги Западной Сибири наиболее близкой по корреляции с нашими данными является диаграмма торфяника в устье ручья Ентарного на Средней Оби[6] и реконструкция смен растительных сообществ на её основе[7]. Диаграммы торфяников в районе городов Сургута и Нижневартовска[8] отличаются от диаграммы разреза Большая Умытья 69 значительно большим участием ели и сибирского кедра и очень небольшой примесью сосны.

Таким образом, по результатам палинологического и ботанического анализов отложений в разрезе Умытья 69 реконструируются следующие смены растительности и природных условий за время формирования осадков.

В позднеледниковье, более 10,0 тыс. лет назад, на месте современного торфяника был достаточно глубоководный холодный водоём (озеро), донные осадки которого представлены тонкими глинами. Окружающая растительность представляла собой лиственнично-берёзово-еловую лесотундру. С потеплением в бореальном периоде (около 9,5 тыс. лет назад) началась эвтрофизация озера и отложение в нём сапропелей. На окружающих суходолах распространились елово-берёзово-сосновые редколесья.

В атлантическом периоде (от 8,0 до 4,5 тыс. лет назад), после кратковременного похолодания в начале, сложились умеренно тёплые условия, которые способствовали формированию сомкнутых берёзово-сосновых и сосново-берёзовых лесов с елью и пихтой южно-таёжного облика. В озере продолжали откладываться сапропели. Кратковременное сухое похолодание на рубеже атлантического и суббореального периодов обусловило понижение уровня водоёма, начало его зарастания, заболачивания мелководий и отложения торфянистого сапропеля.

Климатические условия большей части суббореального периода были также умеренно тёплыми и влажными, в растительности преобладали сосново-берёзовые леса с елью и пихтой подтаёжного облика. Накопление толщи озёрных осадков привело к обмелению и окончательному зарастанию водоёма и началу торфообразования около 3,0 тыс. лет назад. В течение субатлантического периода сформировались современные среднетаёжные леса с преобладанием сосны.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Комплексное районирование лесов Тюменской области: (Методические рекомендации) / Е.П. Смолоногов, А.М. Вегерин; Отв. ред. В.А. Кирсанов. — Свердловск, 1980. — С. 8, 26.

[2] См. в этом же сборнике: **Чаиркина Н.М.** Некоторые итоги и перспективы исследования торфяниково-сапропелевых отложений верхнего течения р. Конды.

[3] **Хотинский Н.А.** Об изменении растительности и климата в начале послеледникового времени // Изв. АН СССР. — Сер. геогр. —1970. — № 6. — С. 113.

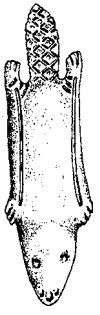
[4] **Кинд Н.В.** Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. — М.: Наука, 1974. — 256 с.

[5] **Хотинский Н.А.** Голоцен Северной Евразии. — М.: Наука, 1977. — С. 107.

[6] **Архипов С.А., Левина Т.П., Панычев В.А.** Палинологическая характеристика двух голоценовых торфяников из долины Средней и Нижней Оби // Палеопалинология Сибири / Статья советских палинологов к V Междунар. палинологической конф. (Кембридж, Англия, 1980). — М.: Наука, 1980. — С. 124. Рис. 2.

[7] **Левина Т.П.** Развитие растительности в низовьях Енисея и Средней Оби в голоцене // Палеопалинология Сибири / Статьи советских палинологов к V Междунар. палинологической конф. (Кембридж, Англия, 1980). — М.: Наука, 1980. — С. 131.

[8] **Нейштадт М.И.** О смене природных условий в средней тайге Западной Сибири в голоцене // Палинология в СССР. — М.: Наука, 1976. — С. 156—161; **Нейштадт М.И.** Возникновение и скорость развития процесса заболачивания // Научные предпосылки освоения болот Западной Сибири. — М.: Наука, 1977. — С. 40; **Жуков В.М.** Климат и процесс болотообразования // Научные предпосылки освоения болот Западной Сибири. — М.: Наука, 1977. — С. 24.



Охранные раскопки на поселении Барсова Гора II/9, или Двадцать лет спустя

Ю.П. Чемякин
г. Екатеринбург
Проблемная научно-исследовательская
археологическая лаборатория
Уральского государственного университета им. А.М. Горького

Поселение Барсова Гора II/9 находится на берегу старицы протоки Микишкиной (правый берег р. Оби), в западной части урочища Барсова Гора Сургутского р-на ХМАО — Югры. Памятник был открыт в 1974 г. А.Ф. Шориным, зафиксировавшим 8 округлых жилищных впадин восточнее городища Барсов Городок II/15. Объекты имели диаметр от 3 до 10 м и были оконтурены валообразными насыпями. В кон. 1970-х — нач. 1980-х гг. значительная часть памятника была уничтожена при прокладке коммуникаций к Западно-Сургутскому месторождению нефти. От берега сохранились лишь два останца, окружённые глубокими выемками. В 1986 г. В.А. Борзуновым и в 1988 г. А.П. Зыковым были сняты глазомерные планы сохранившейся части памятника, а также собран подъёмный материал. В 1988—1989 и 1998—1999 гг. на поселении были проведены раскопки под руководством А.П. Зыкова и Ю.П. Чемякина[1].

Двадцать лет назад на юго-западном останце было исследовано углубленное подквадратное жилище размерами 5,0х4,0 м и глубиной 0,5 м от уровня древней поверхности, с коротким коридорообразным выходом и наземным очагом-кострищем почти в центре, ближе к западной стенке[2]. На следующий год А.А. Михалёвым в раскопе, примыкавшем с севера к раскопу 1, были раскопаны полностью 2 жилища и частично — ещё 5 сооружений. Полностью вскрытые жилища (№ 4 и 6) были аналогичны первому, их размеры 4,0х3,5 и 4,0х4,0 м, глубина 0,40 и 0,45 м соответственно. В обеих постройках А.А. Михалёвым были зафиксированы короткие выступающие выходы, хозяйственные и столбовые ямы. В жилище 6 ближе к юго-западной стенке был выявлен очаг в виде линзы бурой супеси с включениями жжёных косточек, углей и керамики (как в жилище 1); в жилище 4 очаг не обнаружен. В этих постройках был собран оригинальный материал, включавший керамику,

орнаментированные глиняные бруски (оселки) и каменные шлифованные орудия, среди которых преобладали рубящие. Стратиграфические наблюдения и предварительное трасологическое определение назначения глиняных брусков, а также круг аналогий керамике позволили Михалёву датировать жилища 1, 4 и 6 эпохой ранней бронзы[3]. В остальных объектах и в культурном слое, мощность которого достигала 1,5 м, были найдены материалы, относившиеся к неолиту, энеолиту, бронзовому веку и Средневековью[4].

В 1998—1999 гг. мной на поселении было заложено 3 раскопа (3—5), в том числе один на северо-восточном останце. Там были исследованы остатки энеолитического жилища 11 и наземной постройки 12 с материалами кульёганского типа эпохи бронзы. В раскопах 3 и 5 на юго-западном останце, примыкавших с востока к раскопу 2, были выявлены остатки кульёганского жилища (10), двух энеолитических жилищ (9 и 13)[5] и двух жилищ (7 и 8) с материалами, аналогичными происходившим из построек 1, 4 и 6. Это позволило выделить на памятнике 4 разновременных слоя = селища:

- Барсова Гора II/9а (жилища 3, 9, 11, 13) — энеолит;
- Барсова Гора II/9б (жилища 1, 4—8) — ранний бронзовый век, поздний барсовогорский тип;
- Барсова Гора II/9в (жилища 10, 12) — средний бронзовый век, кульёганский тип;
- Барсова Гора II/9г (средневековые материалы) — зеленогорский этап обь-иртышской культурно-исторической общности[6].

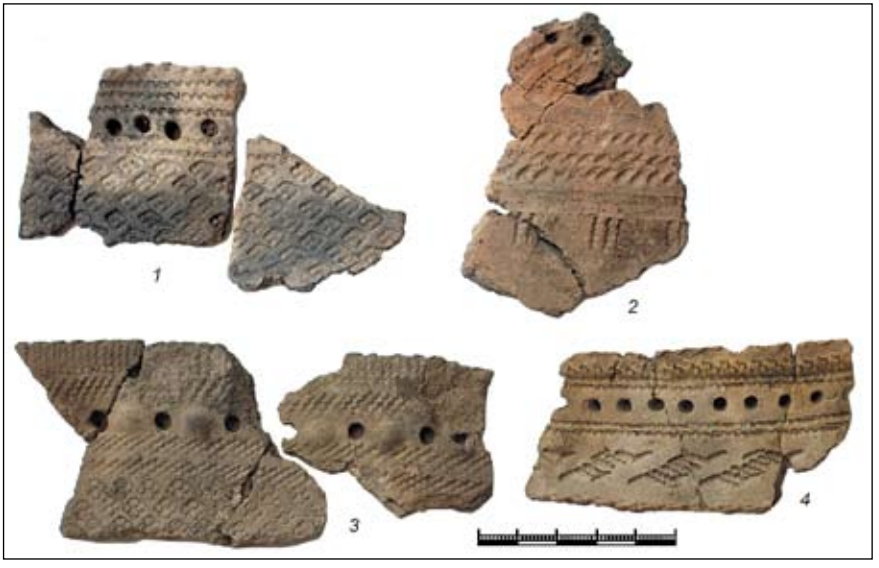
Уголь из заполнения придонной части жилища 7 дал дату 3390±440 (ЛЕ-5771). В полученный же калиброванный интервал не укладывались лишь памятники неолита и Средневековья[7]. Таким образом, проблема датировки комплексов жилищ 1, 4, 6—8 не была решена окончательно. Керамика поселения Барсова Гора II/9б производила впечатление разновременной. Некоторые круглодонные сосуды, украшенные отступающе-накольчатой техникой, с ямками под венчиком, близки энеолитическим. Другие — с плоскими днищами, орнаментированными крестовыми и иными узорами, с прогибом в придонной части, своеобразными наплывами у дна, по краю которых иногда нанесены параллельные насечки, — вызывали ассоциации с боборыкинской и каюковской посудой. Некоторые параллели находились и в древностях елунинской, ташковской, самусьской и других доандроновских культур бронзового века таёжной и лесостепной полосы Западной Сибири. Все типы посуды обнаружены практически в каждом раскопанном сооружении.

В 2008 г. на памятнике было заложено 3 раскопа. Исследования велись Сургутской экспедицией Уральского госуниверситета под руководством Ю.П. Чемякина на средства окружной программы «Культура Югры 2006–2008 гг.». Основной задачей стал поиск остатков городища Барсов Городок II/15 и завершение исследований поселения Барсова Гора II/9, примыкавшего вплотную к городищу и, возможно, на каком-то этапе своего существования ему одновременное.

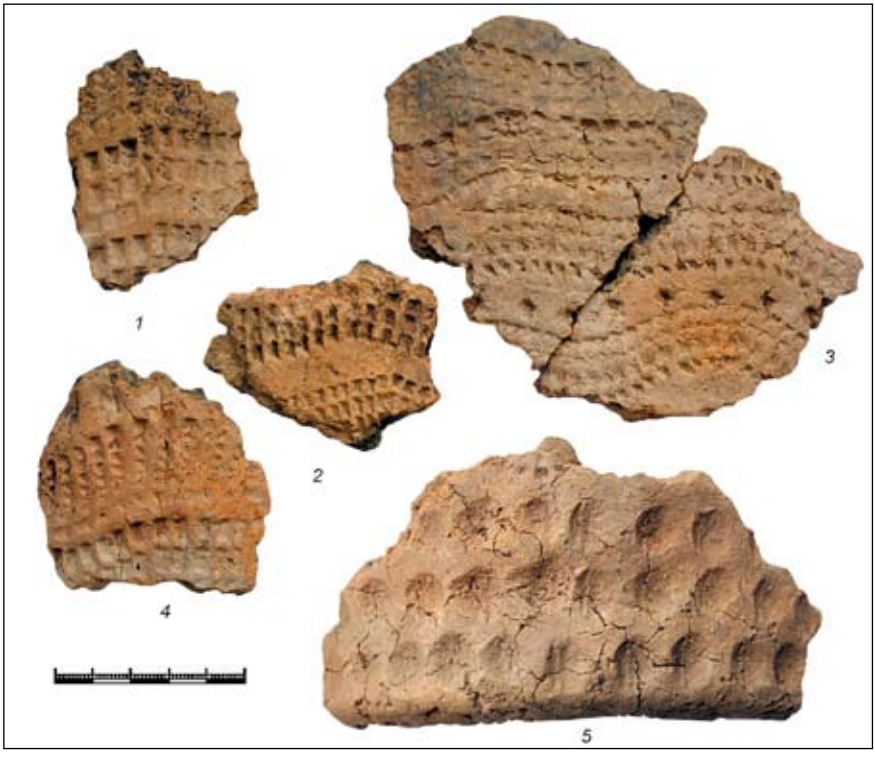
РАСКОП 6

Площадь 75 кв. м. Был заложен вплотную к раскопу 3, где в 1998 г. была вскрыта северная часть постройки 7. В ходе работ были выявлены остатки ещё двух жилищ. Верхние 20–90 см слоя в результате строительных работ 1980-х гг. и раскопок 1988–1989 гг. были переотложены почти на всей вскрытой площади. Отвалы из старых раскопов и передвинутые при строительстве слои не только заполняли все впадины, исказив первоначальный рельеф, но и проникали глубоко в культурный слой, нарушая его.

В самом верху ненарушенного слоя над впадиной, практически в подзоле, была собрана коллекция средневековой керамики. Среди обломков сосудов были горшки, соотносимые с карымским (ил. 1–*1, 3*), зеленогорским (ил. 1–*4*) и кучиминским (ил. 1–*2*) комплексами, причем



Ил. 1. **Поселение Барсова Гора II/9г.** Средневековая керамика. *1, 3 – карымский этап; 2 – кучиминский этап; 4 – зеленогорский этап*



Ил. 2. **Поселение Барсова Гора II/9в.** Жилище 7 (верхние слои заполнения). Керамика кульёганского типа

карымская коллекция оказалась самой большой. Судя же по предварительным итогам раскопок городища Барсов Городок II/15, оно было сооружено в зеленогорское время[8]. Однако анализ планов городища, снятых в 1972–1973 гг., позволяет предполагать минимум двуслойность памятника. Внешняя оборонительная система ограничивала площадку подтрапециевидной формы, её размер вместе с фортификационной системой составлял 48–66х58 м. Внутренняя система обороны, состоявшая из прерывистого рва, отгораживала юго-восточный угол площадки размерами 45х40 м с расположенными на нём пятью объектами. К северу и западу от этой площадки, между двумя оборонительными системами находились ещё 5 объектов. Все 10 объектов представляли собой впадины размерами от 7,5х6,0 до 12,0х10,5 м с обваловками и коридорообразными выходами. Не исключено, что объекты в юго-восточном секторе городища возникли в другое время, чем объекты между двумя системами обороны. Поскольку памятник

Ил. 3. **Поселение Барсова Гора II/9б.** Жилище 7 (участок О/3—4 на глуб. —140 см). Сн. с севера

Ил. 4. **Поселение Барсова Гора II/9б.** Жилище 7 (южные профили участка О/4 и О/3)

Ил. 5. **Поселение Барсова Гора II/9б.** Жилище 7 (западные профили участка П—О/4)

уничтожен, для решения этой проблемы необходимо заново проанализировать коллекции из раскопок 1974, 1987 и 2008 гг.

В верхних и средних слоях заполнения котлована жилища 7 залегал ярко-жёлтый слой с пятнами подзола и ортзанда мощностью до 40–50 см. В нём найдены обломки сосудов кульёганского типа эпохи средней бронзы (ил. 2). Они украшены печатным гребенчатым штампом. Дно сооружения не фиксировалось. Похоже, что в этот период обитатели древнего посёлка просто использовали впадину от более раннего жилища, без сооружения в ней какой-либо постройки. Возможно, над впадиной было какое-то лёгкое перекрытие.

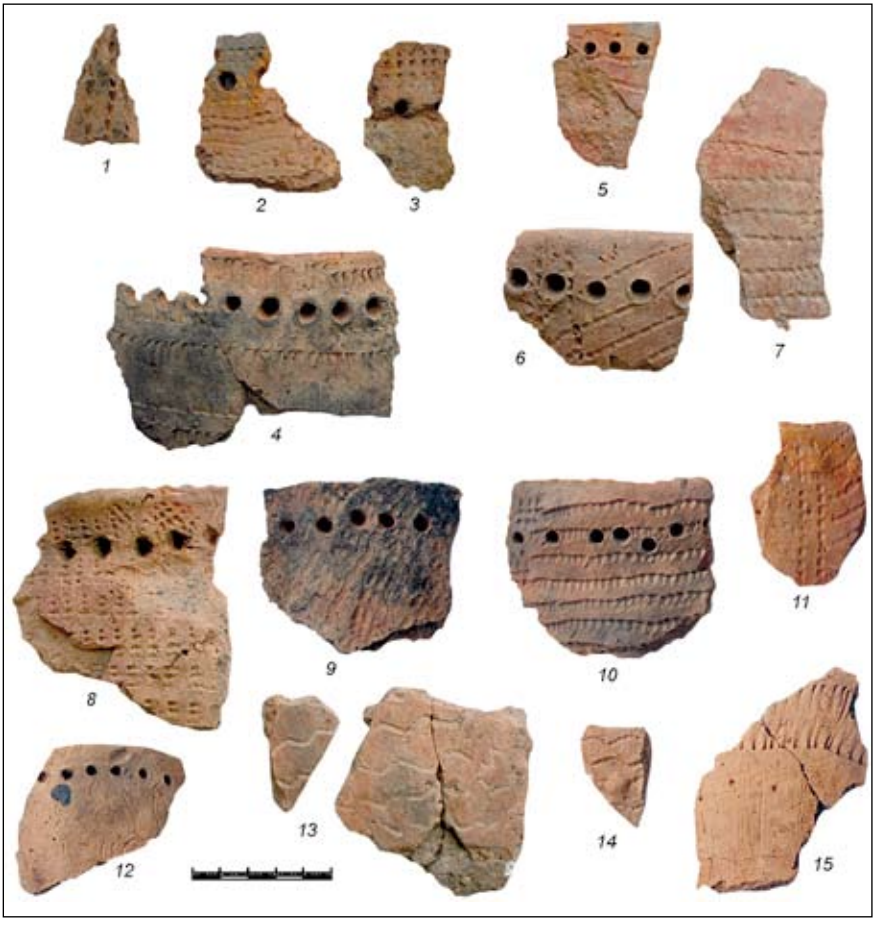
Жилище 7 оказалось в 1,5–2,0 раза больше, чем можно было предполагать, исходя из данных предшествующих исследований. Оно имело подпрямоугольную форму, размеры примерно 7,5х4,6 м, глубину 0,9–1,0 м (1,6 м от современной поверхности). В его северной половине находилась овальная яма размерами 3,0х1,6–1,8 м, глубиной

Ил. 6. **Поселение Барсова Гора II/9б.** Каменный инвентарь. *1–6 – жилище 15, 7 – жилище 7*

Ил. 7. **Поселение Барсова Гора II/9б.** Глиняные бруски. *1 – жилище 7, 2–6 – жилище 15*

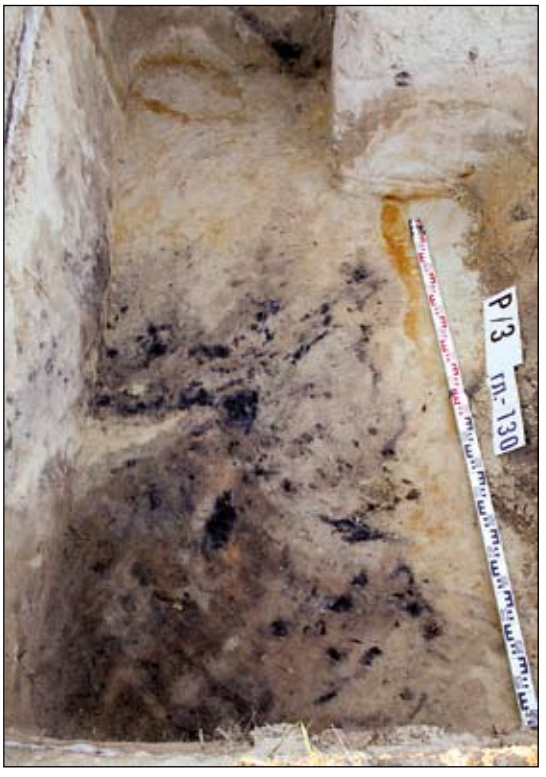
0,8–0,9 м. В жилище отмечены мощные углистые прослойки, в том числе на полу. Явного очага не выявлено, но он мог быть на месте одного из углистых пятен. По периметру постройки фиксировалась прерывистая канавка, видимо, связанная с конструкцией стен (ил. 3–*5*). На полу было расчищено более сотни ямок и углублений, среди которых были как хозяйственные, так и от столбов, кольев и т. п. В жилище найдены единичные каменные изделия (в т. ч. скребок из кварца – ил. 6–*7*), обломки сосудов, фрагменты глиняных брусков. Один из них покрыт волнистыми узорами, другой — резной ромбической сеткой (ил. 7–*1*). Есть 1 глиняное изделие шаровидной формы со сквозным отверстием (навершие?). По наибольшему диаметру (3,4 см) оно украшено пояском коротких резных параллельных отрезков. Сосуды закрытые, баночной формы, с округлыми или приострёнными венчиками. Узоры выполнены в технике отступающей палочки и шагающей гребенки (ил. 8–*1–4*).

Жилище 16. Находилось южнее жилища 7, почти вплотную к нему. В раскоп вошёл только северо-восточный угол (ил. 9–11). Глубина котлована составила 0,8–1,0 м от древней поверхности.

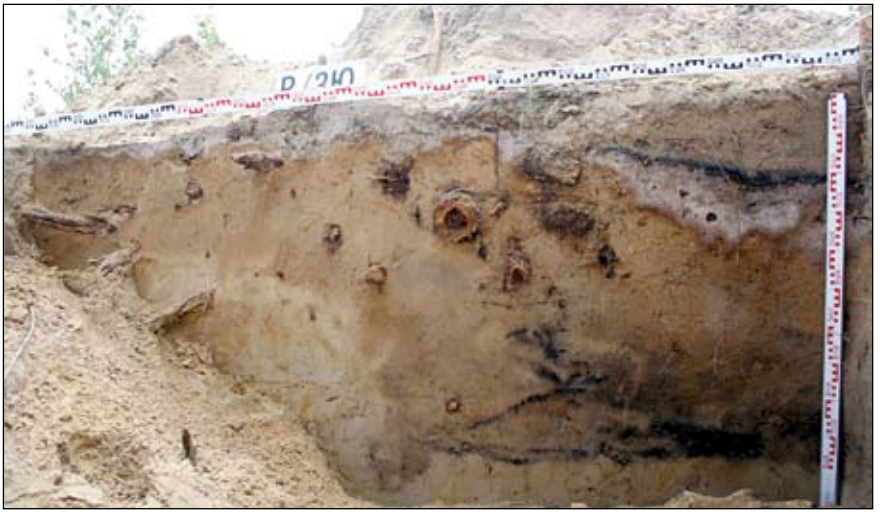


Ил. 8. **Поселение Барсова Гора II/9б.** Керамика. *1–4 – жилище 7, 5–7 – жилище 16, 8–15 – жилище 15*

На полу жилища залегала углистая прослойка. Не исключено, что в северной части постройки находился очаг (здесь наблюдались пятна прокалов), но в древности на этом месте возник выворотень дерева, исказивший стратиграфию (ил. 11). Это обстоятельство затруднило определение последовательности возведения жилищ, но зафиксированная стратиграфия позволяет предполагать более поздний возраст жилища 7. По периметру постройки 16 также выявлены канавки. Находки из жилища представлены керамикой, близкой по облику сосудам из постройки 7 (ил. 8–*5–7*), и несколькими камнями.



Ил. 9. **Поселение Барсова Гора II/9б.** Жилище 16 (участок Р/3 на глуб. –130 см). Сн. с юга



Ил. 10. **Поселение Барсова Гора II/9б.** Жилище 16 (южный профиль участка Р/3)

Ил. 11. **Поселение Барсова Гора II/9б.** Жилище 16 (западный профиль участка Р/3; в центре профиля – следы ямы от выворотня дерева)

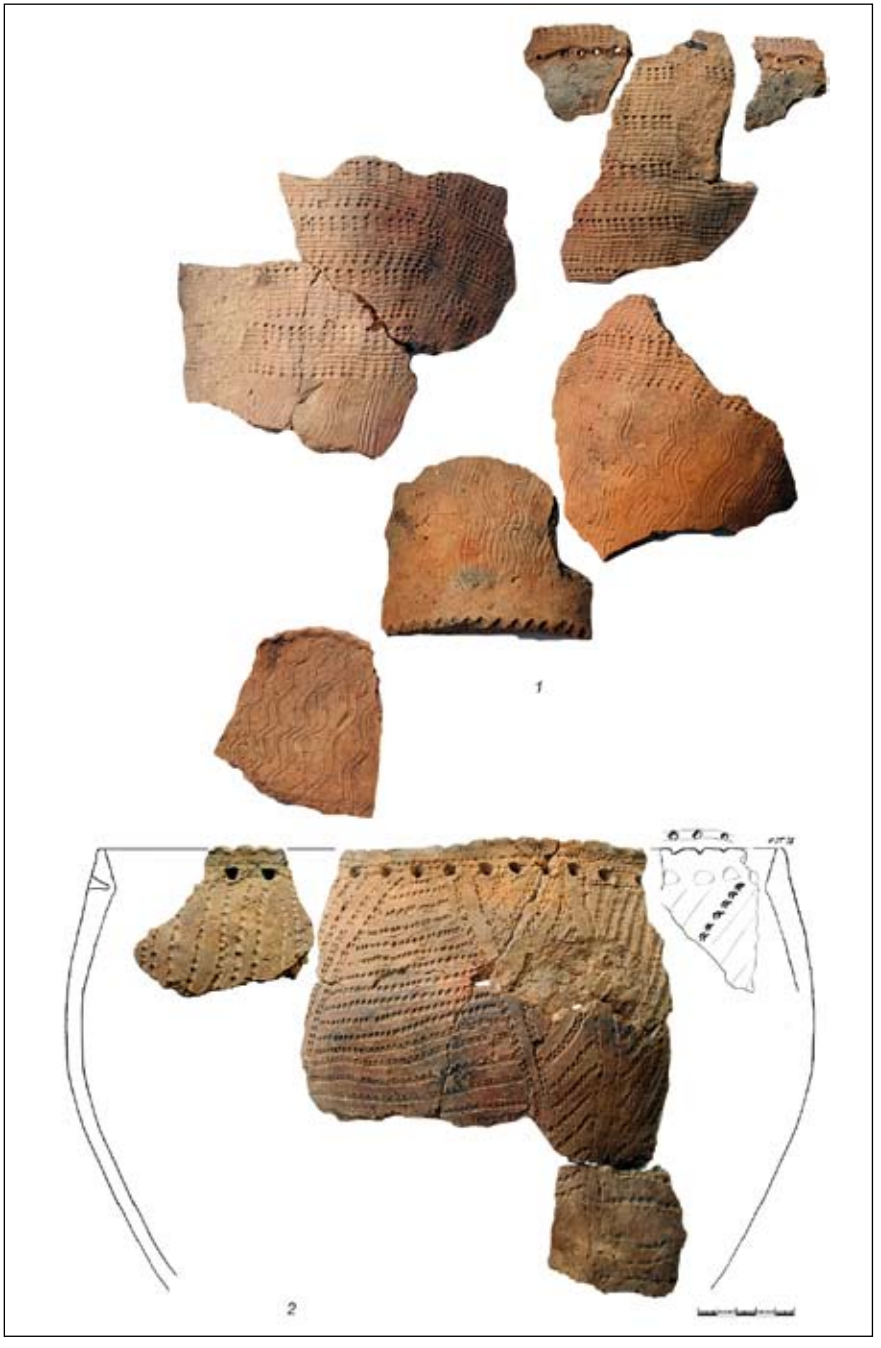
Ил. 12. **Поселение Барсова Гора II/9б.** Участок П/4 на глуб. –118 см. Заполнение жилища 7 (серое пятно на заднем плане справа), заполнение жилища 15 (светло-серое пятно на заднем плане слева), следы от траков гусеничной техники (чёрная полоса на переднем плане). Сн. с северо-востока

Ил. 13. **Поселение Барсова Гора II/9б.** Жилище 15 (восточные профили участка П—Р/4; на профиле участка П/4 — современные разрушения)

Ил. 14. **Поселение Барсова Гора II/9б.** Жилище 15 (северные профили участка Р/4—5)

Жилище 15. Находилось к востоку от жилища № 7. Его северная и, частично, восточная границы были уничтожены при строительстве линии электропередачи. Западная граница разрушена при сооружении постройки 7, что хорошо выражено в стратиграфии (ил. 12—14). Размер сохранившейся части 4,6х3,0—3,5 м, глубина 0,8—0,9 м от древней поверхности. В его восточной части зафиксировано размытое пятно светло-коричневого очажного слоя, насыщенного пережжёнными косточками, однако оно залегало на 40—50 см выше уровня пола. Не исключено, что оно находилось на перекрытии дома и оказалось в заполнении уже после обрушения крыши. На полу наблюдались охристые прослойки, среди которых мог находиться и прокал от очага. Предположительно, он был в центре вскрытой части постройки. Вдоль южной и западной стен выявлены канавки.

В жилище найдена керамика и 6 глиняных брусков (целых и обломков), аналогичных происходящим из жилищ 1 и 7. Среди каменных орудий есть 1 кремневый и 2 сланцевых ланцетовидных шлифованных наконечника стрел, характерных для неолита — энеолита Севера Западной Сибири (ил. 6—*1-4*), а также обломки кварцевого нуклеуса (ил. 6—*5, 5а*) и сланцевого шлифованного орудия (ил. 6—*6*). Керамическая



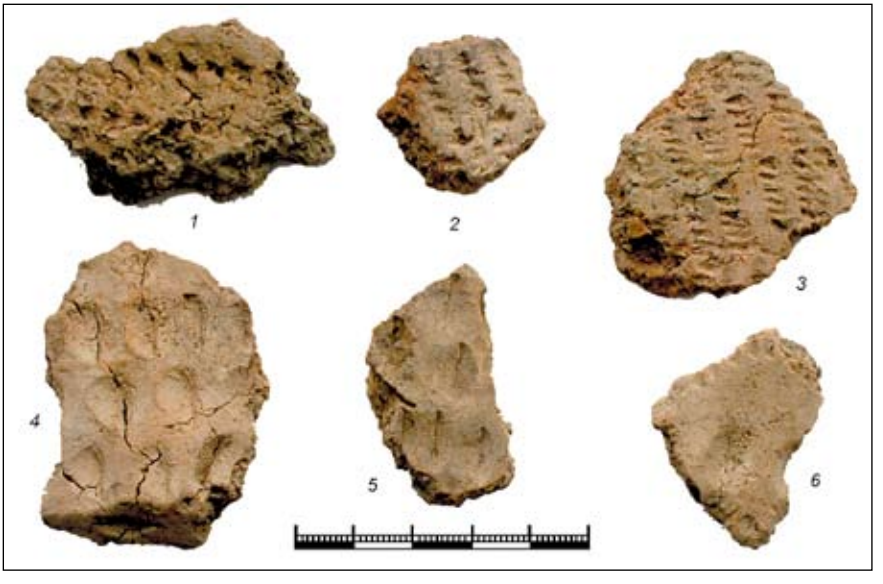
Ил. 15. **Поселение Барсова Гора II/9б.** Жилище 15. Керамические сосуды

коллекция из этого жилища — самая многочисленная. Сосуды в основном баночной формы, плоскодонные, с прогибом в придонной части, своеобразными наплывами у дна и плоскими днищами, украшенными крестовыми, волнистыми и иными узорами (ил. 15—*1*). Венчики их плоские, округлые или приострённые, изредка с наплывом на внутренней стороне. Есть сосуды с короткой шейкой (ил. 8—*8*). Узоры выполнены в технике отступающей палочки и шагающей гребенки. Небольшое количество керамики украшено прочерчиванием, в том числе «протащенной гребёнкой» (ил. 8—*15*). Редко встречается печатная гребёнка. Под венчиком обычен поясок из ямочных вдавлений или, реже, жемчужин. Основные орнаментальные мотивы — прямые, ломаные (зигзаги) или волнистые горизонтальные линии, иногда разбитые на секторы вертикальными колонками, а также зоны шагающего штампа (ил. 8—*8-15*; 15). Геометрические фигуры (взаимопроникающие заштрихованные треугольники и др.) редки (ил. 15—*2*). На некоторых сосудах горизонтальная зональность сменяется в нижней половине тулова на вертикальные прямые или волнистые линии, опускающиеся до самого дна (ил. 15—*1*). По краю некоторых днищ нанесены параллельные насечки, вызывающие ассоциации с неолитической боборыкинской и каюковской посудой. Другие параллели видятся в керамике елунинской, ташковской, самусьской и других доандроновских культур бронзового века таёжной зоны.

Интересно распределение каменного инвентаря по сооружениям поселения Барсова Гора II/9б. В жилище 1 найдено 5 рубящих орудий, в жилище 15 — 4 наконечника стрел (от одного сохранился лишь насад). В других постройках каменных орудий мало. Неравномерно распределены по жилищам и глиняные орнаментированные бруски. Всё это предполагает разную специализацию обитателей поселения, однако тщательный анализ материала по объектам, и в первую очередь из раскопок 1988—1989 гг., ещё впереди.

Собранный материал позволял датировать жилища 7, 15 и 16 (как и раскопанные раньше 1, 4—6, 8) в большом хронологическом диапазоне — от неолита до ранней бронзы. В 2008 г. во всех постройках был собран уголь. Один образец из жилища 16 дал дату 6660±35 (ЛЕ-8593). Это заставляет пересмотреть место поселения Барсова Гора II/9б в культурно-хронологической шкале древностей Сургутского Приобья. Предварительно этот комплекс был датирован началом бронзового века, но при этом мы допускали, что он может относиться и к более раннему времени[9]. Сейчас круг аналогий может

Ил. 16. **Поселение Барсова Гора II/9в.** Жилище 14. Керамика кульёганского типа



Ил. 17. **Поселение Барсова Гора II/9а.** Раскоп 8. Энеолитическая керамика

быть сужен. В первую очередь необходимо отметить сходство керамики поселения Барсова Гора II/9б с боборыкинской и каюковской, в меньшей степени — с амнинской и петровоборской. Их объединяет форма посуды (в первую очередь плоскодонные банки), разнообразие способов орнаментации, среди которых большое место занимают отступающе-накольчатый, шагающая гребёнка (кроме боборыкинской). Однако прежде чем определять культурную принадлежность памятника, следует иметь в виду, что суровые условия Севера могли приводить к голоду, эпидемиям среди аборигенов западносибирской тайги и заставлять выживших представителей разных культурных традиций объединяться. Свидетельством этого могут быть памятники с синкретической культурой, характеризующиеся в первую очередь разнообразной керамикой. Каменный инвентарь в этом плане менее информативен, так как бедная и некачественная сырьевая база заставляла приспосабливаться к ней, в том числе меняя традиционные технологии обработки камня.

РАСКОП 7

Был заложен на северо-восточном останце. Имел площадь 103,5 кв. м и накрывал овальную впадину размерами 5,0х4,0 м, глубиной 0,3—0,4 м. В её центре было отмечено возвышение, а с южной и восточной сторон — подобие обваловки. Как оказалось, впадина была современной и возникла при строительстве линии электропередачи. На её дне отчетливо фиксировались следы гусениц тяжёлой техники. Кроме последнего, в раскопе были выявлены ямы и выворотни. Найдены единичные фрагменты керамики.

РАСКОП 8

Как и раскоп 7, был заложен на северо-восточном останце. Имея площадь 139,5 кв. м, он был заложен поверх впадинки размерами 2,5х2,0 м и глубиной 0,15—0,20 м. Она осталась от слабо углубленного жилища 14. Его размер примерно 3,0х2,6 м, глубина от древней поверхности около 0,4 м. В центре жилища в небольшом углублении находился очаг. Восточнее и южнее постройки фиксировался серо-жёлтый слой, насыщенный кальцинированными косточками. Не исключено, что этот слой находился внутри постройки, которая могла быть двухкамерной. Уточнить это нельзя, так как восточная граница распространения слоя уничтожена выемкой под нефтепровод. В жилище собрана керамика кульёганского типа (ил. 16). За пределами

постройки зафиксированы отдельные ямы и выворотни. На этой площади найдена как кульёганская, так и энеолитическая (ил. 17) керамика. Последняя близка посуде из энеолитических жилищ 9, 11, 13 (поселение Барсова Гора II/9а), уже описанных в литературе[10].

Раскопки 2008 г. на поселении Барсова Гора II/9 позволили получить новую информацию о древней истории Сургутского Приобья, заставившую откорректировать существующую региональную культурно-хронологическую схему. Однако на памятнике остались участки неисследованного культурного слоя с остатками котлованов неолитических жилищ, которым грозит полное разрушение. Чуть западнее существующих раскопов в обнажении, образованном автодорогой, виден мощный очаг, из которого происходит средневековая керамика. Необходимо завершить изучение этого уникального памятника.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Чемякин Ю.П., Зыков А.П.** Барсова Гора: археологическая карта. — Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2004. — С. 86, 87.

[2] **Михалёв А.А.** Новый памятник эпохи раннего металла в Сургутском Приобье // Пробл. финно-угорской археологии Урала и Поволжья. — Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН, 1992. — С. 100—102.

[3] **Михалёв А.А.** Новый памятник эпохи раннего металла... — С. 102, 105.

[4] **Михалёв А.А.** Новый памятник эпохи раннего металла... — С. 100.

[5] **Чемякин Ю.П., Ушаков М.А.** Новый тип энеолитических памятников в Сургутском Приобье // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга: Мат-лы науч. конф. Ч. 2: Новейшие открытия уральских археологов. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999. — С. 32—39.

[6] **Чемякин Ю.П., Зыков А.П.** Барсова Гора... — С. 86, 87.

[7] **Косинская Л.Л., Чемякин Ю.П., Зайцева Г.И.** Радиоуглеродные даты с археологических памятников из окрестностей Сургута // Барсова Гора: 110 лет археологических исследований. — Сургут: МУ ИКНПЦ «Барсова Гора», 2002. — С. 142, 144.

[8] **Чемякин Ю.П., Зыков А.П.** Барсова Гора... — С. 46.

[9] **Чемякин Ю.П.** Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. — Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати», 2008. — С. 37—40.

[10] **Чемякин Ю.П.** Барсова Гора... — С. 32—33. Рис. 22; **Чемякин Ю.П., Ушаков М.А.** Новый тип энеолитических памятников...

Археологическая разведка в бассейне р. Минчимкина на территории Сургутского района ХМАО – Югры

Е.А. Юдина
г. Екатеринбург
Проблемная научно-исследовательская
археологическая лаборатория
Уральского государственного университета им. А.М. Горького

В июне – июле 2008 г. экспедицией ПНИАЛ УрГУ были обследованы участки в бассейне р. Минчимкина (правый приток р. Оби): на левом берегу нижнего течения и на правом берегу недалеко от впадения р. Быстрый Кульёган. Административно указанные участки входят в территорию Сургутского р-на ХМАО – Югры.

В ходе разведки было выявлено 3 новых памятника.

Одиночная впадина Минчимкина 9

Расположена в 1,3 км к западу от русла р. Минчимкина, на краю правой коренной террасы, у основания мыса. Находится в 9,8 км к северу – северо-востоку от бывшего п. Солкино и в 0,25 км к юго-востоку от группы впадин Минчимкина 8.

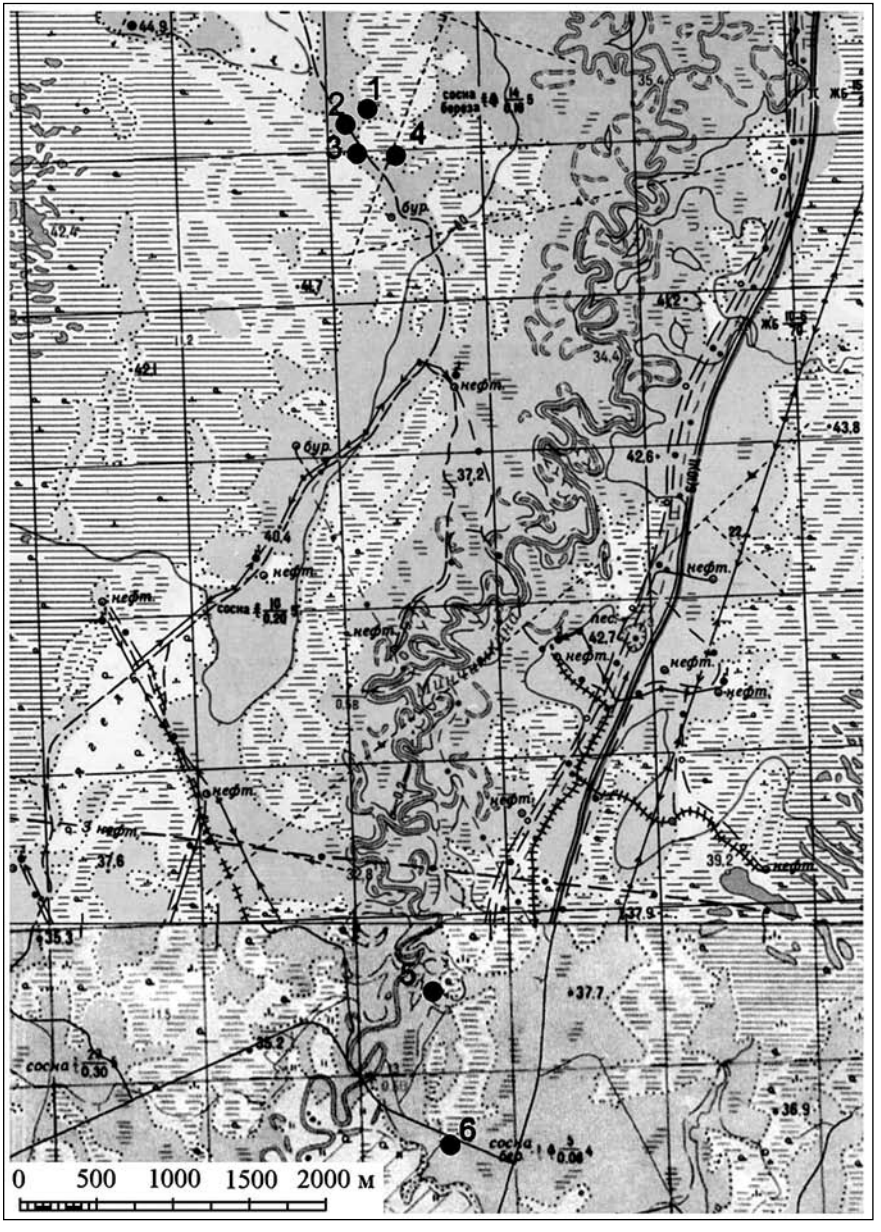
Объект представляет собой впадину округлой формы размерами 2,7х2,8 м и глубиной 0,4 м, со слабовыраженной обваловкой.

Памятник Минчимкина 10

Находится на левобережье р. Минчимкина, в 0,12–0,15 км от русла реки и в 5,2 км к северу – северо-востоку от бывшего п. Солкино. Занимает участок на краю суходольного останца высотой 1,0–1,5 м, ограниченного с запада заболоченной поймой.

Памятник включает следующие объекты:

- 2 овальные впадины размерами 5,0х3,5 и 4,3х4,9 м, глубиной около 0,3 м, с обваловкой;
- 5 небольших округлых впадин, расположенных по кромке останца, диаметрами около 2,0–2,5 м, глубиной 0,3–0,6 м;
- впадину подпрямоугольной формы размерами 10,4х9,4, глубиной 0,4 м;
- небольшую приподнятую площадку размерами 2,5х2,5 м, высотой 0,1 м, окружённую внешними ямками глубиной 0,2–0,3 м.



Ил. 1. Карта-схема расположения археологических памятников в бассейне р. Минчимкина ниже впадения в неё р. Быстрый Кульёган: *1 – одиночная впадина Минчимкина 6; 2 – одиночная впадина Минчимкина 7; 3 – группа впадин Минчимкина 8; 4 – одиночная впадина Минчимкина 9; 5 – памятник Минчимкина 10; 6 – группа впадин Минчимкина 11*

Группа впадин Минчимкина 11

Расположена в 4,3 км к северу — северо-востоку от бывшего п. Солкино, на краю суходола (с запада и юга он ограничен заболоченной приречной поймой), примерно в 0,7 км восточнее современного левого берега реки и в 0,45 км восточнее одной из стариц. Памятник включает 2 объекта, фиксирующихся на поверхности в виде округлых впадин с обваловкой. Их диаметры 3,0 и 3,2 м, глубина 0,50 м и 0,35 м соответственно.

Полевые работы, проводившиеся ранее в бассейнах р. Минчимкина и Быстрый Кульёган, позволили выделить характерные для этой территории типы археологических объектов (по фиксирующимся на поверхности признакам). Соотнесение выделенных типов с данными археологических раскопок, а также материалами, полученными при шурфовке и осмотре памятников, позволило наметить их примерную хронологическую атрибуцию[1]. В соответствии с этой типологией, одиночная впадина Минчимкина 9 и оба объекта группы впадин Минчимкина 11 по форме и размерам могут быть предположительно представлены как остатки построек (древних жилищ или хозяйственных, производственных сооружений) в форме землянок или полуземлянок.

Это же относится к объектам 3, 4, 9 памятника Минчимкина 10. Вероятно, первые из них могли возникнуть в эпохи поздней бронзы и раннего железного века. Объект 9, исходя из упоминавшейся выше типологии, может относиться и к более ранним периодам. Небольшие впадины 1, 2, 6, 7, 8 на этом же памятнике вполне могут маркировать следы небольших хозяйственных конструкций или промысловых (ловчих) ям. Их предварительная датировка затруднена. Объект 5, представленный приподнятой площадкой, вероятно, является остатками небольшого строения жилого, хозяйственного или производственного назначения и тоже относится к периоду поздней бронзы — раннего железного века.

Несмотря на близость памятников к промышленным объектам и трассам коммуникаций, нарушений объектов не зафиксировано.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Погодин А.А.** Отчёт об археологической разведке в Сургутском и Берёзовском районах Ханты-Мансийского автономного округа (в 1994 г.). — Екатеринбург, 1995. — Т. I: Отчёт об археологических исследованиях в зоне Быстринского месторождения нефти в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа (в 1994). — Архив Кабинета археологии УрГУ. Ф. II. Д. 565.

Раскопки Ендырского VII поселения в Октябрьском районе ХМАО – Югры в 2008 г.

С.Ф. Кокшаров
г. Екатеринбург
Институт истории и археологии Уральского отделения
Российской академии наук
Уральский госуниверситет

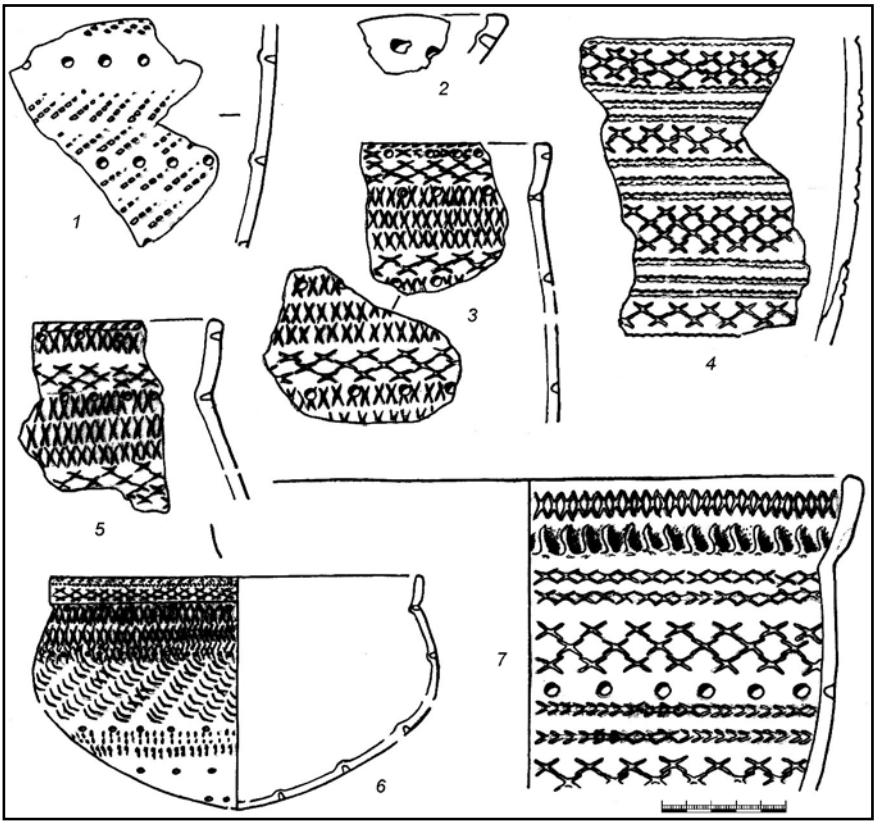
В 2008 г. были продолжены работы Югорской археологической экспедиции УрГУ и ИИА УрО РАН в Октябрьском р-не ХМАО – Югры. Объектом научных исследований было выбрано поселение Ендырское VII. Задача работ состояла в выяснении возраста памятника и оценке перспектив его дальнейшего изучения.

Археологический объект расположен в 71 км к югу – юго-востоку от г. Нягань, в большой излучине, на левом берегу р. Ендырь, являющейся левым притоком нижнего течения Оби. Поселение занимает участок коренного берега высотой 5 м, отделённого от русла реки заболоченной поймой шириной около 200 м. На плане памятника, снятого в 1993 г. В.А. Борзуновым, отмечено 38 впадин, возникших на месте жилищ и иных сооружений. С юго-запада поселение ограничено береговой террасой. Противоположная граница объекта проведена условно за пределами площадки, занимаемой впадинами. С северо-запада памятник ограничен рвом городища Ендырское VI. На юго-восточной окраине поселения Ендырское VII расположено укреплённое жилище № 1, относящееся к поселению Ендырское VIII.

Для закладки раскопа площадью 48 кв. м был выбран участок, расположенный в глубине террасы, за условной границей памятника. Раскоп был ориентирован по сторонам света и разбит на квадраты 2х2 м. Нумерация участков велась с учётом продолжения исследований поселения.

В пределах раскопа отмечены выворот упавшего дерева и две ямы. Находок в обнаруженных объектах не было. Всего из раскопа I происходят 82 фрагмента керамики и 2 металлических изделия.

Керамика сконцентрирована в западной части раскопа на участке Р/51–52. Она представлена обломками шести сосудов атлымской



Ил. 1. **Поселение Ендырское VII.** Керамика атлымского типа

культуры (пятью — от венчиков, одним — от стенки). Это 4 горшка с хорошо профилированными шейками, которым придана дуговидная форма, и небольшая чаша с ошлакованным венчиком (ил. 1—*2*). Один из сосудов удалось восстановить графически (ил. 1—*6*). Это приземистый горшок с шейкой высотой около 1 см. Диаметр сосуда по венчику — 15,1 см, наибольший диаметр по тулову — 16,4 см, высота ёмкости — 9,3 см.

Посуда вылеплена из глины с примесью лимонита, дроблёной каменной крошки (гранита), шамота и мелкого песка. Внутренние и внешние стенки хорошо заглажены. Толщина черепков достигает 3—6 мм.

Орнамент, расположенный на внешних стенках горшков, нанесён штампом в виде косого креста, напоминающего знак умножения, и гребёнкой. По основанию шейки одного из горшков имеется поясок пальцевых защипов (ил. 1—*7*). Узоры довольно монотонны: 1—3 пояска

из крестовых отпечатков, вдавления того же штампа, расположенные в шахматном порядке, или наклонные пояса, опускающиеся по тулову сосудов. Придонная часть украшена обычно поясками гребенчатых оттисков (ил. 1—*1*). Плотные узоры разрежены горизонтальными линиями конических ямок. Среди прочих сосудов выделяется чаша, украшенная в зоне под венчиком лишь пояском ямок неправильной формы (ил. 1—*2*).

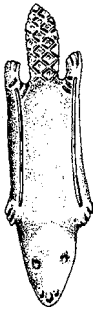
Керамика атлымской культуры с шейками дуговидной формы относится ко второму типу, датирующемуся XII—VIII вв. до н. э. или последними веками бронзового века[1].

Изделия из металла представлены двумя пулями в виде свинцовых шариков диаметром 10,0 и 0,8 мм. Первая, имеющая по окружности литейный шов и основание литника, изготовлена в двусторонней форме. Вторая откована из куска стержня, которому придана сферическая форма. Судя по размерам, предметы использовались в разнокалиберном оружии. Они могут быть связаны с промысловой деятельностью ханты, которые проживали в этих местах до прихода нефтяников.

В предстоящем полевом сезоне планируется составить инструментальный план памятника и продолжить начатые работы.

ПРИМЕЧАНИЯ

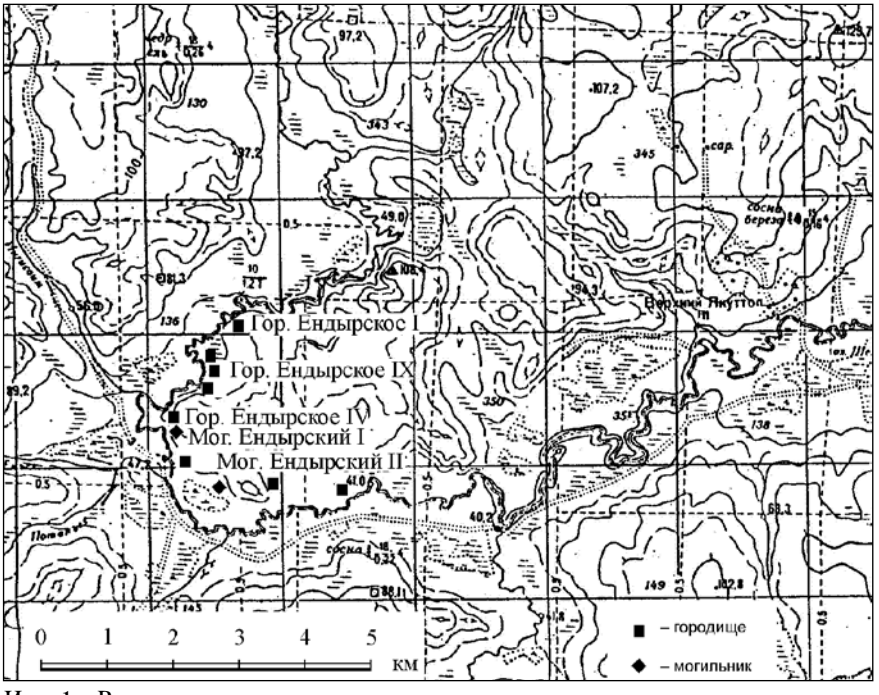
[1] **Васильев Е.А.** Северотаёжное Приобье в эпоху поздней бронзы (хронология и культурная принадлежность памятников) // Археология и этнография Приобья. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1982. — С. 12; **Кокшаров С.Ф.** Памятник атлымской культуры на реке Ендырь // Археология, этнография и антропология Евразии. — Новосибирск, 2007. — № 3 — С. 53—61.



Археологическая разведка на р. Ендырь в Октябрьском районе ХМАО – Югры Тюменской области

В.Л. Доронин
г. Екатеринбург
Угорский научно-исследовательский центр
Уральского государственного университета

В 2008 г. Югорской археологической экспедицией были продолжены археологические исследования в большой излучине р. Ендырь (левый приток Нижней Оби), в Октябрьском р-не ХМАО – Югры, которые ведутся здесь с нач. 1990-х гг. В 1992 г. разведочная группа С.Ф. Кокшарова зафиксировала 7 памятников в нижнем течении р. Ендырь около п. Пальяново и на р. Ем-Ёга[1]. Летом следующего года тот же отряд работал в большой излучине р. Ендырь в окрестностях



Ил. 1. Расположение археологических памятников в верхнем течении р. Ендырь

одноименной заброшенной деревни, где было обнаружено 11 разновременных селищ и стоянок, 2 могильника эпохи железа и 8 городищ, в том числе Ендырское I городище — былинный средневековый городок Эмдер[2] (ил. 1). В 1994—1999 гг. экспедиция Ин-та истории и археологии УрО РАН и предприятия «Волот» исторического факультета УрГУ под началом С.Ф. Кокшарова вела стационарные исследования городища Ендырское I[3]. С 1997 г. под руководством С.Ф. Кокшарова были начаты исследования позднесредневекового Ендырского I могильника, а в 1999 г. — Ендырского II могильника.

В 2002 г. А.В. Ермоленко проводились рекогносцировочные археологические исследования археологических памятников в районе п. Талинского Октябрьского р-на ХМАО — Югры — это бассейн р. Ендырь ниже устья р. Хора. Удалось обнаружить 4 археологических памятника эпохи железа (III—VII вв.): 1 селище и 3 городища[4].

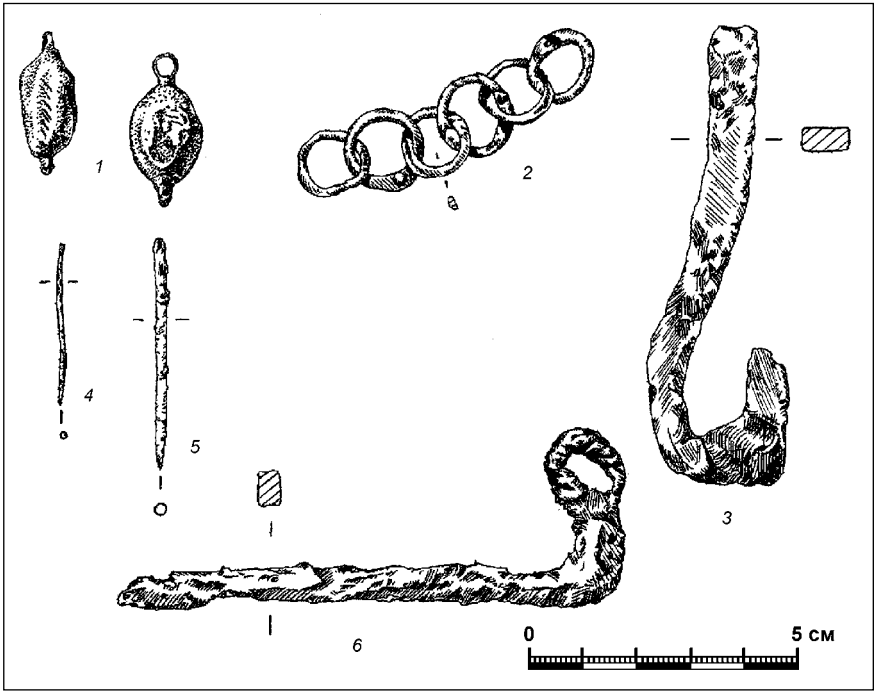
В ходе разведки 2008 г. было проверено состояние и осуществлена фотофиксация памятников, открытых в 1993 г. в большой излучине р. Ендырь. Во время осмотра городища Ендырского I на жилой площадке было обнаружено упавшее дерево, корневая система которого повредила культурный слой в западной части памятника. При изучении выворотня диаметром 5,5 м удалось собрать небольшую коллекцию археологических находок и фаунистические остатки. Коллекция включает в себя две медные пуговицы, фрагмент кольчужного плетения из шести медных колец, швейные иглы, дужку от котла, а также бракованное кресало (ил. 2). Обнаруженные материалы имеют хорошие соответствия со средневековыми вещами, найденными на территории Ендырского I городища в прежние годы[5].

Анализ костного материала был проведен канд. биол. наук, старшим научным сотрудником Ин-та экологии растений и животных УрО РАН П.А. Косинцевым и представлен в таблице.

Таблица

Видовой состав и количество костных останков позвоночных городища Ендырское I (сборы 2008 г.)

Вид животного	Количество костей	Количество особей
Лось	17	2
Северный олень	2	1
Медведь	7	2
Соболь	1	1
Заяц	1	1
Рыба	2	–



Ил. 2. Городище Ендырское 1. Подъёмный материал (сборы 2008 г.). *1–2 – медь, 3–6 – железо*

В ходе осмотра других памятников разрушений и повреждений их культурного слоя не зафиксировано. В целом их состояние можно характеризовать как вполне удовлетворительное.

Во время разведочных мероприятий был обследован памятник, ранее не привлекавший внимания исследователей и о наличии которого сообщили жители г. Нягань. Этот памятник получил название Ендырское IX городище.

Городище расположено примерно в 69 км к юго-востоку от г. Нягань, на территории Октябрьского района ХМАО – Югры, в большой излучине р. Ендырь, на её левом берегу (ил. 1). Оно находится между городищами Ендырское II и Ендырское III. Площадка городища имеет подтреугольную форму, ориентацию в направлении северо-восток – юго-запад, размер 15х10 м. Объект расположен на высоте 17 м над уровнем реки. От напольной стороны жилая площадка отделена невысоким (0,25 м) валом шириной около 2,5 м. В восточной части вала находилась неглубокая нора животного.

Шурфовка памятника не проводилась, но, судя по невыразительности вала и отсутствию рва, городище может быть датировано поздним бронзовым веком или эпохой железа. Техническое состояние памятника — хорошее.

В ходе работ 2008 г. установлено, что состояние большей части обследованных археологических памятников вполне удовлетворительное. Разрушения культурного слоя на Ендырском I городище связаны с природными, а не антропогенными факторами. Наконец, проверены сведения местного населения о наличии неизвестного ранее городища Ендырское IX, которое было обследовано. Таким образом, верхнее течение р. Ендырь представляет собой достаточно интересный район для дальнейших исследований.

ПРИМЕЧАНИЯ

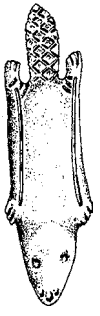
[1] **Кокшаров С.Ф.** Отчёт об археологических исследованиях, проведённых в Октябрьском районе Тюменской области ХМАО в 1992 г. — Екатеринбург, 1993 // Архив Кабинета археологии УрГУ. — Ф. II. Д. 542.

[2] **Кокшаров С.Ф.** Отчёт об археологических исследованиях, проведённых в Октябрьском районе в 1993 г. — Архив ИА РАН. — Р-1. № 18258.

[3] **Зыков А.П., Кокшаров С.Ф.** Древний Эмдер. — Екатеринбург, 2001.

[4] **Ермоленко А.В.** Археологические разведки в Ханты-Мансийском автономном округе // Археологические открытия 2002 г. — М., 2003. — С. 361.

[5] **Зыков А.П., Кокшаров С.Ф.** Древний Эмдер... С. 137.



Результаты мониторинга двух археологических памятников Лянтора в 2008 г.

И.Ю. Клабуков
г. Сургут
МУ «Историко-культурный
научно-производственный центр «Барсова Гора»

В полевом сезоне 2008 г. сотрудниками МУ ИКНПЦ «Барсова Гора» было проведено обследование современного состояния двух археологических памятников в границах г. Лянтора Сургутского р-на ХМАО – Югры. Поводом для исследований послужило обращение Сургутской региональной дирекции Дорожного департамента в Службу государственной охраны объектов культурного наследия округа в связи с планируемым изменением профиля автодороги Сургут–Лянтор на подъезде к городу.

Ил. 1. **Селище Вочимъяун 2.** Объект XI. Сн. с запада

Поселения Вочимъяун 1 и Вочимъяун 2, отстоящие друг от друга на 200 м, расположены в левобережье одноимённого водотока – правого притока р. Пим. Они занимают мысовидные выступы надпойменной террасы, выходящие почти вплотную к современному руслу. Суходол превышает на 1 м окружающее подболоченное пространство и покрыт высокоствольным сосняком с примесью лиственного подроста.

Поселения обнаружены в 1986–1987 гг. разведочной группой УАЭ УрГУ под руководством В.М. Морозова[1]. Картографирование и общее описание памятников, при которых были введены их современные официальные наименование и нумерация, были осуществлены только в 1994 г. в ходе крупномасштабных работ предприятия ООО «НАЦ «АВКом – Наследие» в бассейне р. Пим под руководством О.В. Кардаша[2].

Один из объектов поселения Вочимъяун 2 был изучен в 1995 г. раскопками под руководством В.М. Морозова[3]. Тогда же был снят и первый топоплан памятника. Полученные материалы позволили отнести, по крайней мере, некоторые объекты к белоярской археологической культуре VII–IV вв. до н. э. Не исключено, что близкий возраст может иметь и первое из поселений, чему не противоречит

Ил. 2. **Селище Вочимъяун 2.** Объект XI. Сн. с запада – юго-запада

внешний вид объектов, характерный для древностей раннего железного века. Предварительно определял возраст поселения Вочимъяун I и В.М. Морозов, нашедший здесь неорнаментированный фрагмент керамики в 1997 г. во время первой топосъёмки памятника[4]. Таким образом, при отсутствии иных датирующих признаков возможные хронологические рамки существования поселения Вочимъяун 1 следует расширить до втор. четв. I тыс. до н.э. — перв. трети I тыс. н.э.

Характеристика археологических объектов приведена в таблицах. На каждом из поселений выявлены остатки сооружений, не замеченные в ходе предшествовавших работ: на поселении Вочимъяун 1 — одного, на поселении Вочимъяун 2 — трёх (в описании они приведены последними). Обследование 2008 г. показало, что по сравнению с 1997 г., когда на территории памятников была зафиксирована траншея вдоль автодороги, их облик не претерпел значительных изменений. Вместе с тем общее состояние можно оценить как аварийное: имеются многочисленные повреждения поверхности тяжёлой техникой, следы интенсивного рекреационного воздействия — свалка мусора, перекопы грунта, остатки кострищ, следы протекторов легковых автомобилей. Легкодоступность для посещения и отсутствие частого древостоя создают потенциальную угрозу повреждения культурного слоя.

Таблица 1

Характеристика объектов поселения Вочимъяун 1

№	Внешний вид	Размеры (м)	Ориентация продольной осью	Примечания
I	Подпрямоугольная наземная площадка с внешними ямами	6,6x5,6	ССЗ–ЮЮВ	Выделяется пониженная центральная часть
II	Подпрямоугольная наземная площадка с внешними ямами	8,4x5,1	З–В	
III	Подпрямоугольная наземная площадка с внешними ямами	8,3x7,7	ЗЮЗ–ВСВ	
IV	Подпрямоугольная наземная площадка с внешними ямами	8,3x7,9	ЗЮЗ–ВСВ	Выделяется пониженная центральная часть
V	Подпрямоугольная наземная площадка с внешними ямами	10,3x7,6	ЮЗ–СВ	Выделяется пониженная центральная часть

В результате тахеометрической съёмки и точной привязки на местности при помощи GPS можно констатировать, что планируемое сглаживание поворота автоподъезда к городу потребует проведения раскопок в южной части поселения Вочимъяун 2, поселение же Вочимъяун 1 минует зоны отчуждения.

Таблица 2

Характеристика объектов поселения Вочимъяун 2

№	Вид	Форма	Размеры (м)	Глубина (м)	Ориентация продольной осью	Примечания
I	Впадина	Округлая	3,2х3,1	0,2	–	Вокруг (кроме южн. стороны) – обваловка шир. 1,5 м, выс. 0,12 м
II	Наземная площадка	Подпрямоуголь-ная	7,8х5,1	–	ЮЗ–СВ	Обваловка шир. 1,8 м, выс. 0,12 м; вокруг – внешние ямы
III	Впадина	Неправильная	5,2х4,5	0,3	ЮЗ – СВ	Вокруг – обваловка шир. 1,3 м, выс. 0,15 м; с ЮВ – выступ (место выхода – ?)
IV	Наземная площадка	–	–	–	–	Полностью раскопана
V	Впадина	Подовальная	4,3 и3,2	0,2	ЮЗ – СВ	–
VI	Наземная площадка	Подпрямоуголь-ная	8,1х7,2	–	ЮВ – СЗ	Обваловка шир. 1,9 м, выс. 0,14 м; вокруг – внешние ямы
VII	Наземная площадка	Подпрямоуголь-ная	7,07х6,1	–	ЮЗ – СВ	Обваловка шир. 1,7 м, выс. 0,12 м; вокруг – внешние ямы
VIII	Впадина	Подпрямоуголь-ная	3,7х3,1	0,35	ЮЗ – СВ	–
IX	Впадина	Подпрямоуголь-ная	4,1х3,5	0,25	З – В	Вокруг (кроме южн. половины) – обваловка шир. 1,3 м, выс. 0,08 м
X	Впадина	Овальная	3,6 и 2,5	0,4	ЮВ – СЗ	Вокруг – обваловка шир. 1,5 м, выс. 0,18 м
XI	Наземная площадка	Подпрямоуголь-ная 8-образная	17,3х9,2	–	ЗЮЗ – ВСВ	Обваловка шир. 2,5 м, выс. 0,2 м смыкается посередине и делит объект поперёк на две половины; вокруг – внешние ямы
XII	Впадина	Подпрямоуголь-ная	4,1х3,1 (ширина, воз-можно, больше)	0,1	ЮЗ – СВ	Сев.-зап. часть повреждена
XIII	Впадина	Овальная	5,5 и 4,3	0,23	ЮВ – СЗ	–
XIV	Впадина	Овальная	3,9 и 3,7	0,15	ЮЗ – СВ	Вокруг – обваловка шир. 1,8 м, выс. 0,08 м
XV	Впадина	Овальная	4,9 и 4,2	0,4	Ю – С	–
XVI	Впадина	Округлая	3,5	0,7	–	Вокруг – обваловка шир. 1,4 м, выс 0,1 м
XVII	Впадина	Округлая	3,4	0,9	–	Обваловка шир. 1,5 м, выс. 0,25 м
XVIII	Наземная площадка	Подпрямоуголь-ная	12,5х6,2	–	ЮЗ – СВ	Юго-вост. часть сглажена в рельефе; с С и З – внешние ямы
XIXа	Впадина	Овальная	1,9 и 1,2	0,18	ЗЮЗ – ВСВ	Видимо, составляют единый объект
XIXб	Впадина	Овальная	4,3 и 3,6	0,2	ЗСЗ – ВЮВ	
XX	Впадина	Округлая	3,25 и 3,25	0,6		С СВ – обваловка шир. 1,4 м, выс. 0,1 м

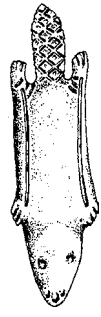
ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Морозов В.М.** Отчёт о разведочном обследовании территории г. Лянтора, площадки поселения Амтунъюх 1 и их окрестностей в Сургутском районе Тюменской области. — Екатеринбург, 1998. — Архив Кабинета археологии УрГУ. — Ф. II. Д. 588.

[2] **Кардаш О.В.** Отчёт об археологических исследованиях в зоне хозяйственной деятельности АООТ «Сургутнефтегаз» на территории Лянторского, Камынского, Ай-Пимского месторождений в бассейне р. Пим в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа летом 1994 г. — Екатеринбург, 1995. — Архив ИА РАН. Р1. № 10911.

[3] **Морозов В.М., Чемякин Ю.П.** Древнее поселение в бассейне р. Пим (краткий археологический очерк). — Сургут: ИИЦ СурГУ, 1997. — 73 с. (в публикации поселение названо Вачим 7; очевидно, это название фигурирует и в полевой документации 1986—1987 гг.).

[4] **Морозов В.М.** Отчёт о разведочном обследовании территории г. Лянтора, площадки поселения Амтунъюх 1 и их окрестностей в Сургутском районе Тюменской области...



Раскопки средневекового селища Сартым-Урий 16 в Сургутском районе ХМАО – Югры

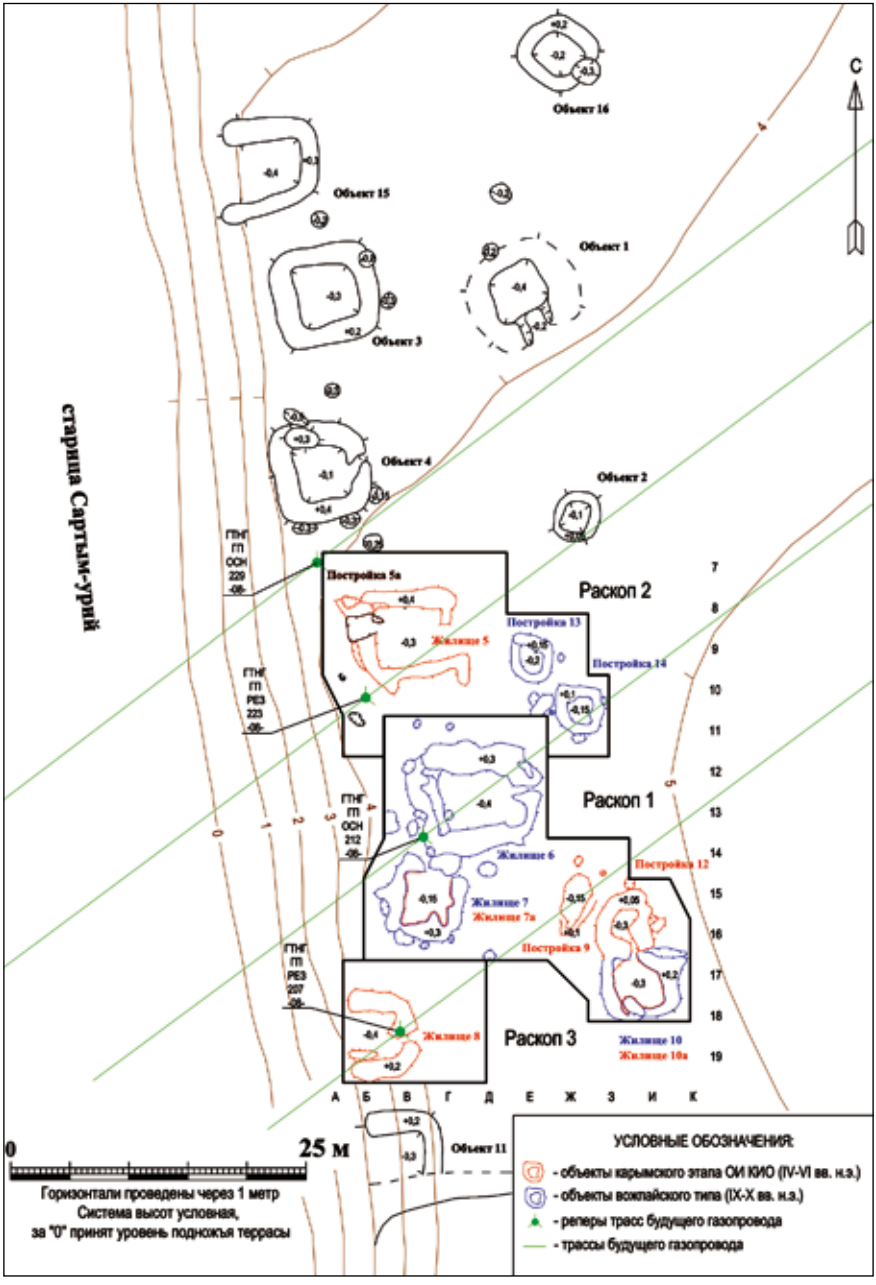
Т.Ю. Фефилова, Ю.П. Чемякин
г. Екатеринбург
Уральский государственный педагогический университет
Уральский государственный университет

Селище Сартым-Урий 16 находится на правом (восточном) берегу одноименной протоки (старицы), в 250–300 м от правого берега р. Большого Югана. Административный адрес: Тюменская обл., Ханты-Мансийский автономный округ– Югра, Сургутский р-он, 2 км к северу от с. Угут.

В 2007 г. начались стационарные раскопки памятника, проводившиеся объединенной экспедицией УрГПУ и УрГУ. Тогда были изучены остатки семи древних объектов, отражавших два периода в освоении этого участка берега. Ранний слой относится к карымскому этапу обь-иртышской культурно-исторической общности, датирован IV — нач. VI в.[1] Поздний слой возник в IX–X вв. и связан с вожпайским типом древностей начала кинтусовского этапа обь-иртышской культурно-исторической общности, или с вожпайской культурой (по К.Г. Карачарову)[2]. Расчистка памятника от мелколесья в 2008 г. позволила выявить ещё два объекта, общее число которых достигло четырнадцати.

Объекты на селище Сартым-Урий 16 расположены в два ряда вдоль края террасы (ил. 1). Впадины 2–8 и 11 находятся на самой кромке, некоторые из них частично оползли по склону (№ 2, 8, 11). Они имеют подпрямоугольную или подквадратную форму, размеры от 7,0х5,3 до 12,6х10,3 м, глубину от 0,1 до 0,4 м, окружены обваловками шириной от 1,0 до 1,5 м. В обваловках, преимущественно с западной (противоположной протоке) стороны, наблюдается разрыв, видимо, связанный с выходом. Расстояние между впадинами около 5–6 м.

Впадины 1, 9–10 и 12–16 образуют второй ряд, удалённый от протоки. Они имеют разную форму, размеры (от 3,0х6,1 до 9,2х10,0 м) и ориентацию. В целом их размеры меньше, чем у объектов первого ряда. Это позволяет предполагать хозяйственное назначение большинства из них, в то время как на берегу находились жилые постройки.



Ил. 1. **Селище Сартым-Урий 16.** План

Раскопки объектов 9, 10, 12–14 в 2007–2008 гг.[3] подтверждают это предположение.

С карымским периодом были связаны жилище 7а, хозяйственные постройки 9, 10а и 12, исследованные в 2007 г. К этому же времени относятся расположенные рядом селище Сартым-Урий 17 и городище Сартым-Урий 18. Вероятно, эти памятники представляют разные стадии в развитии древнего посёлка. В 2008 г. экспедицией УрГПУ – УрГУ, финансировавшейся ООО «НПО «Северная археология – 1» и Уральским государственным педагогическим университетом, были раскопаны ещё 3 карымских сооружения на селище Сартым-Урий 16.

ОБЪЕКТ 5

До раскопок представлял собой углубленную на 35 см от уровня окружающей поверхности подпрямоугольную впадину размерами 8,8х5,7 м, окружённую обваловкой шириной 1,0–1,6 м и высотой 0,10–0,38 м. Длинной осью она была ориентирована по линии запад – восток. С западной стороны впадина частично разрушена береговым оползнем. С восточной стороны в обваловке фиксировался разрыв шириной около 3 м.

Впадина осталась от жилища, которое реконструируется как подквадратное, размерами 7,2х7,1 м, углубленное на 0,10–0,15 м от уровня древней поверхности. С восточной стороны находился выход шириной 1,2–1,6 м. Стены с внешней стороны были присыпаны песком. Под обваловкой были найдены железные шило и кольчужное кольцо.

В центре жилища располагался наземный очаг открытого типа, от которого осталась овальная линза тёмно-бурого слоя размером 160х195 см и мощностью от 8 до 18 см, со слабым прокалом под ней. Слой содержал мелкие кальцинирo-

Ил. 2. **Селище Сартым-Урий 16.** Объект 5. Участок В/8, глуб. –86 см. Железные наконечники стрел (?) in situ. Сн. с СВ

ванные кости, керамику, шлаки. В 0,5 м южнее очага найдено еще одно кольчужное кольцо. К югу от очага выявлены следы двух ямок от столбов (участок В/9, глуб. от —94 до —95 см). Возможно, они остались от какой-то очажной конструкции.

За очагом у западной стены жилища в слое, маркирующем пол постройки, были найдены 8 железных наконечников стрел (?), стоявших вертикально, остриями вниз (участок В/8, глуб. —86 см; ил. 2). В юго-западном углу постройки обнаружена бронзовая бусина. В обваловке, очаге и на полу жилища 5, а также в окружавших его ямах в большом количестве найдена керамика карымского типа.

С западной стороны обваловки объекта 5 ещё до начала работ фиксировалось подпрямоугольное углубление размерами 2,7х2,2 м и глубиной около 0,2 м от окружавшей поверхности. Первоначально оно было воспринято как конструктивная деталь жилища 5, своеобразная «ниша» в его западной стенке. Однако уже на уровне —55 см более

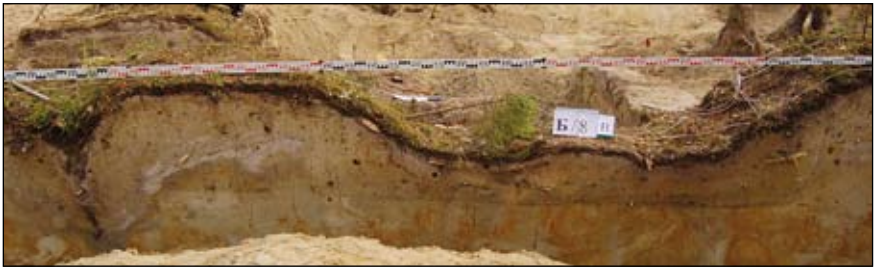
Ил. 3. **Селище Сартым-Урий 16.** Угол постройки 5а и яма 8. Участок А—Б/8, глуб.—105 см. Сн. с З

вероятным представляется, что это — постройка 5а, возникшая несколько позже на месте жилища и нарушившая его западную стенку и обваловку.

ПОСТРОЙКА 5а

Её пол был выявлен на глуб. −105 см (ил. 3, 4). Размер постройки на уровне пола составлял 2,42Ч1,57−1,82 м. Длинной стороной она была ориентирована по линии север−северо-запад − юг−юго-восток. Пол был углублен на 0,35−0,40 м относительно уровня древней поверхности. Вдоль западной стенки объекта выявлены неровные пятна тёмно-серого углистого слоя и буро-серой супеси, протянувшиеся полосой шириной около 0,45 см и длиной 1,00 м.

Чуть ниже, на глуб. от −107 до −110 см в углистом слое был расчищен развал большого сосуда карымского типа, орнаментированного рядами горизонтальных желобков. Он находился, видимо, на ступеньке,



Ил. 4. **Селище Сартым-Урий 16. Постройка 5а. Разрез IV−IV'. Участок Б/8. Сн. с З**

вырытой в материковом песке с западной стороны постройки. Ширина ступеньки 0,28−0,30 м, высота не более 5−6 см. Она была покрыта двухсантиметровым слоем угля (остатки настила?). Пол под ступенькой также был покрыт слоем угля. На полу найдены фрагменты ещё одного карымского сосуда, орнаментированного ромбическим штампом.

Судя по профилям, высота обваловки постройки 5а не превышала 0,20−0,22 м, а грунт для неё брался из ям 13 и 19. Использовались ли эти ямы также в качестве хозяйственных, сказать трудно.

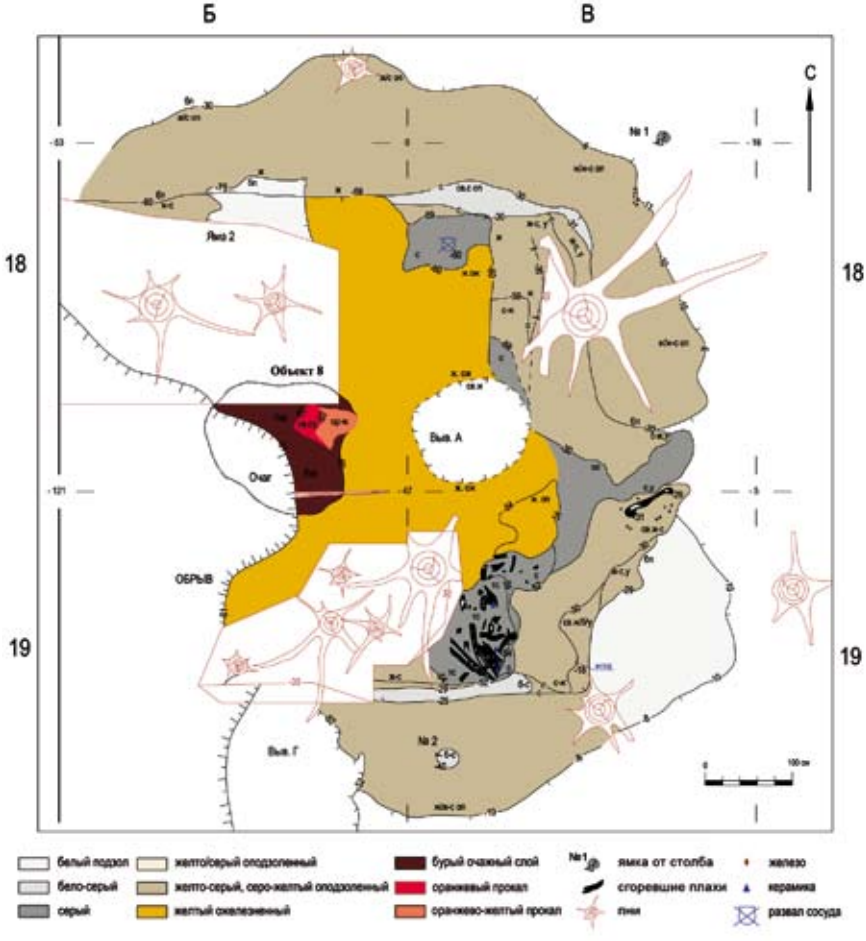
ОБЪЕКТ 8

Был расположен на самом краю террасы, береговая кромка которой осыпалась ещё в древности. Сейчас склон террасы порос сосновым лесом, однако и теперь он имеет угол наклона около 45°. Западная часть объекта разрушена осыпью, а центральная сползла по склону.

Таким образом, сохранилась лишь восточная часть объекта, которая и была изучена в ходе работ.

До раскопок это была углубленная на 0,40—0,45 м от уровня окружающей поверхности впадина подквадратной формы (размеры сохранившейся части 4,8х4,4 м) с обваловкой шириной 1,8—1,9 м и высотой 0,15—0,20 м. С восточной стороны в обваловке фиксировался разрыв шириной 0,64—1,20 м и глубиной около 0,10 м.

Работа на объекте началась с вскрытия обваловки. При этом сразу под дёрном восточнее постройки был найден железный нож, а в верхних слоях заплыва в котлован — железная игла. Посередине восточной



Ил. 5. **Селище Сартым-Урий 16.** Объект 8. План

стены жилища имелся коридорообразный выход длиной 1,5 м и шириной около 1,3 м, выглядевший как плавный спуск в углубленную часть жилища. Имелись ли какие-нибудь особые конструкции выхода, или он представлял собой просто проём в стене, определить не удалось. В центре жилища был расчищен слой бурой супеси с примесью мелких кальцинированных косточек и угольков — остатки очага (ил. 5). Основная его часть, так же как и вся западная половина жилища, оказалась уничтожена осыпью края террасы, а оставшаяся сильно сползла по склону, обнажив к востоку светло-оранжевый, переходивший в едва заметный оранжево-желтый, прокал. Минимальные размеры очага составляли 1,70х1,50 м, мощность — от 0,04 до 0,10 м.

В юго-восточном углу постройки были расчищены плахи, ориентированные в разных направлениях, что исключает интерпретацию их в качестве настила на полу жилища. Ориентация трёх самых длинных (0,52—0,59 м) от угла постройки к её центру позволяет предполагать, что они могли остаться от сгоревших деталей стены постройки или от обшивки нар. Разница в размерах котлована в верхней части (длина восточной стороны около 5,70 м) и на полу жилища (5,15 м соответственно), по-видимому, вызвана оплыванием стенок в процессе

Ил. 6. **Селище Сартым-Урий 16.** Объект 8. Участок Б—В/17—19, глуб. –40 см. Заполнение котлована. Сн. с В

археологизации объекта. На полу и между плахами были найдены осколки орнаментированных сосудов карымского типа.

Несмотря на то, что вся западная половина постройки оказалась разрушенной, а работу в центральной части значительно осложнили корни растущих здесь деревьев, можно сказать, что жилище 8 представляло собой слегка углубленную, окружённую невысокой (0,12—0,22 м) обваловкой постройку прямоугольной формы шириной 5,5—5,7 м и длиной более 6,0 м (ил. 6).

Посередине восточной стены жилища имелся коридорообразный выход длиной 1,5 м и шириной около 1,3 м. Имелись ли какие-нибудь особые конструкции двери, или она представляла собой просто проём в стене, определить не удалось. Выход выглядел как плавный спуск в углубленную часть жилища.

С северной и северо-восточной сторон жилища выявлены ямы 1 и 4, в одной из них найдены обломки железных изделий и фрагменты карымских сосудов.

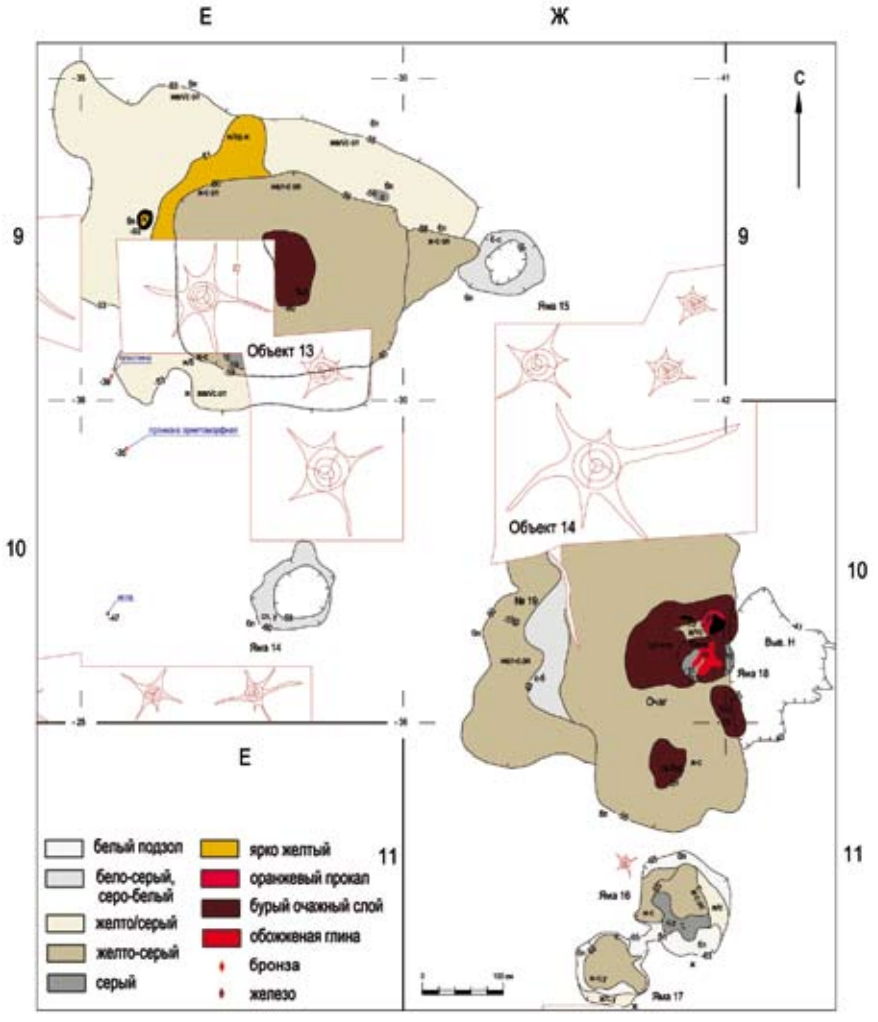
К вожпайскому периоду на селище Сартым-Урий 16 относятся жилища 6, 7 и 10, исследованные в 2007 г., и постройки 13 и 14, раскопанные в 2008 г.

ОБЪЕКТ 13

Был выявлен в ходе расчистки территории раскопа 2. До раскопок он представлял собой углубленную на 0,15—0,20 м впадину неправильно-округлой формы размерами 2,4х2,2 м, окружённую обваловкой шириной до 1,3 м и высотой 0,08—0,10 м. В юго-восточной части объекта обваловка расплывалась и почти совсем исчезала.

Раскопки постройки начались с уровня —30 см, когда была снята часть обваловки в виде небольших холмиков на участке Е/9—10. В одном из таких холмиков в слое жёлто-серого оподзоленного песка была найдена бронзовая орнитоморфная пронизка (участок Е/10, глуб. —35 см). Пронизки такого рода исследователями датируются ранними этапами эпохи Средневековья. Учитывая наличие на памятнике объектов карымского типа, пронизка может быть отнесена к тому же комплексу. За пределами постройки на уровне древней поверхности, у юго-западного угла была найдена бронзовая пластинка, южнее её — железная игла, а восточнее — железное шило. Эти предметы могли относиться как к карымскому, так и к вожпайскому комплексам.

Пол постройки 13 (участок Е/9) был зафиксирован на глуб. —63 см в виде поквадратного пятна жёлто-серого оподзоленного песка (ил. 7, 8).



Ил. 7. **Селище Сартым-Урий 16.** Объекты 13, 14. План

Размеры постройки не превышали 2,9х2,5 м. С восточной стороны к границе пола примыкал клин жёлто-серого оподзоленного песка подтреугольной формы. Вершина треугольника была направлена на восток и соприкасалась с ямой 15. Его размеры составили 0,21—0,94х0,88 м. Вероятно, клин маркировал выход из постройки.

В центре объекта зафиксирован очаг (участок Е/9, глуб. —60 см) подпрямоугольной формы размерами 0,48х0,93 м и мощностью около 0,05 м. Его остатки представляли собой линзу бурой супеси, при

Ил. 8. **Селище Сартым-Урий 16.** Объект 13. Участок Е—Ж/9, глуб. –55 см. Сн. с СЗ

разборке которой были найдены фрагменты керамических сосудов вожпайского типа. Под очажным слоем на глуб. —70 см был зафиксирован слабый розовый прокал мощностью 0,07 м. Судя по стратиграфии и сильной «размазанности» слоя обваловки, постройка 13 была практически наземной, её стенки специально не присыпались, а переотложенный песок за пределами пола постройки являлся следами выравнивания площадки. Размеры постройки (2,5х2,9 м) и малая мощность очага (около 0,05 м) могут свидетельствовать о её временном характере или хозяйственном назначении.

ОБЪЕКТ 14

Также был выявлен на площадке селища при расчистке раскопа 2. Он представлял собой слегка углубленную (на 0,10—0,15 м) впадину неправильно-округлой формы размерами 2,6х2,3 м, окружённую обваловкой шириной до 0,9—1,0 м и высотой 0,08—0,10 см.

Пол постройки 14 был расчищен на уровне от —47 до —55 см. Он представлял собой аморфное пятно серого и жёлтого пестроцвета и серо-жёлтого монотонного песка (ил. 7). Чётких границ постройки не удалось зафиксировать ни в плане, ни в профилях. Возможно, она имела каркасную конструкцию и стены, крытые берёстой. Так как пол

был только слегка выровнен, его границы не чёткие и обусловлены вытоптанностью площадки.

Приблизительные размеры постройки – 3,7х2,7 м. В её центре был зафиксирован очаг в виде линзы подовальной формы размерами 1,47 и 1,07 м и мощностью до 0,18 м. Под очагом на глуб. –70 см были расчищены остатки ямы 18.

Яма 18 (участок Ж/10) в плане представляла пятно округлой формы диаметром около 0,6 м. Она была заполнена буро-серым слоем очажной супеси с тёмно-серыми прослойками по периметру. В её центре находилась линза обожжённой глины размерами 0,21х0,32 м и мощностью до 0,12 м. В разрезе яма имела параболоидную форму, заполнение – бурая супесь, обожжённая глина ярко-оранжевого и сероватого цветов и тёмно-серая, углистая полоска по контуру. Глубина от уровня фиксации – 0,12 м, от пола постройки – около 0,27–0,30 м.

Небольшие размеры и глубина постройки, расплывчатые границы пола, наличие ямы, заполненной обожжённой глиной, позволяют предполагать, что постройка имела хозяйственное или даже производственное назначение. По керамике, найденной в очаге и на полу постройки, объект относится к вожпайскому типу древностей.

Основу коллекции из раскопок 2008 г. составляет керамика. Её можно разделить на две большие группы. Одна относится к карымскому этапу обь-иртышской культурно-исторической общности, другая – к вожпайскому типу начала кинтусовского этапа.

Карымские сосуды горшковидные, с выделенной шейкой (ил. 9–11). Венчики плоские, скошенные внутрь и приострённые, с внутренней стороны некоторых есть карнизики. Стенки ёмкостей тщательно обработаны, заглажены. В глине обычна примесь шамота. В тесте нескольких сосудов есть песок или дресва.

Орнамент, как правило, покрывает верхнюю треть или половину поверхности сосудов, редко спускаясь ниже. В верхней части или посередине шейки нанесён разделительный поясок из ямочных вдавлений или жемчужин, иногда поверх пояска вертикальных оттисков гребенчатого или мелкоструйчатого штампа. Сама шейка, как правило, украшена рядами горизонтальных поясков разнонаклонных (преимущественно горизонтальных же) оттисков гребенчатого и мелкоструйчатого штампов, а также штампов в виде змейки или «рамчатой уточки». Несколько ёмкостей декорированы оттисками ромбических штампов с жемчужинами или двойными «рамчатыми уточками» внутри. Есть сосуды,

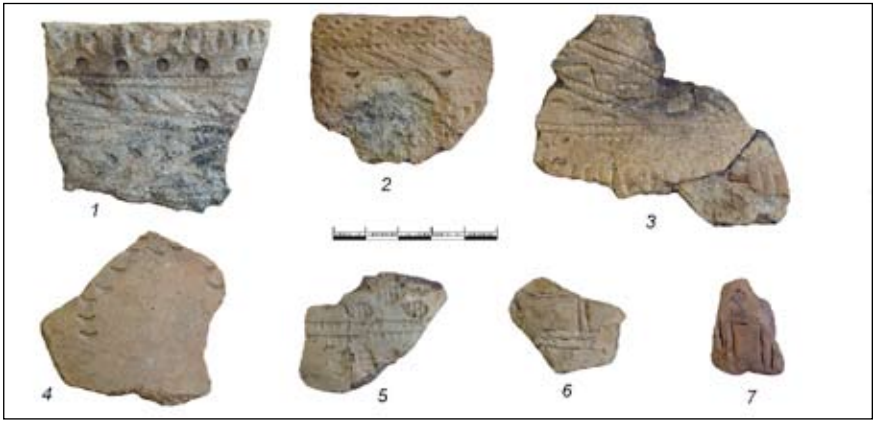
Ил. 9. **Селище Сартым-Урий 16.** Жилище 5. Керамика карымского типа

орнаментированные желобками. Композиции на плечиках и верхней части тулова состоят из подобных же поясков, рядов треугольников из оттисков ромбического штампа и иногда завершаются зонами из косых лент, выполненных горизонтальными или наклонными оттисками гребенчатого, в виде змейки или «рамчатой уточки» штампов.

Найден один сосуд на поддоне (ил. 9 — *1*). Он слабо профилирован, с плоским венчиком. В верхней части украшен желобками, поверх которых нанесён ряд небольших ямок. Единичные сосуды на поддо-

Ил. 10. **Селище Сартым-Урий 16.** Постройка 5а. Керамика карымского типа

Ил. 11. **Селище Сартым-Урий 16.** Жилище 8. Сосуд карымского типа



Ил. 12. **Селище Сартым-Урий 16.** Постройка 13. Керамика вожпайского типа

Ил. 13. **Селище Сартым-Урий 16.** Постройка 14. Керамика вожпайского типа

нах известны на раннесредневековых памятниках полуострова Ямал (Тиутей-Сале) и в Печорском Приуралье[4].

Сосуды вожпайского типа горшковидные, с выделенной шейкой (ил. 12—13). Венчики плоские, скошенные наружу и приостренные, неорнаментированные. Стенки ёмкостей тщательно обработаны, заглажены. В глине обычна примесь шамота.

Орнамент покрывает верхнюю треть или половину поверхности сосудов. Горизонтальные линии гребенчатого штампа нередко раз-

деляют орнаментальные полосы. Орнамент делится на зоны — ряды вертикальных или наклонных оттисков штампа под венчиком; линия глубоких наколов на свободной от узоров полосе на шейке; полосы с мотивами взаимопроникающих треугольников или параллелепипедов с поперечной штриховкой, одной или нескольких ломаных линий на плечиках и в верхней части тулова. Композиция иногда завершается фестонами.

Кроме керамики, на памятнике найдены несколько каменных абразивов, фрагменты тиглей, бронзовая бусина, бронзовые нашивки (?), железные ножи, рыболовные крючки, шилья, обломки игл, три плоских кольчужных кольца и многочисленные фрагменты металлических изделий (ил. 14). Большинство из них происходят из карымских построек или найдены в межжилищном пространстве.

На уровне пола жилища 5 были найдены 8 плоских наконечников стрел (?). Они имеют форму равнобедренных треугольников размерами от 28,5х17,5 до 40,5х15,3 мм (ил. 14 — *1-8*). Ширина самого узкого из них 14,0 мм. Наконечники напоминают срезни, в том числе срезни со скругленным и широким треугольным острием. Близкие небольшие срезни известны в древностях петрогромского типа[5], более крупные широко представлены в средневековых памятниках Западной Сибири. А.П. Зыков подобные изделия относит к типу срезней с расширяющейся к острию лопаточкой, без упора и датирует их от кон. VI—VIII до кон. XV—XVI вв.[6] В диссертационной работе он упоминает о находке 31 подобного наконечника (тип 55) размерами 51—120х11—24 мм[7]. Однако наши наконечники были найдены воткнутыми остриями в землю, то есть можно предположить, что широкая часть у них являлась насадом. Косвенно об этом свидетельствует и отверстие (для крепления?) у основания широкой части на одном из экземпляров (ил. 14 — *4*). Наконец, не исключено, что эти предметы вообще не являлись наконечниками. Отдаленно напоминающие наши железные подтреугольные пластины с отверстиями и зубчатым оформлением широкой части (панцирные пластины?) найдены в могильнике у Архиерейской заимки[8]. Две треугольные железные пластинки со сторонами 61х44х38 и 56х42х40 мм, толщиной 1,5 мм были найдены авторами на очаге и рядом с ним в жилище 2 селища Ермолаев Урий 1. По нашим представлениям, оно датируется в пределах XVIII — нач. XX в.[9] Возможно, точнее определить назначение изделий можно будет после реставрации.

В районе объекта 13, под дерном, в слое современного подзола была найдена бронзовая орнитоморфная пронизка размером 61х24 мм

Ил. 14. **Селище Сартым-Урий 16.** Металлические предметы из жилища 5 (1–8, 12, 14, 15, 18) и с его околожилищного пространства (9, 10, 17); из жилища 8 (23) и с его околожилищного пространства (13, 19–21); с околожилищного пространства постройки 13 (11, 16, 22). *1–8 – наконечники стрел (железо); 9–10 – шилья (железо); 11–12 – иглы (железо); 13, 23 – крючки (железо); 14 – бусина (бронза); 15–16 – пластины (бронза); 17–19 – кольца (железо); 20–21 – ножи (железо); 22 – орнитоморфная пронизка (бронза)*

(ил. 14—*22*). Она представляет собой изображение хищной птицы (орла?), терзающей голову млекопитающего (лося?). Фигура птицы отлита достаточно реалистично, детали (когти, клюв, глаза) показаны углублениями. Сложенные крылья переданы рядом жемчужин, оконтуренных желобками. Голова животного, терзаемого хищником, проработана хуже. Каплевидными углублениями показаны ноздри и глаза. В нескольких местах на пронизке заметны следы литейного брака в виде отверстий неправильной формы.

Полые зоо- и орнитоморфные пронизки появляются уже в конце кулайской эпохи. Пронизка в виде зверька из семейства куньих найдена в Барсовском III могильнике[10]. Четыре парные пронизки в виде фигурок медведя и барсука (?) входили в состав клада, обнаруженного на городище Барсов Городок I/20[11]. Наконец, пронизка, изображающая хищную птицу, в 2008 г. была найдена на селище Мильтон-Ягун 5[12]. Последняя достаточно близка юганской находке. Кулайские украшения отличаются отсутствием трубок по обе стороны отверстия (на спине птицы и в нижней части поделки). Самая близкая аналогия известна в Прикамье. Это пронизка из коллекции Теплоуховых, найденная у д. Антоновка (Антоновцы) бывшего Пермского уезда Пермской губернии[13]. Она предварительно датирована А.А. Спицыным IX в. Оба предмета отличают почти вертикальное положение птицы и наличие трубок сверху и снизу. Сюжет «Орел, клюющий голову лося», есть ещё на четырёх пронизках; две из них происходят из Прикамья и датируются VIII—IX вв.[14], а ещё две найдены в могильнике Рёлка кон. VI — нач. VIII в.[15] Известны и другие пронизки с близкими сюжетами («Орёл, клюющий медведя», «Орёл на спине медведя, стоящего на голове лося», «Соболь на голове лося»), датирующиеся в этих же пределах[16]. Учитывая, что поздний (вожпайский) слой на селище Сартым-Урий 18 датируется, согласно современным представлениям, втор. полов. IX — X в.[17], более вероятно, что наша находка относится к карымскому периоду существования памятника и предварительно датируется IV — нач. VI в.[18]

В заключение коснусь существующих периодизаций средневековых древностей таёжной зоны Западной Сибири. В своё время В.Н. Чернецов выделил на этой огромной территории нижнеобскую культуру с четырьмя этапами[19], из которых первый — ярсалинский — сейчас рассматривается в рамках кулайских древностей конца раннего железного века. В кон. 1980-х — нач. 1990-х гг. некоторые свердловские археологи предложили отказаться от понятия «археологическая культура» и

объединили древности огромного таёжного региона в обь-иртышскую культурно-историческую общность из пяти этапов[20]. Позже К.Г. Карачаров без особых обоснований фактически отождествил этапы указанной культурно-исторической общности с археологическими культурами, говоря о том, что первые отражают временной отрезок, а вторые — его культурное своеобразие. При этом он возвел в ранг культуры вожпайские древности (впервые о своеобразной вожпайской культуре писал Л.П. Хлобыстин[21]), а за сайгатинским этапом оставил хронологическое значение[22]. Границы культур не были очерчены. Недавно А.П. Зыков «реабилитировал» нижнеобскую культуру практически в тех же границах, которые обозначил когда-то В.Н. Чернецов. Он рассматривает её вместе с другими (рёлкинская, верхнеобская, потчевашская, усть-ишимская и др.) в рамках обь-иртышской культурно-исторической общности, прослеживая в её развитии те же этапы, что были выделены для общности в целом, кроме сайгатинского. Последний он выводит за рамки нижнеобской культуры (но не обь-иртышской культурно-исторической общности), но при этом считает его закономерной эволюционной фазой, продолжающей линию развития памятников кинтусовского этапа. А.П. Зыков полагает, что на сайгатинском этапе обь-иртышской культурно-исторической общности в Нижнем Приобье (таёжном Зауралье) существовали памятники эмдерского типа, а в Сургутском Приобье — собственно сайгатинского типа[23].

В целом ситуация в изучении средневековых древностей Севера Западной Сибири несколько напоминает дискуссии о культурной принадлежности ряда памятников Томского и Новосибирского Приобья, различиях между рёлкинской и верхнеобской культурами и т.д.

Мы считаем, что выделение обь-иртышской культурно-исторической общности явилось серьезным вкладом в развитие средневековой археологии Западной Сибири. Однако «упразднение» культур, её составляющих, вызвало негативную реакцию со стороны большинства специалистов и не способствовало решению накопившихся проблем. Отождествление этапов указанной культурно-исторической общности с археологическими культурами практически не изменило ситуацию, так как новые культуры (карымская, зеленогорская, кучиминская и проч.) фактически не были обоснованы: не определены их ареалы, не указаны отличия от других (синхронных) культур, входивших в культурно-историческую общность. В интерпретации К.Г. Карачарова неясно, чем отличаются хронологические этапы в развитии культуры от генетически связанных последовательных археологических культур.

Сравнение ареалов вожпайской археологической культуры с ареалами кучиминских и кинтусовских древностей показывает их почти полное совпадение. Единичные памятники, находящиеся на периферии ареала, свидетельствуют, скорее, о степени археологической изученности регионов, чем о территориальных различиях. Представляется правильным восстановление нижнеобской культуры, однако вряд ли правомерно распространение её и на Среднее (Сургутское) Приобье. Исследователи отмечают различия между нижнеобским (усть-полуйским) и сургутским вариантами кулайской общности, на основе которой сформировалась обь-иртышская. Для поздних памятников (сайгатинского этапа) эти различия отмечает и сам А.П. Зыков. Логично предположить, что материальная культура населения этих двух регионов между кулайской эпохой и сайгатинским периодом также отличалась.

Сегодня, на наш взгляд, прежде чем выделять новые средневековые культуры, определять их границы, периодизацию и датировку, необходимо провести широкий сравнительный анализ всех имеющихся материалов, происходящих с территории обь-иртышской культурно-исторической общности. Следует провести ревизию уже выделенных культур, соотнести их характеристики с материалами из раскопок последних лет, с новыми датировками, в том числе полученными методами естественных наук. Необходима полная публикация материалов как вновь раскопанных памятников, так и хранящихся в музеях и лишь частично отражённых в литературе.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Фёдорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М.** Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопр. археологии Урала. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1991. — Вып. 20. — С. 131; **Зыков А.П.** Средневековье таёжной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры: Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. 24—30 сентября 2006 г., г. Ханты-Мансийск. — Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Чароид, 2006. — С. 113.

[2] **Карачаров К.Г.** Вожпайская археологическая культура // Уральский исторический вестник. — Екатеринбург: УрО РАН, 2006. — № 14: Мат-лы к II Междунар. Северному археологическому конгрессу. Спец. выпуск. — С. 135—149.

[3] **Фефилова Т. Ю.** Отчёт о раскопках селища Сартым-Урий 16 у посёлка Угут в Сургутском районе ХМАО — Югры в 2007 г. (хоздоговоры № 104, 1042). — Екатеринбург, 2007. — Архив УчМАЛ УрГПУ. — Ф. IV. Р. 2. Оп. 1. Д. 9; **Фефилова Т.Ю.** Отчёт о раскопках селища Сартым-Урий 16 (раскопы 2, 3) у посёлка Угут в Сургутском районе ХМАО — Югры в 2008 г. — Екатеринбург, 2009. — Архив УчМАЛ УрГПУ. — Ф. IV. Р. 2. Оп. 1. Д. 10.

[4] **Мурыгин А. М.** Печорское Приуралье: эпоха средневековья. — М.: Наука, 1992. — Рис. 10 — *7*, 49 — *6*.

[5] **Могильников В.А.** Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Археология СССР с древнейших времен до Средневековья: В 20 т. — М.: Наука, 1987. — Том без №: Финно-угры и балты в эпоху Средневековья. — Табл. LXXIII — *5, 6.*

[6] **Зыков А.П., Кокшаров С.Ф.** Древний Эмдер. — Екатеринбург: Волот, 2001. — С. 70. Рис. 33 — *5*; 34 — *6, 17.*

[7] **Зыков А.П.** Кузнечные изделия населения Северо-Западной Сибири во II—XVII веках / Дис. ... канд. ист. наук / ИИА УрО РАН — ИА РАН. — М., 2008. — Архив Кабинета археологии УрГУ. — Ф. III. Д. 407. — С. 183.

[8] **Беликова О.Б., Плетнева Л.М.** Памятники Томского Приобья в V—VIII вв. н.э. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. — Рис. 73 — *8*.

[9] **Морозов В.М., Чемякин Ю.П.** Отчёт об охранных раскопках селища Ермолаев Урий 1, проведённых в окрестностях д. Русскинская Сургутского р-на Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в августе 2005 г. — Екатеринбург, 2006. — Архив Кабинета археологии УрГУ. — Ф. II. Д. 660. — Рис. 208.

[10] **Борзунов В.А., Зыков А.П.** Барсовский III могильник — новый кулайский памятник в Сургутском Приобье // Образы и сакральное пространство древних эпох. — Екатеринбург: Аква-Пресс, 2003. — Рис. 5—*1*.

[11] **Бельтикова Г.В.** Кулайский клад с Барсовой горы // Клады: состав, хронология, интерпретация. Мат-лы тематич. науч. конф. (Санкт-Петербург, 26—29 ноября 2002 г.). — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. — С. 205. Рис. 1—*1, 4*.

[12] Авторы благодарят **А.А. Погодина** за предоставленную им информацию.

[13] **Спицын А.А.** Шаманские изображения // Зап. отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического об-ва. — СПб., 1906. — Т. VIII, вып. 1. — С. 70. Рис. 332.

[14] **Спицын А.А.** Шаманские изображения... — С. 70. Рис. 331, 344.

[15] **Чиндина Л.А.** Могильник Рёлка на Средней Оби. — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977. — С. 79. Рис. 4—*4*, 6—*21*.

[16] **Спицын А.А.** Шаманские изображения... — Рис. 334, 346; **Чиндина Л.А.** Могильник Рёлка... — Рис. 35—*18, 21*.

[17] **Зыков А.П.** Средневековье таёжной зоны... — С. 118—119; **Карачаров К.Г.** Вожпайская археологическая культура... — С. 146.

[18] **Зыков А.П.** Средневековье таёжной зоны... — С. 113.

[19] **Чернецов В.Н.** Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. — № 58: Культура древних племён Приуралья и Западной Сибири. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — С. 136—245.

[20] **Фёдорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М.** Сургутское Приобье...; **Зыков А.П., Фёдорова Н.В.** Обь-Иртышская культурно-историческая общность эпохи железа // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. — Екатеринбург: Изд-во ИИА УрО РАН, 1993. — С. 65—66.

[21] **Хлобыстин Л.П.** Древняя история Таймырского Заполярья и вопросы формирования культур Севера Евразии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — М., 1982. — 36 с.; **Он же.** Вожпайская культура на Западном Таймыре и вопросы её этнической принадлежности // Ad Polus. Археологические изыскания. — СПб.: Фарн, 1993. — Вып. 10. — С. 19—27.

[22] **Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г.** Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: (Материалы к атласу). — Екатеринбург: Тезис, 1999. — С. 9—66; То же. — 2-е изд., исправ. и доп. — Екатеринбург: Тезис, 2002. — С. 6—74.

[23] **Зыков А.П.** Средневековье таёжной зоны... — С. 112—123.

Раскопки могильника Тат-Ягун 48 в Сургутском районе ХМАО – Югры летом 2008 г.

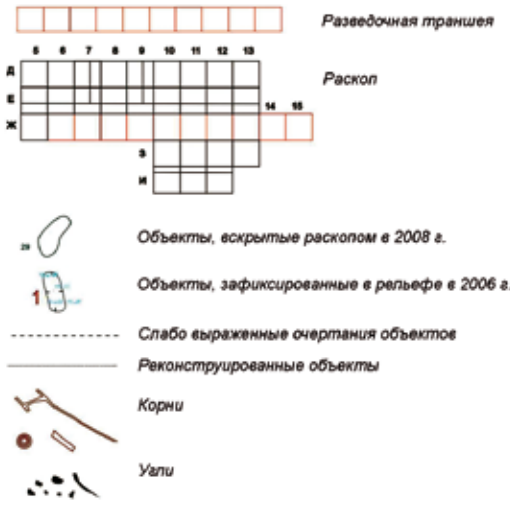
А.В. Носкова
г. Сургут
Муниципальное учреждение «Историко-культурный научно-производственный центр «Барсова Гора»

Памятник расположен в Сургутском р-не ХМАО – Югры, в 15 км к северу – северо-западу от д. Русскинской, на левом берегу нижнего течения р. Тляттыягун – правого притока р. Тромъёгана (ил. 1).

Ил. 1. Обзорная карта-схема расположения района работ

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ЦВЕТА

б	*белый*
б/ж	*бело-жёлтый* [1]
бж	*бело-жёлтый* [2]
б/ж/с	*бело-жёлто-серый*
б/кор	*бело-коричневый*
б/с/ж	*бело-серо-жёлтый*
б/угл/с	*бело-углисто-серый*
бс	*бело-серый*
дёрн	*лесная подстилка*
ж	*жёлтый*
ж/б	*жёлто-белый*
ж/б/с	*жёлто-бело-серый*
ж/б/угл/с	*жёлто-бело-углисто-серый*
ж/кор	*жёлто-коричневый*
ж/с/угл	*жёлто-серо-углистый*
ж/угл/бс	*жёлто-углисто-бело-серый*
жб	*жёлто-белый*
жс	*жёлто-серый*
кор	*коричневый*
кор/б	*коричнево-серый*
меш. с	*мешаный серый (колея дороги)*
с	*серый*
с/б	*серо-белый*
с/б/ж	*серо-бело-жёлтый*
с/б/угл/ж	*серо-бело-углисто-жёлтый*
с/ж/б	*серо-жёлто-белый*
с/ж/кор	*серо-жёлто-коричневый*
сб	*серо-белый*
сж	*серо-жёлтый*
тс	*тёмно-серый*
угл	*углистый*
угл/б/ж	*углисто-бело-жёлтый*
угл/бс/ж	*углисто-бело-серо-жёлтый*
угл/ж/бс	*углисто-жёлто-бело-серый*
угл/сж	*углисто-серо-жёлтый*

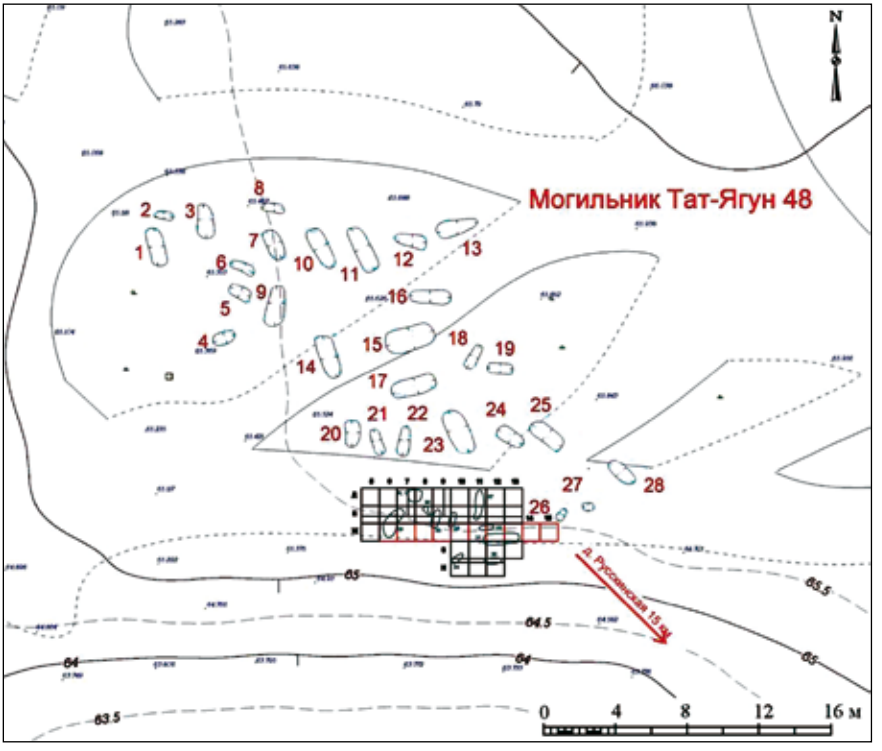


[1] Косая черта обозначает неоднородные цвета .
[2] Преобладающий цвет – последний

Ил. 2. **Могильник Тат-Ягун 48.** Условные обозначения к планам (ил. 5, 8, 10, 11, 14, 15. 18. 19)

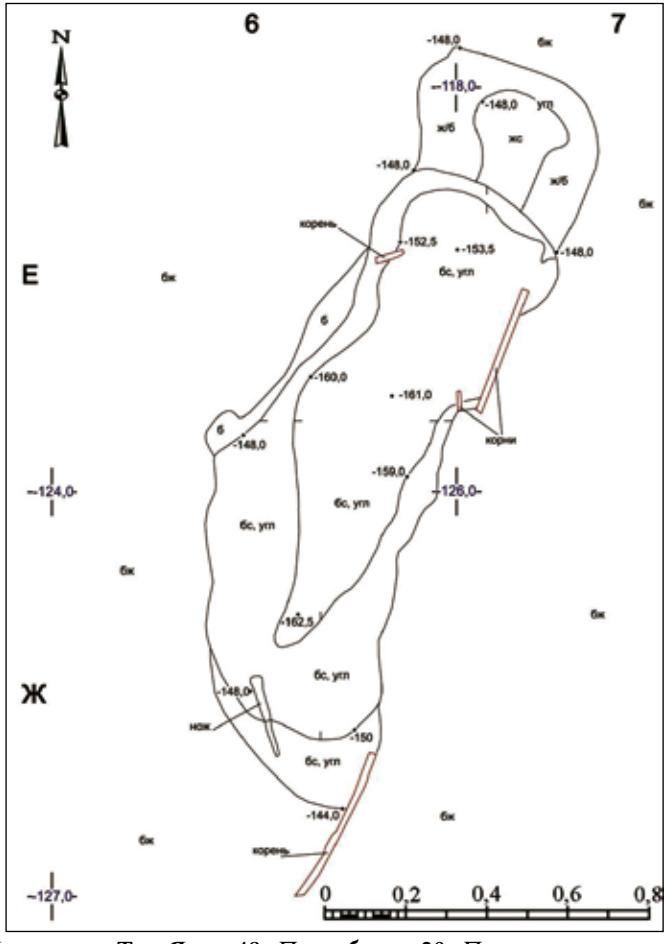
Некрополь обнаружен в 2002 г.[1] и повторно обследован в 2006 г.[2] разведочными группами МУ ИКНПЦ «Барсова Гора». Внешне памятник представляет собой группу из 28 вытянутых ям подпрямоугольной или овальной форм, занимающих участок мысовидного выступа надпойменной террасы р. Тляттыягун по границе заболоченной старицы (ил. 3). Высота мыса достигает 2 м над уровнем поймы. Он покрыт редким высокоствольным сосняком с примесью молодой лиственной и хвойной поросли, а также лесной подстилкой из беломошника и брусничника. Через территорию могильника проложена сеть грунтовых автодорог.

Современные повреждения микрорельефа нередко маскируют древние объекты, ныне не выраженные визуально. Поиск таких могил и стал целью работ 2008 г. Первым этапом в колее одной из дорог была заложена траншея размером 1х10 м, показавшая наличие как минимум четырёх могил, не наблюдавшихся на поверхности. Траншея, расширенная до раскопа общей площадью 37 кв. м, выявила ещё пять захоронений (ил. 4).

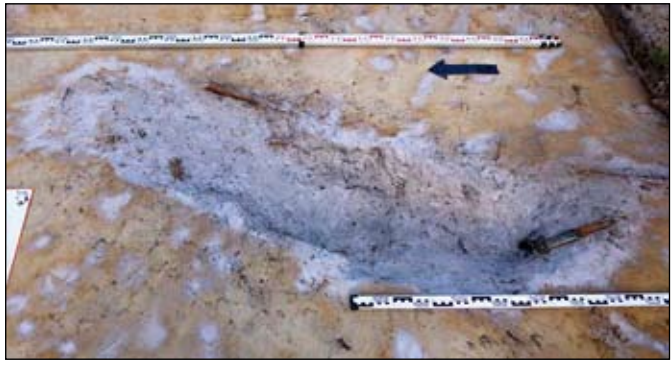


Ил. 3. **Могильник Тат-Ягун 48.** План

Ил. 4. **Могильник Тат-Ягун 48.** Раскоп. Общий вид. На переднем плане — погребение 29. Снято с запада



Ил. 5. **Могильник Тат-Ягун 48.** Погребение 29. План



Ил. 6. **Могильник Тат-Ягун 48.** Погребение 29 после расчистки. Сн. с З

Таблица

Могильник Тат-Ягун 48.
Характеристика погребений, вскрытых в 2008 г.

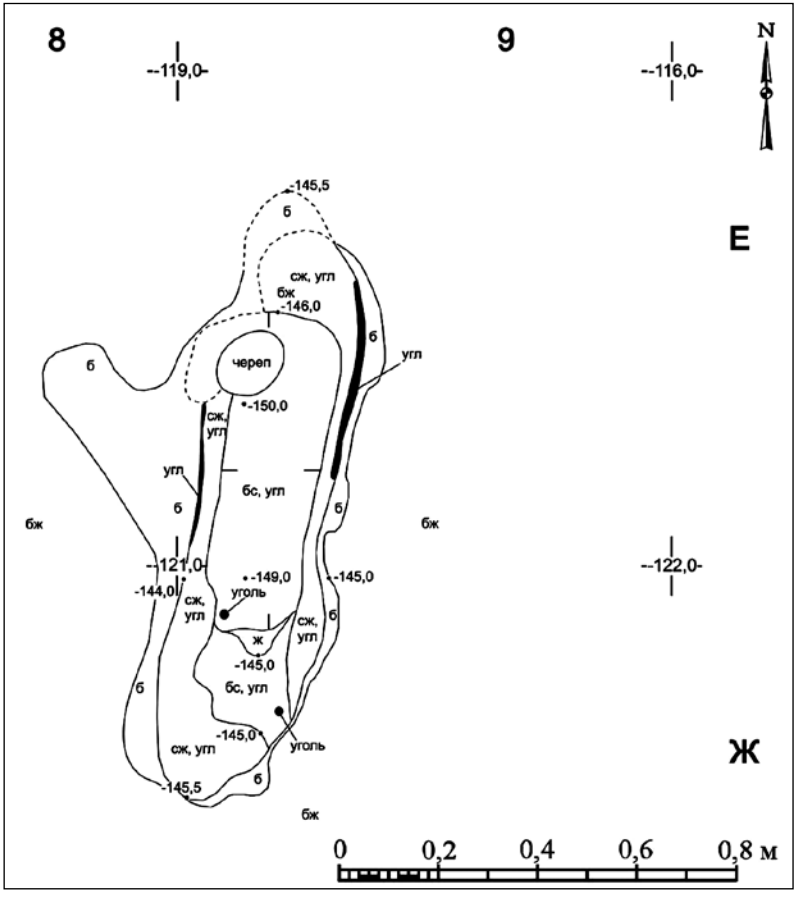
Погребение	Форма	Ориентация	Длина (м)	Ширина (м)	Глубина (м)*
29 (ил. 5, 6)	Овальная	СВ–ЮЗ	2,26	0,8	0,55–0,58
30 (ил. 8, 9, 18)	Овальная	С–Ю	1,05	0,48	0,5
31 (ил. 10)	Подпрямоугольная	З–В	2,05	0,6	0,52–0,54
32 (ил. 10)	Подпрямоугольная	З–В	0,94	0,34	0,4–0,43
33 (ил. 11, 12)	Овальная	С–Ю	0,82	0,25	0,28
34 (ил. 14)	Овальная	С–Ю	0,84	0,36	0,34–0,36
35 (ил. 15)	Овальная	З–В	1,00	0,48	0,36–0,38
36 (ил. 18)	Грушевидная	СЗ–ЮВ	0,54	0,14–0,32	0,20
37 (ил. 19)	Неправильная	СВ–ЮЗ	1,3	0,7	0,4-0,43

*Примечание: * Высота указана относительно поверхности дороги.*

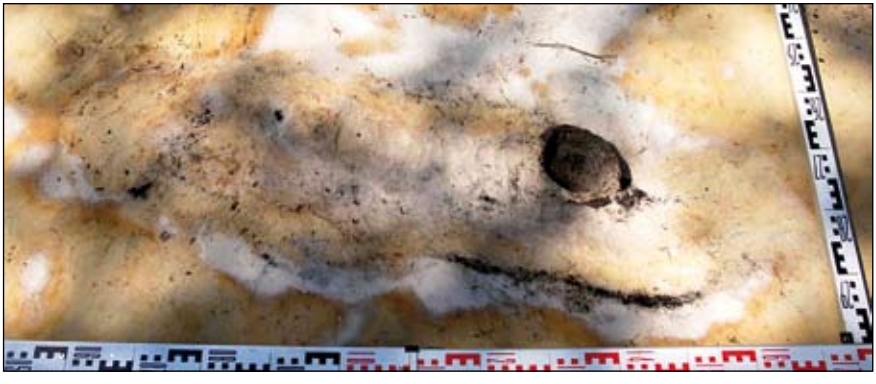
Могильные ямы 29 и 31 содержали, судя по размерам, останки взрослых. Однако не все короткие могилы можно однозначно соотносить с захоронением именно детей — на это указывает анализ антропологических материалов[3]. Так, при практически одинаковых габаритах захоронений 30 и 35, возраст первого покойного составлял 20—30 лет[4], а второго — не более 6 месяцев. В последнем случае полному разложению костяка воспрепятствовала консервация бронзовой овальной ажурной отливкой с изображением человека (ил. 17 — *1*). Тело ребенка было погребено в стеснённых условиях. Вероятнее всего, оно было плотно обёрнуто в изделие (одежду, полотнище) из шкурок пушного зверя (соболь? куница?) и уложено в сооружение с деревянным дном. Во всех прочих случаях следы погребальных конструкций не сохранились.

Ил. 7. **Могильник Тат-Ягун 48.** Погребение 29. Железный нож с бронзовой рукоятью

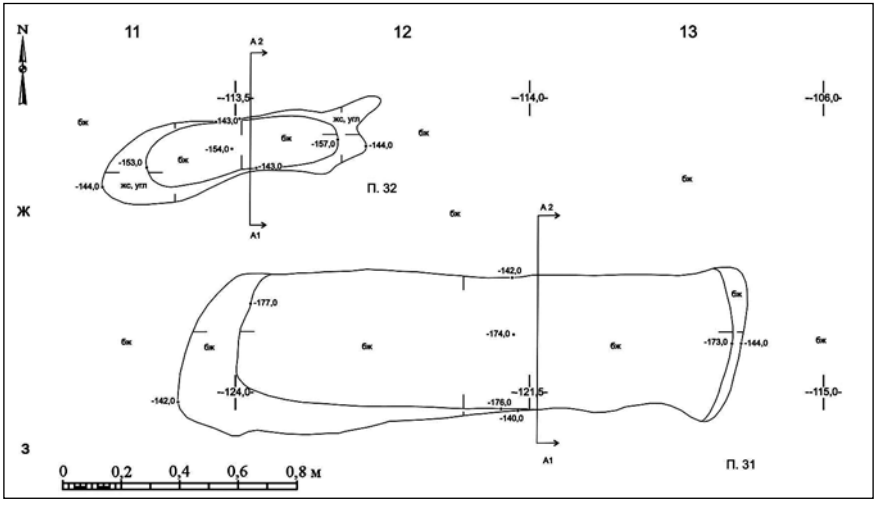
Сопровождавший умерших инвентарь встречен не везде. Железный нож с бронзовой рукоятью, увенчанной фигурой птицы — в погребении 29 (ил. 7); фрагмент



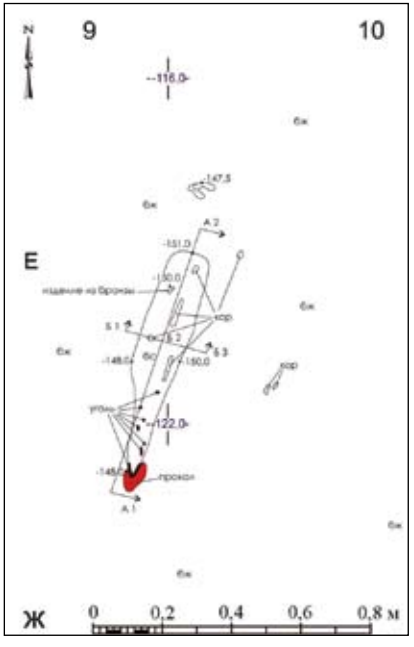
Ил. 8. **Могильник Тат-Ягун 48.** Погребение 30. План



Ил. 9. **Могильник Тат-Ягун 48.** Погребение 30 после расчистки. Сн. с В

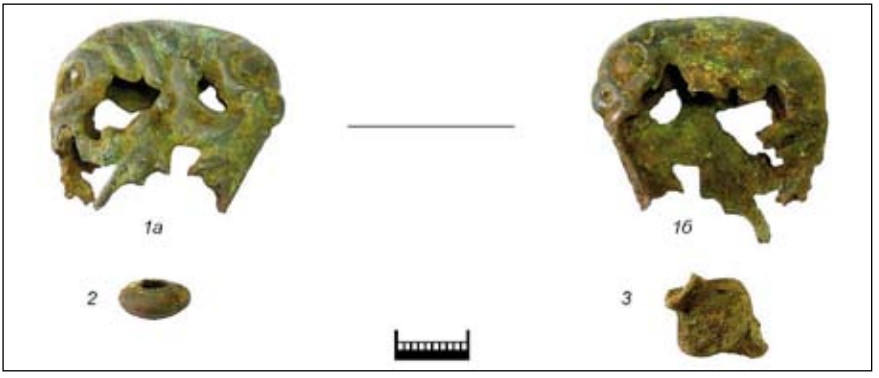


Ил. 10. **Могильник Тат-Ягун 48.** Погребения 31 и 32. План



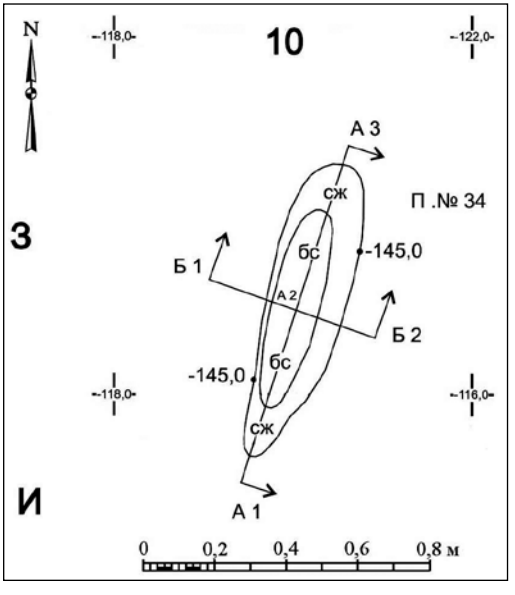
Ил. 11. **Могильник Тат-Ягун 48.** Погребения 33. План

Ил. 12. **Могильник Тат-Ягун 48.** Погребение 33 после расчистки. Сн. с З

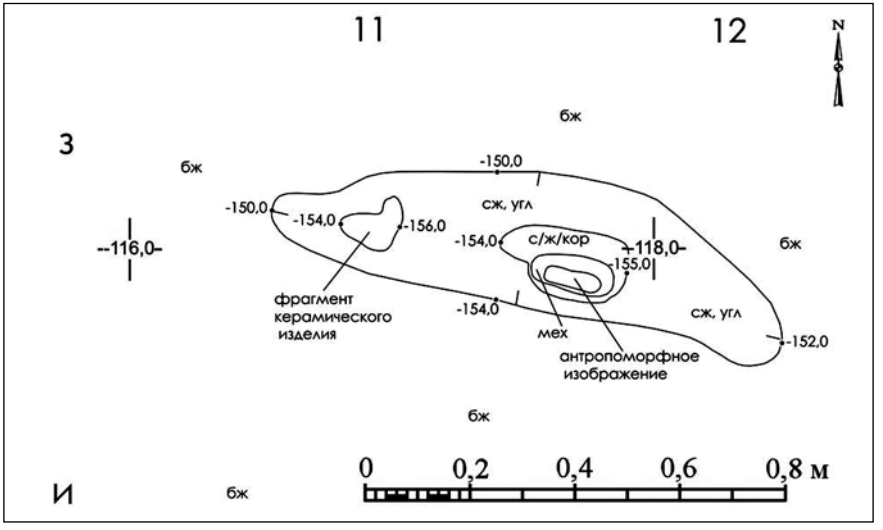


Ил. 13. **Могильник Тат-Ягун 48.** Погребение 33. Находки. *1 – фрагмент рукояти ножа (бронза), 2, 3 – бусины (бронза)*

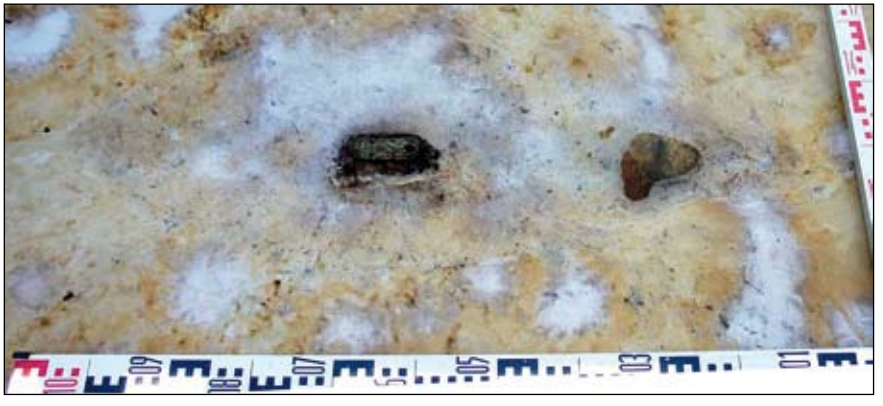
аналогичного навершия, две бронзовые бусины и фрагмент сильно коррозированного металлического изделия – в погребении 33 (ил. 13); бронзовые подвеска-бубенчик (ил. 17 – *3*) и упоминавшаяся пластина, фрагменты сильно коррозированных металлических изделий, а также часть неорнаментированной стенки глиняного сосуда – в погребении 35 (ил. 17 – *2*). Кроме того, между могилами обнаружены железный наконечник стрелы и два скопления керамики с оттисками гребенчатого штампа и в форме уточки (ил. 20).



Ил. 14. **Могильник Тат-Ягун 48.** Погребение 34. План



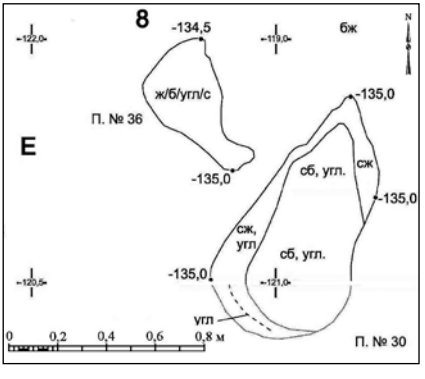
Ил. 15. **Могильник Тат-Ягун 48.** Погребение 35. План



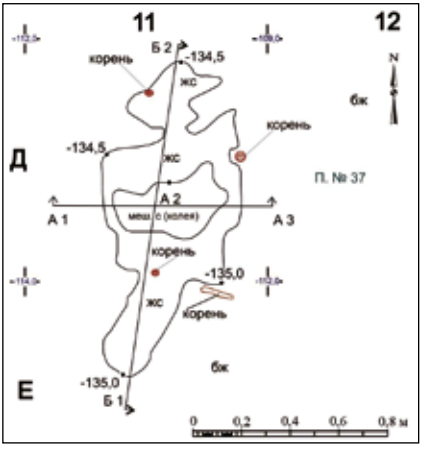
Ил. 16. **Могильник Тат-Ягун 48.** Расчищенное погребение 35. Вид с С

Навершия и антропоморф позволяют отнести погребения 29, 33 и 35 к вожпайской археологической культуре, датируемой кон. IX – X в. Среди могильников Сургутского Приобья схожий инвентарь обнаружен в Сайгатинском I, Сайгатинском III и Сайгатинском VI, а также Барсовском I и Усть-Балык. Радиоуглеродные (некалиброванные) даты этих же захоронений: 1220±60, 1260±40 и 1235±50 лет соответственно, погребения 31 – 1770±70 лет, а погребения 32 – 1720±60 лет. Таким образом, последние два отстоят от первых трёх на полтысячелетия, отличаясь при этом от всех остальных подпрямоугольной формой.

Ил. 17. **Могильник Тат-Ягун 48.** Погребение 35. Находки. *1 –антропоморфное изображение (бронза), 2 – фрагмент стенки керамического сосуда, 3 – подвеска-бубенчик (бронза)*



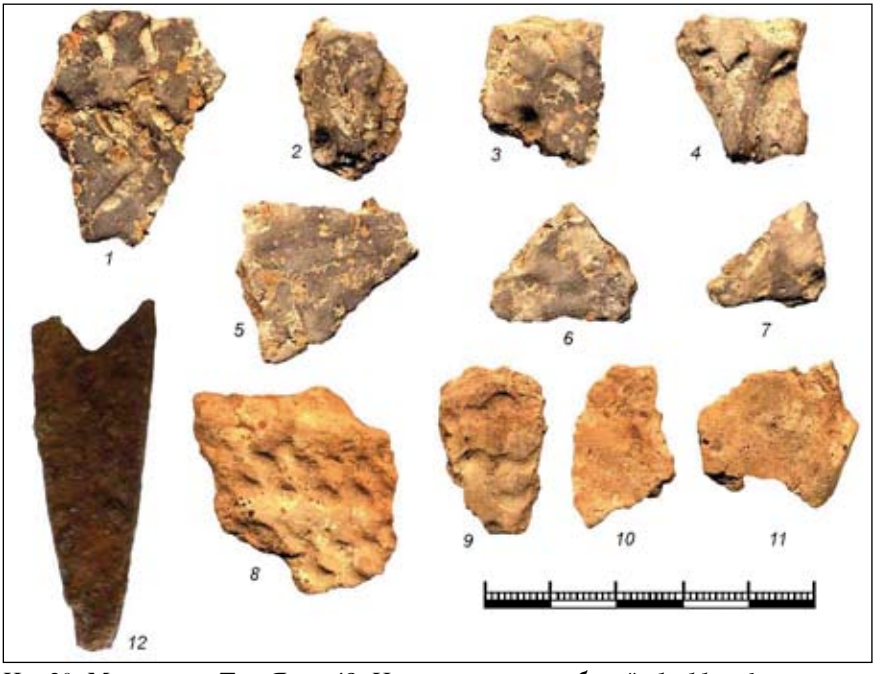
Ил. 18. **Могильник Тат-Ягун 48.** Погребения 30 и 36. План



Ил. 19. **Могильник Тат-Ягун 48.** Погребение 37. План

Возраст погребений 30, 34, 36 и 37 не установлен: находки и иной датирующий материал в них отсутствовали.

Можно утверждать, что некрополь существовал, как минимум, в разные временные отрезки Средневековья, вероятно, включая и переходный период от раннего железного века к позднему. Последнему не



Ил. 20. **Могильник Тат-Ягун 48.** Находки вне погребений. *1–11 – фрагменты керамики, 12 – наконечник стрелы (железо)*

противоречат черепки из межмогильного пространства, тяготеющие по облику больше к первой стадии эпохи железа. Не исключено, что они были переотложены при копке более поздних могил.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Поплевин С.А., Бочкарёв Д.В., Гусев С.А.** О рекогносцировочном обследовании древностей р. Тляттыягун в Сургутском районе // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – Вып. 1. – С. 307–315.

[2] **Носкова А.В.** Отчёт о НИР: Археологическое обследование в нижнем течении реки Тляттыягун в Сургутском районе ХМАО – Югры в 2006 году. – Сургут, 2007. – БИИКФ. – Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 354; **Носкова А.В.** Обследование археологических памятников в нижнем течении р. Тляттыягун в 2006–2007 гг. // Сохранение археологического наследия в условиях интенсивного хозяйственного освоения: Опыт, проблемы, решения: Сб. докл. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. – С. 85–98.

[3] Антропологический анализ осуществлён сотрудником ИИА УрО РАН канд.ист. наук. Д.И. Ражевым. Костные остатки сохранились лишь в погребениях 30 (фрагменты черепной коробки) и 35 (фрагменты правых рёбер).

[4] Кости имеют проявления поротического гиперостоза, а также следы развивавшейся железодефицитной анемии, причиной которой могли послужить недостаток белкового питания или заражённость гельминтами.

Раскопки объектов охотничье-промыслового назначения в Сургутском районе ХМАО – Югры

Е.Н. Дубовцева, А.А. Ковригин
г. Сургут
Муниципальное учреждение «Историко-культурный научно-производственный центр «Барсова Гора»

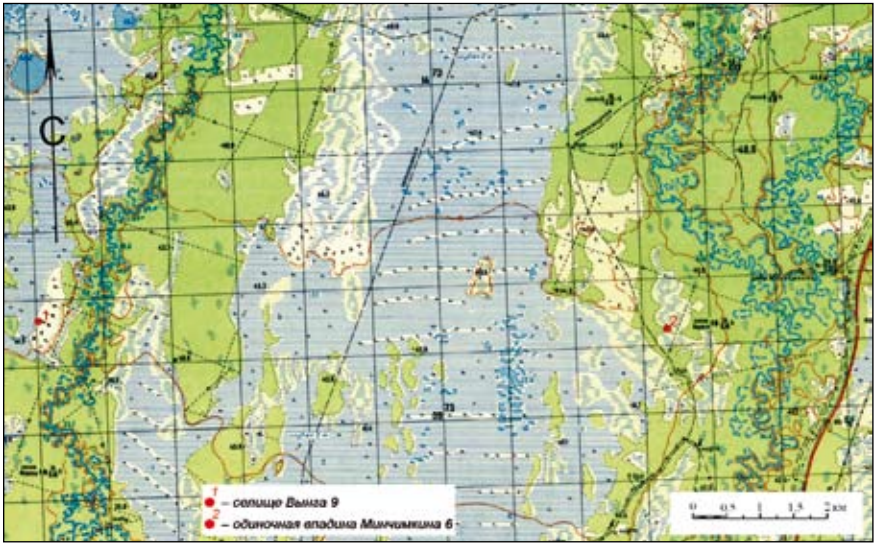
Летом 2008 г. археологическими экспедициями МУ «ИКНПЦ «Барсова Гора» и ООО «НПАЦ «Архаика» были проведены исследования селища Вынга 9 и одиночной впадины Минчимкина 6, находившихся под угрозой разрушения в связи со строительством высоковольтной линии «Сомкинская – Кирпичниково». Памятники открыты разведочной группой И.Ю. Клабукова в 2007 г.[1]

«СЕЛИЩЕ» ВЫНГА 9

Находилось на тыльной стороне пологой террасы правого берега р. Вынга, в 22 км к северо-западу от п. Сайгатино (ил. 1). Объекты – 3 впадины с обваловками – компактно располагались у края обширного открытого болота на едва заметном (менее 1 м от уреза воды) микровозвышении, покрытом ягельником. Впадины имели овальные формы размерами 2,5–3,0х1,8–2,5 м и глубиной до 0,40–0,45 м и были ориентированы в общем направлении с севера на юг с отклонениями. Обваловка – сильно оплывший кольцевой выкид шириной 1,5–2,0 м и высотой до 0,1–0,2 м.

Объекты вскрывались в рамках единого раскопа площадью 246 кв. м. В ходе работ было установлено, что эти впадины, по внешним признакам напоминавшие остатки небольших жилищ-землянок, представляют собой углубления на месте разрушившихся промысловых ям-ловушек. Соответственно, и сам памятник Вынга 9, первоначально атрибутированный как селище, следует идентифицировать в качестве охотничье-промыслового комплекса.

Стратиграфия объектов во многом единообразна. Вокруг сооружений под современным подзолом залегал слой переотложенного серо-жёлтого грунта мощностью 10–20 см. Этот горизонт местами переокрашен под воздействием естественного промывного режима (в разной степени оподзолен) и потому не всегда отчётливо фиксировался (ил. 2). Под



Ил. 1. **Селище Вынга 9, одиночная впадина Минчимкина 6.** Обзорная карта расположения

Ил. 2. **Селище Вынга 9.** Объект 2. Зачистка по поверхности обваловки. Сн. с юго-запада

Ил. 3. **Селище Вынга 9.** Объект 1. Зачистка на уровне —200 и профиль. Сн. с юга

Ил. 4. **Селище Вынга 9.** Объект 1. Зачистка на уровне —200. Сн. с юга

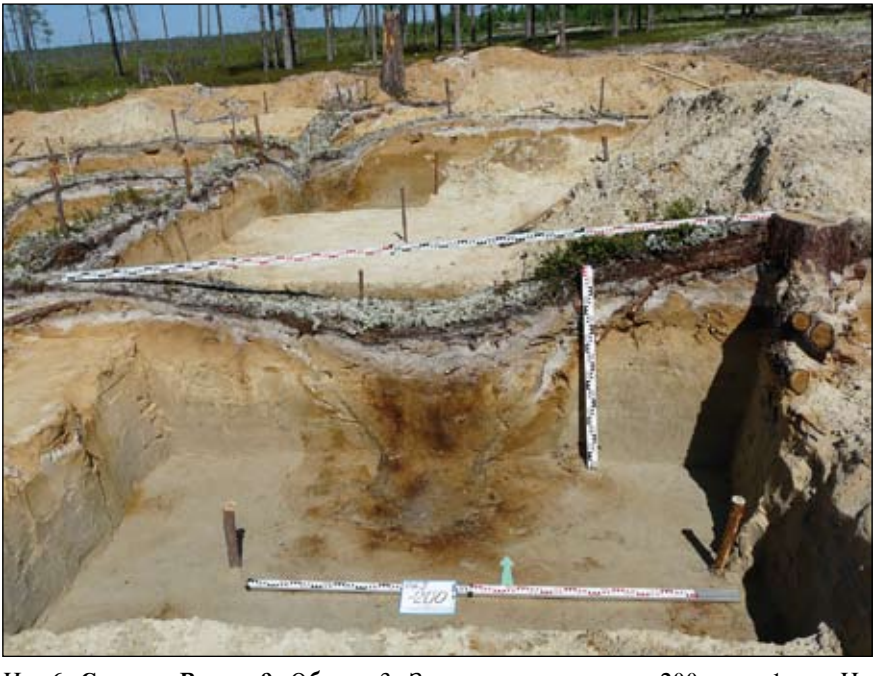
выкидом прослежена погребённая почва — подзол белого цвета мощностью не более 10—15 см. В его верхней части нередко фиксировалась тонкая прослойка тёмно-серого углистого грунта, маркирующая древнюю дневную поверхность. На участках по периметру объектов погребённый подзол смыкался с современным. Под погребённым подзолом залегали естественные материковые слои — тёмно-желтый иллювий, переходящий в жёлтый (выше) и светло-жёлтый (ниже) песок. Заполнение ям состояло в основном из серо-жёлтого песка, представлявшего собой грунт выкида, съехавший в углубление в процессе руинирования объектов. Этот слой был, как правило, менее однородным, чем выкид по периметру. Вдоль разрушенных стенок ям практически повсеместно отмечались узкие прослойки—«затёки» и полосы отколовшихся и «просевших» материковых слоев, часто перемешанных или слоистых (ил. 3, 5, 6). Границы смещённых слоёв хорошо фиксировались и в профилях, и на планах. На профилях также часто можно было наблюдать их наклонное («падающее») от краёв к центру расположение. В заполнении встречены и остатки сгоревших деревянных конструкций в виде мелких угольков или углистых полос (ил. 4).

Размеры объектов в интервале глубин от —130 до —150 см, соответствующем уровню первых фиксаций по поверхности материка, варьировали от 2,00—2,15х1,50—1,75 м (объект 2) до 2,60х1,60 м (объект 3).

К сожалению, ямы были исследованы только на глубину чуть более метра от поверхности погребённой почвы: из-за высокого уровня грунтовых вод, поддерживаемого расположенным рядом болотом, не удалось изучить самую нижнюю часть объектов — их дно. Объекты 2 и 3 вскрыты до уровня —210, объект 1 — до глубины —220. Попытки прокладки дренажных траншей и откачки из них воды успеха не имели. Вода поступала слишком быстро, размывая песчаные стенки раскопа и остатки культурного слоя. Поэтому было принято вынужденное решение об остановке работ и консервации раскопа. Залегающие ниже уровня грунтовых вод небольшие участки культурного слоя были закрыты древесиной и засыпаны.

Датировка памятника в настоящее время затруднена, поскольку никаких находок в объектах обнаружено не было, а угля, собранного в процессе раскопок, оказалось недостаточно для радиоуглеродного датирования.

Ил. 5. **Селище Вынга 9.** Объект 2. Зачистка на уровне —200. Сн. с юга

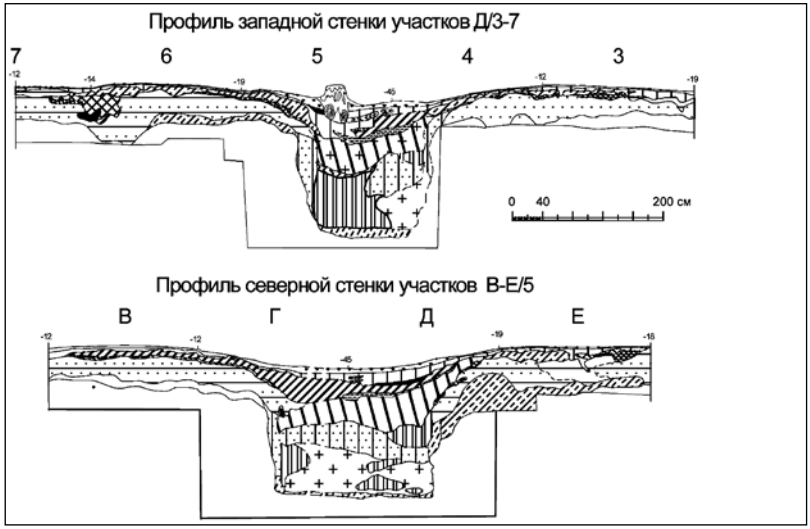


Ил. 6. **Селище Вынга 9.** Объект 3. Зачистка на уровне —200 и профиль. На заднем плане — объект 1. Сн. с юга

ОДИНОЧНАЯ ВПАДИНА МИНЧИМКИНА 6

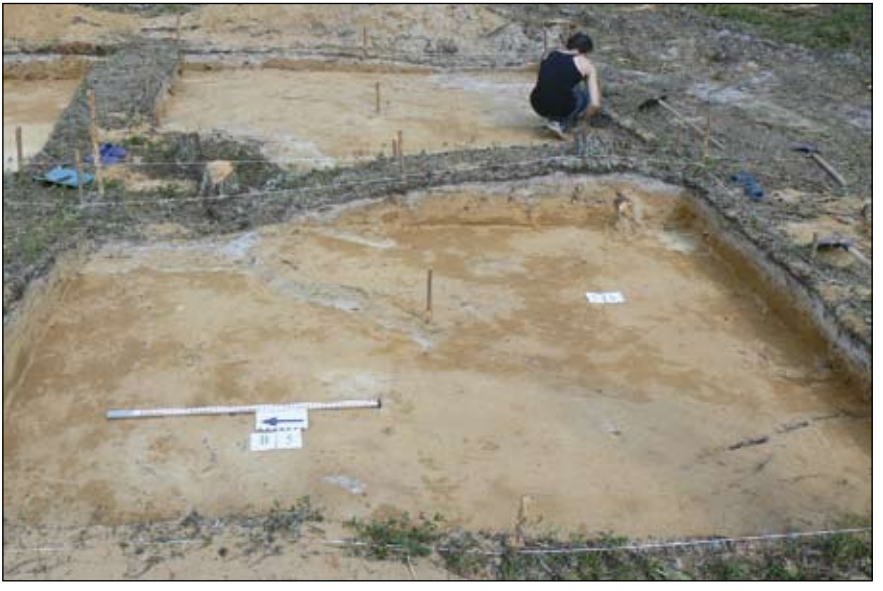
Располагалась на правом берегу р. Минчимкиной, на расстоянии 1,3 км западнее русла, в 14,5 км к северо-западу от п. Сайгатино (ил. 1). Единственный объект памятника предварительно был атрибутирован как ловчая яма[2]. Он был выражен в рельефе в виде округлой впадины размером 3,50х3,15 м глубиной 0,35 м. Впадину окружала обваловка шириной от 1,5 до 2,5 м и высотой 0,05—0,10 м. Площадь раскопа составила 65 кв. м.

Стратиграфия демонстрирует колонку, характерную для подзолистых почв (ил. 7). Естественная почвенная колонка прослежена по периметру раскопа. Вокруг объекта фиксируется бледно-жёлтый мешаный переотложенный песок с углем (выкид из ямы), под ним залегает хорошо сохранившийся слой погребённого подзола — серовато-белёсого и желтовато-белёсого цвета с углистой прослойкой в верхней части. Под погрёбенным подзолом по периметру объекта залегали материковые слои — серо-белёсый песок с затёками жёлтого песка, бледно-жёлтый рыхлый песок, белёсый рыхлый песок. На уровне —30 см от условного «0» слой обваловки с юго-запада был разомкнут канавкой, заполненной серовато-коричнево-жёлтым и серо-жёлтым песком. Ширина канавки достигала 0,5 м, длина 2,0 м. На глубине —40 см проявились очертания ловушки, её размеры на этом уровне составляли 2,6х3,0 м. В плане она имела овальную форму. С юго-запада продолжала фиксироваться канавка (ил. 8), но она значительно уменьшилась в размерах. Теперь её ширина составляла 0,3 м, длина 1,5 м. На глубине —80 см форма объекта изменилась на подпрямоугольную, а размеры сократились до 1,7х2,7 м. Заполнение ямы состояло из серо-жёлтого углистого песка, который был насыщен углем и углистыми плашками. Вдоль стенок котлована прослежен слоисто-мешаный слой бело-жёлтого песка — результат сползания грунта в яму (ил. 7, 11). На глубине от —100 до —120 см яма приобрела правильные прямоугольные очертания, в заполнении фиксировался красно-жёлто-серый прокалённый песок. Вдоль стенок появились углистые пятна и вертикальные обгоревшие плашки (ил. 9), поперёк ямы расчищены остатки сгоревших конструкций (ил. 10). В нижней части (глубина от —160 до —180 см) размеры объекта составляли 1,6х2,1 м, длинная ось ориентирована по линии запад—юго-запад — восток—северо-восток. Заполнение котлована состояло из мешаных, часто слоистых предматериковых слоёв — желтовато-белёсого песка и жёлто-серо-белёсого пятнисто-слоистого



- 1 - растительный напочвенный слой с оторфовкой - ягель, брусничник
- 2 - белый подзол с углистыми прослойками
- 3 - ярко-желтый ожелезненный песок с красным оттенком
- 4 - желтый, ярко-желтый плотный песок
- 3+4 - ярко-желтый песок постепенно осветляющийся к низу
- 3+2 - ярко-желтый иллювий с пятнами белого подзола
- 5 - желтый, бледно-желтый песок с редкими угольками и корешками
- 5а - желтовато-белесый песок с затеками углей и желтого песка
- 5б - ярко-желтый, серо-белесый пятнисто-слоистый песок с редкими угольками
- 5в - серо-белесый песок с затеками желтого песка
- 6 - бледно-желтый рыхлый песок, белесый рыхлый песок - материк
- 7 - желтый-бледно-желтый оподзоленный мешанный с углем - выкид из ямы
- 8 - серовато-белесый, желтовато-белесый с углистой прослойкой - погребенный подзол
- 8а светло-желтый оподзоленный песок с углем и углистыми плашками - остатки погребенного подзола
- 8б - серо-коричнево-желтый оподзоленный песок с углистыми примазками - остатки погребенного подзола
- 9 - черный углистый песок с углем и углистыми плашками
- 10 - серо-желтый слоисто-мешанный песок с углем
- 10а - белесо-темно-серый оподзоленный мешано-давленный песок
- 11 - светло-желтый песок с углем
- 12 - серо-желтый углистый песок
- 13 - серовато-светло-желтый песок с углистыми плашками
- 14 - желтый-светло-желтый слоистый песок с углем
- 15 - красно-желто-серый с углем и углистыми плашками
- 13+15 - слоистый желто-серый песок с углистыми плашками и красным прокалом
- 14+15 - красно-серо-желтый-светло-желтый слоисто-пятнистый с углем
- 16 - ярко-оранжевый песок с углем - прокал
- 16а - желтовато-красный песок с углистыми плашками - прокал
- 16б - серовато-бурый песок с углями
- 17 - слоисто-мешанный слой белого подзола и ярко-желтого иллювия
- 18 - желто-белесый пятнистый песок с углем
- 19 - серовато-коричнево-желтый углистый
- 19а - белесо-серый углистый
- 19б - светло-желтый мешаный песок с углем и пятнами белого подзола
- угли
- обугленные деревянные конструкции

Ил. 7. **Одиночная впадина Минчимкина 6.** Профили раскопа



Ил. 8. **Одиночная впадина Минчимкина 6.** Участок В—Г/5—6. Остатки выступа у юго-западного угла объекта. Глубина —40 см. Сн. с запада

Ил. 9. **Одиночная впадина Минчимкина 6.** Участок Г/5. Обгоревшие колья вдоль стенок котлована. Глубина —100 см. Сн. с запада

Ил. 10. **Одиночная впадина Минчимкина 6.** Участок Д/5. Остатки обгоревших конструкций. Глубина —120 см. Сн. с юга

песка с редкими угольками. Плоское дно зафиксировано на глубине —200 см. Остатков кольев и других конструкций не обнаружено. Размер объекта на этом уровне составлял 1,2х2,1 м.

Таким образом, исследованный объект представляет собой прямоугольную яму с отвесными стенками, постепенно сужающуюся книзу. Размер котлована в верхней части — 2,6х3,0 м, в нижней — 1,2х2,1 м, глубина от уровня погребённого подзола — 1,5—1,6 м. С юго-западного угла примыкает небольшая канава глубиной 0,2 м, назначение которой не совсем ясно. Возможно, она использовалась для спуска в объект и подъёма из него. В средней части ямы сохранились остатки сгоревшего перекрытия и вертикальные плашки, которые, вероятно, крепили стенки. Находок в раскопе не обнаружено. Исходя из особенностей конструкции, исследованный объект можно атрибутировать как ловчую яму.

Такие ямы входят в состав промысловых комплексов по всему миру. На севере Западной Сибири они встречаются повсеместно. По внеш-

Ил. 11. **Одиночная впадина Минчимкина 6.** Профиль восточной стенки участка Г/5. Слоистое заполнение объекта, в средней части – остатки углистых конструкций. Сн. с запада

нему виду это цепочки округлых или овальных ям, но встречаются и одиночные. Как правило, они приурочены к краевым участкам боровых террас или расположены на перешейках между водоёмами или болотными массивами. Даже в наше время по этим местам пролегают оленьи тропы. Наиболее близкими к одиночной впадине Минчимкина 6 по конструктивным особенностям являются объекты, исследованные в Сургутском Приобье на селище Кушниково 2[3].

Датировка подобных памятников затруднена из-за отсутствия археологического материала. Самые ранние ямы-ловушки, известные на территории Западной Сибири, датируются по радиоуглеродному анализу рубежом мезолита – неолита и ранним неолитом. По данным этнографии, этот способ охоты сохранялся тысячелетиями вплоть до XIX в.[4] Наличие в раскопе хорошо сохранившихся обгоревших конструкций позволило отобрать материал для радиоуглеродного анализа. Судя по данным, приведённым в таблице, исследованный объект по калиброванной шкале следует относить к посл. трети I тыс.

Таблица

Одиночная впадина Минчимкина 6. Радиоуглеродное датирование

Индекс лаборатории	Участок и глубина отбора образца	Возраст BP	Интервалы калиброванного возраста (68,2 % вероятности)	Интервалы калиброванного возраста (95,4 % вероятности)
ЛЕ–8541	Участок Д/5, глуб. –185, уголь	1150±70	800–980 AD	760–1020 AD
ЛЕ–8542	Участок Д/5, глуб. от –110 до –121, горелая плашка	1170±55	770–900 AD	760–990 AD
ЛЕ–8543	Участок Г/5, глуб. от –110 до –115, вдоль ямы	1920±65	190–210 AD	60 BC–250 AD

Примечание: *Калибровка радиоуглеродных дат проведена с помощью программы: Atmospheric data from Reimer et al (2004);OxCal v3.10 Bronk Ramsey (2005); cub r:5 sd:12 prob usp[chron].*

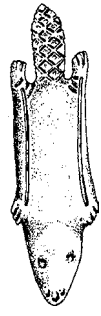
ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Клабуков И.Ю.** Отчёт о НИР: Разведочные археологические исследования в Сургутском районе ХМАО — Югры в 2007 г. — Сургут, 2008. — БИИКФ. — Ф. Р-4. Оп. 1. Д. 400.

[2] **Клабуков И.Ю.** Отчёт о НИР: Разведочные археологические исследования в Сургутском районе... — С. 15.

[3] **Ковригин А.А., Морозов В.М., Погодин А.А., Сергеев А.С.** Исследование историко-археологического комплекса Кушниково в Сургутском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск, 2004. — Вып. 2. — С. 302—317.

[4] **Косарев М.Ф.** Западная Сибирь в древности. — М., 1984. — С. 71—111.



Результаты археологической разведки 2008 г. в Сургутском районе ХМАО – Югры

А.А. Рудь
г. Сургут
МУ «Историко-культурный
научно-производственный центр «Барсова Гора»

В полевом сезоне 2008 г. МУ «ИКНПЦ «Барсова Гора» проводила историко-культурные изыскания на земельных участках, планируемых под застройку хозяйственными объектами. Территория, подлежавшая обследованию, определялась зонированием лицензионных участков ОАО «Сургутнефтегаз» по перспективности выявления объектов культурного наследия. В результате проведённых работ было открыто 13 новых памятников археологии, характеристика которых приведена в таблице. Шурфовка объектов не проводилась. Датирующий материал отсутствует.

Ил. 1. **Селище Моховое 89.** Общий вид. Сн. с северо-запада. Фото автора. 2008 г.

Таблица

Характеристика памятников на территории Сургутского района ХМАО – Югры, открытых в 2008 г.

Название	Месторасположение	Характеристика объектов (сооружений)					
		№	Вид	Форма	Ориентация	Размеры* (м)	Примечания
Котлунгъягун 1, селище	Русскинское м/р; прав.берег р. Котлунгъягун (прав. приток р. Лимпас – прав. притока р. Тромъегана); 8,80 км к ЗЮЗ от д. Русскинской	11 округлых и овальных впадин, каждая из которых частично окружёна обваловкой**					
Котлунгъягун 2, селище	Русскинское м/р; прав.берег. р. Котлунгъягун (прав. приток р. Лимпас – прав. притока р. Тромъегана); 9,20 км к ЗЮЗ от д. Русскинской	1	Впадина	Округлая	СЗ – ЮВ	Диам. – 12,0 и 11,0; глуб. – 0,7	С ЮВ – выступ (место выхода?); у сев.-зап. половины – обваловка (шир. 2,0–3,3 м); с В и ЮЗ – внешние ямы
		2	Впадина	Трапециевидная	СВ – ЮЗ	8,7х8,5х0,3	С СВ – внешняя яма
Чёрная 6, группа впадин	Западно-Сургутское м/р; прав.берег р. Чёрной (прав. приток р. Оби); 13,50 км к С от п. Солнечного	1	Впадина	Подквадратная	СВ – ЮЗ	3,5х3,4х0,6	–
		2	Впадина	Округлая	СЗ – ЮВ	Диам. – 3,8 и 3,5; глуб. – 0,7	Обваловка (шир. 1,0–2,1 м); с В – внешняя яма
Калинкинская V, одиночная впадина	Западно-Сургутское м/р; прав. берег р. Калининой/Калинкиной (прав. приток обской протоки Микишкиной); 12,00 км ВСВ от д. Сайгатина	Без №	Впадина	Подчетырёхугольная	ССЗ – ЮЮВ	3,0х2,5х0,4	Обваловка (шир. 0,5–0,7 м, выс. 0,1–0,3 м)
Эгутъягун 46, селище	Фёдоровское м/р; прав. берег р. Эгутъягун (прав. приток р. Тромъегана); 16,80 км к С от п. Фёдоровского	1	Наземная площадка	Подпрямоугольная	СЗ – ЮВ	4,4х4,0х0,1	Обваловка (шир. 1,0–2,5 м, выс. до 0,2 м); окружена внешними ямами (кроме сев. стороны)
		2	Наземная площадка	Неправильная	СЗ – ЮВ	3,8х3,2х0,1	Обваловка (шир. 1,0–2,0 м, выс. до 0,1 м); окружена внешними ямами (кроме сев.-вост. стороны)
		3	Впадина	Овальная	СЗ – ЮВ	Диам. – 4,7 и 3,4; глуб. – 0,4	–

Продолжение таблицы

Моховое 85, селище	Фёдоровское м/р; прав. берег р. Моховой (прав. приток р. Тромъегана); 1,00 км к СВ от п. Фёдоровского	1	Впадина	Подквадратная	С – Ю	4,6х4,6х0,6	Обваловка (шир. 0,6–1,8 м, выс. до 0,4 м); окружена внешними ямами (кроме южн. и сев. сторон)
		2	Впадина	Подквадратная	С – Ю	5,7х5,4х0,6	С вост. и южн. сторон – внешние ямы
		3	Впадина	Подквадратная	ЗСЗ – ВЮВ	4,5х4,3х0,3	Обваловка (шир. 0,6–1,7 м, выс. до ,2 м); окружена внешними ямами (кроме зап. стороны)
Моховое 86, селище	Фёдоровское м/р; прав. берег р. Моховой (прав. приток р. Тромъегана); 1,10 км к СВ от п. Фёдоровского	1	Наземная площадка	Подовальная	ЮЮЗ – ССВ	Диам. – 7,4 и 6,4; выс. – 0,2	Окружена внешними ямами (кроме юго-вост. стороны)
		2	Наземная площадка	Подквадратная	ЮЮЗ – ССВ	7,0х6,4х0,2	Окружена внешними ямами
		3	Наземная площадка	Подовальная	СЗ – ЮВ	Диам. – 6,3 и 5,3; выс. – 0,1	Окружена внешними ямами (кроме вост. стороны)
		4	Впадина	Подовальная	С – Ю	Диам. – 3,8 и 3,6; глуб. – 0,2	Обваловка (шир. 0,3–3,3 м, выс. до 0,1 м); окружена внешними ямами (кроме зап. стороны)
Моховое 87, селище	Фёдоровское м/р; прав. берег р. Моховой (прав. приток р. Тромъегана); 0,90 км к СВ от п. Фёдоровского	1	Впадина	Подовальная	ЗЮЗ – ВСВ	Диам. – 3,4 и 2,9; глуб. – 0,2	Обваловка (шир. 0,9–2,5 м, выс. до 0,2 м); с Ю и С – внешние ямы
		2	Впадина	Подовальная	ЮЗ – СВ	Диам. – 4,4 и 3,3; глуб. – 0,1	Обваловка (шир. 0,4–1,85 м, выс. до 0,2 м); окружена внешними ямами (кроме вост. стороны)
		3	Впадина	Подовальная	ССЗ – ЮЮВ	Диам. – 5,6 и 4,6; глуб. – 0,4	Обваловка (шир. 1,0–4,3 м, выс. до 0,2 м)
		4	Впадина	Подовальная	ЗСЗ – ВЮВ	Диам. – 1,9 и 1,7; глуб. – 0,2	Обваловка (шир. 0,2–3,1 м, выс. до 0,2 м); с С и ЮВ – внешние ямы
		5	Впадина	Подовальная	ЗСЗ – ВЮВ	Диам. – 2,9 и 2,3; глуб. – 0,1	Обваловка (шир. 0,6–1,9 м, выс. до 0,2 м); с З – 2 внешние ямы
		6	Впадина	Подовальная	ЗЮЗ – ВСВ	Диам. – 4,0 и 3,6; глуб. – 0,2	Обваловка (шир. 1,5–2,9 м, выс. до 0,2 м); окружена внешними ямами (кроме сев. и юго-зап. сторон)
		7	Впадина	Сложная неправильная	ЮЗ – СВ	6,8х3,9х0,4	Обваловка (шир. 0,8–2,2 м, выс. до 0,3 м); окружена внешними ямами (кроме сев.-вост. и юго-зап. сторон)

Продолжение таблицы

		8	Впадина	Сложная непра-вильная	СЗ – ЮВ	4,3х3,2х0,3	Обваловка (шир. 1,4–3,2 м, выс. до 0,3 м); окружена внешними ямами (кроме вост. стороны)
		9	Впадина	Подоваль-ная	С – Ю	Диам. – 5,7 и 5,0; глуб. – 0,3	Обваловка (шир. 1,0–2,9 м, выс. до 0,2 м); окружена внешними ямами (кроме вост. и сев.-зап. сторон)
		10	Впадина	Овальная	ЮЮЗ – ССВ	Диам. – 2,2 и 1,7; глуб. – 0,6	Обваловка (шир. 1,1–2,0 м, выс. до 0,1 м)
		11	Впадина	Подквад-ратная	СЗ – ЮВ	4,9х4,7х0,2	Обваловка (шир. 1,5–2,2 м, выс. до 0,2 м); окружена внешними ямами
		12	Впадина	Подоваль-ная	ССЗ – ЮЮВ	Диам. – 5,0 и 2,5; глуб. – 0,2	Обваловка (шир. 0,6–3,0 м, выс. до 0,2 м); с З – внешние ямы; отсутствует часть обваловки
		13	Впадина	Подоваль-ная	ЮЮЗ – ССВ	Диам. – 3,4 и 2,0(?); глуб. – 0,2	Обваловка (шир. 0,9–1,6 м, выс. до 0,2 м); окружена внешними ямами (кроме вост. и южн. сторон); вост. часть объекта разрушена лесной дорогой
Моховое 88, селище	Фёдоровское м/р; прав. берег р. Моховой (прав. приток р. Тромъегана); 0,85 км к СВ от п. Фёдоровского	Не менее трёх подпрямоугольных впадин с обваловкой и внешними ямами **					
Моховое 89, селище (ил. 1)	Фёдоровское м/р; прав. берег р. Моховой (прав. приток р. Тромъегана); 0,70 км к СВ от п. Фёдоровского	1	Впадина	Подквад-ратная	З – В	6,0х5,0х0,3	Обваловка (шир. 1,5–2,3 м, выс. до 0,3 м)
		2	Впадина	Подквад-ратная	З – Ю	5,0х5,0х0,3	Обваловка (шир. 1,5–2,3 м, выс. до 0,3 м)
		3	Впадина	Овальная	ЗЮЗ – ВСВ	Диам. – 5,5 и 5,0; глуб. – 0,4	Обваловка (шир. 1,6–2,4 м, выс. до 0,2 м)
Моховая 90, одиночная впадина	Фёдоровское м/р; прав. берег р. Моховой (прав. приток р. Тромъегана); 0,65 км к СВ от п. Фёдоровского	Без №	Впадина	Овальная	ССЗ – ЮЮВ	Диам. – 1,7 и 1,2; глуб. – 0,5	Обваловка (шир. 0,4–0,6 м, выс. до 0,2 м)
Моховое 91, селище	Фёдоровское м/р; прав. берег р. Моховой (прав. приток р. Тромъегана); 1,00 км к СВ от п. Фёдоровского	1	Впадина	Сложная напра-вильная	ЗЮЗ – ВСВ	5,8х2,5х0,1	Обваловка (шир. 0,6–3,5 м, выс. до 0,2 м); окружена внешними ямами
		2	Впадина	Овальная	С – Ю	Диам. – 3,6 и 2,7; глуб. – 0,2	Обваловка (шир. 1,0–1,6 м, выс. до 0,3 м); окружена внешними ямами

Продолжение таблицы

		3	Впадина	Подквад-ратная	3 – В	3,2x3,2x0,1	Обваловка (шир. 0,7–2,0 м, выс. до 0,2 м); окружена внешними ямами (кроме сев. и юго-зап. сторон)
Раппорклор 1, селище	Лянторское м/р; прав. берег р. Пим (прав. приток р. Оби); 16,00 км к ССЗ от г. Лянтор	Без №	Впадина	Прямоу-гольная	3 – В	6,3x5,3x0,3	Остатками срубной постройки; с Ю – внешняя яма; в юго-зап. углу – остатки чувала

Примечания: ** высотные и глубинные показатели указаны по отношению к окружающей поверхности;*
*** тополан не снимался.*

В ходе разведки были осмотрены известные объекты археологического наследия: городище Неухъяун 2, селища Неухъяун 3[1] и Эгутъягун 26[2], одиночная впадина Почекуйская 13[3]. Со времени обнаружения этих памятников их состояние не изменилось.

По итогам историко-культурных изысканий даны рекомендации по сохранению найденных памятников, а также варианты смещения проектируемых объектов строительства.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Карачаров К.Г., Морозов В.М., Шатунов Н.В.** О натурных экспертных работах 2003 г. в Сургутском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2004. — Вып. 2. — С. 430—435.

[2] **Бочкарёв Д.В.** Археологическая разведка на Барсовой горе и р. Эгутъягун в Сургутском районе ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: Сб. статей. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2004. — Вып. 2. — С. 465—467.

[3] **Шатунов Н.В.** Отчёт о НИР: Археологическое обследование земельных участков в зонах хозяйственной деятельности на территории Сургутского района Ханты-Мансийского автономного округа в 2001 году: В 5 кн. — Сургут, 2002. — Кн. 1. — БИИКФ. — Ф. Р—4. Оп. 1. Д. 133. Л. 82; Кн. 5. — БИИКФ — Ф. Р—4. Оп. 1. Д. 137. — Рис. 250, 262.

Поиск Ляпинского острога (по результатам археологических исследований 2007–2008 гг.)

Г.П. Визгалов, Ю.В. Балуева
г. Нефтеюганск
ООО «Научно-производственное объединение
«Северная археология – 1»

В истории Ляпинского острога, русской крепости на р. Ляпин – левом притоке р. Северной Сосьвы – множество неясных моментов. Нет однозначного мнения о дате его основания и периоде существования, не определено точное местоположение. В 2007–2008 гг. в рамках выполнения окружной программы «Культура Югры 2006–2008 гг.» на территории Берёзовского района сотрудниками ООО «НПО «Северная археология – 1» были предприняты попытки поиска этого важного для истории русского освоения Сибири археологического памятника.

В литературе основание Ляпинского острога датировано очень широко – со втор. пол. XIV до перв. пол. XVIII в. Наиболее раннее время постройки острога предложено В.И. Кочедамовым, который предполагал три варианта: 1363 г. (поход Степана Ляпы и Александра Абакумовича), 1445 г. (поход воеводы Василия Шенкурского) и 1499–1501 гг. (поход в Сибирь московской рати под началом князя Семёна Курбского, Петра Ушатого и Василия Заболотского-Бражника[1].

Известный сибиревед Н.А. Абрамов в сер. XIX в. назвал датой постройки первых русских острогов 1592 г., когда царём Фёдором Иоановичем был отправлен отряд казаков для «завоевания Северной Сибири»[2].

Другой вариант датировки был предложен этнографом К.Д. Носиловым, который побывал на остатках острога в 1884 г. и определил их возраст примерно в 300 лет, то есть отнёс строительство крепости к 80-м гг. XVI в.[3]

Вслед за Н.А. Абрамовым и К.Д. Носиловым этой же даты придерживался и историк из Омского краеведческого музея А.Ф. Палашенков[4].

По имеющимся историческим источникам, правомерно утверждать, что Ляпинский острог был основан в перв. пол. XVIII в. Именно в это время вышли указы Анны Иоанновны от 18 августа 1730 г. и от 11

января 1731 г., предписывавшие построить острожки в Обдорской, Сосьвинской, Ляпинской и Казымской волостях и послать туда казаков для защиты новокрещённого ясачного хантыйского населения от набегов соседей-ненцев, отношения между которыми к этому времени резко обострились[5]. В пользу предложенной датировки говорят и данные местной хантыйской традиции, и основанная на ней версия А.А. Дунина-Горкавича, который время постройки Юильского и Ляпинского острожков относил к XVIII столетию[6].

Результаты дендрохронологического обследования Юильского острога, проведённые в 2008 г. специалистами Сибирского федерального университета (г. Красноярск), позволяют считать временем его сооружения 1745 г. Исследователи считают, что острог мог быть заново отстроен после пожара 1742 г.[7]

О факте взятия Ляпина городка московской ратью Г.Ф. Миллер сообщил в рассказе о первом Югорском походе. Во время написания этого исследования (1730—1740-е гг.) *«местечко ещё являлось вогульским селением Берёзовского уезда, расположенным на реке Сыгве (Ляпин)»*[8]. Далее Миллер отметил, что это место было известно торгами русских и зырян с вогулами и остяками. Здесь сходились в зимнее время две дороги с Шокура на Сыгву и с Илыча на Сосьву. Там располагались русские торговые лавки, *«от которых теперь не осталось и следов»*[9]. Заметим, что об остроге Г.Ф. Миллер не упоминает, что также является косвенным свидетельством в пользу его появления уже после написания указанного исторического сочинения.

Как можно заметить, в письменных источниках случается частое отождествление вогульского городка *Лопынг-уш*, который находился у с. Ломбовож, с русским Ляпинским острогом, располагавшимся напротив современного с. Саранпауль. Поэтому у исследователей и не сложилось единого мнения о датировке Ляпинского острога.

Известно, что в нач. XVIII в. на территории острога была построена деревянная Богоявленская церковь, сожжённая шаманами. Острог в роли сторожевой заставы просуществовал до сер. XVIII в., пока в 1751 г. царский указ не упразднил все заставы в Берёзовском уезде. Ещё и в XIX в. на месте острога проводились зимние ярмарки и сбор ясака. Для этой цели на другом берегу р. Ляпин были поставлены избы и несколько торговых амбаров и лавок. Острог был заброшен, однако длительное время почитался местным населением[10].

Самым ранним из дошедших до наших дней изображений Ляпинского острога является рисунок берёзовского казака Николая Шахова,

Ил. 1. **Ляпинский острог.** Рис. Н. Шахова. 1840—1850-е гг.

сделанный им в 1840—1850-х гг. на одной из своих «шторок» — панно (ил. 1)[11].

Одно из первых известий о состоянии острога принадлежит заседателю Тарского земского суда Шершеневичу, который был командирован в Берёзовский край в нач. 1843 г. и попутно сделал короткие описания и обмеры остатков Юильского и Ляпинского острожков. Судьба материалов Шершеневича по обмерам острогов и их возможное местонахождение не известны[12]. Первый дошедший до нас чертёж выполнен К.Д. Носиловым в 1884 г. и опубликован им же в 1890 г.[13]

Имеются сведения об официальных археологических работах на Ляпинском остроге, проведённых в 1897 г. священником с. Щекурьинского Берёзовского округа В.Н. Герасимовым[14].

В 1939 г. омским краеведом А.Ф. Палашенковым были организованы археологические исследования, хотя к тому времени наземная архитектурная часть острога была полностью уничтожена — в 1927 г. она была сожжена местным жителем при расширении покосной площади. Через четверть века после своих полевых работ исследователь опубликовал небольшую статью с результатами этих изысканий[15].

В 1988 г. на основании обобщения имеющихся сведений архитектор Н.П. Крадин реконструировал возможный облик крепости. По его мне-

нию, конструктивное устройство и габариты башни были аналогичны другим, сохранившимся в Сибири[16].

В 1981 и 1991 гг. археологические исследования (разведки и раскопки) проводились свердловским исследователем Е.А. Курлаевым, а в 2003 г. разведочные работы вёл его земляк Е.А. Жирных. Однако им не удалось найти ни остатков построек, обнаруженных А.Ф. Палашенковым, ни датирующего материала[17].

Новые работы по выявлению Ляпинского острога были продолжены в 2007–2008 гг. разведочной группой ООО «НПО «Северная археология – 1» под руководством Г.П. Визгалова. Маршрут натурного обследования проходил от речного знака, расположенного на береговом валу левого берега р. Ляпин напротив юго-восточной части с. Саранпауль. Пойма реки в этом месте расширяется до 200 м от современного русла, на ней возвышаются два параллельных береговых вала высотой до 2 м, ограниченные руслами пересыхающих стариц. У подножия коренного берега находится ещё одна старая пересыхающая старица. Надпойменная терраса в зоне обследования имеет высоту до 5 м над уровнем поймы и чередуется с низкими преимущественно заболоченными участками. Она поросла смешанным лесом из берёзы, ели и кедра с нижним ярусом из осины, ивы, черёмухи. В пойме распространены разнотравно-вейниковые влажные ивняки и типичные влажные разнотравно-вейниковые луга.

В ходе предварительного обследования левой террасы р. Ляпин сформировалось мнение, что наиболее перспективной для поисков следов острога является территория напротив и ниже современного причала. Предположение основывалось на нескольких косвенных признаках.

Во-первых, на оптимальных для поселения ландшафтно-топографических условиях: высота террасы – до 5 м от поймы; довольно ровная площадка, ограниченная с юга старичным руслом протоки, с северо-запада и северо-востока – болотом, а с севера – лесом.

Во-вторых, на положительной корреляции местности с описанием К.Д. Носилова и планом А.Ф. Палашенкова: а) достаточной площади для размещения острога и посада (42,0х39,5х26,0х24,0 м по плану К.Д. Носилова); б) поляны с остатками двух силосных ям либо пожарных водоёмов (26,0х8,0 и 12,0х5,5 м) в центральной части условно выделенного участка (в одной из ям сохранились остатки деревянных конструкций) и указания А.Ф. Палашенкова, что в момент его полевых работ на месте крепости стоял сарай с силосными ямами под ним[18].

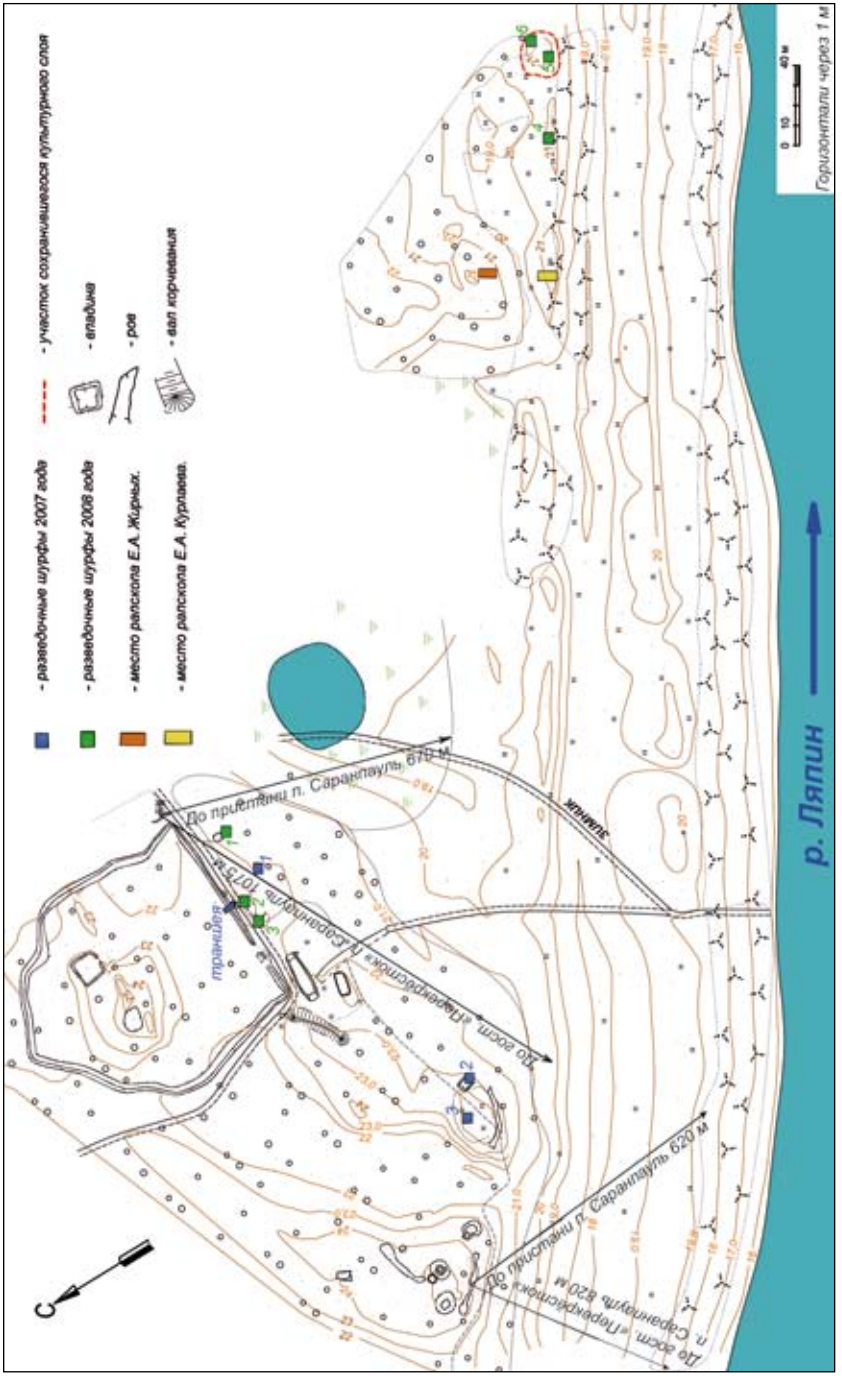
На только что представленном месте предполагаемого острога, где визуально фиксировались поздние впадины, рвы и валы корчевания,

Ид. 2. **Ляпинский острог.** Фрагменты керамики кон. XVII – нач. XVIII в.

в 2007–2008 гг. на участке 200х30 м было заложено 6 разведочных шурфов и траншея. Однако объектов острога ни визуально, ни шурфовкой выявить не удалось. В большинстве шурфов найдены в основном предметы втор. пол. XX в.: стекло, консервные банки, гвозди, горлышко стеклянного бутылька, фрагмент стакана, колючая проволока, кристаллы горного хрусталя и дымчатого кварца. Лишь единичные находки из траншеи и двух шурфов можно отнести к периоду существования острога. Это 3 фрагмента сероглиняного плоскодонного сосуда диаметром не более 12 см, изготовленного в кон. XVII – нач. XVIII в. (ил. 2), и фрагменты архаичных кирпичей, которые по цвету и структуре можно отнести к XVIII–XIX вв. На обследованной территории геодезистом НПО «Северная археология – 1» А.В. Гоманом была проведена тахеометрическая съёмка общей площадью около 7 га (ил. 3)[19].

Практически на всей исследованной территории почва и культурный слой, связанный с существованием острога, разрушены и переотложены. Опрос местного населения показал, что в 1940–1950-х гг. на этом месте располагалась база складирования взрывчатых веществ одного из отрядов Полярно-Уральской экспедиции по разведке и добыче горного хрусталя. Местность была срыта бульдозерами и изъезжена гусеничной техникой. Вероятно, вышеупомянутые рвы служили для отвода воды. Силосные ямы впоследствии использовались для хранения аммонита.

Осмотр участка, определённого в 2003 г. Е.А. Жирных территорией местоположения острога, вызвал сомнения в правильности этого вывода. При соотнесении на местности планов исследователя с планами А.Ф. Палашенкова выявлены несоответствия. Во-первых, размеры участка под острог у Е.А. Жирных на порядок меньше. Во-вторых,



Ил. 3. Ляпинский острог. План

остатки силосных ям, отмеченных А.Ф. Палашенковым, в 2003 г. не обнаружены.

Укрепляло сомнение в правильности заключения Е.А. Жирных то обстоятельство, что в его раскопе, в отличие от нашего, не были найдены фрагменты керамики либо другие предметы, датируемые периодом существования острога.

В 350 м юго-восточнее силосных ям была осмотрена территория, которая, судя по всему, соответствовала плану А.Ф. Палашенкова. Сегодня на её поверхности видна лишь небольшая впадина и нет площадки для посада, отмеченной исследователем. Следы раскопок визуально не фиксируются. Восточнее, на краю второго берегового вала (гривы) обнаружена впадина глубиной около 2 м с обрывистыми стенками и прямыми углами. Скорее всего, это раскоп Е.А. Курлаева 1991 г.

К юго-востоку от только что описанного участка на этой же гриве было заложено 3 шурфа. В них на одной глубине с предметами втор. пол. XX в. были найдены вещи более раннего времени. В двух шурфах зафиксирован непотревоженный культурный слой в виде тёмно-серого гумусированного лёгкого суглинка. Однако ни в шурфах, ни в обнажениях слоя не было русской керамики.

Всего — в ходе шурфовки и сборами подъёмного материала из разрушений берега — удалось обнаружить 32 археологические находки, большая часть из которых — изделия из железа, цветных металлов.

Среди находок — 5 перстней. На щитках двух из них имеются гравированные изображения: растительный узор (ил. 4 — *5*) и стилизованный лук со стрелой. Миниатюрный перстень с диаметром обруча до 1,6 см, украшен выпуклым орнаментом в виде шапки и стилизованного изображения.

Два накладных украшения из свинцово-оловянистого сплава — довольно распространённый элемент декора одежды аборигенного населения XVIII—XIX вв., встречается он и в материалах XX в. (ил. 4 — *4, 6*).

На пломбе из свинцово-оловянистого сплава проглядывает затёртое изображение двуглавого орла и читаются буквы «**РС**» (ил. 4 — *8*).

Найдены также медные напёрстки, обувная пряжка (ил. 4 — *9*), обойма рукояти ножа, украшенная гравировкой в виде растительного узора (ил. 4 — *7*), каменный абразив.

В коллекции выделяются кресты-тельники, всего их 3 экз. (ил. 4 — *1, 2, 3*). Все они отлиты из медного сплава в двусторонней форме. Общими

Ил. 4. Местонахождение Саранпауль 4. *1, 2, 3* — кресты-тельники (бронза); *4, 6* — нашивки (свинцово-оловянистый сплав); *5*— перстень (бронза); *7*— обойма рукояти ножа (бронза); *8* — пломба (свинец); *9* — обувная пряжка (бронза)

элементами их иконографии являются восьмиконечный Голгофский крест с наклонёнными к нему копьём и тростью с губкой на конце; схематичное изображение головы Адама. Выпуклым рельефом выполнены надписи. Тонким валиком оконтурена по периметру лицевая часть изделия.

Аналогии самому крупному кресту встречаются на обширной территории как Сибири, так и Европейской России. По типологии В.И. Молодина, разработанной на основе коллекции с Илимского острога, крест можно отнести к типу 1, подтипу 2. Бытование таких крестов относится ко втор. пол. XVII — XVIII в.[20] Интересно отметить, что подобный крест найден в раскопе 2008 г. в слое XVII в. Старотуруханского городища (Красноярский край)[21].

Лопасти второго креста резко расширяются к оконечностям, образуя фигуру трилистника с округлыми лепестками. Верх, у оглавия, завершается округлым расширением. Фон лицевой стороны имеет вид тонкой рельефной сетки, местами затёртой. Этот крест соответствует типу 8, подтипу 1 типологии В.И. Молодина и датируется XVII—XIX вв.[22]

И, наконец, третий крест — «огненосный». Его лопасти украшены завитками и окружностями. В центре восьмиконечный крест с цатой

в средокрестии. Под оглавием креста и на его горизонтальных оконечностях размещены декоративно оформленные розетки. В углах средокрестия видны крайне затёртые следы сломов лучей. Данный экземпляр близок к типу 4, подтипу 2 типологии В.И. Молодина. Для него имеется довольно широкий круг аналогов из памятников XVII–XVIII вв.[23]

Таким образом, бытование найденных предметов можно отнести к обширному промежутку времени со втор. пол. XVII до XX в.

Результаты проведённых работ позволяют констатировать отсутствие видимых на современной поверхности объектов археологии, сформировавшихся в XVIII–XIX вв. Скорее всего, Ляпинский острог стоял на восточном мысе левобережного останца надпойменной террасы р. Ляпин напротив современного причала п. Саранпауль, где выявлен потревоженный культурный слой XVIII–XIX вв. Полученные в ходе шурфовки и сборов на юго-восточном участке находки XVIII–XIX вв. могут указывать место временного расположения аборигенного населения, приезжавшего на период сдачи ясака и меновой торговли (стоянка Саранпауль 4).

На сегодняшний день определить точные границы острога по визуальным признакам достаточно сложно, поскольку современный ландшафт левой коренной террасы р. Ляпин сформирован в ходе антропогенной деятельности нач. – сер. XX в.

При подведении итогов напрашивается вывод о том, что Ляпинский острог просуществовал небольшой промежуток времени. Этим определяется малое количество находок. Показательно, что при раскопках Казымского (Юильского) острога XVIII в находки тоже были единичны. Вероятно, обе крепости имели непостоянный и очень малочисленный гарнизон, жизнедеятельность которого была минимальной. Позже, в период существования базы геологоразведочной экспедиции, и без того незначительный культурный слой Ляпинского острога был почти полностью срыт гусеничной техникой. Ярмарочная торговля, сдача ясака и связанные с ней поселения зырян и вогулов, описанные Г.Ф. Миллером и К.Д. Носиловым, скорее всего, были приурочены к правому берегу р. Ляпин, к месту современного п. Саранпауль. Данные исторических источников не противоречат этому.

Оценивая перспективы изучения Ляпинского острога на данной территории и учитывая степень антропогенного воздействия нач. – сер. XX в., можно подытожить: они довольно низкие.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Кочедамов В.И.** К вопросу о датировке первых русских построек в Сибири. — Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР. — 1968. — Вып. 13. — С. 68.

[2] **Абрамов Н.А.** Описание Берёзовского края. — Шадринск: Исеть, 1993. — С. 34.

[3] **Носилов К.Д.** По следам князя Курбского. У вогулов. — Тюмень: СофтДизайн, 1997. — С. 232.

[4] **Палашенков А.Ф.** Ляпинская крепость // Изв. Омского отд-ния Геогр. об-ва СССР. — Омск, 1963. — Вып. 5(12). — С. 153.

[5] **Баландин С.Н., Вилков О.Н.** Юильский городок на р. Казыме // История городов Сибири досоветского периода (XVII — начало XX в.). — Новосибирск: Наука, 1977. — С. 272.

[6] **Дунин-Гаркавич А.А.** Тобольский Север. — М.: Либерия, 1996. — Т. II: Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. — С. 242.

[7] **Мыглан В.С.** Дендрохронологическое обследование Казымского поселения. Красноярск, 2009. (в печати).

[8] **Миллер Г.Ф.** История Сибири. — М., 2005. — Т. 1. — С. 199.

[9] **Миллер Г.Ф.** История Сибири... — С. 263—264.

[10] **Крадин Н.П.** Русское деревянное оборонное зодчество. — М.: Искусство, 1988. — С. 90.

[11] **Чернецов В.Н.** Быт хантов и манси по рисункам XIX в.// Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР. — Т.Х. — 1949. — С. 30.

[12] **Баландин С.Н., Вилков О.Н.** Юильский городок на р. Казыме... — С. 274.

[13] **Носилов К.Д.** Исторические памятники племени манси // Изв. Императорского об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. — М., 1890. — Т. XLIX, вып. 5: Тр. Антропологического отдела; Т. IX, вып. 3: Протоколы заседаний антропологического отдела об-ва. — С. 564—565.

[14] **Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г.** Город Тобольск: Археологический очерк. — Тобольск, 2008. — С. 19.

[15] **Палашенков А.Ф.** Ляпинская крепость... — С. 153—159.

[16] **Крадин Н.П.** Русское деревянное оборонное зодчество... — С. 89—90.

[17] **Курлаев Е.А.** Отчёт об археологических раскопках на территории Ницинского завода в Ирбитском районе Свердловской области и поселения Саранпауль 3 в Берёзовском районе Тюменской области летом 1991 г. — Екатеринбург, 1993. — Архив Кабинета археологии УрГУ. Ф II. Д. 527; **Жирных Е.А.** Отчёт о НИР: Археологическая разведка в Берёзовском районе ХМАО — Югры Тюменской области в 2003 г. — Екатеринбург, 2003.

[18] **Палашенков А.Ф.** Ляпинская крепость... — С. 153.

[19] **Визгалов Г.П.** Отчёт о НИР: Аварийно-спасательные работы на Ляпинском остроге в Берёзовском районе ХМАО — Югры. — Нефтеюганск, 2009. — Архив учреждения ХМАО — Югры «Центр охраны культурного наследия». Без №.

[20] **Молодин В.И.** Кресты-тельники Илимского острога. — Новосибирск, 2007. — С. 45—47.

[21] **Визгалов Г.П.** Отчёт о НИР: Комплексные археологические исследования Старотуруханского городища в Туруханском районе Красноярского края в 2008 г.: В 2 кн. — Нефтеюганск, 2009. — Рис. 182—*3*.

[22] **Молодин В.И.** Кресты-тельники Илимского острога... — С. 76—77.

[23] **Молодин В.И.** Кресты-тельники Илимского острога... — С. 49, 204.

Проблема выявления границ города Берёзова кон. XVI XIX в.

М.Н. Пальянова, П.В. Пальянов
г. Нефтеюганск
ООО «Научно-производственное объединение
«Северная археология – 1»

В рамках окружной программы «Культура Югры на 2006–2008 гг.» в 2008 г. силами ООО «НПО «Северная археология – 1» были выполнены научные исследования по проекту «Проведение охранно-спасательных работ на археологическом слое пгт.[1] Берёзова». Он включал в себя: а) археологические раскопки; б) разработку историко-архитектурного опорного плана.

В ходе разработки историко-архитектурного опорного плана пгт. Берёзова одной из основных проблем стало выявление границ его археологического слоя кон. XVI – XIX в., который выделен в отдельный археологический памятник – городище Берёзовское.

Историко-архитектурный опорный план – это важнейший и чрезвычайно трудоёмкий чертеж, который предваряет разработку проекта зон охраны. Он должен содержать всю полноту исторической информации, полученной в результате историко-архивных исследований, натурного обследования и ретроспективного анализа исторической застройки (ил. 1).

Главная цель создания историко-архитектурного опорного плана пгт. Берёзова – это обеспечение наиболее оптимальных условий для надлежащего сохранения объектов культурного наследия, расположенных на территории населённого пункта.

Его основные задачи:

- Определение территории и границ памятника археологии городище Берёзовское.
- Определение территории объектов культурного наследия, расположенных в пгт. Берёзово и состоящих на государственной охране.
- Выявление и определение территории объектов, обладающих признаками объектов культурного наследия и требующих постановки на государственный учёт.

- Разработка предложений по сохранению объектов культурного наследия на территории пгт. Березова.

Опорный план пгт. Берёзова стал результатом комплексных научно-исследовательских работ, состоявших из трёх этапов:

Этап I. Историко-архивные исследования и составление по их результатам исторической записки.

Этап II. Натурные исследования (полевые работы). Они состояли из трёх частей:

Часть 1 — стационарные археологические аварийно-спасательные раскопки на площади 1700 кв. м[2].

Часть 2 — шурфовка территории исторической части населённого пункта с целью выявления границ распространения культурного слоя памятника археологии городища Берёзовского кон. XVI — XIX в. (в большей степени XIX вв.).

Часть 3 — натурное обследование посёлка для фиксации современного состояния известных и выявления новых объектов культурного наследия, оценки застройки и т.д.

Этап III. Камеральная обработка результатов проведённых исследований, а именно, ретроспективный анализ развития Берёзова; разработка основного чертежа опорного плана.

В ретроспективе историческое развитие Берёзова было условно поделено на 5 этапов, каждый из которых отражён в соответствующей графической схеме-реконструкции генплана этого населённого пункта. Для их создания были использованы не только письменные источники, но и сохранившиеся графические материалы: рисунок «города Берёзова» из «Чертёжной книги Сибири» С.У. Ремезова 1701 г.[3]; план «Тобольской губернии уездного города Берёзова» 1797 г. уездного землемера Г. Прянишникова[4]; генплан города Берёзова, выполненный Э.К. Гофманом в 1856 г. В результате берёзовская история получила следующее условное членение:

этап 1 — кон. XVI в.;
этап 2 — перв. пол. XVII в.;
этап 3 — втор. пол. XVII — перв. пол. XVIII в.;
этап 4 — втор. пол. XVIII в.;
этап 5 — XIX — нач. XX в.

Анализируя схемы развития города, удалось выяснить, что современная планировочная структура пгт. Берёзова во многом совпадает с исторической. Сохранилась нарезка жилых кварталов. Расположение современных магазинов совпадает с расположением исторического торгового центра. Один из духовных центров — церковь Рождества

Пресвятой Богородицы — в настоящее время отреставрирован и является действующим. На месте другого храма — Воскресенского собора — сегодня располагается Досуговый центр.

На основной чертёж опорного плана были нанесены объекты культурного наследия в границах их территорий, границы исторически сложившихся кварталов, ценной застройки советского периода, ценной историко-архитектурной среды, дисгармоничной застройки, исторически ценного природного ландшафта; градации современной территории на различные зоны; места проведения археологических исследований разных лет; точки визуального панорамного раскрытия.

При обследовании и последующем нанесении на основной чертёж опорного плана все объекты культурного наследия на территории пгт. Берёзова были распределены на следующие группы:

1. Объекты культурного наследия регионального значения (состоят на государственном учёте):
   - памятники археологии,
   - памятники архитектуры,
   - памятники истории,
   - памятники монументального искусства,
   - утраченные памятники архитектуры.

2. Объекты культурного наследия местного (муниципального) значения, состоящие на государственном учёте;
   - памятники истории,
   - памятники монументального искусства.

3. Вновь выявленные объекты, обладающие признаками объекта культурного наследия, требующие постановки на государственный учёт.

Обозначение границ объектов архитектуры, истории, монументального искусства на топографической основе не вызвало никаких затруднений.

В отличие от них определение территории и границы объекта археологии (Берёзовского городища) оказалось делом непростным.

Территория неисследованного объекта археологии обычно определяется визуально по выраженным на поверхности элементам. В данном случае из-за высокой антропогенной нагрузки объект археологии в современном рельефе не читался. Поэтому его границы определялись графически в ходе историко-архивных исследований (ретроспективного анализа этапов развития города Берёзова — условные этапы 1—5 вышеуказанной схемы) и археологических полевых изысканий 2004—2005, 2007—2008 гг. Достоверность графически обозначенных

границ этапа 5 исторического развития города Берёзова проверялась путём графического наложения сохранившегося генплана города Березова 1856 г. и корреляцией месторасположения сохранившихся объектов культурного наследия кон. XIX — нач. XX в. на территории современного посёлка. Архитектурную ретроспективу, построенную на архивных и графических источниках, необходимо было проверить натурными исследованиями (археологической шурфовкой) в обозначенных границах.

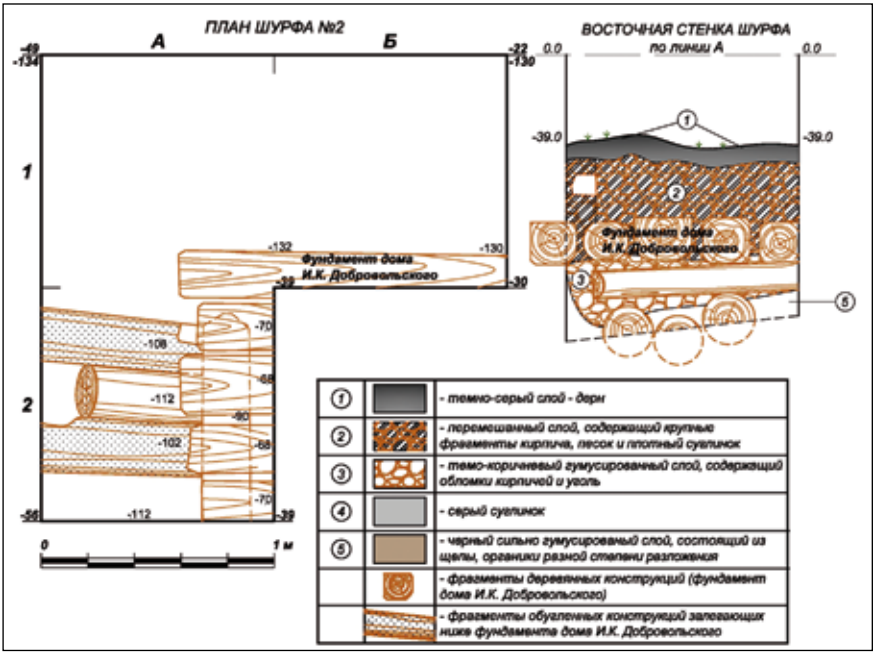
Работы по выявлению границ распространения культурного слоя города Берёзова XIX в. методом археологической шурфовки проводились в августе 2008 г.

Всего в процессе работ было заложено 15 шурфов и 2 зачистки почвенных обнажений общей площадью 57 кв. м. В итоге культурный слой XIX в. выявлен в 13 шурфах и в обеих зачистках.

Памятник архитектуры — дом купца И.К. Добровольского (ул. Собянина, д. 41). Кон. XIX в. С целью получения обоснованного прогноза о состоянии культурного слоя при проведении научно-реставрационных работ и для получения сведений о наличии (состоянии) фундамента постройки около её западного угла был заложен шурф № 2. Он зафиксировал фрагменты фундамента дома, представляющие собой сплошное основание в виде двухслойного наката из подтёсанных брёвен (ил. 2). На них по углам здания были установлены бревенчатые стулья, поверх которых, в свою очередь, уложен окладной венец здания. Ниже фундамента зафиксированы обугленные остатки стены срубного строения, стоявшего на этом месте до постройки дома Добровольского в 1874 г.

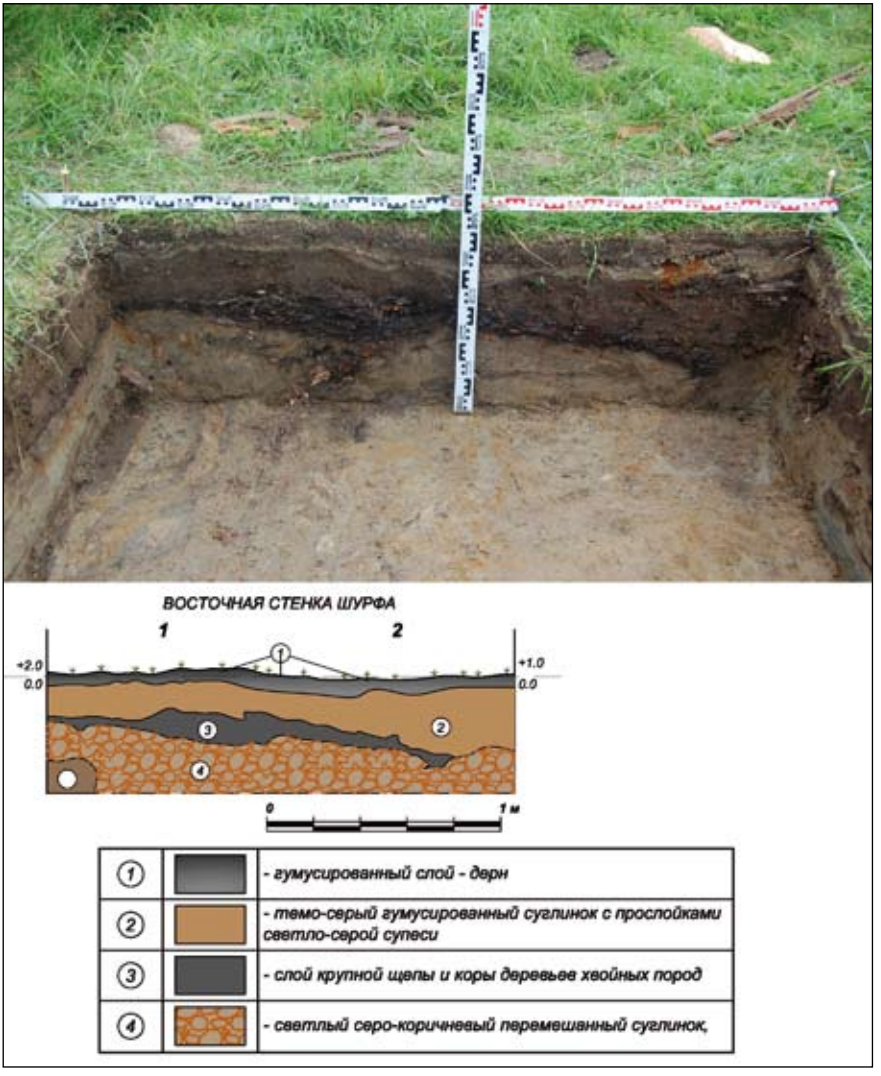
Памятник архитектуры — купеческая усадьба (ул. Собянина, между домами 32 и 34). Кон. XVIII — нач. XIX в. На территории хозяйственного двора был заложен шурф № 16. Зафиксированная стратиграфия является довольно показательной с методической точки зрения. На участке шурфовки антропогенная нагрузка в XX в. оказалась слабой — здесь нет ни перекопов, ни траншей под коммуникации, ни иных почвенных нарушений. Поэтому культурному слою не было нанесено большого урона. Его стратиграфия представлена в следующем виде (ил. 3):

- дёрн;
- слой тёмно-серого, гумусированного суглинка с прослойками и линзами светло-серой супеси, примесью кирпичной крошки;
- слой крупной щепы и коры деревьев хвойных пород;
- светлый серо-коричневый перемешанный суглинок.



Ил. 2. **Город Берёзов.** Памятник архитектуры — дом купца И.К. Добровольского. Шурф. 2008 г.

Эта стратиграфия хорошо коррелируется с данными историко-архивных исследований. Слой крупной щепы и коры деревьев хвойных пород можно уверенно соотнести со временем крупной застройки усадьбы (в частности, сооружением двух амбаров) в 1850–1860-х гг. и признать его датированным строительным горизонтом – опорным для прочтения стратиграфии на этом участке. Подтверждают сказанное и находки из шурфа. Так, в



Ил. 3. **Город Берёзов.** Памятник архитектуры – купеческая усадьба. Шурф. 2008 г.

слое нижележащего серого суглинка найден фрагмент красноглиняной курительной трубки. На территории ХМАО – Югры в силу слабой изученности объектов XVIII–XIX вв. подобные находки являются редкостью. Однако при раскопках русских городов Северо-Запада они встречаются чаще. Более того, в результате многолетних исследований культурного слоя таких городов, как Москва, Санкт-Петербург, Псков, Тверь, археологами разработана типология курительных трубок, на основании которой по обнаруженному в Берёзове фрагменту, сделана реконструкция (ил. 4). Такие курительные трубки бытовали во втор. пол. XVIII в.[5] Следовательно, слой серого суглинка в шурфе № 16 датируется втор. пол. XVIII – перв. четв. XIX в., что в очередной раз подтверждает обозначенные на опорном плане границы объекта археологии городище Берёзовское на 4-м этапе исторического развития – втор. пол. XVIII в.

В результате археологической шурфовки удалось натурно подтвердить границы города Березова на 5-м этапе исторического развития, выявленные на графическом материале.

На основании проведённых научно-исследовательских работ выработаны следующие рекомендации по сохранению культурного наследия пгт. Березова:

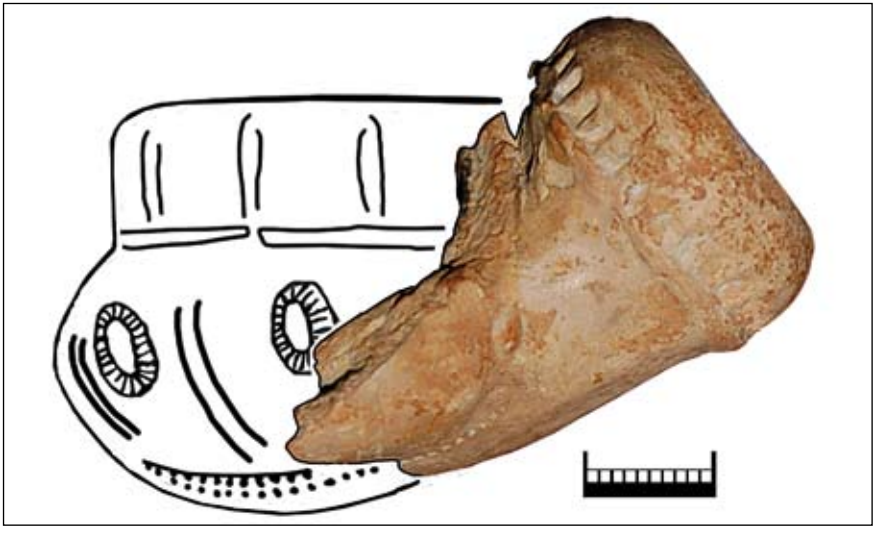
1. Памятники археологии, архитектуры, истории мемориального искусства, расположенные на территории пгт. Берёзова, несомненно, являются уникальными объектами культурного наследия, требующими обязательного сохранения и дальнейшего исследования.

2. Границы памятников археологии (городище Берёзовское), архитектуры и истории, установленные в рамках работы по созданию историко-архитектурного опорного плана, должны обязательно учитываться при дальнейшем развитии населённого пункта (т. е. войти в его новый генплан).

3. Следующим этапом в организации охранных мероприятий должна стать разработка и реализация «Проекта зон охраны объектов культурного наследия на территории пгт. Берёзова»[6]. При этом проведенные в 2008 г. научные исследования следует считать уже выполненными этапами этой большой работы.

4. Необходимо дальнейшее проведение аварийно-спасательных работ на памятнике археологии Берёзовское городище.

5. Историческое поселение Берёзово – один из немногих населённых пунктов Северо-Западной Сибири, сохранивших до сегодняшнего дня планировочные элементы и здания XVIII–XIX вв. Сегодня большинству из зданий требуется реставрация.



Ил. 4. **Город Берёзов.** Шурф 2008 г. Фрагмент красноглиняной курительной трубки с элементом графической реконструкции

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Указанный административный статус Берёзова (посёлок городского типа) не противоречит названию публикации, где этот населённый пункт назван городом. Статус города Берёзово имело в 1764–1926 гг., села – в 1926–1954 гг., пгт. – с 1954 г. (**Бакулин В.В., Фарносова В.В.** Берёзово // Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа: В 3 т. – Ханты-Мансийск, 2000. – Т. 1. – С. 100). Прим. ред.

[2] **Визгалов Г.П.** Отчёт о НИР: Проведение аварийно-спасательных археологических работ на культурном слое исторического поселения Берёзова: В 4 т. – Нефтеюганск, 2008. – Т. 1: Аварийные археологические раскопки на территории кремля. В 2 кн.; Т. 2: Аварийные археологические раскопки на территории посада; Т. 3: Археологические раскопки в устье р. Вогулки; Т. 4: Определение территории памятника археологии городища Берёзовское кон. XVI–XIX в.

[3] **Ремезов С.У.** Чертежная книга Сибири. 1701 г. – СПб., 1882. – Л. 8.

[4] «План Тобольской губернии уездного города Берёзова с показанием на оном ныне стоящего строения и в новь прожектированного расположения. Сочинён 1797-го года» // Берёзово (Очерки истории с древности до наших дней). – Екатеринбург, 2008. – С. 112.

[5] **Новикова Г.Л.** Красноглиняные «турецкие» курительные трубки в собрании Музея истории города Москвы // Тр. Музея истории города Москвы. – М., 1996. – Вып. 9: Археологические памятники Москвы и Подмосковья. – С. 84.

[6] Методические рекомендации по разработке историко-архитектурных опорных планов и проектов зон охраны памятников исторических населённых мест. – М., 1990. – С. 16–20.

Датировка памятников деревянного зодчества п. Берёзово ХМАО – Югры методом дендрохронологии*

В.С. Мыглан, О.А. Жарникова
г. Красноярск
Сибирский федеральный университет, Гуманитарный институт

Тема присоединения и последующего хозяйственного освоения территории Сибири уже достаточно проработана. Однако время постройки ряда памятников деревянного зодчества до настоящего времени остаётся неизвестным. В определённой мере это связано с утратой многих письменных источников, способных пролить свет на указанную проблему.

В настоящее время наибольшие перспективы в этом направлении открывает привлечение естественнонаучных методов исследования, в первую очередь – дендрохронологического. В данной работе на примере датировки памятников деревянного зодчества п. Берёзово хотелось бы привлечь внимание к этому вопросу и показать возможности, которые даёт проведение дендрохронологического анализа.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

В 2008 г. в ходе экспедиционных работ были отобраны образцы с 19 памятников деревянного зодчества, расположенных в п. Берёзово ХМАО – Югры. В рамках представленного исследования была проведена датировка следующих памятников архитектурного наследия:

– постройка амбарная – ул. Собянина, прилегает к дому 32 (ил. 1);

– здание городского казначейского управления – ул. Собянина, дом 39 (ил. 2);

– церковно-приходская школа.

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 08-01-18094е «Строительная история памятников деревянного зодчества XVII–XIX вв. на территории Сибири». Данная статья представляет собою публикацию доклада, сделанного на науч.-практ. конф. «Проблемы сохранения и использования культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры», проведённой Учреждением ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия» в г. Ханты-Мансийске 24–28 ноября 2008 г.

Ил. 1. Постройка амбарная (п. Берёзово ХМАО — Югры, ул. Собянина, прилегает к дому № 32). Фото В.С. Мыглана. 2008 г.

Ил. 2. Здание городского казначейского управления (п. Берёзово ХМАО — Югры, ул. Собянина, дом № 39). Фото В.С. Мыглана. 2008 г.

Материалы для анализа отбирались специальным буром для взятия образцов из сухостойной древесины и представляют собой керны диаметром 9 мм. Использование такой технологии позволило мини-

мизировать ущерб, наносимый архитектурным памятникам, и целенаправленно, точечно отобрать образцы с участков брёвен, сохранивших последнее прижизненное кольцо.

В результате было взято:

— с постройки амбара — 10 образцов: с 9, 10, 6-го венцов южной стороны (керны № a1, a2, a3); с 9-го, 11-го венцов западной стороны (керны a7, a8); с 10, 8, 11, 10, 11-го венцов разных простенков северной стороны (керны a4, a5, a6, a9, a10);

— со здания городского казначейского управления — 12 образцов (керны от g1 до g12);

— со здания церковно-приходской школы — 6 образцов: с деревянных перекрытий (керны от sh1 до sh6).

Основным материалом при строительстве служила древесина сосны сибирской — Pinus sibirica (Rupr.) Mayr. С учётом этого для датировки памятников по стандартной методике[1] была построена 336-летняя древесно-кольцевая шкала (с 1673 по 2008 г.) для участка кедрового леса, расположенного в 2 км к северу от п. Берёзово.

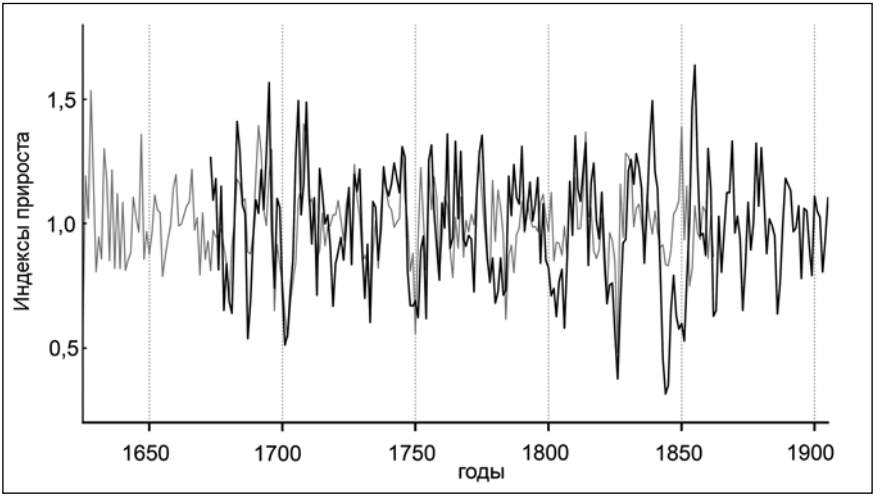
Измерения ширины годичных колец были выполнены на полуавтоматической установке «LINTAB» (с точностью 0,01 мм). Датировка измеренных серий была выполнена посредством сочетания графической перекрёстной датировки[2] и кросскорреляционного анализа в пакете специализированных программ для дендрохронологических исследований — DPL[3] и «TSAP V3.5»[4].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Здание амбара

Посредством сочетания кросскорреляционного анализа и графической перекрёстной датировки измеренные индивидуальные серии прироста были датированы относительно друг друга (табл. 1) и с обобщённой древесно-кольцевой хронологией по живым деревьям (ил. 3)

Из графика хорошо видна высокая синхронность в изменчивости прироста анализируемых серий, коэффициент корреляции составил 0,48 (для периода в 190 лет, при $p<0,05$). Учитывая, что индивидуальные серии прироста по анализируемому памятнику хорошо коррелировали с древесно-кольцевой хронологией по живым деревьям, они были использованы для продления и улучшения репликации этой хронологии. В результате датировка последующих памятников проводилась по новой обобщенной хронологии, отражающей изменчивость прироста сосны сибирской в районе п. Берёзова за последние 385 лет.



Ил. 3. Перекрёстная датировка обобщённой древесно-кольцевой хронологии по амбару (серая линия) с хронологией по живым деревьям (чёрная линия)

Таблица 1

Результаты перекрёстной датировки образцов с постройки амбара

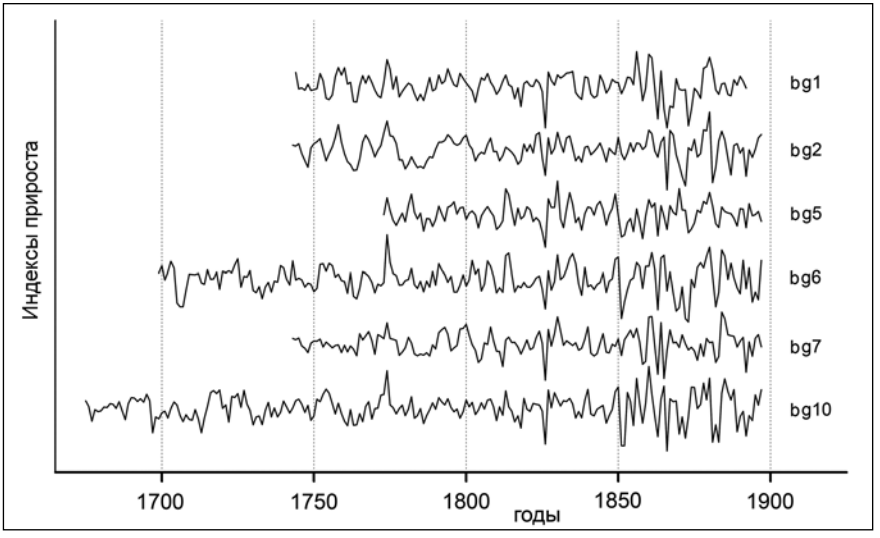
Номер образца	Название образца	Кольцо (год)		Коэффициент корреляции	m	σ	Примечание
		Центральное	Периферийное				
1	a01	1697	1862	0,56	0,22	0,28	
2	a02	1727	1860	0,66	0,21	0,30	
3	a03	1656	1859	0,59	0,22	0,24	
4	a04	1624	1853	0,50	0,23	0,25	
5	a05	1641	1852	0,48	0,21	0,24	
6	a06	1674	1841	0,69	0,22	0,34	
7	a07	1661	1838	0,57	0,24	0,35	
8	a08	1654	1860	0,56	0,24	0,38	
9	a09	1705	1862	0,53	0,18	0,33	
10	a10	1661	1851	0,29	0,24	0,24	

Примечания: *m – коэффициент чувствительности;*
σ – *стандартное отклонение.*

Таким образом, проведённый дендрохронологический анализ образцов с амбара показал, что древесина для строительства амбара была заготовлена не ранее 1862 г., т.е. ***временем сооружения этой постройки следует считать перв. пол. 1860-х гг.***

Здание городского казначейского управления

При датировке возведения здания городского казначейского управления измеренные индивидуальные серии прироста с памятника были составлены между собой (ил. 4), а затем с обобщённой хронологией (табл. 2).



Ил. 4. Пример перекрёстной датировки индивидуальных серий прироста со здания городского казначейского управления

На графике хорошо видно согласованное изменение прироста у всех анализируемых индивидуальных древесно-кольцевых серий с памятника (межсериальный коэффициент корреляции составил 0,6, при $p<0,05$).

Таблица 2

Результаты перекрёстной датировки образцов со здания городского казначейского управления

Номер образца	Название образца	Кольцо (год)		Коэффициент корреляции	m	σ	Примечание
		Центральное	Периферийное				
1	bg01	1744	1892	0,68	0,30	0,36	
2	bg02	1743	1897	0,57	0,27	0,72	Кора
3	bg03	1759	1897	0,60	0,46	0,20	Кора
4	bg04	1726	1897	0,64	0,29	0,47	Кора
5	bg05	1773	1897	0,68	0,27	0,27	Кора
6	bg06	1699	1897	0,61	0,32	0,38	Кора
7	bg07	1743	1897	0,63	0,26	0,42	Кора

8	bg08	1811	1892	0,41	0,25	0,80	Кора
9	bg09	1793	1896	0,60	0,28	0,66	
10	bg10	1675	1897	0,70	0,31	0,42	Кора
11	bg11	1677	1897	0,52	0,34	0,24	Кора
12	bg12	1690	1897	0,56	0,28	0,25	

Примечания: *m – коэффициент чувствительности;*
σ – *стандартное отклонение.*

Результаты анализа показали, что время рубки деревьев, использованных для постройки чердачной части здания, приходится на 1897 г. Учитывая, что анализировались образцы с чердачной части постройки, с участков брёвен с остатками коры, а, значит, и последним прижизненным кольцом, вероятно, ***датой завершения строительства следует считать 1897–1898 гг.***

Здание церковно-приходской школы

Датировка образцов со здания церковно-приходской школы была осложнена наличием у некоторых кернов участков с необычно широким приростом годичных колец (например, bsh04), вследствие чего появилась рассогласованность в оценке прироста. Учитывая, что на комлевой части брёвен присутствовали подсушины, с большой долей вероятности можно предположить, что такие «всплески» прироста были вызваны пожарами. Результаты перекрёстной датировки образцов представлены в табл. 3.

Таблица 3

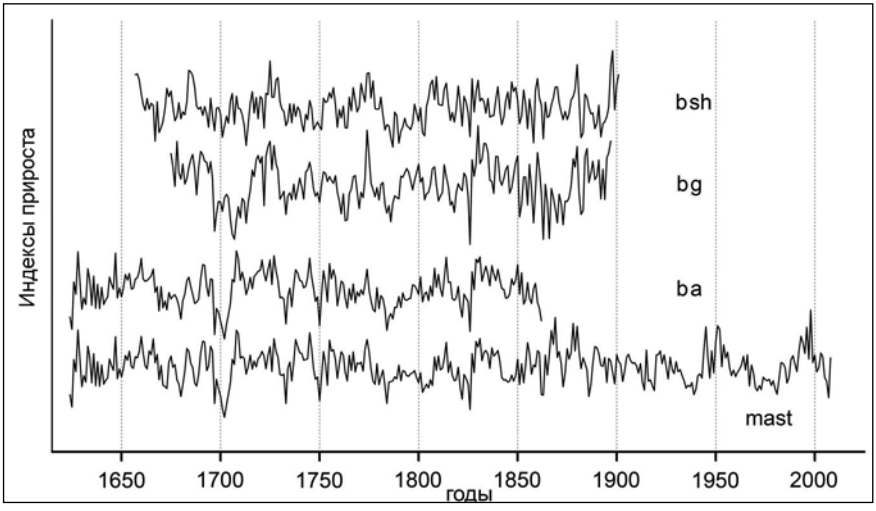
Результаты перекрёстной датировки образцов со здания церковно-приходской школы

Номер образца	Название образца	Кольцо (год)		Коэффициент корреляции	m	σ	Примечание
		Центральное	Периферийное				
1	bsh01	1716	1901	0,36	0,27	0,53	Кора
2	bsh02	1815	1900	0,62	0,23	0,62	
3	bsh03	1816	1899	0,49	0,20	1,00	
4	bsh04	1825	1901	0,08	0,22	0,62	Кора
5	bsh05	1802	1901	0,38	0,15	0,27	Кора
6	bsh06	1657	1901	0,38	0,20	0,20	Кора

Примечания: *m – коэффициент чувствительности;*
σ – *стандартное отклонение.*

Результаты перекрёстной датировки показали, что древесина для строительства школы была заготовлена не ранее 1901 г., и, значит, ***временем окончания строительства следует считать 1901–1902 гг.***

Для иллюстрации правильности проведённой графической перекрёстной датировки обобщённые древесно-кольцевые хронологии по каждому памятнику были отложены относительно абсолютной древесно-кольцевой хронологии (ил. 5).



Ил. 5. Результаты перекрёстной датировки постройки амбара (ba), здания городского казначейского управления (bg) и здания церковно-приходской школы (bsh) с календарно привязанной древесно-кольцевой хронологией (mast) для п. Берёзово

На графике хорошо видно, что прирост деревьев с анализируемых строений и с календарно привязанной хронологией синхронно изменяется на всем представленном периоде. Наиболее показательными являются «реперные» годы — период с 1697 по 1702 г., 1750, 1826 гг., в которые прослеживается падение прироста у всех анализируемых хронологий.

Заключение

Дендрохронологический анализ показал, что древесина для строительства амбара была заготовлена не ранее 1862 г., для здания городского уездного казначейства — в 1897 г., для здания церковно-приходской школы — в 1901 г. Таким образом, время сооружения трёх указанных берёзовских построек пришлось, соответственно, на перв. пол. 1860-х гг., 1897—1898 и 1901—1902 гг.

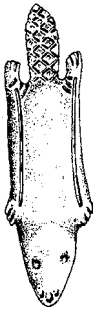
ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Шиятов С.Г., Ваганов Е.А., Кирдянов А.В., Круглов В.Б., Мазепа В.С., Наурзбаев М.М., Хантемиров Р.М.** // Методы дендрохронологии. — Красноярск: КрасГУ, 2000. — Ч. I: Основы дендрохронологии. Сбор и получение древесно-кольцевой информации: Уч.-мет. пособие. — 80 с.

[2] **Douglass A.E.** Climatic cycles and tree-growth. A study of the annual rings of trees in relation to climate and solar activity. — Washington: Carnegie Inst., 1919. — Vol. 1. — 127 p.

[3] **Holms R.L.** Dendrochronological Program Library / Laboratory of Tree-ring Research. — Tucson: The University of Arizona, 1984. — 51 p.

[4] **Rinn F.** TSAP V3.5. Computer program for tree-ring analysis and presentation. — Heidelberg: Frank Rinn Distribution, 1996. — 269 p



Противоаварийные археологические раскопки на могильнике Горноправдинский в полевом сезоне 2008 г. (предварительные результаты)

Е.А. Зайцева
г. Ханты-Мансийск
Учреждение ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия»

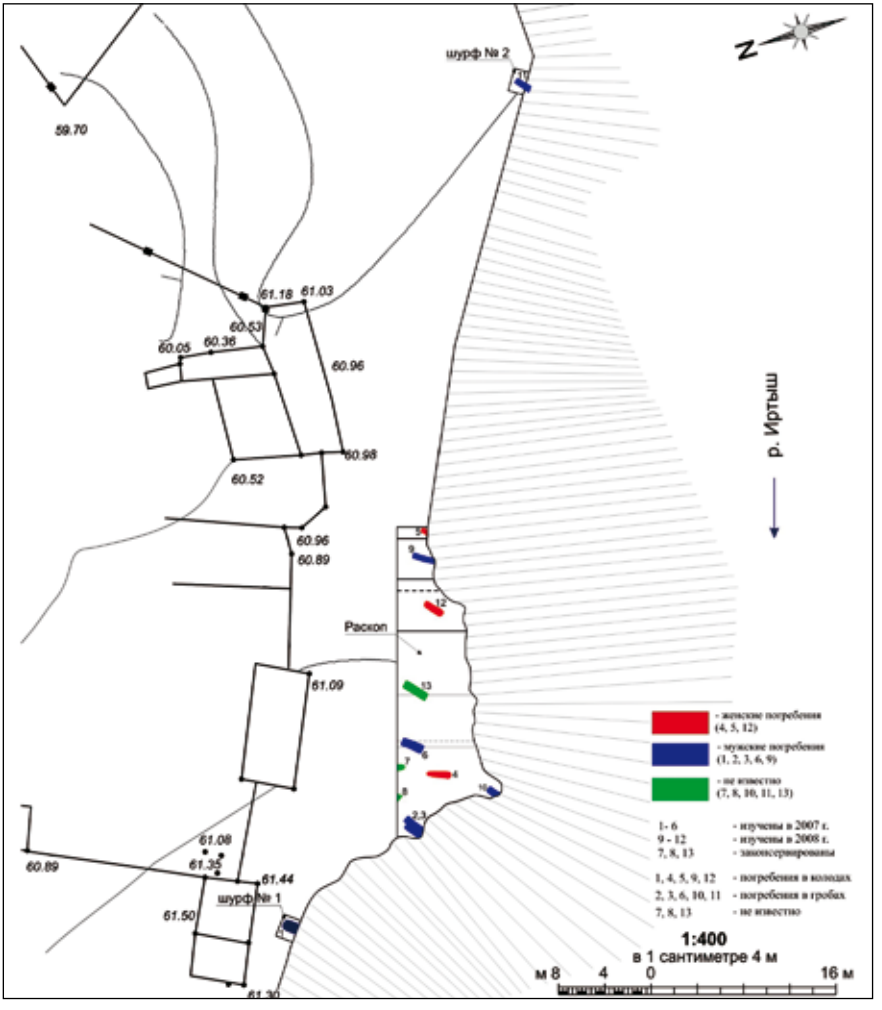
В полевой сезон 2008 г. Центром охраны культурного наследия были продолжены противоаварийные археологические работы на могильнике Горноправдинский, начатые в 2007 г.[1] Могильник расположен в границах п. Горноправдинска на юге Ханты-Мансийского района ХМАО – Югры, на правом берегу р. Иртыша, в урочище Филинская Гора (ил. 1). Памятник фиксируется на протяжении последних лет в профиле разрушающейся береговой линии.

Захоронения сконцентрированы в районе ул. Тюменской. Это историческая часть посёлка с частной застройкой, многие дома в настоящее время заброшены, так как берег активно разрушается. По воспомина-

Ил. 1. **Могильник Горноправдинский.** Общий вид. Сн. с юго-запада (с вертолёта)

ниям местных жителей, за 20 лет обрушилась не одна жилая улица. Предположительно максимальная площадь могильника сегодня может составлять около 12000 кв. м. Какие-либо объекты на поверхности не читаются, так как раньше здесь стояли жилые дома и проходила грунтовая дорога, колеи которой регулярно засыпали мусором.

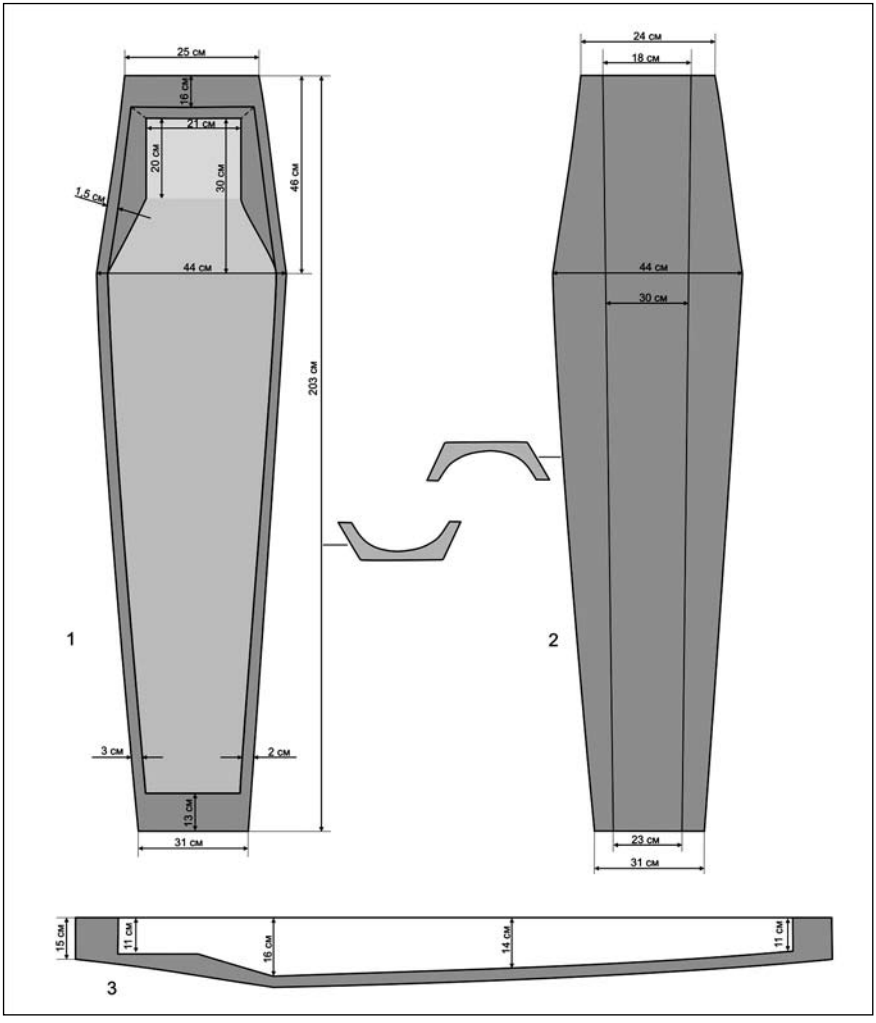
Таким образом, можно констатировать, что на момент образования посёлка в 1972 г. люди начали застраивать берег, не зная о нахождении здесь могильника. По всей видимости, во время функционирования



Ил. 2. **Могильник Горноправдинский.** Сводный план раскопанных погребений

кладбища, оно располагалось на определённом удалении от берега, которому тогда ещё не угрожало разрушение.

В результате проведённых противоаварийных археологических работ на могильнике Горноправдинский в 2008 г. была вскрыта площадь в 60 кв.м и исследовано ещё 4 захоронения – погребения 9–12 (ил. 2). Погребения 10 и 11 были разрушены в результате обрушения береговой линии, поэтому в погребении 10 зафиксированы только нижние



Ил. 3. **Могильник Горноправдинский.** Погребение 9. Размеры деревянной колоды. *1 – основание (вид сверху), 2 – крышка (вид сверху), 3 – основание (вид в продольный профиль)*

конечности, а в погребении 11 отсутствовали череп и часть верхнего скелета.

Погребения 10—12 ориентированы в направлении северо-восток — юго-запад (головой на юго-запад), погребение 9 — по линии север—северо-восток — юг—юго-запад (головой на юго-запад). Могильные ямы имеют округлую (погребения 9, 10) либо подквадратную формы (погребения 11, 12).

Два захоронения (погребения 9, 12) были совершены в долблёных колодах — «домовинах» (ил. 3), а два — в сколоченных дощатых гробах (погребения 10, 11). Колода изготавливалась из части цельного ствола, которая раскалывалась повдоль, при этом из бо́льшей части изготавливали собственно гроб (основание), а из меньшей — крышку. Снаружи крышка и основание колоды имели в поперечном профиле трёхгранное сечение (закрытый гроб получался шестигранным), изнутри — полукруглое.

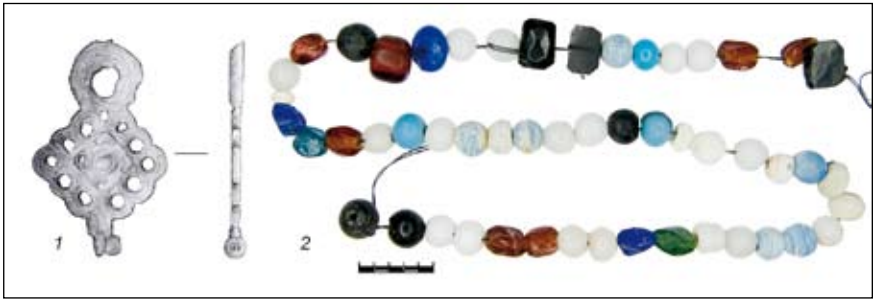
Костяки в захоронениях расположены анатомически правильно, трупоположение на спине, ноги вытянуты, руки согнуты в локтевых суставах. В целом во всех погребениях костный материал очень плохой сохранности, определить половую принадлежность костных останков и их возраст удалось лишь в погребениях 9 (мужчина) и 12 (женщина). Приблизительный возраст этих погребённых по степени облитерации швов черепа составлял 50—60 лет.

Инвентарь могил, кроме № 12, крайне беден. Во всех обнаружены фрагменты тканей красного и серого цветов, кожаная обувь (чирки в погребениях 11 и 12, сапоги-бродни в погребениях 9 и 10). В погребении 9 у правого виска черепа лежала церковная свеча.

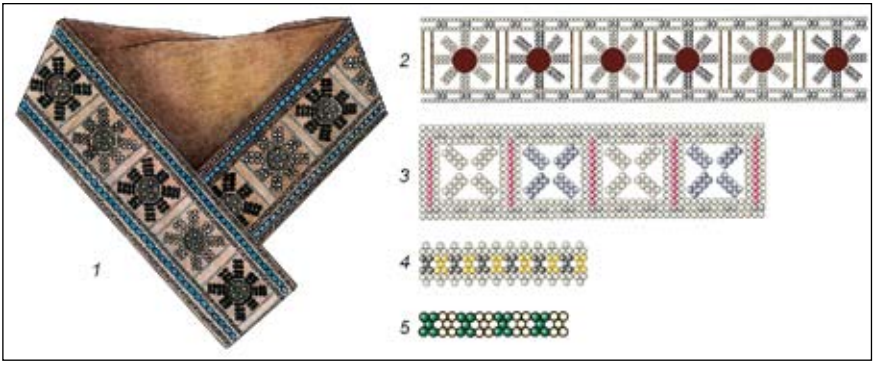
Погребение 12 существенно отличалось от других прежде всего по набору инвентаря. В нём были обнаружены бусы (ил. 4), различные бронзовые нашивки, бубенчики, нательный крест, шкатулка. Неплохо сохранились орнаментальные композиции из бисера, которые украшали детали одежды (воротник, манжеты), а также накосники (ил. 5).

По характеру предметов и орнаментальным композициям на одежде из погребения 12 можно предположить, что умершая была остячкой (возможно, крещёной и похороненной по русскому обряду в деревянной колоде).

Интересной деталью погребального обряда населения, оставившего могильник Горноправдинский, является наличие берёзовых листьев внутри гробов и колод. Эта особенность находит аналоги в обрядовой практике русских старожилов Сибири[2].



Ил. 4. **Могильник Горноправдинский.** Погребение 12. Инвентарь. *1 – подвеска, 2 – бусы*



Ил. 5. **Могильник Горноправдинский.** Погребение 12. Реконструкция бисерных орнаментов. *1, 2 – на воротнике, 3 – накосник, 4, 5 – на манжетах*

Раскопки 2008 г. представили наиболее полную картину планиграфии могильника. Всего за два года работы было изучено 10 захоронений. Семь из них (1, 5, 6, 10–13) были ориентированы в направлении северо-восток – юго-запад, два (4 и 9) – север–северо-восток – юг–юго-запад.

Из всех изученных погребений выделено 3 женских и 5 мужских, в двух случаях половая принадлежность не определена. По способу захоронения присутствует положение как в колоды (5), так и в гробы.

На наш взгляд, исследуемый могильник можно соотнести со старым русским кладбищем с. Филинского, описанным в 1740 г. Г.Ф. Миллером[3]. Вопрос о времени возникновения этого некрополя остаётся пока открытым. Два нательных крестика с клеймами 1861 и 1880-х гг. дают основания предполагать, что кладбище существовало до кон. XIX в.

Новые данные, полученные в ходе работ на могильнике Горноправдинском в 2008 г., позволяют рассматривать данный памятник в

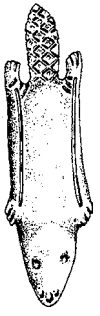
качестве источника не только по погребальной обрядности русских старожилов Югры в XVIII–XIX вв., но и межкультурного взаимодействия русского (пришлого) и угорского (местного) населения на указанной территории.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Зайцева Е.А.** Противоаварийные работы на могильнике Горноправдинский в Ханты-Мансийском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в полевом сезоне 2007 года (предварительные результаты) // Сохранение археологического наследия в условиях интенсивного хозяйственного освоения: опыт, проблемы, решения: Сб. докл. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. – С. 51–58.

[2] **Бардина П.Е.** Русские // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994. – Т.2: Мир реальный и потусторонний. – С. 389.

[3] История Сибири / Первоисточники. – Новосибирск, 1996. – Вып. V: Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. – С. 268.



Историко-архитектурные исследования в с. Зенково Ханты-Мансийского района ХМАО – Югры

М.Н. Пальянова
г. Нефтеюганск
ООО «Научно-производственное объединение
«Северная археология – 1»

В 2007 г. исследовательской группой под руководством автора были проведены историко-архитектурные работы в с. Зенково Ханты-Мансийского р-на ХМАО – Югры. Выявление неизвестных объектов архитектурного наследия русского старожильческого населения края и изучение уже известных имеет большое значение для процесса сохранения и культурного наследия Югры в целом, и архитектурной составляющей, как его наиболее выразительной, доступной и монументальной части.

С. Зенково расположено на левом берегу протоки Неулёвой, в 1 км от её устья, в пойме р. Оби, в 50 км северо-восточнее г. Ханты-Мансийска. История возникновения этого села тесно связана с историей с. Самарова, поэтому наилучшим источником для изучения зенковских исторических достопримечательностей является известное краеведческое сочинение Х.М. Лопарева о Самарове[1]. Например, вот что там можно прочесть о возникновении села: в 1700 г. *«остяк Тобольского уезда Темлячевской волости Володимерко Левкин с племянником своим Воймохом заняли... на Самаровском яму у ямских охотников, у Зеновья да Андрея Васильевых детей Пачгановых, пять рублей денег московских. ...А в тех деньгах заложили и подписали... им, Зеновью и Андрею, вотчинные своей земли остров Сосновой; а тот остров на верхнем конце Неулевы протоки вверх идучи на левой руке; а межа тому острову: с одну сторону снизу протока Соспос, а другая протока Нурилк (Норник), а с третью сторону Неулева протока, а с четвертую сторону большая река Обь»*[2]. Из этого описания ясно, что речь идёт именно о том острове, на котором сейчас располагается с. Зенково. В заёмной остяки пообещали, что в случае невозврата долга заёмщики Зиновий и Андрей вступают в права владения островом и могут ставить на нём свои дома. Видимо, так и случилось. Подобный механизм приобретения

земельных участков был достаточно распространённым, и именно так многие ямщики обзавелись своими хозяйствами в обской пойме близ Самаровского яма.

Из более поздних материалов известно, что к 1731 г. в *«Темлячевской волости поселились своими домами Хозяиновы и Башмаковы, в Неулевой – Спиридоновы, Коневы, Сумкины, Поромовы и* ***Пачгановы*** *(выделено нами. – М.П.), вниз по Оби – Корепановы, Скосыревы и Звягин»*[3]. Таким образом, дата основания поселения на месте с. Зенково относится к промежутку между 1700 и 1730 гг.

Интересно появление названия села. Ведь рядом расположенные деревни назывались по фамилиям их основателей: Коневское, Скрипуново и т. п. По этой традиции исследуемый населённый пункт должен был бы носить название Пачганово – ведь именно братья Пачгановы были его основателями.

По свидетельству местных жителей, первым в селе поселился купец Зенков, до него это пустое место использовалось как пастбище. Но Х.М. Лопарев не упоминает купца Зенкова, хотя это должно было случиться, учитывая роль этого человека в становлении села.

Из других источников выяснилось, что двухдворная д. Зенкова в 1740 г. называлось д. Зиновьевой[4]. Если вспомнить процитированный выше документ, что одним из первых русских поселенцев на о. Сосновом был Зиновий Пачганов, становится понятным, что имянаречение деревни по первопоселенцу произошло и здесь, только в основу было положено имя, а не фамилия.

А в 1808 г. при сборе пожертвований на строительство новой Покровской церкви в с. Самарове исследуемое поселение было записано уже как д. Зенкова[5]. Административный статус села д. Зенкова получила в 1908 г. в связи со строительством собственного храма.

Что же касается Пачгановых, то их род проживал в Самаровском яме с самого основания этого населённого пункта. Возможно, они являются его основателями, прибыв на берег Иртыша вместе с остальными первопоселенцами из Олонецкого, Вологодского, Пермского краёв в 1637 г. В «деле Ушакова» 1667 г. упоминаются ямщик Андрей Пачганов и Зинка Пачганов[6]. Именно Андрей со своим братом Зиновием спустя 33 года после первого упоминания выкупили у остяков остров Сосновый. Основателем же рода Пачгановых в Самаровском яме был их отец Василий Пачганов. В 1808 г. в деревне Зенковой проживали уже 6 человек с такой фамилией – вероятно, внуки Андрея и Зиновия Пачгановых[7]. В документах 1834 г. упомянут самаровский волостной

Ил. 1. **Жилой дом братьев Пачгановых** (ХМАО — Югра, Ханты-Мансийский р-н, с. Зенково, ул. Набережная, д. 22). Главный (юго-восточный) фасад. Фото автора. 2007 г.

Ил. 2. **Жилой дом братьев Пачгановых** (ХМАО — Югра, Ханты-Мансийский р-н, с. Зенково, ул. Набережная, д. 22). Фрагмент главного (юго-восточного) фасада. Окна второго этажа, в левом прясле обрамлённые сохранившимися наличниками со сложной резьбой. Фото автора. 2007 г.

голова Алексей Пачганов[8], в «ревизской сказке» 1840 г. — Ефим Пачганов[9]. В более поздних самаровских документах Пачгановы уже не фигурируют — вероятно, они окончательно перебрались в Зенково.

В результате историко-архитектурных исследований на территории с. Зенково в 2007 г. было выявлено 11 деревянных зданий срубного типа, которые могут быть отнесены к объектам историко-архитектурного наследия русского старожильческого населения и причислены к памятникам архитектуры или памятникам истории и культуры регионального либо местного значения. Кроме того, осуществлён осмотр технического состояния уже известного объекта, поставленного под государственную охрану как памятник архитектуры, — деревянной церкви с. Зенково, построенной в 1908 г. (ил. 6—8).

Жилой дом братьев Пачгановых (ул. Набережная, д. 22). Это здание на северо-восточном конце с. Зенкова является одним из самых ярких архитектурных объектов села, и ему было уделено наибольшее внимание (ил. 1, 2). Оно находится под угрозой разрушения, поэтому было принято решение выполнить его архитектурные обмеры.

По свидетельству местных жителей, дом построен двумя братьями из семьи основателей села в кон. XIX в. вместе со специально привезённой бригадой строителей из Тобольска. Одновременно та же бригада возвела в селе ещё ряд домов: жилой дом Завьяловых по ул. Набережной, д. 32 (1873 г.), дом с постоялым двором по ул. Набережной, д. 45 (1873 г.), жилой дом по ул. Набережной, д. 47 (1873 г.). Соответственно, приблизительная дата строительства дома самих братьев Пачгановых — 1870-е гг. В период массового раскулачивания, под которое угодили и Пачгановы, в здании— вероятно, как самом большом и просторном — разместили сельсовет. Позже в нём жили несколько семей. Сегодня хозяева дома — Нина Николаевна Плесовских и её сын.

Дом представляет собой двухэтажный бревенчатый пятистенок, срубленный «в обло с остатком» с чашей в верхней части бревна. С северной стороны к заднему дворовому фасаду примыкает двухэтажный дощатый пристрой — сени с двумя дверьми, каждая из которых ведёт в свою половину дома.

Необходима срочная постановка дома Пачгановых на учёт и государственную охрану в качестве памятника архитектуры регионального значения. Это уникальное сохранившееся двухэтажное жилое здание

Ил. 3. **Комплекс жилых домов (**ХМАО – Югра, Ханты-Мансийский р-н, с. Зенково, ул. Набережная, 45, 47). Общий вид. Сн. с юго-востока. Фото автора. 2007 г.

Ил. 4. **Комплекс жилых домов: постоялый двор (**ХМАО–Югра, Ханты-Мансийский р-н, с. Зенково, ул. Набережная, д. 45). Общий вид. Сн. с севера. Фото автора. 2007 г.

Ил. 5. **Комплекс жилых домов: жилой дом (**ХМАО—Югра, Ханты-Мансийский р-н, с. Зенково, ул. Набережная, д. 47). Главный (юго-восточный) фасад. Фото автора. 2007 г.

Ил. 6. **Деревянная церковь** (ХМАО — Югра, Ханты-Мансийский р-н, с. Зенково). Общий вид. Сн. с северо-востока. Фото автора. 2007 г.

Ил. 7. **Деревянная церковь** (ХМАО — Югра, Ханты-Мансийский р-н, с. Зенково). Боковой (южный фасад). Фото автора. 2007 г.

Ил. 8. **Деревянная церковь** (ХМАО — Югра, Ханты-Мансийский р-н, с. Зенково). Фрагмент интерьера: арочный проём, объединяющий притвор-трапезную с храмом. На заднем плане — общий вид храмовой части с алтарём. Фото автора. 2007 г.

со сложной планировочной структурой, редким дощатым прирубом и выразительным декоративным убранством фасадов, выстроенных в традициях сибирского народного зодчества кон. XIX в.

Комплекс жилых домов (ул. Набережная, д. 45, 47). Эти постройки, расположенные на одном дворе, тоже интересны (ил. 3). Они построены в единой стилистике бригадой, строившей и дом братьев Пачгановых. Обе постройки обращены во двор своими парадными крыльцами. Кроме того, выяснено, что в здании по ул. Набережная, д. 45 раньше располагался постоялый двор. Об этом свидетельствует внутренняя кованая перегородка, отделяющая жилую половину от постоялого двора. Дело в том, что в XIX в. через с. Зенково проходил санный тракт между с. Самарово и г. Сургутом, поэтому наличие здесь постоялого двора вполне естественно. Режим его функционирования остался невыясненным. Возможно, дома принадлежали родственникам, которые имели одно общее хозяйство и постоялый двор. Либо обоими домами владел один хозяин, который постройку под современным номером 45 сдавал для ночлега, а в постройке № 47 находился сам. Вне зависимости от этих предположений, по особенностям архитектуры данные дома следует считать единым ансамблем. Выяснено, что в него входил ещё один жилой дом, выполненный в том же стиле. Сегодня он, к сожалению, утрачен.

Дом № 45 представляет собой традиционную одноэтажную избу-клеть с прирубом, служащим холодными сенями, и большим крытым крыльцом, ориентированным во двор (ил. 4). Наиболее выразительным в данном здании является северо-восточный фасад — на нём расположено парадное крыльцо со входом в дом, являющимся общим для хозяев и постояльцев. Тем более, что данный фасад обращён к большому открытому двору, вероятно, здесь постояльцы оставляли сани и меняли лошадей. Крыльцо перед домом образовано выносом дощатого фронтона, не имеющего часто применяемого для оформления крылечных фронтонов дугового выреза, а лишь украшенного дощатым тимпаном с полукруглым слуховым окном. Фронтон снизу подчеркнут карнизом, продолжающим профиль карниза основного объёма здания, и опирается на две резные деревянные колонки. В основании крыльца устроено дощатое предмостье.

Дом № 47 тоже представлен одноэтажной избой-клетью с дощатым прирубом-сенями и парадным крыльцом (ил. 5). Главный юго-восточный фасад дома, обращённый во двор, ярко акцентирован

выступающим вперёд крыльцом холодных сеней-прируба, являющимся тамбуром для внутренних помещений дома. Крыльцо подчёркнуто нависающим над ним фронтоном. В тимпане фронтона в подражание городской каменной архитектуре вырезана дуговая арка. Фронтон опирался на две резные колонки, одна из которых в XX в. заменена на бревенчатую стойку.

Эту постройку необходимо поставить под государственную охрану вместе с соседним домом (ул. Набережная, д. 45) как единый архитектурный ансамбль постоялого двора. Объект имеет очень важное значение для историко-архитектурного наследия региона, поскольку является ярким и пока единственным выявленным примером постоялого двора на трактовом отрезке между Самарово и Сургутом.

Другие обследованные в с. Зенково архитектурные объекты не менее интересны и важны для сохранения культурного наследия региона. Вот их краткое представление.

Жилой дом (ул. Набережная, д. 29). Одноэтажныйруб-пятистенок с примыкающим к заднему фасаду поздним прирубом-сенями и дощатыми пристроями. Основная постройка выполнена из брёвен, срубленных «в обло».

Жилой дом (Завьяловых) (ул. Набережная, д. 32). Одноэтажный руб-пятистенок с дощатым прирубом-сенями и парадным крыльцом, расположенным по центру главного фасада.

Жилой дом (ул. Набережная, д. 40?). Одноэтажный руб-пятистенок с примыкающими к боковому фасаду дощатым прирубом (холодные сени) и к заднему и второму боковому фасаду — поздними пристроями.

Жилой дом (ул. Набережная, д. 40). Одноэтажная изба-пятистенок с примыкающим к боковому северо-западному фасаду прирубом (холодные сени), к которому, в свою очередь, пристроены поздние хозяйственные постройки.

Жилой дом (ул. Набережная, д. 41). Одноэтажный руб-шестистенок или, по-другому, изба со связью, с поздним длинным пристроем, примыкающим к заднему фасаду и выполняющим функцию сеней и кладовых.

Жилой дом (ул. Набережная, д. 43). Одноэтажный руб-пятистенок с типичной для подобных крестьянских построек планировочной схемой, с крыльцом и прирубом-сенями. Выполнен из брёвен, срубленных «в обло с остатком».

Жилой дом (ул. Набережная, д. 55). Одноэтажный сруб-крестовик с прирубом-сенями и поздним пристроем, примыкающими к заднему северо-западному фасаду.

Жилой дом (Пачгановых) (ул. Набережная, д. 59). Одноэтажный сруб-пятистенок с бревенчатым прирубом-сенями. Выполнен из брёвен, срубленных «в обло с остатком».

Все вышеперечисленные здания требуют проведения дополнительных исследований и архитектурных обмеров в случае их реставрации. А деревянной церкви вообще необходимо посвятить отдельные комплексные исследования. Сегодня сохранность церковного здания составляет 65—70 %. В алтарной части утрачены Царские врата, но сохранился иконостас, а именно, его конструктивный каркас, частично — декоративное убранство и часть икон. Возможно, сохранился живописный слой икон. Рекомендуется выделение охранной зоны вокруг данного памятника архитектуры с целью сохранения прихрамовой территории с некрополем и, возможно, сохранившимися нижними венцами отдельно стоящих прихрамовых зданий и сооружений.

В заключение необходимо подчеркнуть плохое состояние и мрачные перспективы дальнейшего существования объектов архитектуры в с. Зенково без принятия оперативных мер по их спасению. Например, в 2008 г. частично разрушилось чердачное перекрытие в доме братьев Пачгановых, многие из вышеперечисленных построек находятся под угрозой их сноса и разборки на дрова. Объекты историко-архитектурного наследия остро нуждаются в охране — срочной консервации, научном изучении и составлении учётных документов, включении в госсписок и постановке под госохрану, выделении охранных зон. Не исключено, что всю территорию исторической части с. Зенково можно отнести к категории достопримечательного места с комплексом сохранившихся объектов традиционного домостроения русского старожильческого населения региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Лопарев Х.М.** Самарово. Село Тобольской губернии и округа: Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. — Тюмень: СофтДизайн, 1997. — С 264.

[2] **Лопарев Х.М.** Самарово... — С. 171.

[3] **Лопарев Х.М.** Самарово... — С. 183.

4 Русское старожильческое население Югры в конце XVI — середине XIX вв.: Исследовательские материалы и документы / Авт.-сост.: Н.Н. Баранов, Д.А. Редин, А.Т. Шашков. — М.: Галерия, 2007. — С. 269.

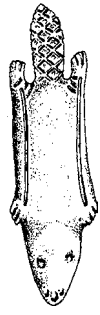
[5] **Лопарев Х.М.** Самарово... — С. 201.

[6] **Лопарев Х.М.** Самарово... — С. 152.

[7] **Лопарев Х.М.** Самарово... — С. 201.

[8] **Лопарев Х.М.** Самарово... — С. 52.

[9] **Лопарев Х.М.** Самарово... — С. 54.



Библиографическое наследие

Краткая программа для собирания сведений о населённых местах Тобольской губернии*

В.И.
г. Тобольск

Давно было замечено, что досуга у нас, у русских, более чем достаточно. А при современных обстоятельствах и условиях жизни количество нашего досуга как будто бы даже ещё более увеличилось. Между тем в настоящее время в русском обществе возросла потребность в знании родины, в изучении родного края — *потребность в родиноведении.* Этим делом заинтересованы правительство, земство, культурно-просветительные организации, промышленные предприятия. Следовало бы использовать наш досуг для удовлетворения этой потребности. Собирать материалы, относящиеся к родиноведению и изучению местного края, — в особенности материалы, так сказать, элементарные — не затруднительно: для этого нужны искреннее желание и твёрдое намерение сознательно послужить полезному для общества делу, а затем — сравнительно не очень большой труд. Необходимыми орудиями при этом деле являются, прежде всего, карманная записная книжка и карандаш, средством — личные наблюдения и расспросы, обязательным условием — точность и правильность записей. Записывать сведения необходимо на месте немедленно, по возможности, подробно и не надеяться на память: она изменяет. Сделавши в записной книжке — иногда наскоро, неразборчиво и с сокращениями — записи, следует дома перенести их в особую, для сего заведённую тетрадь, причём они записываются здесь литературно изложенными и пишутся чернилами, дабы записанное можно было удобно прочитать через несколько лет. А чтобы знать, какого рода материал нужен для целей родиноведения, можно руководиться напечатанной вслед за сим программой. Программа эта имеет в виду поселения, находящиеся в Тобольской губернии. Она — первоначальная, элементарная, предназначена для начинающих собирателей; поэтому изложение в ней общедоступное, ради удобства — в форме вопросов. Программа предполагает собирание сведений не о городе, а о селе, деревне и т. п. населённых пунктах. В дальнейшем,

* Отдельное издание. Без места, без года.

по мере расширения у собирателя материалов, опыта в деле личных наблюдений и записей, программа, конечно, может быть распространена, сделаться полнее, подробнее, стать более специальной или разносторонней. Но если бы и по нижеизложенной программе дать ответы по возможности на все, относящиеся к тому или иному населённому пункту, вопросы, получился бы достаточный материал для того, чтобы иметь об этом пункте основные сведения, хотя и не всесторонние. Составлена программа в Тобольском губ[ернском] музее. Музей этот как учреждение, имеющее задачей своей деятельности родиноведение, собирает материалы, относящиеся к изучению Тобольской губернии. В нём сосредоточено значительное количество таких материалов, но собирание их продолжается доселе, будет продолжаться и впредь. Желающие принять участие в работах музея могут доставлять ему материалы по собиранию сведений о населённых пунктах Тобольской губернии, и музеем эти материалы будут использованы...

ПРОГРАММА

1. Как называется поселение, о котором будут сообщены сведения? Не известно ли, почему так это поселение называется? Нет ли других названий поселения? Нет ли каких слухов и преданий об этих названиях?

2. Не известно ли каких рассказов из прошлой жизни поселения: давно ли оно существует? Откуда выделилось? Как разрослось? Нет ли у жителей поселения (неродственников) одинаковых или сходных фамилий, прозвищ?

3. Какое поселение ближайшее к тому, о котором даются сведения? Какое самое близкое к нему село? Удобны ли пути сообщения до этого села и до других ближайших поселений в различные времена года?

4. При какой реке или при каком ручье, озере, болоте или при каком-нибудь ином водовместилище находится поселение? Какова вода здешняя — удобная ли для питья (людям и скоту)? Не имеет ли вода привкуса болотного? Солоноватого? Не «жёсткая» ли она? Где поят скот поселения?

5. Не имеется ли вблизи поселений следов или остатков былых водовместилищ — старого русла реки? Высохших прудов? Заросших болот? Не заметно ли вообще высыхания земли около местного поселения?

6. Есть ли в поселении улицы? Сколько их? Или дома расположены в беспорядке? Нет ли тесноты в строениях? Отчего эта теснота происходит? Сколько домов (дворов) в поселении?

7. Есть ли около жилых домов деревья (какие)? Есть около домов канавы? Не грязно ли на улице деревни и около домов? Заботятся ли местные жители о чистоте улицы и около домов?

8. Нет ли в поселении площади? Где она находится? Чем она занята? Нет ли на ней каких-нибудь постоянных построек (храма, часовни, лавок)?

9. Есть ли в поселении храм (церковь, часовня, мечеть)? Из чего сооружён он (из кирпича, дерева)? Если храм православный, во имя чего (какого священного события) или кого (какого святого) он сооружён и давно ли сооружён? Есть ли при нём кладбище? Есть ли около храма ограда, деревья? Нет ли каких-нибудь достопримечательностей в этом храме?

10 Имеется ли в поселении школа? Какая это школа — постоянная ли она? Сколько в ней классов? Где она помещается? Давно ли существует? Сколько в ней учащих и кто (мужчина, женщина)? Чьи дети здесь учатся? Не учатся ли в этой школе дети соседних поселений, и каких именно? Сколько учащихся в школе? Много ли из них девочек? Если в поселении нет школы, где учатся дети местных жителей?

11. Кроме храма и школы, нет ли в поселении ещё каких-нибудь общественных зданий (хлебозапасный магазин, холодник и т. д.)? Нет ли общественных приспособлений для хозяйственных и промышленных предприятий (зерносушилка, рига, мастерская, печи для смолокурения)? Нет ли общественных лавок, помещений для общественных учреждений (волостная управа, почтовое отделение, дома для церковного причта и т. д.)?

12. Нет ли в поселении каких-нибудь особых зданий, принадлежащих частным лицам: заводов, складов, лавок, мастерских, хозяйственных сооружений (кузница, бойня и т. п.)?

13. У каждого ли хозяина имеется в поселении отдельный жилой дом или есть дома, где живут по два хозяина? Из чего построены жилые дома (из дерева, кирпича)? Чем они крыты? Сколько этажей, обычно, они имеют? Сколько окон, обычно, имеют они на улицу? Какие отличия у жилых домов необычного здесь образца? Есть ли наружные украшения у жилых домов, и какие это украшения (резьба, раскрашивание и т. п.)? Нет ли каких-нибудь особо интересных украшений? Есть ли дома «пятистенные», с «прирубами» и т. п.? Сколько, обычно, имеется помещений внутри жилого дома, и какие эти помещения? Нет ли жилых домов таких, о которых нужно сказать особо от других и которые чем-нибудь замечательны наособицу? Не тесны ли или не малы ли дома?

14. Какие при жилом доме в поселении обычны хозяйственные постройки нежилые? Какие из таких построек имеются не у всех? Нет ли у некоторых жителей поселения каких-либо особых хозяйственных построек при доме? Чем огорожены дворы при жилых домах (заплотом, плетнём и т. д.)? Все ли хозяйственные постройки находятся внутри «ограды», т.е. переднего двора? Какие — вне этого двора (напр[имер], баня и т. д.)? Где в поселении построены бани? Какие это бани — «по-чёрному» или «по-белому»?

15. Крыты ли задние дворы при жилых домах? Чем они крыты? Не грязно ли на этих дворах? Имеются ли при жилых домах помойные ямы и отхожие места?

16. Есть ли при поселении кладбище для людей? Далеко ли оно от поселения? Далеко ли оно от воды? Не в низком ли и сыром оно месте? Где закапывают погибший скот?

17. Нет ли в поселении каких-нибудь местных болезней у жителей? Нет ли, напр[имер], каких-нибудь болезней накожных, внутренних, болезней глаз или каких-нибудь других органов? Не умирает ли в поселении особенно много детей? Есть в поселении старые старики и старухи (свыше, напр[имер], 70 лет)?

18. Какого происхождения русские жители поселения — сибирские старожилы или переселенцы? Давно ли они поселились здесь? Нет ли каких-нибудь особенностей в их говоре? Много этих особенностей или немного? Есть ли в поселении нерусские люди? Какого они происхождения и давно ли здесь поселились?

19. Чем украшают местные жители внутри свои жилища? Имеются ли цветы на окнах, занавески, обои на стенах, иконы, картины (какие), часы, раскрашенные перегородки, окрашенные полы, кованые сундуки и ящики, расписная печь, полога у постелей и т. п.? Не служат ли для украшения жилища мебель, посуда, развешанная по стенам одежда, сбруи т. п.?

20. Какая обычная одежда (платье, головной убор, обувь) местных жителей: нижняя, верхняя, зимняя, летняя, праздничная, будничная, особая рабочая, дорожная?

21. Что, кроме одежды, является у местных жителей предметом щёгольства или признаком зажиточности? Не служат ли для этого, напр[имер], экипажи (летние и зимние), сбруя, принадлежности хозяйства и т. п.?

22. Есть ли в поселении какие-либо учреждения вроде кооператива, кредитного товарищества, артели, союза и т. п.?

23. Нет ли у жителей поселения каких-либо особо доходных общественных статей: сенокосных угодий, пахотных земель, лесных дач, кедровников, рыболовных озёр, складов, мельниц, отдаваемой в аренду земли и т. д.?

24. Какие древесные породы существуют в местности поселения? Каких много и какие редки? Какие породы кустарников существуют здесь, и какие преобладают? Есть ли тал? На что он употребляется?

25. Есть ли у жителей поселения свой лес? Если нет своего леса, чьим они пользуются? Где и какой они достают лес на постройки? Берегут ли свой и чужой лес? Нет ли в окрестностях поселения урманов, непроходимого леса?

26. Чем топят печи жители поселения? Откуда добывают дрова?

27. Нет ли редких трав в окрестностях поселения — трав лекарственных, целебных, особо полезных для скота, служащих для колдовства, для заговоров?

28. Когда бывает в поселении весенний и осенний пролёт дикой птицы? Не охотятся ли за ней? С чем охотятся? Нет ли приспособлений для ловли птиц? Куда производится сбыт добытой птицы? Нет ли каких-нибудь промыслов у поселения в связи с охотой и ловлей птиц? Какие вообще птицы в местностях поселения обычны и какие редки?

29. Какие породы рыб существуют в местностях поселения? Какие из них преобладают? Какие обычны и какие редки? Занимаются ли жители поселения ловлей рыбы? Когда ловят рыбу, где, какими орудиями? Нет ли для лова рыбы особых приспособлений и снарядов? Не приготовляют ли в поселении каких-нибудь рыбных продуктов? Куда продают рыбу и где её покупают?

30. Какие породы диких зверей существуют в местности поселения? Какие обычны здесь и какие редки? Охотятся ли здесь за дикими зверями? С какими орудиями охотятся за ними? Нет ли для этого каких-нибудь особых приспособлений и снарядов? Не существует ли в поселении каких-либо промыслов в связи с охотой за дикими зверями? Куда сбывается добыча?

31. Какой домашний скот держат местные жители поселения? Кроме рогатого скота, лошадей, овец, — не держат ли ещё, например, свиней и ещё какого скота? У многих ли есть кошки, собаки? Держат ли домашнюю птицу, напр[имер], кур? Кроме кур, какую ещё птицу держат? Живут ли около жилых домов в скворечниках скворцы? Не держат ли с промышленными целями каких-нибудь из диких животных? Не служат ли для этого кошки, собаки?

32. Где пасётся или ходит на воле домашний скот жителей поселения? Где держат его зимой? Удобны ли зимние помещения для скота, в частности для рогатого скота, овец? В каких помещениях откармливают свиней? Нет ли у некоторых из жителей поселения каких-нибудь особых пород домашнего скота, кроме породы местной?

33. Не бывают ли в поселении случаи конокрадства, воровства другого скота? Не бывает ли случаев гибели скота от хищных зверей (медведи, волки), и часты ли они? Не имеется ли местных болезней скота? Часто ли случается повальный падёж скота? Как и чем объясняют его причину? Хорошо ли закапывают павший скот?

34. Удобны ли места для выгона и пастьбы скота поселения? Достаточно ли имеется принадлежащей поселению земли плодородной, удобной для возделывания? Не истощается ли почва местной плодородной земли? Не говорят ли в поселении, что прежде земля родила лучше?

35. Какие преимущественно роды хлебов возделывают жители поселения (озимая рожь, пшеница, яровая рожь, ячмень, овёс)?

36. Какие, кроме хлебов, полевые растения возделывают жители поселения (лён, конопля, просо, горох, гречиха, мак, анис, рыжик, картофель)? Не разводят ли некоторые из жителей поселения каких-нибудь особых растений (табак, горчица, хмель и т. п.)?

37. Если, для примера, назначить одно поле с хлебом какого-нибудь хозяина поселения, — какой хлеб на этом поле посеян нынешний год? Что на этом же самом поле будет посеяно или можно посеять на следующий год? На третий год? На четвёртый год? На пятый год?

38. Существует ли у жителей поселения обычай удобрять поля? Чем они удобряют? Когда делается это? Каким образом и способом делается это?

39. Каким обыкновенно орудием жители поселения вспахивают поле? Какие существуют местные названия этого орудия, если таких названий существует несколько? Одноконное или двуконное это орудие? Не пашут ли некоторые из жителей поселения иного рода орудиями? Какими же именно?

40. Каким орудием жители поселения боронят поле? Одинаковы ли бороны у всех жителей поселения, или они существенно различны по устройству? В чём состоит главное отличие?

41. Каким способом жители поселения сеют хлеб — обычным простым (разбрасывают рукою семена из ситева) или иным каким-нибудь? Посредством каких орудий хлеб жнут? Не косят ли хлеб (какой, каким способом)? Чем молотят хлеб? Каким способом провеивают зерно? Не

производится ли жителями очистки зерна? Какими способами производится это?

42. Какие сельскохозяйственные машины употребляют — если не все, то некоторые — жители поселения при вспахивании, посеве, жатве и молотьбе хлеба? Кому эти машины принадлежат?

43. Когда (около какого времени, т. е. числа месяца или праздника) жители поселения пашут поля весной и осенью? Когда сеют? Около какого времени (приблизительно) начинают жать хлеб? Всё ли из посеянного успевает созревать своевременно?

44. Свои или покупные семена употребляют жители поселения для посева? Если свои, то отсортированные или только отвеянные хорошо? В какое время, главным образом, молотят хлеб? Чем молотят и чем отвеивают? Где складывают необмолоченный хлеб на зиму?

45. Не встречается ли в хлебе на полях жителей поселения большого количества полевых сорных трав? Какие из таких трав считаются наиболее вредными (осот, берёзка, метлига, жабрей и т. д.)? Не вредит ли хлебу на полях кобылка? Не нападают ли на хлеб на поле другие вредные животные, в частности насекомые. Не вредят ли хлебу на поле и в кладях (около гумен) мыши и другие какие-нибудь грызуны?

46. Где жители поселения мелют муку? Есть ли в поселении или близ его мельницы водяные, ветряные? Как устроены ветряные мельницы — поставлены на ряже или на почве, или имеют иное какое-нибудь устройство?

47. Когда у жителей поселения бывает сенокос — в каком месяце? В какое время приблизительно (около какого числа месяца или праздника) он начинается? На своих или арендованных местах жители поселения косят сено? Какие эти места — лес, луг (сухой или заливной), степь и т. д.?

48. Достаточно ли для жителей поселения своего хлеба или сена? Или то и другое приходится покупать? Где покупают и у кого? Если недостаточно своего хлеба и сена у жителей поселения, что из них имеется в избытке (рыба, дичь и т. п.) и служит главным средством для прожития и пропитания?

49. У всех ли жителей поселения, имеющих дома, имеются при домах огороды? Какие овощи в них посажены? Нет ли у некоторых из жителей поселения в огородах каких-либо растений вроде табака, лекарственных трав, красиво цветущих кустов, ягодных и т. д.?

50. С чьими землями граничат земли жителей поселения (с казёнными, крестьянскими, частновладельческими, церковными, монастыр-

скими)? Чьи земли арендуют жители поселения, и какие земли (пашни, покосы, лес, рыболовные угодья и т. п.)? Аренда производится по недостатку своих земель или по какой-нибудь иной причине?

51. Нет ли около поселения каких-нибудь полезных ископаемых: глины, извести, руды и т. п.? Не производится ли в поселении каких-нибудь изделий из глины (кирпичи, посуда и другие гончарные изделия)? Из стекла? Из гипса?

52. Не производится ли в поселении каких-либо изделий из металла? Из железа и стали (кузнечный, слесарный промысел, мелкие хозяйственные вещи)? Из меди, из олова, из цинка и металлических сплавов?

53. Не производится ли в поселении каких-нибудь изделий из дерева? Нет ли производств вроде плетенья из древесных ветвей, выделки деревянной посуды, хозяйственных принадлежностей, сельскохозяйственных орудий, бондарного промысла, изготовления мебели, сундуков, рам, летних и зимних экипажей, телег, саней, принадлежностей к ним и частей их, дуг, лодок, резных и токарных работ, заготовок лесных материалов для столяров и плотников, дров, железнодорожных шпал, береста, лыка, мочала, изделий из них, заготовки талового «дуба», смолокурения, выгонки дёгтя, скипидара и т. п.?

54. Нет ли в поселении производства изделий из льна и пеньки (тканье, вышиванье, вязанье, плетенье) и отдельно из пеньки (верёвки, бечёвка, мережа)?

55. Не существует ли в поселении промысла в виде размола и обработки зерна на местных мельницах, крупорушках? Нет ли в поселении маслобоен, крахмально-паточных заведений? Нет ли в поселении маслодельных заводов, сыроварни, бойни?

56. Нет ли в поселении производства изделий из шкур животных (выделка, скорняжная работа, шитьё вещей) и их кож (выделка, изготовление обуви, сбруи и т. п.), сала (мыло, свечи и проч.), волоса (сита), щетины?

57. Нет ли в поселении производства изделий из шерсти животных (добывание её, очистка, шерстобойная работа, изготовление войлока, кошмы, валяной обуви, прядение, тканье, выделка, принадлежности одежды, ковров, сукна, тесьмы, шитьё, вязанье и т. д.)?

58. Нет ли в поселении производства изделий из кости, рога? Не вываривают ли здесь клей? Не занимаются ли жители поселения окрашиванием различных вещей малярными работами и т. п.? Не существует ли иных каких-нибудь местных работ и промыслов? Не

занимаются ли жители поселения сбором ягод (каких), грибов (каких), кедровых шишек, лекарственных трав (каких), ловлей пиявок? Куда сбывают избыток сборов?

59. Не приходят ли в поселение для промыслов или на заработки жители других мест, или жители поселения не отходят ли для того же в другие места (куда именно)? Не занимаются ли они перевозкой кладей (куда), извозом и т. п. промыслами?

60. Куда сбывают жители поселения избыток продуктов своей работы и своих производств (скотоводства, хлебопашества, полеводства и огородничества, обработки ископаемых, металлов, дерева, растений, шкур, кож, кости, рога и т. д.)? Бывают ли и когда бывают в поселении торги, базары, ярмарки? Какие товары продаются здесь и покупаются? В каких соседних поселениях производятся крупные торговые обороты и какими товарами? Когда это бывает?

61. Отличаются ли жители поселения зажиточностью? Или они бедны? Много ли людей богатых среди них? Или, если нет богатых, много ли хозяев среднего достатка, состоятельных, живущих без всякой нужды? В чём состоит причина бедности местных жителей вообще и в частности беднейших жителей поселения? Не проживает ли в поселении нищих, питающихся подаянием? Нет ли в поселении бесприютных престарелых, калек, скудоумных, сирот, проживающих на чужой счёт — на средства общественные или частных лиц? Много ли таких призреваемых в поселении?

62. Какие в поселении бывают праздники местные, церковные и народные? В чём проходит у жителей поселения праздничное время? Какие существуют в поселении праздничные развлечения, игры? Нет ли каких-нибудь особых игр и танцев у местной молодёжи? Не сопровождается ли праздничное времяпровождение пьянством, а особенно поголовным?

63. Не развито ли вообще среди местного населения пьянство? Или им сопровождается лишь праздничное веселье, бывает оно лишь при таких случаях, как свадьбы и т. п.? Не пьянствуют ли женщины? Не существует ли в жизни жителей поселения других недостатков: хулиганства молодёжи, тайного винокурения, воровства, разврата и т. п.? Какова репутация жителей поселения среди населения окрестных мест?

64. Нет ли среди жителей поселения каких-нибудь особых обычаев местных, редких в других местах или даже вовсе в них не встречающихся? Не употребляются ли в некоторых особых случаях (рождение

младенца, свадьба, болезнь, смерть, погребение) каких-нибудь старинных суеверных обрядов? Нет ли предрассудков, свидетельствующих о народной темноте? Нет ли местных преданий и сказаний о былых временах? Не случалось ли в поселении больших пожаров? Не бывало ли каких-нибудь чрезвычайных событий вроде мора, грабежей, наводнений и т. п. бедствий или особенного благополучия вроде необыкновенного урожая, замечательной доходности предприятий и т. п.?

65. Нет ли в местности, занимаемой поселением, каких-нибудь особенностей в явлениях природы (ветры, туманы, инеи, росы, разлив воды, ливни, градобития, засухи, глубокие снега, сыпучие пески и т. п.)? Не бывает ли по временам каких-нибудь вредных для хозяйственных занятий жителей населения явлений вроде появления на посеянных хлебах головни, спорыньи («спорина»), ржавчины, массового нападения на поля кобылки, иных вредных животных, дикой птицы и т. п., а также гибели рыбы, непонятного исчезновения диких животных и т. п.?

66. Нет ли около поселения старых могил, валов, развалин, остатков былых жилых мест? Не встречается ли здесь замечательных ископаемых вещей — костей не существующих ныне животных, старинных предметов, камней и т. п.? Нет ли около поселения каких-нибудь старинных памятников, курганов, рвов, ям, а также каких-нибудь иного рода сооружений, о которых существуют местные предания или рассказы?

67. Нет ли около поселения каких-нибудь замечательных мест: озёр, болот, урманов, дорог, переправ, пристаней, месторождений металлов и минералов (руд, соли, камня, красок и т. п.)? Нет ли в окрестностях поселения каких-нибудь таинственных мест, сокровенных сооружений, редкостей, к которым относятся с суеверным почитанием, страхом и т. п.? Нет ли около поселения каких-нибудь видов природы, замечательных по своей красоте, величественных, необычных в каком-нибудь отношении?

68. Как отразились на судьбе жителей поселения современные события (война, революция, дороговизна, общее расстройство государственной жизни)? Не принимали ли жители поселения в этих событиях какого-нибудь особенного участия? Не произошло ли в поселении при этих событиях чего-нибудь особенного? Не отразилось ли чем-нибудь на жизни местного поселения пребывание в нём беженцев или возвратившихся из плена русских военнопленных?

1919 г.

Учёт и описание богатырских мест туземцев Тоб[ольского] Севера*
(Краеведческая инструкция)

В.М. Новицкий
г. Тобольск
Тобольское окружное статистическое бюро
и охотничий подотдел Музея Тобольского Севера

Природные богатства каждой страны являются основой, на которой развивается хозяйственная деятельность местного населения. Отсюда в разумном и бережливом отношении к этим богатствам — залог благосостояния населения.

Между тем история пушного хозяйства Тобольского округа говорит, что к пушным богатствам края до последних лет отношение было хищническое, которое и привело к сильному уменьшению зверя.

Вот что говорят цифры по этому вопросу.

Спустя 4 года после завоевания края Ермаком район быв[шей] Тобольской губернии давал только одной казне как ясак по 200000 соболей, 10000 чёрно-бурых лисиц и 500000 лучших белок ежегодно. По довоенным ценам, более низким, чем сейчас, всё это стоило 7150000 руб.

Туземцы привозили ясак в соболиных шубах и имели лыжи, подбитые соболем же. За обыкновенный медный или даже железный котёл торговец получал в то время столько шкурок соболей и чёрно-бурых лисиц, сколько их могло вместиться в этот котёл.

С тех пор, за время менее чем 350 лет вследствие хищнического отношения пушной зверь настолько уменьшился, что уже перед мировой войной средний выход пушнины из того же района пал до 500000 руб.

Последняя цифра составляет лишь 7 % стоимости пушнины, собиравшейся как ясак в первые годы по завоеванию края.

Отсюда за период в 350 лет ежегодное относительное сокращение пушных богатств края в среднем выразится на сумму в 20000 довоен[ных] золот[ых] рублей.

Такое систематическое расхищение пушных ресурсов, естественно, должно было сказаться на доходах промышленника.

---

* Отдельное издание. Без места, без года.

Действительно, природные запасы пушного зверя, особенно белки, соболя, лося, оленя (дикого) и лисицы (чёрно-бурой) в лесной полосе, особенно в урманах Приобья, настолько истощились, что для многих промышленников и даже селений они уже не являются источником к существованию.

Не приостановилась убыль пушного зверя и за последние годы, о чём красноречиво говорят пушные заготовки по Тобокругу. Так, в [19]24/25 г. округ дал 1446200 беличьих единиц, в [19]25/26 г. — 1344700 бел[ичьих] ед[иниц], а в [19]26/27 г. — 1327200 бел[ичьих] ед[иниц].

Как известно, основная пушнина для лесной полосы — белка. Есть белка — сыт охотник, нет белки — горе охотнику.

Между тем выход белки по округу перед мировой войной был в среднем 900000 шт., в [19]24/25 г. — 1084398 шт., в [19]25/26 г. — 607777 шт., а в [19]26/27 г. — только 265759 шт., т. е. урманы округа от белки очищаются, несмотря на то, что она плодовита.

Нет никаких оснований объяснять ежегодную убыль пушных заготовок слабым опромышливанием промысловых мест. Обратно, всё говорит за то, что идёт усиленное вылавливание зверя: цены на пушнину стоят очень высокие, промышленник усиленно рыщет по урманам своего селения и других селений в погоне за зверем, опромышливаются большинство и таких мест, как туземные заповедные богатырские места *(ёман)*, которые сотни лет были неприкосновенными для охоты, количество охотников за последние годы очень возросло за счёт чистых рыбаков.

Государство в настоящее время принимает ряд мер к охране пушных ресурсов края. Так, сильное уничтожение соболя побудило временно воспретить совсем его вылов. Для целей же охраны от истощения пушного зверя и птицы установлены правила и сроки охоты, организуются заказники и заповедники.

Конечно, и сами промышленники должны прийти на помощь рабоче-крестьянской власти, приняв участие в таком важном для них деле, как охрана пушного зверя от окончательного истребления. Относиться к этому спустя рукава — значит рубить сук, на котором сидишь.

Это сознательное активное участие в устроении охотничьего хозяйства края должно выразиться в полном соблюдении правил и сроков охоты, в содействии охране заказников и заповедников в связи с проводимой припиской охотугодий и налаживании на их территории подлинного культурного охотничьего хозяйства.

Бесспорно, должен принять промышленник широкое участие и в краеведческо-исследовательской работе по вопросам охотничьего хозяйства.

Всё это позволит сделать достаточно неиссякаемыми природные пушные ресурсы края и, наряду с пушным звероводством, придаст охотничьему хозяйству достаточную доходность.

Конечно, не приходится надеяться, что количество природной пушнины возможно будет довести до запасов времён Ермака, но всё же при полном осуществлении вышеуказанных мер выход пушного зверя можно значительно повысить против современного его выхода.

Исходя из высказанных соображений, в план работ Туземного и Промышленно-экономического отделов Тобольского государственного музея мною включён ряд коллективных (совместных) массовых исследовательских работ по вопросам устроения хозяйства округа вообще и охотничьего в частности.

Отделы твёрдо уверены, что найдут себе активных сотоварищей в совместной краеведческой работе как среди, прежде всего, самих промышленников края всех национальностей, так равно ячеек партийных, комсомольских, краеведческих, товариществ Интегралсоюза, избачей, школьных работников и т. д.

Для первой коллективной краеведческой работы по охотничьему хозяйству Туземный отдел и подотдел охоты Тобгосмузея выдвигают следующий вопрос: *«Взять на учёт и описать все богатырские (священные = «ёманы») места туземцев Тобольского Севера».*

Конечная цель работы — выдвинуть перед соответствующими инстанциями (учреждениями) наиболее ценные в промысловом отношении богатырские места на предмет объявления их заказниками, а, возможно, и заповедниками.

Дело в том, что организация заказников требует затраты больших средств на их охрану.

Между тем по всему Тобсеверу разбросано немало таких площадей, подчас большой величины, в которых сотни лет половина населения края, т.е. туземцы, не только сами никогда не позволяли себе охотиться или рыбачить, но и других не пускали на промысел.

В таких местах был неприкосновенен не только зверь, птица, рыба, но даже подчас нельзя было рубить лес и пить воду.

Значит, охрана таких районов будет стоить недорого, а во многих случаях может быть совершенно бесплатной, стоит лишь снабдить туземцев документом, воспрещающим кому бы то ни было производство

охоты или рыбной ловли в богатырском месте. С течением времени и среди русско-зырянского населения создастся привычка смотреть на выделенный район как на заповедник.

Обычно богатырское священное место (район) связано у туземцев с именем какого-либо богатыря, т. е. народного героя, который здесь жил или воевал и т. д.

Возможно, что при первоначальном выделении таких площадей была и другая цель — создание настоящих заповедников на зверя или рыбу, подобно тунгусским заповедным местам на Енисее (на оленя, лося).

По крайней мере, взятое на учёт Тобокрзу Мало-Сосвинское святое место *«Амб-Пун-Унт»* (Лес Собачья Шерсть) и отводимое под соболиный заказник, а равно выявленное Казымским исследовательским отрядом [19]26 года Общества изучения края богатырское место (район) в вершине р. Чемаш-ёган, называемое *«Нюрым-Ху»* (Болотный Человек) и выдвигаемое под лосиный заказник — вполне подтверждают указанный вывод.

Первый, представляя собою густую чащу, как собачья шерсть, считается одним из лучших соболиных мест; второй своими тремя высокими большими безлесными песчанистыми холмами, открытыми для ветра, обилием ракитника и другими кормами привлекает лосей, а особенно лосих. Последние ежегодно приходят сюда телиться и спасаются с молодняком от гнуса на указанных выше холмах.

С течением времени избранные под заказники священные места исчезнут из сознания туземцев как места культа, и прочно укрепится представление о них как о целесообразных в охотничьем хозяйстве мероприятиях.

Рекомендуется следующий порядок проработки темы: промышленники или вообще группа (ячейка и т. д.) граждан, желающие принять участие в краеведческой работе по учёту и описанию богатырских мест, выбирают из своей среды наиболее грамотного товарища (избач, учитель, счетовод кооператива, инструктор Интегралсоюза и т.д.) и поручают ему заполнение анкеты, а сами совместно с заполнителем анкеты занимаются собиранием сведений. При отсутствии со стороны промышленников инициативы последнюю берут на себя наиболее культурные единицы села или юрт (избачи, учителя, секретари тузсоветов, инструкторы и т. д.).

Организованные группы (краевед[ческие] ячейки, партийные и комсомольские ячейки и т. д.) проводят работу как найдут для себя наиболее удобным.

Заполнитель анкеты должен принять все меры к тому, чтобы посетить и насколько возможно обследовать описываемое богатырское место. Заполнение анкеты со слов других важно проводить на групповых собраниях граждан, что придаёт работе, во-первых, коллективный характер, а, во-вторых, что самое главное, создаст общественный контроль над сообщаемым в анкете материалом. По заполнении анкеты надо принять все меры к тому, чтобы пропустить её содержание через коллективное мнение и знания большинства местных промышленников, особенно туземцев. По заполнении анкеты пересылаются в адрес: Тобольск, государственный музей, подотдел охоты — где и будет произведена их сводка. Срок для полного окончания коллективной работы по сбору материала установить, конечно, нельзя, но чем скорее будут охвачены хотя бы предварительным неполным учётом и описанием все богатырские места, тем ускорится, следовательно, устроение охотничьего хозяйства по линии выделения заказников за счёт *«еманов»*. Отсюда заполненные анкеты важно пересылать, не задерживая.

Обработанные материалы, по мере поступления анкет, будут опубликовываться, причём туземный отдел и подотдел охоты музея оставляют за собою лишь редакцию, авторами же будут считаться все, принимавшие участие в коллективном заполнении анкеты. Отсюда понятно, что в анкете следует отмечать всех участников её заполнения (имя, отчество, фамилия, национальность, местожительство, профессия).

По мере выхода из печати работы музеем будут высылаться бесплатно по одному экземпляру всем заполнителям анкет.

АНКЕТА № 1

по охотничьему хозяйству

Тема: Взять на учёт и описать туземный богатырский район *(еман)*

1. Название богатырского места.

2. Фамилия, имя, отчество автора (заполнителя анкеты), его национальность, профессия, в каких организациях состоит (партийных, комсомольских, профессиональных, кооперативной, краеведческой), местожительство. Если работа велась коллективно, то для каждого члена коллектива, принимавшего активное участие, дать ответ по пункту 2.

3. Сельсовет, тузрик и юртовый совет, в котором находится описываемое богатырское место.

4. Каким юртам принадлежит богатырское место.

5. Предание, связанное с *еманом*.

6. Карта — чертёж *емана*. Составляется карта таким образом: попросить туземцев вычертить на листе бумаги простую карту *емана*, т. е. нанести границы той местности, на которой по обычаю туземцев нельзя охотиться, и зарисовать речки, озёра, леса (какие), болота *емана*. Желательно, чтобы на карте были отмечены отдельные урманы, боры. Зарисовывать *еман* необходимо так, чтобы было видно, где он расположился, какая местность его окружает. Если *еман*, напр[имер], находится в вершине речки, то надо вычертить всю речку до места впадения её в Обь или другую реку.

Записать на карте — расстояние одних пунктов, речек, болот, озёр и т. д. от других, длину и ширину самого *емана*, длину и ширину болот и лесов. Вообще, чем больше будет цифр, указывающих расстояние одних мест от других, тем легче составить потом уже настоящую карту богатырского района. Необходимо, чтобы направление линий на карте совпадало, насколько возможно, с направлением же линий на местности. Напр[имер], если речка течёт сначала на север, а затем через 10 километров (километр равняется приблизительно одной версте) круто поворачивает на восток, то и на карте это должно быть отмечено.

Вычерчивать карту можно и без масштаба (условная мерка), важно лишь записать цифры расстояний и правильно отметить направление линий. К составлению карты необходимо привлечь всех охотников данных юрт или села, организовав вечеринку-беседу в свободное для них время. Опыт Казымского исследовательского отряда говорит, что вычертить такую карту не только русские, но и малокультурные туземцы могут великолепно.

7. В скольких километрах от юрт и каких находится *еман*.

8. В каком направлении (север, на полдень, запад, восток).

9. Описать подробно речки, озёра самого *емана* по плану:

а) название туземное и русское;

б) приблизительная длина, ширина и глубина их; мелеют ли и когда;

в) какие берега (высокий, низкий, яр обрывистый, пологий, заросли лесом, каким, есть ли по берегу луга, и чем они поросли);

г) быстрота, течение;

д) какое дно (иловатое, песчаное, каменистое);

е) из каких источников (болота и т. д.) берётся вода в речке или озере;

ж) цвет воды, и какие из них загорают;

з) какая рыба водится постоянно и какая временно (в какое время года); в каком количестве можно рыбу здесь добывать; ловит ли кто рыбу, в какой части речки или озера, когда, сколько человек, в каком

количестве вылавливают каждый и все вместе в настоящее время и до мировой войны.

10. Описать болота *емана* (ширина, длина; поросли ли травою или мхом и какими; чистое болото или покрыто лесом, каким, толщина и высота леса на болоте).

11. Описать леса *емана* и окружающей его местности километров на 10—15 по плану:

а) какие лиственные леса или кустарники встречаются (тал, ольха, смородина, рябина, осина, берёза и т. д.);

б) где встречаются лиственные леса и кустарники; как густо, не горели ли и когда; длина и ширина отдельных больших зарослей, лесных опушек и островов;

в) какие хвойные леса встречаются (кедр, ель, лиственница, сосна, пихта), отметить для каждой породы среднюю толщину на высоте груди человека, приблизительную высоту, а если удастся срубить или видеть срубленное дерево, то не упустить отметить здоровое оно или гниловатое в сердцевине;

г) где встречаются хвойные леса (по каждой породе отдельно); как густо; длина и ширина отдельных урманов, боров и составляющие их деревья; не горели ли леса и когда, причины пожара, какие меры принимало население для борьбы с лесными пожарами; какими породами заросли горельники;

д) можно ли рубить лес в *емане*, какой, кому разрешает это обычай и для какой цели, в какое время года; как давно стали рубить лес.

12. Описать характер местности *емана* (низменный, увалистый, возвышенно-ровный; приблизительная высота увалов; есть ли холмы, их приблизительная высота, из какой земли (песок и т. д.) сложены холмы и поросли ли лесом. Топит ли *еман* весеннее половодье и в какую воду.

13. Если есть замечательные места (курганы, городища, старые могилы, шайтанские амбарчики и т. д.), то описать их, а положение отметить на карте.

14. Какие промысловые звери и птицы водятся, и какие из них больше встречаются в *емане*. Какие из них живут здесь круглый год, и в каком примерно количестве. Какие из них посещают *еман* временно, с какого и по какое время, и что их сюда привлекает.

15. Чем питается каждый зверь или промысловая птица, и как велики (примерно) запасы пищи для них в *емане* (орехи, ягода, грибы, ракитник, трава, зверьки и птицы и т. д.), которыми может питаться промысловый зверь или птица.

16. Ежегодно ли бывает урожай ягод, кедровой и другой шишки... Через сколько лет сменятся урожай пищи неурожаем, какие приметы плохого урожая ягод, шишки и другой пищи промыслового зверя или птицы, и какие приметы хорошего урожая.

17. Какие звери и птицы являются истребителями ценного промыслового зверя (какого) и птицы (какой), и как примерно много в районе *емана* и в окрестностях его этих хищников. Постарайтесь раздобыть шкурки с убитых хищников и переслать их в Тобольск охотничьему подотделу музея. Принимает ли население какие-либо меры к уничтожению врагов промысловых зверей и птиц, и в чём сущность борьбы.

18. На какого зверя или птицу лучше выделить в заказник богатырский район и почему.

19. Не охотятся ли в *емане* сами туземцы, когда начали и почему.

20. Охотятся ли русские и зыряне; когда начали охотиться и почему.

21. Живёт ли кто-нибудь постоянно или временно (когда) в *емане*, сколько семей, их возрастной, социальный и национальный состав; чем занимаются; как давно поселились и почему; отношение к этому туземцев.

22. Если в районе богатырского места начали охотиться, то указать:

а) количество промышленников, из каких юрт или селений, разбить по национальностям;

б) на какого зверя или птицу охотятся, в какое время года.

По отношению к русским, зырянам и вообще пришлым охотникам (туземцам) отметить — получили ли они согласие от местных туземцев, не было ли из-за самовольного вторжения на промысел в *еман* ссор с местным населением, кому и когда жаловались в этих случаях местные туземцы.

23. Как смотрят местные русские, зыряне, туземцы (отдельно) на выделение *емана* в запретное место для охоты.

24. Кем охраняется сейчас *еман* (всеми юртанами или отдельными гражданами) и как часто посещает *еман* его охрана.

25. Если охрана возложена на отдельную семью, то где она имеет постоянное местожительство. Тщательно выяснить социальное положение охранителя (бедняк, середняк, зажиточный, кулак); какой доход даёт сторожу охрана богатырского района. Может ли сторож

убивать промысловых зверей и птиц в *емане*, когда, каких, сколько и почему. Как часто посещает сторож *еман* и в какое время года. Есть ли в семье сторожа шаман и насколько он известен как шаман среди туземцев. Как давно поручена сторожу охрана *емана*. Охраняет ли он весь *еман* или только шайтанский амбарчик с прикладами. Постараться тщательно выяснить все взаимоотношения между сторожем *емана* и местными туземцами, как например:

а) имеет ли право пользоваться сторож прикладами из амбарчика, если нет, то не пользуется ли самочинно;

б) есть ли контроль (надзор) над сторожем со стороны туземцев и в чём он проявляется;

в) имеют ли право, кроме сторожа, и остальные туземцы юрт *емана* посещать шайтанский амбарчик и вообще заходить в *еман*;

г) могут ли туземцы, помимо сторожа, самостоятельно класть в шайтанский амбарчик приклады и проверять ранее ими принесённые;

д) не ходят ли слухи, что сторож пользуется прикладами как своим имуществом и отношение к этим слухам или фактам остальной туземной массы. Что ещё найдёте от себя необходимым добавить.

26. В случае признания описываемого *емана* заказником будет ли целесообразно охрану его поручить одному лицу — сторожу или целым юртам. Если охрана заказника будет поручена не старому сторожу (охранителю шайтанского амбарчика), а новому, как отнесётся к этому туземная масса, причины того или иного отношения.

27. Выяснить соображения туземцев об охране пушного зверя, птицы и леса в заказнике.

28. Ваши соображения — кому поручить охрану *емана*.

29. Возможно ли добиться полного запрета кому бы то ни было опромышливать *еман* (конечно, имеется в виду не бумажный запрет, а фактический). Особенно это относится к сторожу шайтанского амбарчика, которому обычное право туземцев во многих случаях разрешает производство охоты в *емане*.

30. Описать и нанести на карту охотничьи дороги *(ёш)* и другие охотничьи знаки, промысловые избушки, идущие или расположенные по соседству с *еманом*; описать и занести на карту местность, окружающую *еман* (километров на 10—15).

31. Дайте описание, как расположились по отношению к богатырскому району охотничьи угодья соседних к нему юрт и селений.

32. Дайте свои соображения и выявите мнение местных охотников, насколько обеспечит охотничьи их угодья промысловым зверем, птицей объявление заказником взятого вами на учёт богатырского района.

Примечание: *Если святое место уже перестало быть таковым, то всё равно важно взять его на учёт.*

ДОПОЛНЕНИЕ

Если *еман* — водный бассейн (речка, река, озеро), то дополнить анкетное описание следующими пунктами:

1. Описать и нанести на карту точные границы *емана*.

2. Описать размеры *емана*, глубину, ширину и длину его дна. Было бы важно произвести промеры глубин вдоль и поперёк. Какой грунт (песок или глина, камень, галька). Быстрота течения.

3. Какие поверия существуют у туземцев при проезде через святое место (нап[ример], нельзя грести гребями, а только толкаться шестом, нельзя пить воду и т. д.).

4. Какая рыба водится на святом месте, а также по соседству (вверх, вниз).

5. Когда появляется в *емане* рыба, какая и в каком порядке.

6. Задерживается ли рыба на *емане*, какая и как долго (желательно точнее).

7. Не мечет ли рыба икру в *емане*.

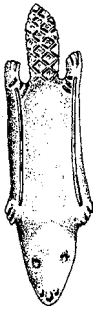
8. Есть ли ямы (глубина их, отметить на карте их положение), и пристаивается ли рыба на них, когда.

9. Постараться добиться ответа, что будет, если в святом месте туземцы или другая национальность будут ловить рыбу.

10. Можно ли промышлять в *емане* русским, зырянам, самим туземцам и в какой месяц.

11. Не держится ли в *емане* рыбья молодь, каких пород и размеров.

12. Загарает ли *еман* (числа, месяц).



Древние городища ханты на Югане*

По реке Большой Юган в Сургутском районе у юрт Угутских, Каюковых и Раксыкиных обнаружено несколько городищ — населённых пунктов далёкого прошлого. Они все одинаковы по форме: окружены рвами и крутыми валами. Внутри городищ — следы жилищ-землянок.

По преданиям одной части юганских жителей, в этих городищах жили ханты; другие говорят, что это посёлки зырян.

Раскопки и изучение городищ представляют большое значение для изучения прошлого нашего края.

* Печ. по: Без авт. Древние городища ханты на Югане // Ханты-Манчи Шоп. — 1935. — 6 июля.

Рецензии и библиография

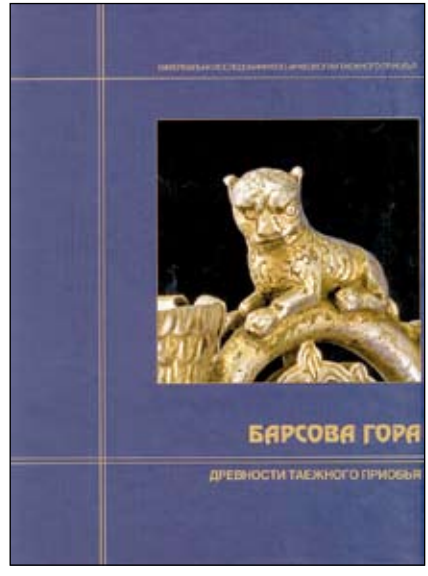
Ещё одно издание материалов Барсовой горы

(Барсова Гора: древности таёжного Приобья / Отв. ред. А.Я. Труфанов. Екатеринбург; Сургут: Уральское издательство, 2008.)

Л.Н. Корякова
г. Екатеринбург
Институт истории и археологии Уральского отделения
Российской академии наук

Мне не довелось работать на Барсовой горе, мой «северный» опыт ограничивается несколькими сезонами раскопок в Сайгатино, когда туда можно было только вертолетом долететь. Однако я всегда была в курсе исследований и событий, прямо или косвенно связанных с Барсовой горой. Отряды ПНИАЛ УрГУ долгое время вели работы на этом комплексе памятников, и мои коллеги провели там не один полевой сезон. Поэтому, читая указанный сборник, я прежде всего порадовалась за них: результаты многолетних «хоздоговорных» работ вводятся в актуальный научный оборот.

Рецензируемый сборник состоит из двух основных частей. Первая посвящена археологии Барсовой горы, вторая содержит материалы исследований, проведённых в различных районах таёжного Приобья. Несмотря на разнообразие сюжетов и стилистики статей, сборник в целом производит хорошее впечатление и не кажется «лоскутным».



Первый раздел под названием ***«Археология Барсовой горы»*** открывается двумя статьями, которые отражают различные аспекты истории изучения указанного археологического феномена. **А.П. Зыков** в свойственной его перу живой манере воспроизвёл атмосферу кон. XIX в., в условиях которой прошли первые раскопки (к сожалению, не очень удачные) на этих памятниках. Интересны не только факты биографии людей (В.П. Казакова

и Ф.Р. Мартина), которые по воле случая оказались причастными к открытию уникального комплекса, но и историко-политический контекст этого события.

В статье **А.В. Носковой** и **Ю.П. Чемякина** воспроизведены хронология и последовательность действий по сохранению археологического наследия Барсовой горы. Их главной целью было придание памятнику заповедного статуса. От идеи создания заповедника (1970-е гг.) до её «реализации» на бумаге прошло несколько десятилетий, но она так и не воплотилась в реальность в полной мере. Что касается статьи, то она, несмотря на несколько «бюрократический» стиль, интересна тем, что «оживляет», в общем-то, драматический процесс, события которого уже стали историей.

Серия статей первого раздела посвящена отдельным находкам, происходящим из памятников Барсовой горы. Все они, за исключением погребения кулайской культуры (**Г.В. Бельтикова**), происходят из случайных сборов. Импонирует, что, несмотря на их случайный статус, все находки детально описаны, а наиболее выдающиеся — защитная пластина *«какт-кар»* (**Ю.И. Ожередов**) и медальон с сокольничьим (**Н.В. Шатунов**) — подробно проанализированы. Авторы единодушно интерпретируют их как предметы сакрального характера.

Отдельного упоминания заслуживает интересная статья **К.Г. Карачарова** «Византийский кувшин из окрестностей Сургута». В ней автор последовательно аргументирует вывод о принадлежности недавней находки из поймы Оби византийской (точнее — Константинопольской) школе торевтики и относит кувшин к X—XI вв.

Второй раздел назван ***«Археология таёжного Приобья»***. Несколько статей его первой части, обозначенной подзаголовком «Эпоха камня — раннего металла», объединены «неолитической» проблематикой. **В.И. Стефанов** и **В.А. Борзунов** публикуют материалы раскопок 1993 и 2000 гг. на городище Амня 1, которое *«является самым древним укреплённым поселением в Северной Евразии»* (с. 93) и датируется ранненеолитическим временем. К сожалению, имеющиеся радиоуглеродные даты не позволили авторам конкретизировать вывод о более точной датировке этого, несомненно, очень важного памятника.

Миграционный подход к интерпретации различных групп неолитических древностей таёжного Приобья (каюковская, кошкинская и боборыкинская культуры) объединяет статьи **Л.В. Ивасько**, **В.Т. Ковалёвой** и **С.Ю. Зыряновой**. Материалы сами по себе очень интересны, и, на мой взгляд, в них много общего. Однако я позволю себе присоединиться к той группе исследователей, которые скептически относятся

к реконструкции дальних миграций, основанной на внешнем сходстве керамики (которое к тому же и не всегда сходство).

Как пример профессионального источникового анализа можно характеризовать статью **Л.В. Носковой** и **К.Г. Карачарова**, посвящённую публикации энеолитического могильника Старые Покачи 5.1 на р. Агане. Комплексы разных эпох от неолита до позднего железного века представлены в статье **А.С. Сергеева** и **А.А. Погодина**, описавших материалы поселения Коим 1 (Нижневартовский р-н ХМАО — Югры).

«Единственную в Западной Сибири серию антропоморфных изображений» (с. 201), происходящих из закрытых датирующих комплексов могильника Боровлянка XVII, рассмотрели в своей статье **Л.И. Погодин, А.В. Полеводов** и **А.Я. Труфанов**. Они отнесли могильник к XIV—XIII вв. до н. э.[1] Одним из интересных и, на мой взгляд, вполне оправданным является вывод о принадлежности двух погребений шаманам.

Вторая часть с подзаголовком «Эпоха железа» открывается публикациями **О.В. Кардаша** и **М.Ю. Баранова** с материалами исследований памятников кулайской культуры, включая богатый комплекс культовой бронзовой пластики. Характеристике разновременных комплексов могильника Неушья 1.2 посвящена статья **Е.М. Беспрозванного** и **О.Е. Козеко**.

Думаю, что читателям будет интересна и статья **А.В. Новикова**, показавшего на примере постройки Юильского городка, примыкавшего к Казымскому острогу, переплетение славянских и хантыйских традиций в архитектуре. Возможности объёмного моделирования археологических памятников на основе точной топографической съёмки городищ Соровское 15 и Соровское 25 показаны **Г.П. Ведмидем**.

Заключает сборник небольшая статья **Т.Ю. Фефиловой** справочного характера об исследованиях на реках Большой Юган и Малый Юган.

Хочется отметить высокий уровень полиграфии сборника, высококачественное исполнение иллюстраций и хорошую редакторскую работу. В книге ещё раз нашли отражение богатство и своеобразие «северной» археологии. Единственное, чего, возможно, недостаёт некоторым статьям, — аналитичности. Она органично дополнила бы хорошее описание материала.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Жаль, что для этого интереснейшего памятника нет радиуглеродных дат.

Юбилеи

Юбилеи уральских археологов

Г.П. Визгалов
г. Нефтеюганск
ООО «Научно-производственное объединение
«Северная археология – 1»
(выпускник Уральского государственного
университета им. А.М. Горького)

В прошлом, 2008 г. скромно, без шумных торжеств отметили **40-летие хоздоговорной археологической экспедиции (ныне – Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория) Уральского государственного университета им. А.М. Горького.** Она была создана В.Ф. Генингом при историческом факультете университета в 1968 г. В том же году состоялась вторая (после 1965 г.) разведка уральских археологов на территории Ханты-Мансийского национального округа (ныне Ханты-Мансийский автономный округ – Югра). Её возглавил Л.В. Сухина, обследовавший древности в урочищах Барсова Гора и Сайгатино (Кучиминский Сор). С 1971 г. сотрудники лаборатории приступили к ежегодным стационарным разведочным исследованиям на территории округа. Четыре года в работах на Барсовой горе принимал участие и сам В.Ф. Генинг. Именно тогда вырабатывалась методика исследования археологических памятников в условиях подзолистых почв средней тайги, которая, постоянно совершенствуясь, успешно применяется до сих пор.

Велика заслуга уральских археологов и в деле охраны древностей Сургутского Приобья – ими исследованы сотни памятников в зонах новостроек, многие из которых опубликованы.

После отъезда В.Ф. Генинга в Киев лабораторию возглавил В.Е. Стоянов (1975–1976 гг.), затем – В.Т. Ковалёва (1977–1986 гг.)

Валентина Трофимовна Ковалёва в 2008 г. отметила своё 70-летие[1]. Впервые на раскопках в Ханты-Мансийском округе она оказалась в 1980 г., принимая участие сначала в изучении неолитической стоянки на Барсовой горе, а потом в работах Заполярного отряда Ленинградского отд-ния ИА АН СССР. По результатам исследований стоянки Сумпанья IV в бассейне р. Конды впоследствии ею был вы-

делен сумпаньинский тип керамики (памятников)[2].

В 1984 и 1985 гг. В.Т. Ковалёва снова участвовала в работах на Барсовой горе, а в 2007 г. руководила археологической практикой студентов в экспедиции ООО «НАЦ «АВКом — Наследие» на р. Большая Умытья в Советском р-не ХМАО — Югры.

Через работы на комплексах археологических памятников Югры — Барсова Гора, Ермаково, Сайгатино — прошли практически все нынешние либо бывшие сотрудники Уральской археологической экспедиции. Некоторые из них в 2009 г. встречают свои юбилеи. Если говорить о ветеранах, то 60 лет исполняется нынче Л.Л. Косинской[3], В.И. Стефанову, Н.В. Фёдоровой[4] и Ю.П. Чемякину[5].

Владимир Иванович Стефанов возглавил ПНИАЛ УрГУ после В.Т. Ковалёвой в 1987 г. и руководит этим научным подразделением до настоящего времени[6]. Как уже говорилось, вместе со своими коллегами он неоднократно работал на территории ХМАО — Югры: исследовал уникальное городище каменного века Амня I и могильник сейминско-турбинского времени Товкуртлор 3, активно участвовал в раскопках многих памятников на Барсовой горе и кулайского городища Мильтонъяун 4... Перу Владимира Ивановича принадлежат

статьи о могильниках сейминско-турбинского горизонта и позднего Средневековья[7], поселении бронзового века Малая Моховая I[8]. Вместе с коллегами он опубликовал материалы городища каменного века Амня I[9], других памятников эпох неолита — энеолита.

Группу 50-летних юбиляров 2009 г. из числа уральских археологов, внесших заметный вклад в изучение археологического прошлого Югры, составили С.Ф. Кокшаров и О.Н. Корочкова.

Сергей Фёдорович Кокшаров свои первые раскопки на Барсовой горе начал ещё студентом в 1979 г.[10] Потом он работал на р. Конде в Советском р-не, исследовал памятники древней и средневековой истории (в том числе известное городище Эмдер[11]). С.Ф. Кокшаров внёс вклад в разработку современной концепции культурогенеза в таёжной зоне Западной Сибири, выделил ряд культурных типов памятников эпох энеолита — ранней бронзы. Результатом активной научной деятельности стала защита кандидатской диссертации по ранней истории населения бассейна р. Конды и публикация более 70 научных и научно-популярных работ (в том числе 7 коллективных монографий[12] и учебник для старшеклассников по истории ХМАО — Югры[13]).

Ольга Николаевна Корочкова — директор археологического музея УрГУ — тоже несколько лет проработала на территории Югры[14]. Она участвовала в раскопках могильника Товкуртлор 3,

исследовала памятники Барсовой горы, городище Мильтонъяун 4. Ею опубликованы материалы селища раннего железного века Барсова Гора III/72[15] и, частично, самусьско-кижировского комплекса Сайгатино VI[16]. Во многом благодаря Ольге Николаевне в УрГУ был создан археологический музей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О В.Т. Ковалёвой см.: **Корнилов Г.Е.** Ковалёва Валентина Трофимовна // Историки Урала. — Екатеринбург: УрО РАН, 2003. — С. 158—159. *(Здесь и далее прим. ред.)*.

[2] **Ковалёва В.Т., Устинова Е.А., Хлобыстин Л.П.** Неолитическое поселение Сумпанья IV в бассейне Конды // Древние поселения Урала и Западной Сибири. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1984. — С. 32—44; **Ковалёва В.Т.** Неолит Среднего Зауралья. — Свердловск: Изд-во УрГУ, 1989. — 80 с.

[3] См. в этом же сборнике: **В.В. Занина, Е.А. Юдина, Е.Н. Дубовцева.** Учитель (к юбилею Любови Львовны Косинской).

[4] См. в этом же сборнике: **Я.А. Яковлев, А.В. Гусев.** Semper in motu (к юбилею Натальи Викторовны Фёдоровой).

[5] См. в этом же сборнике: **В.Т. Ковалёва.** Ю.П. Чемякин и Барсова гора (к 60-летию со дня рождения).

[6] О В.И. Стефанове см.: **Алексашенко Н.А.** Стефанов Владимир Иванович // Историки Урала. — Екатеринбург: УрО РАН, 2003. — С. 346—347; Стефанов Владимир Иванович // Археологи Волго-Уральского региона: Справочник. — Уфа, 2002. — С. 77.

[7] **Стефанов В.И.** Могильник Товкуртлор 3: сейминско-турбинский след в Нижнем Приобье // Российская археология. — М., 2006. — № 1. — С. 44—58; **Стефанов В.И.** Моховая XLVI — позднесредневековый могильник Сургутского Приобья // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2003. — Вып. 1. — С. 164—210.

[8] **Стефанов В.И.** Новые материалы по бронзовому веку Сургутского Приобья // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. — Сургут: МУ ИКНПЦ «Барсова Гора», 2002. — С. 97—112.

[9] **Морозов В.М., Стефанов В.И.** Амня I — древнейшее городище Северной Евразии? // Вопр. археологии Урала. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1993. — Вып. 21. — С. 143—170; **Морозов В.М., Стефанов В.И., Погодин А.А.** Древнее поселение в бассейне Казыма // Мат-лы по археологии Обь-Иртышья: Сб. науч. трудов. — Сургут: РИО СурГПИ, 2001. — С. 26—34; **Стефанов В.И.** Новые материалы по энеолиту Приказымья // Мат-лы по археологии Обь-Иртышья: Сб. науч. трудов. — Сургут: РИО СурГПИ, 2001. — С. 35—42; **Стефанов В.И., Косинская Л.Л., Погодин А.А., Дубовцева Е.Н., Беспрозванный Е.М.** Поселение Еныя 12 (к вопросу о культурно-хронологической стратиграфии неолита — энеолита верховьев Конды) // Археология Урала и Западной Сибири (к 80-летию со дня рождения Владимира Федоровича Генинга): Сб. науч. тр. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. — С. 48—86; **Стефанов В.И., Морозов В.М., Погодин А.А.** Кирип-Вис-Юган 2 — памятник амнинского типа (к вопросу о неолите Приказымья) // Источники по археологии Западной Сибири: Сб. науч. тр. — Сургут: РИО СурГПУ, 2005. — С. 19—33; **Стефанов В.И., Борзунов В.А.**

Неолитическое городище Амня I (по материалам раскопок 1993 и 2000 годов) // Барсова Гора: древности таёжного Приобья. — Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2008. — С. 93—111; И др.

[10] О С.Ф. Кокшарове см.: **Алексашенко Н.А.** Кокшаров Сергей Федорович // Историки Урала. — Екатеринбург: УрО РАН, 2003. — С. 161—162.

[11] **Зыков А.П., Кокшаров С.Ф.** Древний Эмдер. — Екатеринбург, 2001.

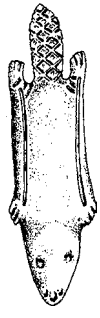
[12] **Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Фёдорова Н.В.** Угорское наследие / Древности Западной Сибири из собрания Уральского университета. — Екатеринбург, 1994. — 160 с.; Нягань: Город на историческом фоне Нижнего Приобья. — Екатеринбург, 1995. — 154 с.; Югорск: от легенды до точки на карте. — Екатеринбург, 1997. — 160 с.; Очерки истории Югры. — Екатеринбург: НПМП «Волот», 2000. — 402 с.; **Зыков А.П., Кокшаров С.Ф.** Древний Эмдер....; Археологическое наследие Югры. Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. 24—30 сентября 2006 г. — Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006. — 152 с.; Берёзово (Очерки истории с древности до наших дней). — Екатеринбург: Издательский дом «Сократ», 2008. — 472 с.

[13] История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней: Учебник для старших классов. — Екатеринбург: НТТМ «Волот», 2000. — 466 с.

[14] Об О.Н. Корочковой см.: **Стефанов В.И.** Корочкова Ольга Николаевна // Историки Урала. — Екатеринбург: УрО РАН, 2003. — С. 174—175.

[15] **Корочкова О.Н., Пономарёва Т.М.** Несколько штрихов к характеристике белоярской культуры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2006. — Вып. 3. — С. 35—61.

[16] **Корочкова О.Н.** Самусьско-кижировский комплекс у д. Сайгатино ХМАО // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. — Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. ун-та, 2004. — Вып. 2. — С. 318—323.



Учитель
(к юбилею Любови Львовны Косинской)

В.В. Занина, Е.А. Юдина, Е.Н. Дубовцева
г. Екатеринбург
Проблемная научно-исследовательская
археологическая лаборатория
Уральского государственного университета

В 2009 г. Любовь Львовна Косинская встретит своё 60-летие. Многие хорошо знают это имя и этого человека[1]. Кто-то знаком с ней с её юности, кому-то удалось познакомиться с уже зрелым учёным... Студенты знают её как талантливого преподавателя и автора интереснейших научных исследований. Нам посчастливилось познакомиться и влиться в команду Любови Львовны в разное время и при разных обстоятельствах, однако для всех нас она стала Учителем и Другом. И в преддверии её юбилея мы хотим рассказать о ней...

Археологом Любовь Львовна мечтала стать и стала ещё в детстве. Откуда ребёнок в те годы мог почерпнуть знания об археологии, заразиться этой профессией? В курсе средней школы этого предмета не было и нет, научно-популярные книжки на эту тему были наперечёт, художественных фильмов «а ля Индиана Джонс» не снимали вовсе, а телевидение было редкостью... Наверное, имелось иное — то, что принято называть «характером». Он и помог Любови Львовне не только сохранить верность своей детской мечте, но и достаточно рано начать осуществлять её. Сначала — в археологическом кружке при Кабинете археологии истфака УрГУ. Ещё школьницей она впервые приняла участие в настоящих научных полевых исследованиях на побережье оз. Мергень в Ишимском р-не Тюменской обл.

Логическим продолжением стало поступление в 1967 г. на исторический факультет УрГУ и начало постижения археологической науки уже «по-взрослому». А в следующем, 1968 г. была создана Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория УрГУ под руководством докт. ист. наук, профессора Владимира Фёдоровича Генинга. С этого момента и началась творческая биография Косинской-археолога, тогда ещё совсем молодой студентки.

Её научные пристрастия определились довольно быстро, уже во время археологической практики после 1-го курса. Тогда большой отряд работал на знаменитом теперь археологическом комплексе Черноозерье в Омской обл., копали сразу несколько разновременных памятников. Больше других студентку Косинскую заинтересовал мезолитический слой на стоянке Черноозерье VIa. Так определилась тема и её руководитель — конечно же, В.Ф. Генинг[2].

Свои первые самостоятельные раскопки Любовь Львовна провела после 3-го курса, в 1970 г. на поселении Ир II в Абатском р-не Тюменской обл. Тогда же вышла и её первая научная публикация о результатах разведки памятников в Свердловской и Тюменской областях[3].

По окончании университета, в 1972 г. Любовь Львовна получила распределение в ПНИАЛ УрГУ, а в 1974 уехала в г. Сыктывкар. Там полтора десятка лет и продолжалась её научная деятельность в должности старшего научного сотрудника Краеведческого музея Республики Коми. За этот период Любовь Львовна открыла около 50 археологических памятников в бассейне р. Вычегды и больше десятка исследовала раскопками. В 1988 г. в Ленинградском госуниверситете она защитила кандидатскую диссертацию по теме «Мезолит — ранняя

бронза бассейна Нижней Вычегды» под руководством Л.Я. Крижевской. К концу того периода жизни Л.Л. Косинская стала одним из ведущих специалистов по археологии Европейского Северо-Востока.

В 1990 г. Любовь Львовна вернулась в родной университет, где поныне работает в должности ведущего научного сотрудника ПНИАЛ.

Конечно, говоря об археологе, прежде всего рассказывают об его экспедициях. География полевых археологических исследований Л.Л. Косинской очень широка: Урал, Западная Сибирь, Коми, даже Приазовье и знаменитое оз. Селигер, что в Тверской обл. Однако основным её «полем» стали все-таки северные края — ХМАО — Югра и ЯНАО.

Свои первые раскопки на территории Югры Любовь Львовна провела в 1972 г., ещё до отъезда в Сыктывкар. После возвращения в Екатеринбург она вернулась и в югорскую археологию. С 1990 г. Л.Л. Косинская неоднократно проводила полевые исследования таких памятников, как поселения на Барсовой горе, Чернореченское I, Быстрый Кульёган 66, Чёрная 3. Практически каждый из них становился открытием. Но, как ни парадоксально, открытие не бывает случайным, к нему нужно готовиться. Нужен максимум информации об объекте исследования (причём и из смежных, и даже далёких наук — тоже), нужна аналитика, необходимы аргументированность и корректность в выводах... Всё это у Л.Л. Коссинской наличествует, потому и открытия кажутся столь естественными и закономерными.

Но эта лёгкость — кажущаяся, за ней стоит большой труд. Если в процессе сравнительных исследований возникает необходимость в новых материалах на сопредельных территориях, Любовь Львовна идёт на эти территории. Именно таким образом под её руководством в 1991 г. ПНИАЛ УрГУ начала активные исследования на юге ЯНАО (прежде всего — в труднодоступном Пуровском р-не). За прошедшие годы здесь ею открыто около 200 археологических памятников самых разных эпох, а некоторые из них — исследованы. Результат — уникальные источники, которые уже привели и приведут далее к новым открытиям в древней истории Сибирского Севера.

Круг научных интересов и научных заслуг Л.Л. Косинской весьма широк, но наибольший вклад она внесла в разработку проблем археологии каменного века Урала и Западной Сибири, Европейского Северо-Востока и сопредельных территорий. Результаты этих работ опубликованы приблизительно в двух сотнях научных статей и шести монографиях (в соавторстве)[4]. Её статьи можно без труда найти в таких

энциклопедических изданиях, как «Уральская историческая энциклопедия»[5] и «Ямал: Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа»[6]. Многочисленны и устные выступления археолога Косинской на научных форумах: почти все научные центры Уральского федерального округа, Томск, Барнаул, Тверь, Санкт-Петербург, Соловки и др.

Л.Л. Косинскую отличает сочетание таких качеств, как широкий научный кругозор и стремление постоянно учиться. Но она не только ищет новые знания и приобретает новый опыт, но и умеет делиться всем этим со своими коллегами, прежде всего молодыми. Одной из первых, ещё в Республике Коми, она начала проводить комплексные полевые научные исследования в районах Севера с привлечением этнографов, геологов, почвоведов, палинологов, лингвистов и т. д., собирая в одном отряде не просто отличных специалистов, а дружную и работоспособную команду, ориентированную и способную к эффективному результату.

Существует также много других видов деятельности, где разносторонняя натура Л.Л. Косинской проявляется с самой замечательной стороны. В частности, уже несколько лет она занимает должность научного секретаря ПНИАЛ УрГУ, активно участвует в работе учёного совета университета.

Хорошо знают Любовь Львовну и музейные работники, прежде всего в ХМАО — Югре (г. Сургут, Ханты-Мансийск) и ЯНАО (г. Ноябрьск, Губкинский, Муравленко, Салехард, п. Мужи).

Любовь Львовна ещё и прекрасный педагог. С 1994 г. на историческом факультете УрГУ она с успехом читает спецкурсы по археологии: «Археологические источники», «Полевая археология», «Древние технологии», «Основы уралистики», «Этнические группы Урала и Западной Сибири и их материальная культура». Студенты любят и ценят её за доброжелательность, способность доходчиво и интересно объяснить учебный материал, стремление поделиться своим опытом. Её лекции нередко собирают учащихся самых разных специальностей. Кроме знаний, Любовь Львовна, как истинный педагог, передаёт своим ученикам уважительное и даже любовное отношение к археологической профессии.

Поэтому не удивительно, что и у неё теперь есть ученики, самостоятельно работающие в этой науке, — екатеринбуржцы С.А. Мызников, Е.Н. Дубовцева и Е.А. Юдина, нижнетагилец М.Н. Литвиненко. Пока скромно, но они уже продолжают дело своего Учителя по изучению древней югорской истории. Немало и таких, которые выбрали себе

другое ремесло в жизни, но, очарованные экспедиционными кострами, полевой романтикой и обаянием личности Любови Львовны, при малейшей возможности едут с ней в поле.

Вряд ли всё это имело бы место, если б Любовь Львовна не была прекрасным организатором и руководителем. Здесь сошлось многое — и богатый полевой опыт и замечательные человеческие качества. Она никогда не возвышается *над* коллективом, а всегда остаётся просто старшим товарищем. К ней можно прийти с любыми, даже весьма далёкими от науки вопросами — и можно быть уверенным: она выслушает, поймет и, если надо, постарается помочь. Именно потому её экспедиции на долгие годы сдружили множество совершенно разных по возрасту и интересам людей.

При этом доброта и отзывчивость у Л.Л. Косинской не избирательны, это просто свойства её органичной натуры. Так же, как с коллегами или членами своего отряда, она общается с местными жителями во время экспедиционных работ, с чиновниками всех уровней. Она умеет создавать доброжелательную атмосферу общения, ту дружескую тональность разговора, после которых остаются лишь добрые воспоминания. Многие знают: в любом месте, где раньше работал отряд Л.Л. Косинской, они получат радушный приём и всю необходимую помощь, если они её друзья или знакомые.

Сегодня Л.Л. Косинская, как говорится, в строю и готовится к новым полевым сезонам, на этот раз на Северо-Западе страны — в Карелии, на берегу Баренцева моря.

Коллеги, друзья и ученики от всего сердца поздравляют Любовь Львовну с юбилеем и желают ей счастья, долгого жизненного и научного пути, успеха во всех начинаниях.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О Л.Л. Косинской см.: **Фёдорова Н.В.** Косинская Любовь Львовна // Ямал: Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа: В 3 т. — Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2004. — Т. 2. — С. 55. *(Здесь и далее прим. ред.).*

[2] **Косинская Л.Л.** Учитель // Археология Урала и Западной Сибири (к 80-летию со дня рождения Владимира Фёдоровича Генинга): Сб. науч. тр. — Екатеринбург, 2005. — С. 15—17.

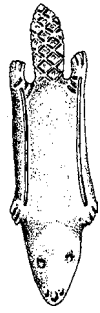
[3] **Гусенцова Т.М., Косинская Л.Л., Петрин В.Т., Фёдорова Н.В.** Разведка памятников в Свердловской и Тюменской областях // Археологические открытия 1969 года. — М.: Наука, 1970. — С. 143—144.

[4] **Косинская Л.Л., Фёдорова Н.В.** Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа. — Екатеринбург, 1994. — 113 с.; **Косинская Л.Л.** Неолит // Археология Республики Коми с древнейших времён до Средневековья: В 6 ч. — М.:

Изд-во «ДиК», 1997. — С. 146—212; **Косинская Л.Л.** Археологические памятники Севера Западной Сибири: Уч. пос. по археологии и краеведению. — Сургут: Изд-во СургутГУ, 1998. — 72 с.; Поселение Быстрый Кульёган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья: Коллективная монография Под ред. Л.Л. Косинской и А.Я. Труфанова. — Екатеринбург; Сургут, 2006. 192 с.; **Жилин М.Г., Антипина Т.Г., Зарецкая Н.Е., Косинская Л.Л., Косинцев П.А., Панова Н.К., Савченко С.Н., Успенская О.Н., Чаиркина Н.М.** Варга 2. Ранненеолитическая стоянка в Среднем Зауралье (опыт комплексного анализа). — Екатеринбург, 2007; **Косинская Л.Л., Чаиркина Н.М.** Early ceramics of the Urals and Western Siberia. — UK, Sheffield, in print. — 2007.

[5] Уральская историческая энциклопедия. — 1-е изд. — Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1998. — С. 28, 55—57, 117, 140, 275, 278, 291—292, 330—331, 362, 384, 412—413, 589, 592, 593, 605, 612; Уральская историческая энциклопедия. — 2-е изд. — Екатеринбург: Академкнига, 2000. — С. 56—59, 119, 142, 279, 283, 296, 337, 369—370, 392, 422, 604, 607—608, 621, 628 (часть — в соавторстве)

[6] Ямал: Энциклопедия Ямало-Ненецкого автономного округа: В 3 т. — Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2004. — Т. 1. — С. 293—294, 358; Т. 2. — С. 10.



Semper in motu*
(к юбилею Натальи Викторовны Фёдоровой)

Я.А. Яковлев
г. Ханты-Мансийск
Служба государственной охраны объектов
культурного наследия ХМАО – Югры
А.В. Гусев
г. Салехард
Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс
им. И.С. Шемановского

27 февраля 2009 г. исполнилось 60 лет со дня рождения известного российского археолога, талантливого исследователя и обаятельной женщины Натальи Викторовны Фёдоровой. Её блестящие публикации по археологии Западной Сибири и Урала эпохи железа, проблемам первобытного искусства и средневековой торговле хорошо знакомы не только российским, но и зарубежным специалистам, а сформулированные ею концептуальные культурно-хронологические схемы

* Всегда в движении (лат.).

стали сегодня надёжными системами координат, в которые её коллеги помещают свои графики развития средневековой истории Нижнего Приобья и Ямальского Севера[1].

Чудны судьбы человеческие, если смотреть на них в ретроспективе. Когда разматываешь клубок чьей-то жизни, то невольно утрачиваешь впитанную ещё со школьной семьи материалистическую конструкцию бытия и совершенно незаметно для себя переходишь в мир ирреальности. И тогда возникает ощущение, что место каждого узла и надрыва на этой нити было определено заранее — как только богиня судьбы начала мотать этот клубок. Вот и биография Н.В. Фёдоровой представляется ещё одним подтверждением тому. Из сегодняшних дней кажется очевидным, что было ей предначертано свыше стать исследователем, причём область её научных интересов изначально была предопределена и регламентирована до мелочей: специальность — археология, регион — Урал и Западная Сибирь, эпоха — Средневековье, любимая тема — металлопластика.

Первой знаковой фигурой на этой тропе фатума стал дед Натальи Викторовны со стороны матери — Борис Дмитриевич. Он учился в Санкт-Петербургском университете и специализировался у самого А.А. Спицина, которого многие с полным на то основанием считают сегодня одним из основателей урало-сибирской археологии, а его классическую работу «Шаманские изображения» полагают предтечей всех нынешних исследований по бронзовой металлопластике эпохи железа. Борис Дмитриевич мечтал посвятить себя археологической науке, и, кажется, ему, а не Наталье Викторовне предначертано было продолжить дело своего учителя в изучении древностей Урала и Северо-Западной Сибири. Однако эта эстафета растянулась во времени, пока на следующий этап ни встала уже внучка. Дед же оказался в том поколении, которому богини судьбы намотали совсем небольшие клубки жизни. Нити тех клубков были прочны, но и они противостоять железу российской истории не смогли. И получилось, как у старшины Васкова из романа «А зори здесь тихие...»: «Долго могла бы тянуться ниточка той жизни, а они по этой ниточке — ножом!».

Молодой выпускник 1916 г., мечтающий о научном поприще, сначала попадает в «вихри враждебные» семнадцатого, от которых семья бежит из «города революции» в Нижний Новгород, а потом — в жернова репрессий тридцатых... После его гибели жена вынуждена была скрываться с детьми у знакомых в Москве. Только перед самой войной они смогли ненадолго вернуться в родной Ленинград, но началась блокада. Опять отъезд... Так переезды стали естественным ритмом жизни семьи.

Быть может, именно они и начали определять выбор профессии. А уж в том, что они сформировали такие фамильные черты, как способность к быстрому решению и энергичному поступку, коммуникабельность и высокая социальная адаптивность, сомневаться не надо.

Дочь Бориса Дмитриевича и будущая мать Натальи Викторовны — Ирина Борисовна — выбрала профессию геолога. Мама стала второй знаковой фигурой, предопределившей судьбу дочери. Специалист по рудопроявлениям, она постоянно переезжала с одного месторождения на другое. Так что рюкзак с запахом костра и тот специфический жизненный уклад, который всегда присутствует в домах людей «бродячих профессий», были рядом с Натальей с первого мгновения её появления на свет. Впрочем, одного дома у таких людей не бывает. Вот и Н.В. Фёдорову неполных двух лет мама увезла из Ленинграда в среднеазиатский город Алмалык.

В 1966 г. перед выпускником школы, награждённым серебряной медалью, встала проблема выбора профессии. Нет, правильнее сказать: проблема выбора вуза для получения профессии, поскольку будущее уже было предопределено — это археология. В своём предназначении, как Наталья Викторовна сама потом вспоминала, она не сомневалась — склонность к гуманитарным дисциплинам, генетически доставшаяся от деда, и серьезная закалка экспедиционной жизнью, приобретённая рядом с матерью, не оставляли места сомнениям.

Выбор пал на исторический факультет Уральского государственного университета им. А.М. Горького — и это опять оказалось знаково. Судьбе было угодно, чтобы именно в это время и именно в этом месте рождалось совершенно уникальное для отечественной археологической науки явление — Свердловская археологическая школа под руководством В.Ф. Генинга. Та самая школа, на идеях, организационных началах и кадрах которой доныне стоит археология значительной части Урала и Севера Западной Сибири. Позитивные общественные изменения шестидесятых, среди прочего, обусловили перестройку в сознании молодого поколения, внесли гражданский пафос в его профессиональную деятельность. Наука о древностях стала представляться архисовременной, появились изменения в методологии и методике, на советском пространстве в нарушение былой монополии научных центров двух столиц оформились и начали интенсивно развиваться «провинциальные» научные коллективы археологов — в Свердловске, Новосибирске, Томске, Кемерове...

Масштабная личность, какой был В.Ф. Генинг, соответственно, масштабно мыслит и действует. Посему, по словам Н.В. Фёдоровой,

«руководимая им Уральская археологическая экспедиция широким охватом изучала археологические памятники в пространстве (от Сургута до южных пределов Омской, Тюменской и Курганской областей) и времени (от палеолита до Средневековья)». Такая широта позволила «птенцам гнезда Генингова» постигать проблемы не археологических культур, а археологических эпох, уверенно ориентироваться в историческом развитии не отдельного региона, а больших территорий. И, что особенно важно, что зачастую недоступно многим исследователям «локальных археологических культур», — научила постигать это развитие в динамике. В сознание молодых археологов изначально внедрялась координатная сетка, где вертикальная ось была градуирована веками и тысячелетиями, а горизонтальная — сотнями и тысячами километров. При таком подходе поиски начала и конца какого-либо исторического явления становились бессмысленными, каждое из них становилось следствием предыдущего явления и причиной последующего. Поэтому археологическим исследованиям Натальи Фёдоровой, как и других учеников В.Ф. Генинга, изначально были присущи масштабность и глубокий историзм.

Вместе со знаниями и навыками, необходимыми для будущей профессии, учитель формировал мировоззрение и характер. Требовал высокого уровня работы и самоотдачи, причём делал это достаточно жёстко. Может быть, поэтому при всей неодинаковости характеров, судеб и научных пристрастий его учеников, немало у них и общего: скрупулёзность и тщательность при работе с материалом, основательность и аргументированность выводов, полемичность и твёрдость в отстаивании собственного мнения... И — склонность к чистой науке, не объяснимая, но со стороны очень заметная отстранённость от всех соблазнов «административного продвижения» или околонаучной возни.

После окончания в 1971 г. студенческой поры, даже о непростых периодах которой Наталья Викторовна всегда вспоминает с присущим ей чувством юмора и иронии[2], наступила пора самостоятельной профессиональной деятельности. С темой было уже решено — Средневековье Западной Сибири. С местом работы тоже — хоздоговорная группа Проблемной научно-исследовательской лаборатории УрГУ. Определился и круг источников — прежде всего, материалы Сургутского Приобья. Именно там — на знаменитой сейчас Барсовой горе — В.Ф. Генинг развернул основную деятельность созданной им хоздоговорной группы.

Об этом периоде работы уральских археологов на территории Ханты-Мансийского автономного округа, где тогда начала интенсивно формироваться промышленная и социальная инфраструктура

нефтегазового комплекса, написано и сказано уже немало[3]. На точке под названием Барсова гора тогда пересеклись линии многих процессов и явлений: уникальное не только для Сибири, но и для Евразии скопление объектов археологического наследия; строительный бум начала промышленного освоения сибирской нефти; стремительное превращение расположенного рядом Сургута в экономический центр округа; ландшафтно-топографические и социально-экономические предпосылки для включения в зону хозяйственного освоения территории археологического феномена...

Работы на Барсовой горе оказались великолепной школой для Н.В. Фёдоровой и её коллег, на практике укрепив преподнесённые В.Ф. Генингом широту научных интересов и основы универсального подхода к полевым археологическим исследованиям. Во-первых, условия полигона для молодых археологов были созданы уникальным скоплением тысяч археологических объектов нескольких сотен памятников разных эпох и культур, богатейшая планиграфическая и стратиграфическая палитра которых отражала непрерывный процесс исторического развития на протяжении около семи тысячелетий. Другого такого «наглядного пособия» в России просто не было и нет. Во-вторых, «новостроечные» отряды вынуждены копать не что «хочу» или «интересно», а что «надо». Научные интересы попираются занесённым над археологическим объектом ножом бульдозера, поэтому таким археологам приходится работать на всех без исключения памятниках, невзирая на их типологическую и культурно-хронологическую принадлежность. В таких условиях хочешь-не хочешь, а станешь универсалом.

И Фёдорова им стала. Процессы накопления знаний, расширения кругозора и приобретения полевого опыта шли одновременно. И дали свой результат — в 1991 г. Н.В. Фёдорова с коллегами опубликовала концептуальную для культурогенеза Средневековья Сургутского и Нижнего Приобья работу[4], которая пришла на смену господствовавшей почти четыре десятилетия культурно-хронологической схеме В.Н. Чернецова[5].

Но это случилось позже. А 1970-е гг. стали временем многих поразительных открытий в древней и средневековой истории Западной Сибири, которые дарила Барсова гора. Коллеги-сибиреведы, не дожидаясь публикаций, специально ехали в Свердловск или на любой научный форум с участием свердловских археологов, чтобы оперативно познакомиться с новыми находками.

Среди последних совершенно неожиданно сформировалась целая коллекция посуды, произведений искусства и украшений из металлов (включая драгоценные), вышедших из средневековых мастерских

Византии, Ирана, Золотой Орды, Волжской Болгарии. Их импортное происхождение было совершенно очевидным, но вопросы историко-культурной атрибуции и, самое главное, исторического контекста появления их на сургутской земле требовали тщательной проработки. Куда могла обратиться тогда молодой археолог Фёдорова, заинтересовавшаяся этой проблематикой, за поиском аналогий и консультациями? Конечно, в Эрмитаж. Так на нити её судьбы вновь оказался узелок родного Ленинграда. И снова — в дорогу.

В 1979 г. Наталья Викторовна поступила на очное отделение аспирантуры Государственного Эрмитажа к известному специалисту по средневековому искусству Ирана и Средней Азии Б.И. Маршаку, а в 1984 г. там же, в Ленинградском отд-нии Ин-та археологии АН СССР, защитила кандидатскую диссертацию по теме «Западная Сибирь и страны средневекового Востока по археологическим источникам (X—XIII вв.)». Анализ западносибирской коллекции средневекового импорта позволил Н.В. Фёдоровой провести её подробную и доказательную атрибуцию; реконструировать обширные культурные и торговые связи населения Приобья, которое многие до того видели изолятом; оценить роль заимствованных мировоззренческих идей, художественных образов и технических приёмов в развитии средневекового и традиционного искусства региона. Наталья Викторовна всегда с теплотой вспоминает Б.И. Маршака и эрмитажную школу, научивших «по-новому мыслить и анализировать».

После защиты — опять дорога, теперь уже в обратную строну. Кандидат исторических наук Н.В. Фёдорова вернулась в Свердловск. В 1986 г. она стала научным сотрудником Проблемной научно-исследовательской археологической лаборатории УрГУ, а в 1989 г. переведена в только-только разворачивающийся Ин-т истории и археологии УрО РАН.

Это были не лучшие годы. И для страны, и для науки, и для сибирской археологии. Фундаментальная наука повсеместно сворачивалась. На минимальное финансирование могли рассчитывать только проекты прикладной науки. Для северосибирской археологии таковыми, прежде всего, стали работы по спасению объектов археологического наследия на территориях, отчуждаемых под хозяйственное освоение, и раскопки для формирования экспозиций музейной сети — составной части молодой социальной инфраструктуры, быстро формируемой на территориях промышленной нефте- и газодобычи в ХМАО и ЯНАО. Первые финансировались из средств хозяйствующих субъектов, вторые — из государственного либо муниципальных бюджетов.

В такой ситуации каждый из археологов вынужден был заняться маркетингом и коррелировать свой конкретный исследовательский интерес с имеющимися возможностями и потребностями заказчика археологических работ. Н.В. Фёдорова уже имела достаточный профессиональный опыт и авторитет в корпоративной среде, чтобы не потеряться в новых условиях, но в таких случаях, как правило, дело решает случай. И он не заставил себя ждать.

На одном из финно-угорских конгрессов Н.В. Фёдорова встретилась с Л.Ф. Липатовой — в те годы директором Салехардского краеведческого музея. Та рассказала Наталье Викторовне о современном состоянии археологического памятника Усть-Полуй, который, с одной стороны, стал эталоном культурогенеза нижнеобского Приобья в эпоху раннего железа и даже дал своё название археологической культуре, с другой — после публикаций В.Н. Чернецова и В.И. Мошинской ярких материалов с него[6] — превратился в некий миф с непонятной типологической принадлежностью и невыявленным местом в западносибирском культурогенезе. В культурных напластованиях Усть-Полуя лежали ключи ко многим загадкам совсем ещё мало известной истории Зауралья и Западной Сибири в раннем железном веке, и мечтой многих археологов было поработать на этом памятнике. Фортуна вновь улыбнулась Н.В. Фёдоровой. Во-первых, в преддверии 400-летнего юбилея Салехарда руководство округа решило провести громкую культурную акцию, и выбор пал на идею возобновления археологических раскопок Усть-Полуя. Во-вторых, возглавить эти раскопки пригласили именно Наталью Викторовну.

Эти работы велись в течение трёх полевых сезонов 1993—1995 гг. и дали два позитивных и перспективных результата. Во-первых, наконец-то была предложена (пусть пока ещё в рабочем варианте) культурно-хронологическая и типологическая атрибуция памятника — жертвенное место или святилище I в. до н. э.[7] Во-вторых, большое и интересное дело сформировало вокруг Н.В. Фёдоровой коллектив уже её учеников и единомышленников. Имя ему было дано соответствующее — Ямальская археологическая экспедиция (ЯАЭ).

Последнее было как нельзя кстати. Процесс научного поиска бесконечен: каждый ответ содержит в себе несколько новых вопросов. Эту аксиому подтвердил и Усть-Полуй, для определения места которого в цепочке культурогенеза оказалось необходимым выявить и другие звенья этой цепочки. Так в процессе исследований на Усть-Полуе не только родилась профессиональная и дружная команда, но и была сформулирована программа многолетних исследований освоения Ямальского Севера: выявление периодизации этого сложного процесса,

изучение систем адаптации в различные периоды и их корреляция с современными хозяйственными типами... И, конечно же, выявление новых археологических памятников на этой малоизученной территории.

«Бросок на Север» Усть-Полуем не закончился, команда Фёдоровой поработала и на других, куда более северных памятниках полуострова Ямал: в 1994—1995 гг. — на поселении Тиутей-Сале, в 1995—1996 гг. — на городище Ярте VI. Несмотря на значительный временной разрыв, эти работы стали продолжением изысканий В.Н. Чернецова. Новые материалы позволили Н.В. Фёдоровой и её коллегам опровергнуть ряд гипотез уважаемого предшественника. В частности, не получила подтверждения его мысль о присутствии на поселении Тиутей-Сале остатков культуры с приморским типом адаптации. В действительности памятник был оставлен семейными группами сухопутных охотников-оленеводов, обитавших на мысе Тиутей в тёплые сезоны года. Материалы Ярте VI (рубеж XI—XII вв.) открыли другую сторону жизни древних обитателей полуострова — район долговременных стоянок оленеводов, хорошо сочетающихся с традиционным укладом кочевания современных ненцев. В совокупности изученные памятники уже сегодня позволяют проследить процесс становления западносибирского кочевого оленеводства от его истоков на рубеже эр (свидетельства транспортного оленеводства обнаружены на Усть-Полуе) до завершённой формы, сложившейся уже к нач. II тыс. (материалы Ярте VI и Тиутей-Сале).

Экспедиционные исследования имели и южный вектор — с 1993 г. разведочные маршруты ЯАЭ пролегли вдоль русла Оби и её основных притоков. В результате в 1993—1997, 1999 гг. в Шурышкарском и Приуральском р-нах ЯНАО удалось выявить более 70 памятников. На некоторых были проведены и стационарные работы — на поселениях Зелёная Горка и Полярный Круг, городище Питлярском. А раскопки в 1999—2002 гг. неординарного комплекса памятников у п. Зелёного Яра с его средневековыми мумиями вызвали интерес и принесли известность ЯАЭ далеко за пределами Сибири.

С 2003 г. Н.В. Фёдорова и её команда проводят крайне интересные изыскания на Войкарском городке, где в почти 7-метровой толще замёрзших культурных отложений законсервировались в разной степени сохранности (вплоть до совершенно целых) постройки от XIII до нач. XIX вв.

Неугомонная, вечно находящаяся в движении Н.В. Фёдорова смогла и в ямальской тундре наладить контакты с зарубежными коллегами. Такое сотрудничество — нормальное для мирового научного сообщества — для провинциального российского, а уж тем более сибирского учёного сопряжено с определёнными усилиями. В 1994 г. состоялся первый и

достаточно скромный выход на международное пространство — Наталья Викторовна в составе группы российских учёных представляла выставку «Секреты Сибири», организованную Институтом археологии и этнографии СО РАН в Сиднее. Следующим шагом стали работы на Ямале в рамках совместной Российско-американской программы «Живой Ямал»: уже упомянутое поселение Тиутей-Сале ЯАЭ раскапывала совместно с коллегами из Арктического центра Смитсониевского института (США, г. Вашингтон). В 1996 г. Н.В. Федорова прошла стажировку в Вашингтоне по программе «Фулбрайт» (грант для российских учёных).

Дороги и переезды... Открывшиеся научные перспективы на Ямальском Севере оказались столь притягательными для Натальи Викторовны, что проще стало переехать в Салехард и вести работу непосредственно на месте, чем делать это из Екатеринбурга. Были и другие причины: очарование Севером, извечно присущее ей стремление к самостоятельным решениям и поступкам, которое в продолжение взятого здесь образа дороги можно представить пресловутым «кошка, которая всегда гуляет сама по себе»... Как бы там ни было, а в 2004 г. Н.В. Фёдорова очередной раз сменила место жительства. На этот раз не одна, а со своей командой. О лучшем заместителе директора по научной работе окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского не мог и мечтать. Конечно, объём работы на новом месте значительно вырос. Теперь, к привычной и любимой научной деятельности прибавились музейно-выставочная, административная, хозяйственная... Как говорится, «и швец, и жнец, и на дуде игрец».

Но всё ей удаётся, всё у неё получается. Ежегодные масштабные полевые работы на археологических памятниках и плодотворное изучение древней и средневековой истории Приполярного Севера. Выставочные проекты, в том числе и такие крупные, как «Сокровища Приобья» (с Государственным Эрмитажем)[8] и «Усть-Полуй: I век до н. э.» (с Музеем антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН)[9]. Экскурсии. Поездки на научные форумы. Многочисленные публикации...

О публикациях хочется сказать особо. Сегодня Н.В. Фёдорова — автор и соавтор более 200 печатных трудов, семь из которых — монографии (в соавторстве). Очень продуктивный результат, но это только статистика. Есть особенность, которая выделяет работы Натальи Викторовны из огромного корпуса литературы под названием «научная». Это великолепный стиль и образность изложения, за которыми, конечно же, стоит образность мышления. Сказать о сложном просто и понятно, уметь оперировать не только умозаключениями, но и образами, словесной конструкцией создать в сознании читателя «картинку»,

которая и понимается, и запоминается гораздо быстрее, — такой дар дан далеко не каждому пишущему.

В годы комсомольской юности Н.В. Фёдоровой популярной была песня с программными строками: *«Трудное счастье – находка для нас / К подвигам наша дорога...»*. Сейчас принято иронизировать и над той эпохой, и над теми ценностями, но счастье действительно лёгким не бывает. Вряд ли сегодня Наталье Викторовне легко. И от того огромного объёма работы, что ей приходится делать. И от той моральной ответственности за судьбы членов своей команды и своей семьи (дочери Ольги и внучки Александры), которые поверили и пошли за ней с насиженных мест за полярный круг. Однако жизнь Н.В. Фёдоровой видится счастливой и состоявшейся, а нить судьбы в руках богини прочной и длинной.

У экспедиционных костров до сих пор поют ещё одну песню из юности Фёдоровой: *«Дороги трудны, но хуже без дорог...»*. Долгих дорог, Наталья Викторовна!

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] О Н.В. Фёдоровой см.: **Зыков А.П.** Фёдорова Наталья Викторовна // Историки Урала. — Екатеринбург: УрО РАН, 2003. — С. 401—402; Фёдорова Наталья Викторовна // Археологи Волго-Уральского региона: Справочник. — Уфа, 2002. — С. 80.

[2] **Фёдорова Н.В.** В.Н. Чернецов и В.Ф. Генинг в западносибирской археологии // Археология Урала и Западной Сибири (к 80-летию со дня рождения Владимира Фёдоровича Генинга): Сб. науч. тр. — Екатеринбург, 2005. — С. 20—22.

[3] Барсова Гора: 110 лет археологических исследований. — Сургут: МУ ИКНПЦ «Барсова Гора», 2002. — С. 3—32. Фото Н.В. Фёдоровой 1971 г. — с. 27.

[4] **Фёдорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М.** Сургутское Приобье в эпоху средневековья // Вопр. археологии Урала. — Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1991. — Вып. 20. — С. 126—145.

[5] **Чернецов В.Н.** Нижнее Приобье в I тысячелетии нашей эры // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1957. — № 58: Культура древних племён Приуралья и Западной Сибири. — С. 136—245.

[6] **Мошинская В.И.** Керамика усть-полуйской культуры // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1953. — № 35: Древняя история Нижнего Приобья. — С. 107—120; **Чернецов В.Н.** Бронза усть-полуйского времени // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1953. — № 35: Древняя история Нижнего Приобья. — С. 121—178; **Мошинская В.И.** Жилище усть-полуйской культуры и стоянка эпохи бронзы в Салехарде // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1953. — № 35: Древняя история Нижнего Приобья. — С. 179—188; **Чернецов В.Н.** Усть-полуйское время в Приобье // Мат-лы и исслед. по археологии СССР. — М.: Изд-во АН СССР, 1953. — № 35: Древняя история Нижнего Приобья. — С. 221—241.

[7] **Фёдорова Н.В.** Усть-Полуй: I век до н. э. // Усть-Полуй: I век до н. э.: Каталог выставки. — Салехард; Санкт-Петербург, 2003. — С. 5—7.

[8] Сокровища Приобья / Западная Сибирь на торговых путях Средневековья: Каталог выставки. — Салехард; Санкт-Петербург, 2003. — 96 с.

[9] Усть-Полуй: I век до н. э.: Каталог выставки...

Ю.П. Чемякин и Барсова гора (к 60-летию со дня рождения)

В.Т. Ковалёва
г. Екатеринбург
Исторический факультет
Уральского государственного университета
им. А.М. Горького

Юрию Петровичу Чемякину — 60 лет![1] Давно знаю его как коллегу и человека. Юбилей — хороший повод выразить своё к нему отношение. На мой взгляд, есть две черты, характеризующие его профессиональное и жизненное пространство: преданность и увлечённость. Юрий Петрович предан археологии, которую выбрал в юности и не жалеет об

этом до сих пор. Он исследовал памятники в Омской и Свердловской, Челябинской и Оренбургской областях. За его плечами 30 полевых сезонов только в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре. А первый состоялся в 1972 г. Он неоднократно возглавлял крупные отряды, а потом и экспедиции, проводившие охранные раскопки на Барсовой горе, а также в окрестностях с. Русскинские на р. Тром-Агане и с. Угут на р. Большом Югане. Он принимал участие и в раскопках Эмдера, и городища Стариков Мыс 1 под Ханты-Мансийском.

У каждого археолога есть такой памятник, с которым ассоциируется его имя. Для Юрия Петровича — это Барсова гора. Его научная карьера, как и большая часть личной жизни, связана с этим уже знаменитым урочищем, где он провел более 20 полевых сезонов. Мне приходилось принимать участие в работе Уральской археологической экспедиции на этом памятнике. Вспоминаются усвоенные Ю.П. Чемякиным уроки В.Ф. Генинга по общению с заказчиками. Юрий Петрович всегда приходил к чиновникам и руководителям строительных организаций с коробочкой, в которой хранились наиболее интересные находки с Барсовой горы. Обстоятельно и увлекательно рассказывал об их ценности, а порой и уникальности. Его увлечённость довольно быстро превращала собеседников в единомышленников. Так, нередко удавалось найти заказчиков, которые и финансировали продолжение исследований уникальных археологических комплексов.

Много сил уходило у Юрия Петровича на общение с местными жителями, которые то разрушали городища, унося землю на свои огороды, то проводили грабительские раскопки, сбывая самые интересные находки коллекционерам. Благодаря кропотливой, постоянной разъяснительной работе удалось вернуть многие уникальные вещи и прекратить разрушение ряда памятников на Барсовой горе.

Отношение Юрия Петровича к Барсовой горе не вмещается в понятие «исследование». Столкнувшись с уникальностью и масштабностью этого археологического феномена, он посчитал своей профессиональной и жизненной задачей сделать всё возможное, чтобы его сохранить как объект археологического наследия национального значения.

Особенно мне импонирует жизненная позиция Ю.П. Чемякина в отношении сохранения памятников, в том числе уже раскопанных. Не секрет, что в хранилищах десятки лет находятся коллекции, к которым авторы не спешат вернуться после написания полевых отчётов. Юрий Петрович не только считает достойным публикации любой раскопанный памятник, но скрупулезно и целенаправленно их

публикует. И это тоже одно из проявлений его преданности науке, верности избранному пути. Сейчас в археологической лаборатории УрГУ Юрий Петрович явно лидирует по количеству публикаций. Для любого учёного важнейшим показателем его значимости в науке является индекс цитируемости. В большинстве археологических исследований по урало-западносибирской проблематике обязательно встречаются ссылки на работы Ю.П. Чемякина. Вызывает чувство глубокого уважения предпринятое им недавно издание фундаментальной книги о древностях Барсовой горы[2].

И ещё его образ не отделим от Уральского госуниверситета: работая в Проблемной научно-исследовательской археологической лаборатории, Ю.П. Чемякин — член редколлегии и постоянный автор серии «Вопросы археологии Урала», участник многих мероприятий истфака (особенно хочется отметить его активную роль в организации и проведении XVII Уральского археологического совещания).

Об увлечённости нашего юбиляра нужно сказать отдельно. С мужанием Юрия Петровича расширяется и круг проблем, в которые он с азартом бросается: он увлекался то образом медведя в изобразительном творчестве древнего населения Урала и Западной Сибири, то образом антропоморфа, то культовой пластикой населения кулайской культуры. А ещё он давний коллекционер — филателист, нумизмат, фалерист, собиратель раковин и много чего другого. Коллеги со всей страны присылают ему марки, конверты и значки по археологической тематике, монеты и марки с изображением медведя... Сам он тоже, чем может, радует своих собратьев-коллекционеров.

Чемякин Ю.П. — преподаватель, доцент кафедры истории России. Он много сил отдает студентам, пожелавшим специализироваться в любимой им науке. Поэтому у него есть достойные ученики-археологи, которые работают и в Екатеринбурге, и в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре. Это С.Ф. Кокшаров, Г.П. Визгалов, Н.В. Шатунов, Т.Ю. Фефилова и Л.Ю. Фефилова... Профессионализм и преданность науке — вот что он пытается передать своим последователям. Убереги его жизнь от разочарований!

И ещё одна жизненная нить связывает Юрия Петровича с Барсовой горой — там, в экспедиции он познакомился со своей будущей женой. Туда на раскопки несколько сезонов он брал с собой своих сыновей. Понимание и помощь семьи, по его словам, трудно переоценить.

Юбиляр настроен оптимистически, он не устал от археологии, а переполнен планами, идеями, творческими поисками.

Искренне поздравляю Юрия Петровича с 60-летием! Желаю крепкого здоровья и больших творческих успехов!

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Об Ю.П. Чемякине см.: **Чемякин** Юрий Петрович // Археологи Волго-Уральского региона: Справочник. — Уфа, 2002. — С. 84—85; **Алексашенко Н.А.** Чемякин Юрий Петрович // Историки Урала. — Екатеринбург: УрО РАН, 2003. — С. 401—402; **Шатунов Н.В.** Чемякин Юрий Петрович // Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. — Ханты-Мансийск, 2005. — Т. 4 (доп.). — С. 348; **Иванова Н.О.** Чемякин Юрий Петрович // Челябинская область: Энциклопедия. — Челябинск: «Каменный пояс», 2007. — Т. 7. — С. 272. *(Здесь и далее прим. ред.).*

[2] **Чемякин Ю.П.** Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Древность. — Сургут; Омск: ОАО «Омский дом печати»», 2008. — 224 с.

Некролог

"Только старых растеряли друзей..." (Памяти Игоря Геннадьевича Глушкова. 1958–2008)

Если на бубях пасьянс разложить –
Все сбывается, но как-то не так,
Мы по-прежнему готовимся жить,
Да какой-нибудь мешает пустяк.

И мечты свои, как прежде, храним,
Только старых растеряли друзей.
Мы с тобой за них друг друга простим,
А они нас как-нибудь попоздней.

А.В. Головнёв «Игра». 1987 г.

Игорь Геннадьевич Глушков. Все, кто когда-либо имел возможность общаться с этим человеком, попадали в плен его обаяния, производимого необыкновенно глубоким интеллектом и талантом, его

оригинальными идеями и неповторимым чувством юмора. Его научные выводы цитировались из одной научной публикации в другую, шутки передавались из уст в уста. И потому так трудно поверить, что после 23 ноября 2008 г. не будет больше новых идей и новых шуток...

Игорь Геннадьевич Глушков родился 5 февраля 1958 г. в Омске. После окончания школы в 1975 г. поступил на исторический факультет Омского госуниверситета. Выбор вуза и будущей профессии был предопределён ещё в детстве увлечением археологией. В шестом классе он впервые съездил в археологическую экспедицию на Алтай и был навсегда очарован романтикой этой профессии. Потом были экспедиции в 8-м и 9-м классах, появился вкус к поиску, к исследовательской работе. Детское романтическое увлечение археологией со временем оформилось в профессиональный интерес.

В университетские годы не было у студента Глушкова ни одного лета без археологических экспедиций. Зимние семестры были до отказа наполнены постижением будущей профессии, активной научной работой под чутким руководством его учителя Владимира Ивановича Матющенко. Многие до сих пор помнят яркие выступления лидера омских студентов-археологов Глушкова на студенческих конференциях университетского, регионального и всесоюзного уровней. При этом у него хватало времени на студенческий театр и капустники, дружеские посиделки... Он вообще успевал очень многое – это было одновременно и следствием, и причиной его широких и многообразных связей, а сегодня стало поводом для скорби у большого числа людей.

В 1982 г. Игорь Геннадьевич поступил в аспирантуру, которую через четыре года с успехом закончил. Итогом студенческих и аспирантских лет стала его кандидатская диссертация «Керамика самусьско-сеймин ской эпохи лесостепного Обь-Иртышья». Без ложной скромности можно сказать, что для сибирской археологии она стала знаковым событием, задав новые стандарты в изучении керамики как исторического источника.

Игоря Геннадьевича как исследователя вообще и археолога в частности характеризуют системность мышления, нестандартность подходов к решению научных проблем, движение мысли от теоретической модели, а не от эмпирического материала. Эти качества проявились в нём достаточно рано. У него вообще был талант к теоретическим обобщениям. Он был поисковиком в широком смысле этого слова, и этим притягивал к себе активное внимание коллег. Заострённость на полемику, юношеский максимализм в сочетании с глубиной и системно-

стью научного мышления привлекали к нему коллег, будь то слушатели студенческого археологического кружка или маститые археологи. Поэтому ещё в достаточно молодом возрасте Игорь Геннадьевич быстро и уверенно вошёл в круг мэтров сибирской археологии. Причём это касается не только учёных среднего поколения — Ю.Ф. Кирюшина, В.И. Молодина, А.В. Новикова, А.И. Петрова, с которыми Игорь Геннадьевич дружил всю свою жизнь, начиная со студенческих лет. Он мог поддерживать достаточно неформальные отношения и с корифеями сибирской археологии — В.И. Могильниковым, М.Ф. Косаревым, которые оказали большое влияние на формирование его личностных качеств исследователя и человека.

Ещё студентом Игорь Геннадьевич начал проводить самостоятельные полевые работы, руководил археологическими разведками и раскопками в Омской области. Переехав в г. Тобольск и заняв должность заведующего археологической лабораторией пединститута, он значительно расширил географию своих полевых исследований. Теперь сюда, помимо освоенного ещё в студенчестве Нижнего При-

И.Г. Глушков — школьник в археологической экспедиции. Омская область. 1970-е гг.

И.Г. Глушков — студент. г. Омск. 1977 г.

иртышья, вошли Тобольский и Уватский районы Тюменской области, Ханты-Мансийский, Сургутский, Нижневартовский и Кондинский районы ХМАО – Югры, Красноселькупский и Шурышкарский районы ЯНАО. Три-четыре экспедиции за сезон были для И.Г. Глушкова нормой. Одни из них преследовали сугубо научные цели (всё тот же любимый бронзовый век), другие были ориентированы на сохранение объектов археологического наследия, третьи имели форму разведок.

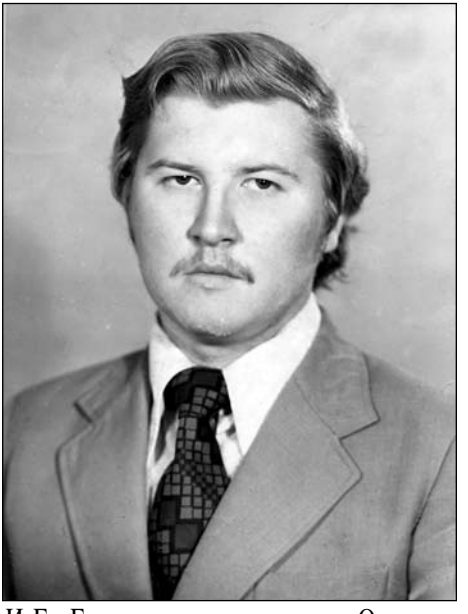
Такой масштаб работ был немыслим без учеников, которые к этой поре у Игоря Геннадьевича уже появились. Они же использовали и материалы этих экспедиций в своих публикациях и диссертационных сочинениях – в этом отношении учитель был щедр. Он и сам в эти годы активно публиковал результаты своих научных изысканий. Предметом внимания его пытливого ума стали как традиционные проблемы западносибирской археологической науки (например, культурно-хронологические процессы эпох неолита – бронзы), так и новые, только-только оформившиеся к 1980-м гг. (археологические микрорайоны, палеоэкономические реконструкции).

Уровень профессионализма археолога определяется его умением увидеть за деревьями лес – перешагнуть за методы и инструментарий своей науки и восстановить фрагмент подлинной древней истории. И в этом отношении И.Г. Глушков был настоящим профессионалом. Он всегда стремился выстроить целостную картину изучаемых им исторических процессов и явлений, учесть всё многообразие связей.

И.Г. Глушков (слева) и О.Н. Чертов. г. Омск. Январь 1978 г.

Эта суперзадача привела его к мысли серьёзно заняться археологическим источниковедением и историографией, утвердила в понимании, что каждая категория источников должна обладать своей теоретико-методологической базой, включающей теорию и вытекающие из неё методы исследования.

Поэтому керамика, изделия из металла и дерева рассматривались им как многоплановый, комплексный, содержательный источник, несущий объёмную историческую информацию. Как Шерлок Холмс был способен своим «методом дедукции» восстановить целостную картину произошедшего события из совокупности дошедших до него деталей, несущих в себе определённую информацию, так и Игорь Геннадьевич по фрагменту керамики мог многое сказать о технологии его производства, о мастере-изготовителе и эпохе появления на свет...



И.Г. Глушков — выпускник Омского государственного университета. г. Омск. Июль 1980 г.

И.Г. Глушков в археологической экспедиции на могильнике Сопка 2. Новосибирская область. 1980-е гг.

Однако привычные методы и приёмы археологического научного поиска уже не могли удовлетворить запросы молодого активного археолога с широким кругозором и не менее широкими интересами в области древних, средневековых и традиционных культур Сибири. Поэтому в изучении

технологии древних производств (гончарство, металлургия, домостроительство), которая всегда привлекала исследователя, Игорь Геннадьевич пошёл непроторённым путём эксперимента. Сейчас уже признано, что именно ему принадлежит право пионера в становлении экспериментальной археологии в Сибири, пишут о школе Глушкова в этом направлении, но в 1980-е — нач. 1990-х гг. все просто с интересом наблюдали за ходом и итогами этого нового сектора в сибиреведении. На протяжении нескольких лет на базе археологических экспедиций на р. Тром-Аган и оз. Арантур сотрудники созданной и руководимой И.Г. Глушковым лаборатории экспериментальной археологии строили лодки и жилища, моделировали процессы изготовления глиняной посуды и тканей, строгали дерево и плавили металл... В ходе экспериментов подтверждались одни гипотезы и появлялись новые.

И.Г. Глушков в археологической экспедиции на р. Быстрый Кульёган. Сургутский р-н ХМАО — Югры. 2002 г.

При этом Игорь Геннадьевич очень хорошо понимал: помимо научных выводов о реконструкции древних производств, имеется и иной позитивный итог — рост профессионального уровня участвующих в этом процессе специалистов. Археологу, который приобрёл определённый «жизненный опыт» общения с той или иной категорией вещей, в дальнейшем будет намного проще понять традиционные технологии и стоящие за ними формы культуры. Не случайно многие из участников тех экспериментальных экспедиций связали свою жизнь с наукой, а жена Игоря Геннадьевича — Тамара Николаевна Глушкова, тоже археолог со студенческой скамьи, защитила докторскую диссертацию, стала единственным в Западной Сибири высококлассным специалистом в изучении археологического текстиля и в определённой степени — продолжателем дела своего мужа.

И.Г. Глушков в Лаборатории по изучению традиционных систем жизнеобеспечения народов Севера СурГПУ. г. Сургут. Сентябрь 2006 г.

И.Г. Глушков. Таиланд. Март 2008 г.

И.Г. Глушков на вечере в честь своего 50-летнего юбилея. г. Сургут. 5 февраля 2008 г.

О педагогическом таланте Игоря Геннадьевича необходимо сказать особо. Он очень серьёзно, требовательно и в то же время тепло и по-доброму относился к своим ученикам. Всегда внимательно и честно оценивал их удачи и промахи, искренне радовался успехам и учил делать правильные выводы из поражений. Был идейным вдохновителем многих исследований в прямом смысле слова, потому что он умел не только инициировать и формулировать новые идеи, но и дарить их ученикам, коллегам.

Он помогал и словом, и делом, в студенте и аспиранте всегда видел коллегу. Учил, не поучая. Но никогда не потакал и не сюсюкал, а умел сделать так, что ученик решал возникшую проблему сам, а затем вместе с ним радовался достижению очередного рубежа в профессиональном росте. Такое педагогическое умение дано не каждому.

В 1995 г. Игорь Геннадьевич защитил докторскую диссертацию «Керамика как археологический источник», в которой обобщил свои многолетние исследования, в том числе и экспериментальные. Изданная год спустя монография стала настольной книгой для многих археологов. Впрочем, не только археологов. Сугубо научное, казалось бы, издание стало своего рода пособием для мастеров центров ремёсел, пытающихся работать в области традиционного гончарного производства.

В 1996 г. Игорь Геннадьевич переехал в г. Сургут, в молодой педагогической институт и занял должность сначала заведующего кафедрой истории, а затем первого проректора. Это стало точкой коренного поворота его научных интересов. Реформа образования в стране, конкуренция разных моделей высшей школы, конкретные задачи ставшего

родным вуза потребовали приложения сил, интеллекта и опыта нового проректора. И И.Г. Глушков с прежними азартом и работоспособностью окунулся в педагогические проблемы. Окунулся — и увлёкся... Обладая навыками системного научного анализа, он и здесь старался прежде всего моделировать ситуацию, а не исследовать её последствия. Потому и на новом для себя поприще Игорь Геннадьевич достиг значительных успехов, став инициатором масштабных преобразований в вузовской системе, проводником, а зачастую и автором инновационных технологий в преподавании и управлении в Сургутском педагогическом.

Археология на этом этапе его жизни отошла но второй план. Но не исчезла. Каждое лето первый проректор Глушков старался съездить в археологическую экспедицию — сначала в рамках археологических практик студентов истфака, а затем просто к друзьям-археологам. Но не это было и остаётся определяющим в связи доктора исторических наук Глушкова и археологической науки. Главное, его научный авторитет в изучении древней истории Западной Сибири был, остаётся и ещё очень долго останется незыблемым.

Игорь Геннадьевич — автор более 100 научных работ. Трудно выделить самые важные из них, можно лишь эскизно указать на этапные, отражающие творческий путь этого учёного. Его первая монография (в соавторстве с В.И. Молодиным) «Самусьская культура в Верхнем Приобье» увидела свет в 1988 г.[1] В 1992 г. (в соавторстве с Т.Н. Глушковой) была издана его вторая монография — «Текстильная керамика как исторический источник»[2]. Период увлечения экспериментальной археологией в Тобольске с 1991 по 1996 г. был означен выходом монографии[3] и трёх тематических сборников, для написания которых И.Г. Глушков собрал учёных-единомышленников со всей России — из Владивостока, Красноярска, Новосибирска, Ульяновска, Москвы и т.д.[4] Все эти издания не потеряли своей актуальности по сей день. Уже позже, в 2000 г., была издана монография «Керамика эпохи поздней бронзы Нижнего Прииртышья» (в соавторстве с Т.М. Захожей)[5]. Только что вышла в свет и пока не дошла до читателя ещё одна его книга, посвящённая обобщению многолетних исследований в сфере древних технологий[6]. Очевидно, что все сибирские археологи ждут её особо, понимая трагичную в своей простоте истину: это последняя книга И.Г. Глушкова. Не последняя на каком-то этапе жизни или научной карьеры, а вообще последняя...

Мы привыкли принимать «глушковские истины» по-разному — с любопытством, с удовлетворением, даже с полемическим задором... Первый раз эта истина воспринимается с чувством истинной скорби.

И сожаления. Сколько не успелось сделать! Сколько умных и нужных нам книг уже не выйдет из-под его талантливого пера. Сколько его завораживающих лекций не лягут строками студенческих конспектов. Сколько важных и всегда так необходимых отеческих слов не услышат его дети Олег, Евгений, Ольга и ещё не родившиеся внуки...

Есть такой афоризм, приписываемый то восточным мудрецам, то викингам: «Человек жив столько, сколько его помнят». В нём есть оптимистичная для всех творческих и вообще созидающих людей истина. По крайней мере, в отношении Игоря Геннадьевича Глушкова, он справедлив. Мы помним его слова и жесты, мы читаем написанные им строки, мы развиваем его идеи и передаём их уже совсем молодому поколению сибирских исследователей. И значит — он жив и будет жить ещё очень долго.

Служба государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Учреждение Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Центр охраны культурного наследия»

Сургутский государственный педагогический университет

ООО «Югра-Терра» (г. Ханты-Мансийск)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Молодин В.И., Глушков И.Г.** Самусьская культура в Верхнем Приобье. — Новосибирск: Наука, 1988. — 168 с.

[2] **Глушков И.Г., Глушкова Т.Н.** Текстильная керамика как исторический источник (по материалам бронзового века Западной Сибири). — Тобольск: Изд-во ТГПИ, 1992. — 130 с.

[3] **Глушков И.Г.** Керамика как археологический источник. — Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1996. — 328 с.

[4] Экспериментальная археология: Изв. Лаборатории экспериментальной археологии Тобольского пед. ин-та. — Тобольск: Изд. ТГПИ, 1991. — Вып. 1. — 181 с.; Экспериментальная археология: Изв. Лаборатории экспериментальной археологии Тобольского пед. ин-та. — Тобольск: Изд. ТГПИ, 1992. — Вып. 2. — 126 с.; Экспериментальная археология: Изв. Лаборатории экспериментальной археологии Тобольского пед. ин-та. — Тобольск: Изд. ТГПИ, 1993. — Вып. 3: Археологические вещи и некоторые вопросы источниковедения. — 132 с.

[5] **Глушков И.Г., Захожая Т.М.** Керамика эпохи поздней бронзы Нижнего Приртышья. — Сургут: Редакционный издат. центр СурГПИ, 2000. — 200 с.

[6] **Глушков И.Г., Глушкова Т.Н., Васильев В.Г.** Очерки по экологии древнейших производств. — Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. — 240 с.

И.Г. Глушков как исследователь-археолог

Т.Н. Глушкова
г. Сургут
Сургутский государственный педагогический университет

Познакомились мы с Игорем в 1976 г. перед поездкой в экспедицию на р. Иштан в Томской области — на раскопки курганного могильника железного века. Я тогда училась на истфаке Томского университета. Мой научный руководитель Владимир Иванович Матющенко переезжал в том году на работу в Омский университет, откуда и привёз в Томск группу студентов на археологическую практику. Одним из этих студентов был Игорь. Своим томским ученикам Владимир Иванович поручил довезти омичей-практикантов на автобусе до с. Иштан, где должны были состояться раскопки.

Поначалу я не выделяла Игоря из общей толпы, потому что он был такой же, как и все приехавшие омичи-юноши, — какой-то бесшабашный. После приезда в Иштан и более близкого знакомства у нас сложилась своя компания: из томичей, кроме меня, это Костя Южанинов и Валя Беляева, из омичей — очень яркие ребята Игорь, Саша Петров и Олег Чертов. И вот тогда-то я и обратила внимание на Игоря. Он оказался очень остроумным, приветливым, добрым, интеллигентным... Как-то очень по-джентльменски ухаживал за девушками. Ребята очень много рассказывали про свой Омск, называли его городом-садом и красавцем, приглашали в гости, ёрничали по поводу нашего Томска, называя его «деревней»...

Так получилось, что у Владимира Ивановича в то лето раскопок больше не случилось — он переезжал на жительство из Томска в Омск. Но была самостоятельная экспедиция в Екатериновке на р. Таре у Саши Петрова, который и пригласил нас. Туда-то с Костей и Валентиной мы и приехали в гости.

В Екатериновке у нас был индивидуальный раскоп, и сложилась очень хорошая компания. Перерывы мы устраивали, когда хотели, но работали добросовестно. Только вот жизнь там оказалась очень голодной — это была экспедиция пединститута, и деньги были выделены

какие-то совсем малые. Насколько я помню, в основном ели пакетные супы. И ещё откуда-то перепал большой ящик майонеза в маленьких стеклянных баночках. Так что каждодневной едой были хлеб и суп, заправленный майонезом. Поэтому все с нетерпением ждали банкета, традиционно устраиваемого по окончании работ, и решили для такого события украсть гуся в деревне. Инициатором этой опасной затеи был Игорь, который своим авантюрным азартом заразил всех. План был успешно осуществлён нашей дружной четвёркой, когда мы отправились в Екатериновку покупать билеты на обратную дорогу. Только вот гусю оказалось много-много лет, и даже после трёхчасовой варки в качестве главного банкетного блюда он так и не уварился. Зато впечатлений осталась масса. История с гусём случилась не потому, что народ подобрался вороватый, а по причине безденежья. О последствиях как-то не думалось. А ещё у Игоря и его друзей в ходу была поговорка: «Если от «много» отнять «немножко», то это не кража, а только делёжка».

В те годы студенты-археологи проводили по две конференции в учебном году: в ноябре — по итогам полевого сезона, где-то в марте—апреле — по результатам научной работы над курсовой либо дипломом. В том году осенняя конференция (её ещё называли «полевой») проходила в Омске, и мы — томичи — ездили туда. А в марте уже Игорь в составе омской делегации приехал к нам в Томск на «большую» конференцию.

Вот тогда мы и договорились, что летом вместе пойдём в археологическую разведку. Это была первая самостоятельная экспедиция Игоря, и он попросил помощи. Группу, помимо нас с Игорем, составили моя подружка Ирина Александровна Крайнева (тогда ещё Коркина) и Саша Петров. Это была разведка по Крутинским озёрам. Там мы нашли несколько памятников, которые позже Игорь раскопал, и эти материалы легли в основу его кандидатской диссертации.

...Если говорить о том, как Игорь пришёл в археологию, то произошло это следующим образом. Сначала он увлёкся книжками Тура Хейердала, и ему полюбилась романтика. Он рассказывал, что в шестом классе вёл дневник: читал Хейердала и делал из него выписки с последующим критическим анализом текста. Его очень вдохновляла самостоятельность выводов, и он чрезвычайно ими гордился. А в это время к ним в класс пришёл Саша Петров (он был старше Игоря лет на десять) вести археологический кружок. Всё совпало — и Игорь поехал с Сашей в свою первую экспедицию. С тех пор и почти до

конца своей жизни Игорь каждое лето пусть ненадолго, но обязательно выезжал в поле, которое его притягивало, словно магнит.

В становлении и развитии И.Г. Глушкова как учёного-археолога я бы выделила, пожалуй, четыре этапа.

Первый этап (1975–1980 гг.) – это студенческий период, время поиска и самоопределения, когда Игорь занимался всем. Свою первую курсовую он писал у этнографа Н.А. Томилова, потому что археолога В.И. Матющенко тогда ещё не было в Омске. Курсовая называлась «Жилище» и предполагала включить в себя о жилище буквально всё. Игорь не мог этого понять. Будучи человеком думающим, исследователем, он уже тогда понимал, что для исследовательской работы эта тема слишком широка. Однако курсовую написал и защитил.

А когда появился Владимир Иванович, Игорь увлёкся палеоэкономикой, стал разрабатывать новые для себя и для науки вопросы. Потом писал работы уже на материалах конкретных археологических памятников, которые раскапывались им самим либо омскими коллегами. Позже, когда мы с ним познакомились и поженились, он увлёкся историографией и методологией археологии. В итоге диплом он защитил именно по историографии и методологии археологического исследования. Этот диплом, насколько я знаю, до сих пор пользуется спросом у студентов в Омском университете.

С итогами своих научных изысканий Игорь выступал на конференциях самого разного уровня. Он был победителем региональной археолого-этнографической студенческой конференции в 1979 г., после которой в качестве одного из представителей от Сибири был отправлен в Москву на Всесоюзную археологическую студенческую конференцию.

Этот этап – годы погружения в археологию, творческих исканий, обретения актуальной тематики – сам Игорь оценивал как положительный жизненный опыт его знакомства именно с теорией археологического исследования, поскольку был убеждён, что для хорошего археолога недостаточно знать один только эмпирический материал. Забегая вперёд, надо сказать, что для самого Игоря, как для исследователя, в археологии всё сложилось очень удачно: были и работа с конкретным материалом (самостоятельные раскопки, сбор артефактов, их анализ и обобщение), и теоретическое осмысление многих актуальных проблем археологии кон. XX в.

Второй этап (1980 – нач. 1990-х гг.). В 1980-м Игорь закончил университет, и мы с ним на два года поехали в д. Тевриз Омской обл. по распределению. Там началась педагогическая работа Игоря. Он

работал в школе, вёл английский язык и историю одновременно, потому что школа была маленькой, нагрузки всем не хватало. Кроме этого, он вёл в школе археологический кружок и ездил на раскопки. В это время постепенно определилась актуальная для него тематика — археология Западной Сибири эпохи бронзы. Это, собственно говоря, та область научных интересов, где он достиг наибольших успехов и где до сих пор является одним из признанных лидеров сибирской археологии.

Он рассматривал вопросы культурогенеза самусьской культуры (в частности, связи самусьской культуры и южноиранских этносов и культур, которые существовали в глубокой древности), связи между Западной Сибирью и иранским миром в эпоху бронзы и т. д. Тогда же определился наиболее предпочтительный для Игоря источник — керамика. Он освоил статистический метод обработки этого самого массового для памятников эпохи бронзы источника, методы типологии, классификации и аналогии. Это классические для традиционной археологии способы изучения древних культур по керамике, и Игорь овладел ими в совершенстве, творчески применяя и получая хорошие результаты в изучении древней истории Прииртышья.

В 1982 г. Игорь поступил в аспирантуру, в мае 1986 г. защитил кандидатскую диссертацию и статуировался как исследователь. На тот момент он уже стал таким учёным, с которым начали считаться «взрослые» археологи. Например, Юрий Фёдорович Кирюшин, когда писал свою докторскую диссертацию, приезжал в Омск, чтобы согласовать с Игорем какие-то отдельные аспекты проблематики бронзового века Западной Сибири. В 1988 г. вышла его первая монография «Самусьская культура в Верхнем Приобье» (в соавторстве с В.И. Молодиным)[1].

Третий этап (нач. 1990-х — нач. 2000-х гг.). Это был период, когда Игорь увлекся экспериментальной археологией, — его всегда влекло что-то новое. После окончания аспирантуры он примерно полгода вёл археологический кружок в омском Доме пионеров. Он начал заниматься со школьниками (как он говорил, «с пионерами») экспериментальной археологией, чтобы как-то увлечь ребятишек. В конце концов, он и сам увлёкся этим и начал экспериментировать — прежде всего, с керамикой. Позже, уже в Тобольске, где мы прожили 10 лет — с 1986 по 1996 г., он организовал Лабораторию экспериментальных исследований и втянул в эту деятельность, по сути, всех, кто занимался археологией в Тобольском государственном педагогическом институте. Были созданы три бригады —«керамисты» (сам Игорь, Н.Ю. Адамова, Т.Н. Собольникова, студенты), «ткачи» (я, Т.М. Захожая, студенты)

Т.Н. Глушкова и И.Г. Глушков на вечере в честь 50-летнего юбилея Игоря Геннадьевича. г. Сургут. 5 февраля 2008 г.

и «деревообработчики» (В.Г. Васильев, В.Ф. Емельянов, Н.В. Старцев и др.). Последние, помимо работы с деревом различными способами (возведение построек, изготовление лодок из кедра с помощью выжигания и т. п.), экспериментировали и с бронзолитьём — изготавливали кельты, другие орудия труда.

Его очень привлекала эта область деятельности, в которой он плодотворно работал где-то в 1992—1999 гг. Ещё в 1984 г. он попытался попасть на стажировку в отечественный центр экспериментальной археологии — к Г.Ф. Коробковой в Ленинград, но стажировка не состоялась по семейным обстоятельствам. Однако интерес был так силён, что Игорь самостоятельно освоил этот новый для себя вид деятельности и смог в последующем сделать серьезные открытия в этой области. В тот период он познакомился с переводной американской литературой по экспериментальной археологии и этноархеологии, поскольку именно в США эти научные направления активно развивались с сер. 1960-х гг. Помимо переведённого на русский язык, что-то он переводил сам, что-то заказывал переводчикам. Почерпнув у американцев какие-то идеи, он не только воплотил их в своей конкретной экспериментальной деятельности, но где-то пошёл значительно дальше. Он проводил очень много самых разных экспериментов, и все работавшие с ним тоже были чрезвычайно увлечены этой тематикой. Экспериментальная работа дала всем её участникам живое понимание

самого процесса лепки керамики, ткачества и плетения, строительства жилища и т. д.

Итоги этих работ легли в основу докторской диссертации Игоря, которая была посвящена изучению керамики как исторического источника (1995 г.), были обобщены в нескольких монографиях[2]. На тех материалах по экспериментальным технологиям в последующем была защищена не одна диссертация: моя — по ткачеству, Н.Ю. Адамовой и Т.Н. Собольниковой — по керамике, В.Г. Васильева — по деревообработке и домостроительству.

Надо сказать, что где-то в 1996—1997 гг. на одном из итоговых совещаний Института археологии и этнографии Сибирского отд-ния РАН было публично признано, что в Тобольске, а потом в Сургуте образовалась самостоятельная этноархеологическая экспериментальная школа, которую возглавил И.Г. Глушков. Позже это нашло отражение и в историографии[3].

Четвёртый этап (2000-е гг.). Его можно представить как время увлечения Игоря проблемами педагогики высшей школы.

В 1996 г. мы перебрались в Сургут. Здесь уже не было таких больших экспериментальных экспедиций, студенты частично во время своих археологических практик выполняли экспериментальную работу. Игорю в какой-то момент стало скучно заниматься тем, что он себе хорошо представлял, и постепенно он начал отходить от археологии. Он говорил, что ничего по-настоящему нового в археологии уже не откроет — ну, ещё один памятник раскопает, ещё одну книжку напишет... Всё это будет повторением того, что уже было.

Занимая должность первого проректора Сургутского государственного педагогического университета, Игорь как-то потихонечку всё больше и больше начал заинтересовываться вопросами, связанными с педагогикой, образованием. Игорь считал, что современное образование — это такая огромная проблема, которую интересно решать. У него даже появилась мысль написать вторую докторскую диссертацию — на этот раз по педагогике, но потом он всё-таки решил, что в этом нет смысла. Однако он очень много читал самой разнообразной литературы по современному образованию. Собственно говоря, все те реформы, которые он провёл в Сургутском государственном педагогическом университете, базировались на его интересе к этой теме. Такой уж он был человек — мог заниматься только тем, что ему было интересно, что вызывало азарт.

Об Игоре сложно говорить в прошедшем времени — как-то не верится, что его больше нет. Он жив — в детях, в делах, в книгах, статьях,

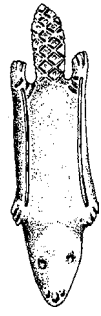
нашей памяти. Умный, масштабный, бесконечно добрый, искренний, родной, любимый, дорогой человек.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] **Молодин В.И., Глушков И.Г.** Самусьская культура в Верхнем Приобье. — Новосибирск: Наука, 1988. — 168 с.

[2] **Глушков И.Г., Глушкова Т.Н.** Текстильная керамика как исторический источник (по материалам бронзового века Западной Сибири). — Тобольск: Изд-во ТГПИ, 1992. — 130 с.; **Глушков И.Г.** Керамика как исторический источник. — Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1996. — 328 с.

[3] **Матющенко В.И.** Триста лет истории сибирской археологии. — Омск: Изд-во ОмГУ, 2001. — Т. II. — С. 38, 143.



Список сокращений

АН	Академия наук
АООТ	акционерное общество открытого типа
БИИКФ	Библиотечно-информационный историко-культурный фонд
В	восток
ВООПИК	Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
вост.	восточный (—ая, —ое)
ВСВ	восток — северо-восток
втор. пол.	вторая половина
втор. четв.	вторая четверть
вып.	выпуск
выс.	высота
ВЮВ	восток — юго-восток
г.	год (в зависимости от контекста)
г.	город (в зависимости от контекста)
гг.	годы
геогр.	географический (—ая, —ое)
ГИМ	Государственный Исторический музей
глуб.	глубина
ГУТО ГА в г. Тобольске	Государственное учреждение Тюменской области: Государственный архив в г. Тобольске
докт. ист. наук	доктор исторических наук
дис.	диссертация
докл.	доклад (—ы)
доп.	дополнительный
ед.	единица
З	запад
зам.	заместитель
зап.	западный (—ая, —ое) (в зависимости от контекста)
зап.	записки (в зависимости от контекста)
ЗСЗ	запад — северо-запад
ЗЮЗ	запад — юго-запад
ИАК	Императорская Археологическая комиссия
ИА АН СССР	Институт археологии Академии наук Союза советских социалистических республик
ИА РАН	Институт археологии Российской академии наук
изв.	известия
изд-во	издательство
ИИА УрО РАН	Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук
ИИМК	Институт истории материальной культуры
ин-т	институт
исслед.	исследование (-ия)
канд. биол. наук	кандидат биологических наук
канд. ист. наук	кандидат исторических наук
кон.	конец
конф.	конференция
лев.	левый (—ая, —ое)
мат-лы	материалы
междунар.	международный (-ая, -ое)

Миннац	Министерство Российской Федерации по делам национальностей и региональной политике (с 10.01.1994. до 04.03.1996.); Министерство Российской Федерации по делам национальностей и федеративным отношениям (с 04.03.1996. до 30.04.1998.); Министерство национальной политики Российской Федерации (с 22.09.1998. до 25.05.1999.); Министерство по делам федерации и национальностей Российской Федерации (с 25.05.1999.)
МО	муниципальное образование
м/р	месторождение
МУ	муниципальное учреждение
МУ ИКНПЦ	Муниципальное учреждение «Историко-культурный научно-производственный центр»
науч.	научный (—ая, —ое)
науч.-инф.	научно-информационный (—ая, —ое)
науч.-практ.	научно-практический (—ая, —ое)
«НАЦ «АВКом — Наследие»	«Научно-аналитический центр «Ауди-визуальные коммуникации — Наследие»
нач.	начало
НИР	научно-исследовательская работа
НПЦ	научно-производственный центр
ОАК	Отчёт Императорской Археологической комиссии
ОАО	открытое акционерное общество
обл.	область
ОГУК	областное государственное учреждение культуры
оз.	озеро
ОИ КИО	обь-иртышская культурно-историческая общность
окрисполком	окружной исполнительный комитет
ОмГУ	Омский государственный университет
ООО	общество с ограниченной ответственностью
отд. вып.	отдельный выпуск
отд-ние	отделение
п.	посёлок
пгт.	посёлок городского типа
перв. пол.	первая половина
перв. треть	первая треть
перв. четверть	первая четверть
ПНИАЛ УрГУ	Проблемная научно-исследовательская археологическая лаборатория Уральского государственного университета
посл. треть	последняя треть
прав.	правый (—ая, —ое)
РАН	Российская академия наук
р-н	район
с.	село
С	север
сб.	сборник
СВ	северо-восток
сев.-зап.	северо-западный (—ая, —ое)
сер.	середина
СЗ	северо-запад
сн.	снято
совдеп	совет депутатов
СО РАН	Сибирское отделение Российской академии наук
СПбГУ	Санкт-Петербургский государственный университет
ССВ	север — северо-восток
ССЗ	север — северо-запад

СССР	Союз советских социалистических республик
СурГПИ	Сургутский государственный педагогический институт
СурГПУ	Сургутский государственный педагогический университет
США	Соединённые Штаты Америки
табл.	таблица
ТГПИ	Тобольский государственный педагогический институт
тов.	товарищ
Тобгосмузей	Тобольский государственный музей
Тобокрзу	Тобольское окружное земельное управление
Тобокруг	Тобольский округ
Тобсевер	Тобольский Север
ТПП	территориальное производственное предприятие
тр.	труды
тыс.	тысяча (в зависимости от контекста)
тыс.	тысячелетие (в зависимости от контекста)
тузрик	туземный районный исполнительный комитет
тузсовет	туземный совет
ТюмГУ	Тюменский государственный университет
УАЭ УрГУ	Уральская археологическая экспедиция Уральского государственного университета
УрГПУ	Уральский государственный педагогический университет
УрГУ	Уральский государственный университет
УрО РАН	Уральское отделение Российской академии наук
УчМАЛ	Учебно-методическая археологическая лаборатория
уч.-мет.	учебно-методический (—ая, —ое)
ХМАО	Ханты-Мансийский автономный округ
шир.	ширина
экз.	экземпляр (—ы)
Ю	юг
ЮВ	юго-восток
юго-вост.	юго-восточный (—ая, —ое)
ЮЗ	юго — запад
юго-зап.	юго-западный (—ая, —ое)
южн.	южный (—ая, —ое)
UNESCO (ЮНЕСКО)	United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры)
ЮЮВ	юг — юго-восток
ЮЮЗ	юг — юго-запад
ЯАЭ	Ямальская археологическая экспедиция
ЯНАО	Ямало-Ненецкий автономный округ

Содержание

Проблемы историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

Приказ Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 29.12.2008 г. № 81-ПП «Об утверждении списка вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность» 4

Приложение: Список вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность 5

Приказ Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 28.01.2009 г. № 10-ПП «Об утверждении списка вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность» 15

Приложение: Список вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность 16

Ю.И. Кизнер. Управление культурным наследием как управление по ценностям для развития территории 19

С.Н. Молчанов. Из практики зарубежных стран по сохранению культурного наследия 24

В.М. Костомаров. Проблемы определения границ культурного слоя объектов археологического наследия георадарным методом 30

В.Н. Адаев. Из опыта проведения этнологической экспертизы в Урало-Сибирском регионе 35

Изучение историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры

Ю.В. Ширин. Остатки средневекового котла из Усть-Полуя 44

А.В. Бауло. «Синий туман, голубоватый дым» (к вопросу о письменных источниках XVIII в. по истории северных групп хантов и манси) 53

В.В. Сумин. Антропоморфные личины на деревьях в бассейне р. Тукан 64

А.А. Рудь, М.Ю. Баранов, И.С. Чарусова. Материалы по погребальной обрядности ханты среднего течения р. Малого Югана в Сургутском районе ХМАО — Югры 71

А.В. Гордиенко. Археологические исследования С.К. Патканова в Тобольском округе Тобольской губернии 80

А.В. Носкова. Охрана археологического наследия в Тобольском округе и научное краеведение в 1920-х гг. 106
Т.Н. Собольникова. Ханты-Мансийское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры: к истории становления и функционирования 110

Последние полевые сезоны: 2007—2008 гг.

С.С. Макаров, А.С. Резвый. Предварительные результаты работ Ханты-Мансийской палеолитической экспедиции на стоянке Луговское в 2008 г. 124
А.А. Погодин, П.В. Миронов. Предварительные результаты аварийных раскопок поселения Большая Умытья 57 в Советском районе ХМАО — Югры (по материалам исследований 2007—2008 гг.) 132
С.Е. Чаиркин, Н.М. Чаиркина, Б.А. Шакаев. Археологические исследования восточного склона Северного Урала (предварительные итоги) 168
Н.М. Чаиркина. Некоторые итоги и перспективы исследования торфяниково-сапропелевых отложений верхнего течения р. Конды ... 179
Т.Г. Антипина, Н.К. Панова. Ботаническая и палинологическая характеристика торфяника вблизи поселения Большая Умытья 69 ... 190
Ю.П. Чемякин. Охранные раскопки на поселении Барсова Гора II/9, или Двадцать лет спустя 198
Е.А. Юдина. Археологическая разведка в бассейне р. Минчимкина на территории Сургутского района ХМАО — Югры 214
С.Ф. Кокшаров. Раскопки Ендырского VII поселения в Октябрьском районе ХМАО — Югры в 2008 г. 217
В.Л. Доронин. Археологическая разведка на р. Ендырь в Октябрьском районе ХМАО — Югры Тюменской области 220
И.Ю. Клабуков. Результаты мониторинга двух археологических памятников Лянтора в 2008 г. 224
Т.Ю. Фефилова, Ю.П. Чемякин. Раскопки средневекового селища Сартым-Урий 16 в Сургутском районе ХМАО — Югры 229
А.В. Носкова. Раскопки могильника Тат-Ягун 48 в Сургутском районе ХМАО — Югры летом 2008 г. 249
Е.Н. Дубовцева, А.А. Ковригин. Раскопки объектов охотничье-промыслового назначения в Сургутском районе ХМАО — Югры 260
А.А. Рудь. Результаты археологической разведки 2008 г. в Сургутском районе ХМАО — Югры 271
Г.П. Визгалов, Ю.В. Балуева. Поиск Ляпинского острога (по результатам археологических исследований 2007—2008 гг.) 276
М.Н. Пальянова, П.В. Пальянов. Проблема выявления границ города Берёзова кон. XVI — XIX вв. 286

В.С. Мыглан, О.А. Жарникова Датировка памятников деревянного зодчества п. Берёзово ХМАО — Югры методом дендрохронологии ... 294
Е.А. Зайцева. Противоаварийные археологические раскопки на могильнике Горноправдинский в полевом сезоне 2008 г. (предварительные результаты) ... 302
М.Н. Пальянова. Историко-архитектурные исследования в с. Зенково Ханты-Мансийского района ХМАО — Югры ... 308

Библиографическое наследие

В.И. Краткая программа для собирания сведений о населённых местах Тобольской губернии ... 320
В.М. Новицкий. Учёт и описание богатырских мест туземцев Тоб[ольского] Севера (Краеведческая инструкция) ... 330
Древние городища ханты на Югане ... 340

Рецензия и библиография

Л.Н. Корякова. Ещё одно издание материалов Барсовой горы *(Барсова Гора: древности таёжного Приобья / Отв. ред. А.Я. Труфанов. – Екатеринбург; Сургут: Уральское издательство, 2008.)* ... 342

Юбилеи

Г.П. Визгалов. Юбилеи уральских археологов ... 346
В.В. Занина, Е.А. Юдина, Е.Н. Дубовцева. Учитель (к юбилею Любови Львовны Косинской) ... 351
Я.А. Яковлев, А.В. Гусев. Semper in motu (к юбилею Натальи Викторовны Фёдоровой) ... 357
В.Т. Ковалёва. Ю.П. Чемякин и Барсова гора (к 60-летию со дня рождения) ... 367

Некролог

«Только старых растеряли друзей...» (Памяти Игоря Геннадьевича Глушкова. 1958—2008) ... 372
Т.Н. Глушкова. И.Г. Глушков как исследователь-археолог ... 382

Список сокращений ... 389

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ХАНТЫ-МАНСИЙСКИЙ АВТОНОМНЫЙ ОКРУГ
В ЗЕРКАЛЕ ПРОШЛОГО

ВЫПУСК 7

Редактор В.С. Сумарокова
Компьютерная вёрстка ООО Фирма «Ацтек», г. Томск

+7-913-829-55-20

Подписано в печать 20.08.2009 г. Формат 60x90 1/16.
Бумага мелованная. Печать офсетная.
Печ. л. 24,75; уч-изд. л. 24,25.
Тираж 300 экз . Заказ .